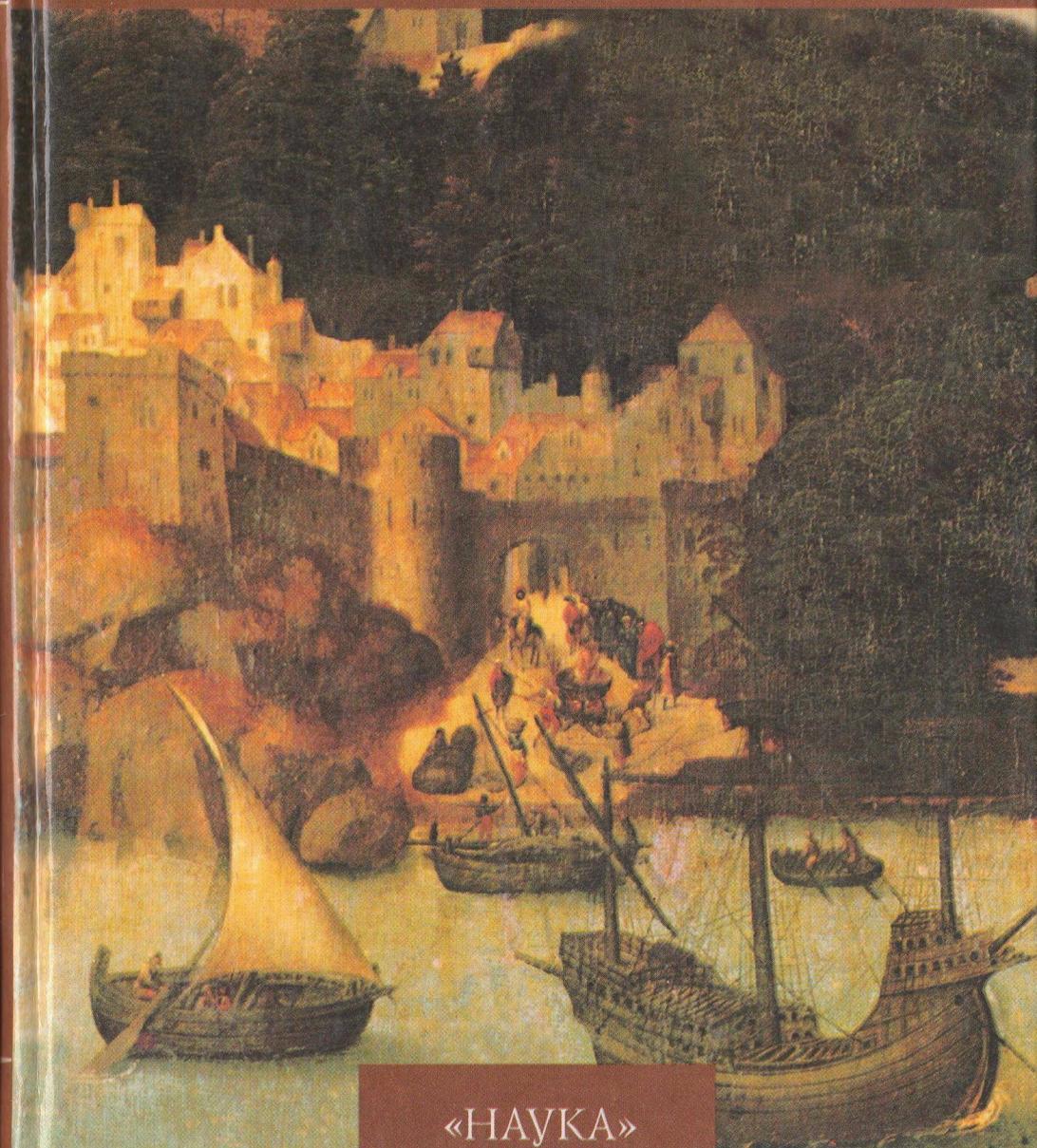

ГОРОД
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Extra muros
Город, общество, государство

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ГОРОД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Том 4

Extra muros
Город, общество,
государство

МОСКВА
«НАУКА»
2000

УДК 94/99
ББК 63.3(0)4
Г 70

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16243д*

Ответственный редактор
доктор исторических наук А.А. СВАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:
А.А. СВАНИДЗЕ, О.И. ВАРЬЯШ (ведущий редактор тома),
П.Ю. УВАРОВ, А.П. ЧЕРНЫХ

Бригадир В.Р. НОВОСЕЛОВ

Рецензенты:
кандидат исторических наук Т.П. ГУСАРОВА,
кандидат исторических наук Д.Г. ФЕДОСОВ

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4.
Extra muros: город, общество, государство. – М.: Наука, 2000. –
354 с., ил.

ISBN 5-02-010184-2 (т. 4)
ISBN 5-02-008554-5

Том посвящен внешним связям и отношениям, в которые неизбежно вступал город как общность. Книга предлагает для обсуждения важнейшие проблемы политической истории – соотношение централизации и автономии, взаимодействие властных структур разных уровней, степень участия городов как автономных единиц в общеполитических событиях – и в то же время яркими красками рисует эпизоды крестовых походов, Реконкисты и набегов викингов, в которых город играл и активную и “страдательную” роль.

Для специалистов-историков, широкого круга читателей, интересующихся гуманитарными знаниями.

ТП-2000-П-№ 10

ISBN 5-02-010184-2 (т. 4)
ISBN 5-02-008554-5

© Издательство “Наука”, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	5
ГОРОД И ГОСУДАРСТВО	
Город, бюргерство и феодальная монархия (<i>Е.В. Гутнова</i>)	8
Города и сословные собрания (<i>Е.В. Гутнова</i>)	29
Средневековый город-государство (<i>Е.В. Казбекова, М.А. Юсим</i>)	45
Парижский университет: европейский универсализм, местные интересы и идея представительства (<i>П.Ю. Уваров</i>)	51
Как горожане встречали своего сеньора (<i>М.А. Бойцов</i>)	65
Представления о свободе у флорентийских горожан (<i>И.А. Краснова</i>)	79
ГОРОД В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИЙ	
Коммуникации в городе и между городами (<i>А.Я. Шевеленко</i>)	84
Монеты. Монетное обращение. Монетные союзы (<i>Т.Ю. Стукалова</i>)	101
СОЮЗЫ ГОРОДОВ	
Ломбардская лига (<i>М.Ю. Юсим</i>)	120
Ганза (<i>Н.Г. Подаляк</i>)	125
Швабский союз городов: 1376–1389 (<i>В.Д. Балакин</i>)	150
Испанские эрмандады (<i>В.А. Ведюшкин</i>)	158
ГОРОДА В СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ ЭПОХИ	
Итальянские города между империей и папством: 1150–1250 гг. (<i>О.С. Воскобойников</i>)	167
Города “дороги франков” (<i>О.И. Варьяш</i>)	184
Города и крестовые походы.....	190
Город и горожане в государствах крестоносцев на Востоке (<i>С.В. Близнюк</i>)	195
Города и крестовые походы в прибалтийские земли (<i>В.А. Антонов</i>)	217
От крепости крестоносцев к городу: Выборг (<i>А.А. Сванидзе</i>)	229
Реконкиста и пиренейский город (<i>О.И. Варьяш</i>)	231
Города в Столетней войне (<i>С.К. Цатурова</i>)	246

Английский город в политических событиях Англии XIV–XV вв. (<i>Т.В. Мосолкина</i>)	273
Норманнская и английская колониальная экспансия в Ирландии и город (<i>М.М. Горелов</i>)	282
ЭТИ РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ, РАЗНЫЕ ГОРОДА...	
“Светлейшая” – Венеция (<i>Н.А. Селунская, С.К. Сергеев</i>)	292
Константинополь глазами западноевропейцев (<i>В.Г. Ченцова</i>)	299
Лиссабон: пиренейский город глазами современника (<i>О.И. Варьяш</i>)	305
Стокгольм: рождение столицы (<i>А.А. Сванидзе</i>)	315
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	328
О НАШИХ АВТОРАХ	339
SUMMARY	342
CONTENTS OF VOLUMES I–IV	348

К ЧИТАТЕЛЮ

“Вне стен: город, общество, государство” – четвертый том коллективного труда “Город в средневековой цивилизации Западной Европы” – завершает данное издание, общий замысел и задачи которого изложены в “Предисловии” к первому тому и вкратце сводятся к следующему. Труд представляет собой научный эксперимент группы единомышленников, задумавших по возможности максимально широко представить (прежде всего себе, но, соответственно, и читателю) город как один из основных феноменов средневековой цивилизации. Объектом рассмотрения стал западноевропейский город, где эти свойства развились в наиболее яркой форме и, как известно, наиболее изучены. В издании господствует материал XII–XV вв., когда черты изучаемого феномена обрели полную зрелость, а его роль в жизни и эволюции средневекового общества стала наиболее выпуклой. Вместе с тем, авторы не раз обращаются и к истокам городской истории средневековья. Очевидно, что речь идет не о систематическом изложении данной темы, точнее, известного ряда наиболее обычных для нее сюжетов, и не об издании типа учебного пособия, где эти сюжеты излагаются последовательно и в аксиомальной форме. Мы стремились представить средневековый город в качестве органичной, системной и системообразующей структуры средневековой цивилизации европейского Запада и, в то же время, как исторический феномен, т.е. известную ступень в вертикальном, трансисторическом развертывании урбанизационных процессов в целом.

Разумеется, мы не ставили перед собой задачу решить и даже поставить все неисследованные или спорные проблемы истории средневековых городов, понимая безнадежность такого замысла, даже если он опирается на труды всего международного сообщества урбановедов. Не ставили мы и задачу изложить итоги всех изученных аспектов темы, полагая это не интересным для специалистов. Мы скорее стремились переосмыслить уже имеющиеся традиции, наработки и подходы, чтобы выработать собственную позицию и определить те сюжеты, которые позволят нам обосновать заявленную в начале всего труда идею о сущности, месте и роли средневекового города. В результате мы постарались, во-первых, по возможности наиболее интересно и результативно (в соответствии с нашим замыслом) представить “традиционные” вопросы, стараясь акцентировать как наиболее важные, так и забытые либо не замеченные урбановедами аспекты. Во-вторых, в ходе

работы обнаружилась необходимость привлечь немало новых проблем и тем, ранее не востребованных специалистами по городской истории, либо не поставленных ими в связь с интересующими нас системными свойствами средневекового города.

В-третьих, мы предпочли смешанный жанр изложения материала. Обобщающие очерки, построенные на фактах общеевропейского или национального характера, сочетаются в труде с локальными, подчас узко исследовательскими разработками, что позволяет продемонстрировать хотя бы отдельные образцы многообразного проявления урбанизационного процесса, городской истории и роли города в важнейших и повседневных событиях средневековой эпохи. Соответственно организован и аппарат труда: каждому очерку придан небольшой список основной литературы, иногда и источников. Он не рассчитан, конечно, на “узких” специалистов, но позволяет любознательному читателю получить дополнительные сведения, необходимые справки и исходные координаты по заинтересовавшему его вопросу.

Наконец, мы сознательно формировали авторский коллектив преимущественно из отечественных специалистов, что позволило их объединить, нацелить на обобщение или пересмотр уже известного материала, на поиски новых исследовательских путей и тем в неувядающей области урбановедения.

Каждый из четырех томов издания несет свою смысловую нагрузку, от которой в известной степени зависит и сочетание общих и конкретных очерков. Так, первый том – “Феномен средневекового урбанизма” – представляет город в его основных параметрах и свойствах, включая общее вступление и краткие характеристики регионально-национальных вариантов городского развития. Здесь решительно преобладают обобщающие очерки, которым приданы единичные конкретные разработки. В последующих томах место и роль последних значительно больше. Второй том – “Жизнь города и деятельность горожан” – посвящен главным образом характеристике их занятий, преимущественно трудовых, в аспекте городской социальной системы. В третьем томе – “Человек внутри городских стен” – рассматриваются различные стороны самого городского сообщества, прежде всего факторы социального единения и социальных конфликтов, в процессе сложного взаимодействия которых развивались необходимая общность горожан и известное единение городов, с их особым местом в средневековой иерархии.

Настоящий, четвертый том играет особую роль, поскольку посвящен как раз месту и формам взаимодействия города и горожан в средневековом обществе. Здесь рассматривается проблема “город и государство” – отношения бюргерства с монархией и его место в сословных собраниях. Специфические формы политической организации городской жизни показаны на примере так называемого “города-государства” в Италии, а взаимодействие городов между собой – на материале городских союзов разного типа: монетных, торговых, политических.

Обширный раздел об участии городов и бюргерства в важнейших событиях эпохи включает весьма разнообразный, интересный и, в конечном счете, новый материал: от участия городов в крестовых походах и Реконкисте – до их позиции в борьбе империи и папства и от роли города и горожан в Столетней войне – до их участия в великих географических открытиях и средневековой колониальной экспансии.

По традиции том завершается “портретами городов”.

Он снабжен также географическим указателем к данному тому и общим списком авторов всего издания.

А.А. Сванидзе

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО

ГОРОД, БЮРГЕРСТВО И ФЕОДАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ*

Города и бюргерство возникали и развивались в рамках целостной системы средневекового общества, активно взаимодействуя не только со всеми его структурами и слоями, но и с политическими учреждениями. В городах в XI–XIII вв. складывался новый социальный слой, с особой сферой экономической деятельности, в большинстве стран Западной Европы постепенно приобретший в конце XIII – начале XIV в. статус особого сословия. Это не могло пройти незамеченным ни для господствующего класса феодалов, ни для королевской власти, которая в эти же столетия повсеместно пыталась активизировать процесс централизации. Естественно, что короли увидели в городах и бюргерстве удобных политических союзников в борьбе за укрепление своей власти и вместе с тем новый и важный источник доходов для государственной казны, столь необходимый в этой борьбе. Не случайно английский автор конца XII в., написавший трактат “Диалог о Казначействе”, – Ричард Фиц Ниль, принадлежавший к окружению Генриха II Плантагенета, писал, что горожане – “это люди, которые в отличие от всех других экономят и скаречат из всех своих сил” и поэтому могут служить неиссякаемым источником королевского обложения. Такую курицу, несущую золотые яйца, следовало не только обирать, но и в какой-то степени оберегать, прежде всего от других господ, также жаждущих доходов, от их насилий и притеснений.

Но города были нужны королевской власти и в других отношениях. Многие из них были важными военно-стратегическими центрами. Почти все наиболее значительные города были хорошо укреплены, имели внутри себя или поблизости сильный замок, принадлежавший королю (на королевском домене) или другому сеньору, где располагался военный гарнизон. В XII–XIII вв. и сами города, за исключением мелких, полуаграрных поселений, обзавелись стенами (иногда несколькими рядами стен) и тем самым получили большое военное значение. Короли охотно использовали укрепленные города своего домена как опорные пункты в своих внутренних и внешних войнах и стремились использовать для этой цели и сеньориальные города, взамен поддержки их в борьбе с их сеньорами. Поэтому короли охотно разрешали городам возводить за их счет (путем сбора особого побора – *muragium*) новые стены или ремонтировать старые. Все эти выгоды, которые

* Работа выполнена в 1990 г.

могли дать города, обеспечивали им благожелательное отношение со стороны королевской власти в этот период их самоутверждения. Недалеко во Франции в XIII в. наиболее значительные из них получают название “добрых городов”, а Людовик IX на смертном одре в поучении своему наследнику Филиппу III – согласно “Большим французским хроникам” – напоминает, что король должен соблюдать вольности и привилегии французских городов, так как “из-за силы добрых городов могущественные люди [королевства] будут бояться дурно поступать с тобой” Особую роль городов как опоры центральной власти в те же годы подчеркнул арагонский король Хайме I в письме к кастильскому королю Альфонсо X: “Два сословия в государстве должны Вы особенно лелеять и возвышать – клириков, а также жителей городов и местечек. Бог любит их больше, чем знатных, которые более, чем другие сословия, склонны к возмущению против своих господ”. Уже в XIII в. короли и их администраторы нередко рассматривают горожан как особую сословную группу. Так делает английский королевский судья Генри Брактон в своем юридическом трактате первой половины XIII в., признавая за горожанами специфические права и привилегии, отличающие их от других свободных и полноправных людей королевства. В Швеции, где городов было не так много, уже в XIII в. производится кодификация обычного права относительно городов в судебнике Биркерттен, а позднее, в середине XIV в., издается специальный “Закон городов” – как бы свод всех прав и обычаев городской жизни, что, очевидно, косвенно означает признание горожан особым сословием.

Не менее характерно, что уже в XII в. политические мыслители того времени – Гонорий Августодунский, Бернар Клервосский, Иоанн Солсберийский – начинают подправлять давно сложившуюся традиционную политическую теорию, знавшую лишь три различаемые по их функциям группы населения – клириков, воинов и трудящихся (преимущественно крестьян), новой группой – ремесленников и купцов, т.е. в основном горожан, ранее просто игнорировавшихся средневековыми теоретиками общества и государства. И если в начале XII в. у Гонория Августодунского и Бернара Клервосского эта группа осуждается за лживость, обман и считается недостойной посмертного спасения, то у Иоанна Солсберийского, писавшего в конце столетия, она признается полезной для общества, составляя вместе с крестьянами его опору – “ноги”. Еще больше говорит о росте общественной значимости бюргерства то обстоятельство, что в XIII и особенно в XIV в. конституируется в большинстве стран Западной Европы и представительство от городов в сословных собраниях (см. ниже).

Со своей стороны и горожане со времени их превращения в особый и все более усиливающийся экономически слой изначально тяготели к королевской власти. В ней они видели силу, способную как-то защитить их от притеснений отдельных сеньоров, а также от всяческих затруднений в развитии ремесла и торговли как внутри страны, так и во вне ее, обеспечить им, пусть за соответствующую мзду, возможность относительно свободной экономической деятельности, блага городско-

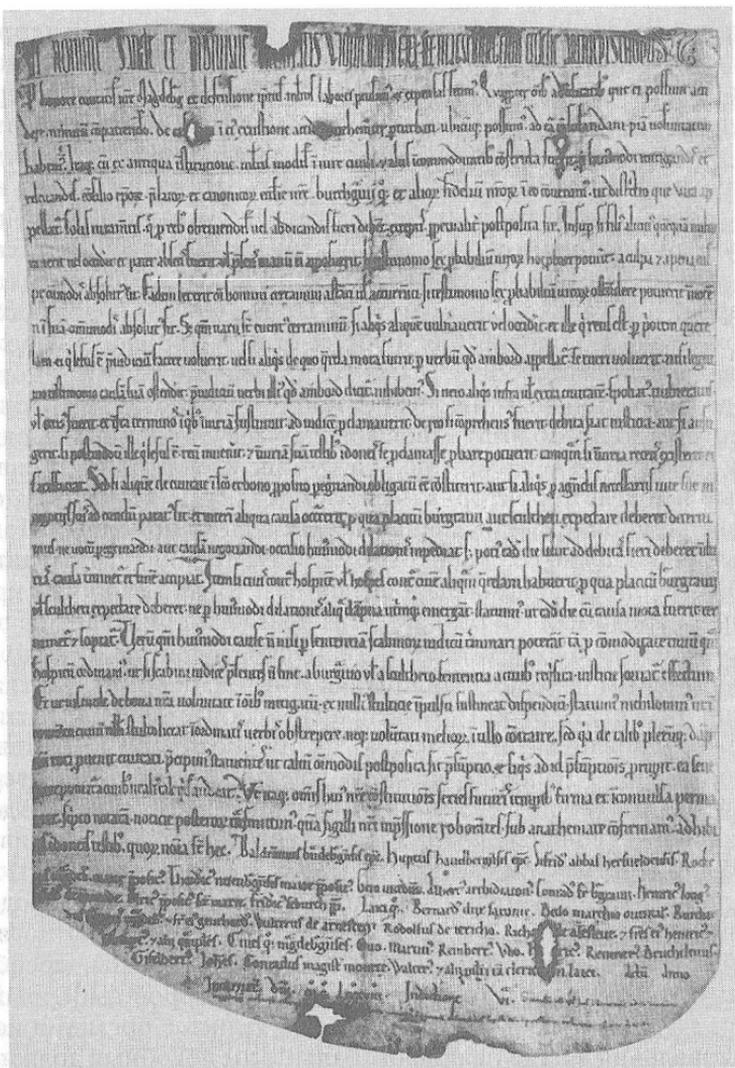
го самоуправления, унификацию мер и весов и т.п. Уже к середине XIII в. французские города осознавали свое значение в поддержке королевской власти как одной из важных ее опор. По словам “Больших Французских хроник”, говоря о помощи, оказанной ими Людовику IX в борьбе против знатных господ в его малолетство, горожане полагали, что король правильно обратился за помощью к коммуна, “поскольку они могут дать столько добрых людей, чтобы те обеспечили безопасность короля”. Свою заинтересованность в помощи короля в виде дарования новых “обычаев” – фуэро городским общинам проявляли города Кастилии. В Португалии некоторые сеньориальные города (например, Порту) в борьбе за свои городские вольности настойчиво домогались того, чтобы перейти под руку короля как своего заступника против ненасытного сеньора.

Даже в Германской империи, где центральная власть была относительно слабой, многие сеньориальные города – Вормс, Шпайер, Аугсбург – искали у императора Генриха I, Фридриха Барбароссы, Филиппа Швабского помощи в борьбе за получение тех или иных вольностей от своих сеньоров. Подобная позиция французских и английских городов широко известна.

Итак, первое, что бросается в глаза при анализе взаимоотношений городов и бюргерства с королевской властью – это наличие довольно устойчивого союза между ними. Это было подмечено еще в начале XIX в. многими историками (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле, Г. Галлами и др.), и вплоть до середины XX в. этот союз рассматривался как главная или даже единственная социально-политическая связь между городами и феодальным государством. Исследования последних десятилетий, значительно расширившие и географический ареал изучения и представления о разных сторонах этих довольно сложных связей, позволяют во многом уточнить природу этого “союза” и присущие ему глубокие противоречия.

Выявляется, что общая для всей Западной Европы тенденция к такому союзу очень по-разному преломлялась в разных странах, а также что повсеместно характер союза заметно изменялся в ходе эволюции феодального общества. Оказывается, таким образом, что под общим понятием “союза” скрывается в действительности сложная гамма отношений, в которой в зависимости от специфики каждой страны, временного фактора и даже конкретной политической ситуации звучат разные ноты.

Раньше, когда города в Западной Европе только набирали силу и, одновременно, с большими трудностями шел процесс государственной централизации (XI – середина или конец XIII в.) союзные отношения между городами и центральной властью были наиболее прочными. Обе стороны нуждались в этом союзе. Городам нужна была для дальнейшего развития хоть какая-то степень независимости от сеньоров, а королевская власть была заинтересована в том, чтобы вырвать их из-под полного господства последних, опереться на города в политике и, что не менее важно, – извлечь из них как можно больше денежных доходов. В развернувшейся в этот период повсеместно в Западной Европе борьбе

Городская привилегия г. Магдебургу. 1188 г.

городов с сеньорами за муниципальные вольности (см. т. 1) королевская власть в той или иной степени поддерживала города. В большинстве стран региона она охотно даровала им королевские хартии-привилегии, освобождающие город от повседневного контроля сеньоров.

Хартии (Англия, Франция, Германия), сходные с ними фуэро в Кастилии, Арагоне, Каталонии или форалы в Португалии, “бrevet” (письмо) в Швеции при всей специфичности условий каждой страны, были очень сходны по содержанию. В разной пропорции они включали в себя прежде всего самые элементарные экономические привилегии – права свободной торговли на городском рынке и право иметь та-

кой рынок, иногда право беспопытной торговли на всей территории страны или отдельных ее областей, свободу от всех или части сеньориальных поборов. В некоторых случаях (особенно в Англии и Франции) города пользовались правом самообложения (в Англии – право “фирмы”), с помощью которого они могли быть свободны от повседневного вмешательства сеньора и даже короля в раскладку и сбор налогов внутри города. В этих случаях город ежегодно уплачивал в казну определенную оговоренную сумму, которая раскладывалась городским муниципалитетом между горожанами. Такое право представляло собой нечто вроде фискального иммунитета. Почти во всех городских хартиях, в том числе и королевских, повсеместно в Европе за горожанами признавалась личная свобода (в них реализовался обычай – “городской воздух делает свободным”) и ряд судебных привилегий. Наиболее ценной из них было право иметь свой городской суд, а во многих случаях и свободу горожан от привлечения к суду “вне стен города”, т.е. в сеньориальные и другие территориальные земские суды. (При этом, однако, право апелляционной юрисдикции оставалось за королем.) Подобные судебные привилегии означали одну из форм судебного иммунитета городов. Более престижными, даровавшимися только наиболее крупным и богатым городам, были разного рода права самоуправления: выборы ряда должностных лиц, в частности мэров, а иногда и королевских представителей в городах (бейлифов в Англии, например) и главное – городского совета (см. т. 1). Как правило, более или менее широкие права самоуправления, наивысшую форму которого представляли в Западной Европе (если не считать города-государства Северной и Средней Италии) города-“коммуны” Франции, имперские и отдельные сеньориальные “вольные города” Германии, а также Фландрии и Брабанта, были не столь уж часты. Такие политические привилегии даровались лишь наиболее крупным и экономически сильным городам. Изначально в тех странах, где королевская власть была относительно сильной, а города, напротив, не очень могущественны, преобладала смешанная форма городского управления, в которой выборный муниципалитет – мэр и городской совет – сочетались с органами королевского управления в лице бейлифов, бальи и им подобных должностных лиц. В этих случаях правительство через своих агентов постоянно вмешивалось во внутреннюю жизнь города. Королевские должностные лица контролировали деятельность городских судов, иногда получали долю взимавшихся ими штрафов, иногда имели свои особые суды для определенных категорий населения. Через этих агентов король собирал с горожан следуемые ему налоги и поборы, независимо от органов самоуправления. Выборы мэров, а иногда и других должностных лиц контролировались королем: из нескольких кандидатов, представленных городской общиной, он мог выбирать угодного себе.

Такая форма управления существовала даже во многих крупных городах Англии, включая Лондон, Кастилии, Арагона, Каталонии, Сицилийского королевства. Во Франции, которая долгое время считалась в литературе страной городских вольных коммун, в действительности

множество городов, особенно тех, что располагались на королевском домене, в том числе и Париж, находились под смешанным управлением. Оно было характерно также для большого количества городов Северной и Западной Франции, положение которых регулировалось так называемыми “Руанскими установлениями”. Самоуправляющиеся коммуны на севере Франции и консулаты на ее юге составляли лишь меньшинство французских городов. В Англии, где коммун практически не было (если не считать кратких периодов в истории Лондона), городские политические привилегии распространялись далеко не равномерно. К 1307 г. только 14 из 278 городов страны имели право на выборный городской совет, 35% пользовались правом самообложения (“фирмы”) и иммунитетом в отношении королевских должностных лиц, 31% могли избирать своих мэров и олдерменов (с утверждением короля), 48% имели свой особый городской суд. Полноправные жители других городов пользовались только статусом свободных людей и рядом чисто экономических привилегий.

Сходна была и политика центральной власти по отношению к городам Кастилии. С одной стороны, в условиях Реконквисты, короли охотно основывали новые города как опорные пункты на подвижной границе, даруя им фуэро с многими привилегиями, часто даже безвозмездно. Но, с другой стороны, она сохраняла весьма действенный контроль над ними. Кастильская корона во второй половине XIII в., особенно в лице Альфонсо X Мудрого стремилась сделать города орудием своей политики. Особое положение во всех странах, включая и Германскую империю, занимали домениальные города, сеньором которых был сам король. Это, с одной стороны, давало им некоторые преимущества: большее обеспечение горожан правами и порядком, более легкий доступ к менее произвольному, чем частно-сеньориальное, верховному правосудию и лично королю, защиту от угроз и насилий соседних сеньоров, их экономических интересов против других городов и иностранных контрагентов. Вместе с тем, политические права и привилегии королевских городов, за исключением Германии, были обычно более ограниченными, чем у крупных сеньориальных городов, государи избегали даровать им сколько-нибудь широкую политическую автономию, держали их под смешанным управлением. Их поборы с таких городов нередко были более тяжелыми, поскольку потребности и аппетиты королевского двора были более значительны. По мере роста государственных расходов росли и эти аппетиты, и даже в пору, когда еще не сложилась единая система государственных налогов, королевские города зачастую несли особенно тяжелые поборы, которым труднее было сопротивляться.

Итак, даже в период расцвета союзнических отношений между городами и королевской властью последняя осуществляла этот союз довольно осторожно, ревниво оберегая свои права в городах, особенно домениальных. Такая тенденция проявлялась и в других отношениях. В то же время королевская власть в этот период оказывала городам немало услуг, особенно в тех странах, где к этому времени она была дос-

таточно сильна. Она не только обеспечивала даже малые города, не говоря о больших, необходимыми им, пусть скромными, экономическими привилегиями. В Англии, например, она способствовала установлению единства мер и весов (35 статья “Великой хартии”), регламентировала качество и цены наиболее ходких товаров, пытаясь упорядочить денежное обращение (статут 1299 г. о неполноценной монете), кредитные операции (статуты о “купцах” 1283 и 1285 гг.), защищала торговые пути внутри страны (Уинчестерский статут 1285 г.), обеспечивала действие общегосударственного права, служившего основой сохранения “королевского мира” в государстве (реформы Генриха II, законодательство Эдуарда I), нередко защищала интересы английских купцов за границей. Аналогичные действия в этих направлениях, хотя и не всегда столь последовательные, как в более централизованных Англии или Швеции, делались повсеместно, даже в Германии. Таким образом, города получали несомненные выгоды от процесса государственной централизации и поэтому, как правило, его поддерживали. Готовы они были и платить короне за оказываемые ею услуги. Наряду с крестьянами, горожане были главным объектом всяческих поборов и налогов в пользу короля (феодалы, как правило, не подлежали регулярному обложению). По мере развития общегосударственной фискальной системы – этой материальной базы средневековой государственной централизации – города, чем дальше, тем больше занимали в ней важное место. Развитие этой фискальной системы в XIII–XIV вв. было одним из важных проявлений формирования в странах Западной Европы новой формы феодального государства – сословной монархии. Основное содержание этого политического процесса составлял переход от сеньориальных, патримониальных средств королевского управления к новым – публичным. Наиболее яркими его проявлениями были установление прямых связей короны со всеми жителями королевства, создание общегосударственных права и судебной системы, замена феодальных ополчений королевских вассалов системой постоянной, в значительной части наемной армии и соответственно создание необходимых для обеспечения всего этого единой общегосударственной структуры налогов и централизованного фискального аппарата. Финансовая эксплуатация городов была важным звеном в становлении этой фискальной системы.

Впрочем, еще до ее формирования в XIII–XIV вв. поступления с городов составляли заметную долю в доходах королевской казны. В Англии, Франции, Кастилии, Арагоно-Каталонском королевстве и даже в Германской империи города, расположенные на домене, обязаны были нести поборы сеньориального типа. К ним можно отнести произвольную талью (в Англии или Франции), которую по воле короля должны были платить все неблагородные жители его доменов. В пользу короны поступала со всех городов, имевших хартии, часть судебных штрафов и рыночных и других доходов с торговли. Домениальные города часто обязывались выставлять в случае войны отряды воинов или вспомогательного персонала, а иногда снаряжать за свой счет корабли

с обслуживавшей их командой. Немалые доходы в XI–XIII вв. имела корона от дарования городских хартий и их возобновления, что почти всегда было связано с получением денег от городов, и притом не только домениальных. Большие доходы в Англии, например, составляла фирма городов, ежегодно вносившаяся в казначейство. И в этом случае дело касалось не только домениальных, но и наиболее крупных сеньориальных городов, если они получали хартию от короля. Такого рода обычные или традиционные платежи имели место в Кастилии, в имперских и вообще домениальных городах в Германии. По мере усиления королевской власти центр тяжести обложения городов стал переноситься на новые общегосударственные налоги. Раньше, чем в других странах, такие налоги утвердились в Англии, где уже в середине XIII в. появляются, а к концу этого столетия прочно утверждаются прямые экстраординарные налоги на движимость в виде определенной доли от оцененного движимого имущества каждого горожанина. Последние распространялись на все города, независимо от их принадлежности королю или другим сеньорам, поскольку основывались не на сеньориальных отношениях, но на подданстве королю всех жителей страны. Квота каждого такого налога устанавливается для городов в большем размере, чем для сельских местностей. Исходя из более высоких доходов горожан, с начала XIV в. она, как правило, определяется в размере $\frac{1}{10}$ для городов, $\frac{1}{15}$ для сельских местностей. Наряду с прямыми поимущественными налогами возникает общегосударственная система косвенных налогов. В 1275 г. в Англии устанавливаются единые для всей страны пошлины на импорт и экспорт, которые своей главной тяжестью ложились на городских жителей.

В дальнейшем, вплоть до 60-х годов XIV в. английские короли вели политику повышения этих ранее установленных пошлин, пытаются по своему произволу дополнять их “новыми”, более высокими платежами, получившими в народе название “дурных” пошлин. Новые общегосударственные налоги лишь постепенно вытесняли старые: произвольная талья, например, перестала собираться в Англии с городов только в начале XIV в., а фирмы и все прочие названные выше поборы сохранялись и позже. Тяжелым бременем для английских городов в XIII–XV вв. были постоянно практиковавшиеся королевской администрацией безвозмездные захваты продовольствия и других товаров для нужд двора и королевской армии, особенно во время войны.

Во Франции система общегосударственных налогов стала складываться несколько позднее, в самом конце XIII в., при Филиппе IV Красивом, и приобрела законченную форму только в XV в. Важным стимулом для введения прямого общегосударственного налога явилась необходимость обеспечения постоянной армии, сопровождавшаяся выкупом военной повинности, которая затем переросла в налог не только с военнообязанных, но и со всех жителей королевства. Переходную форму такого прямого налога составлял “фуаж”, “почажный сбор”, практиковавшийся во Франции уже с конца XIII в. и собиравшийся в доле стоимости имущества или дохода с каждого “очага”. Как и в Англии,

квота этого налога с горожан была выше, чем с сельских жителей, при том, что во Франции, в отличие от Англии, духовенство и дворянство налогом не облагались. С конца 80-х гг. (после волны крестьянских и городских восстаний, направленных в том числе и против тяжелых налогов) главной формой общегосударственного налога становится талья (уже не домениальная, а всеобщая), которая, исходя из заранее фиксированной общей суммы налога, затем распределялась по провинциям, округам, приходам, городским и сельским общинам. Прямой налог, как и в Англии, дополнялся системой косвенных налогов. Наиболее важным из них был “эд” – пошлины со всех продаваемых товаров в первый, шестой, восьмой–девятый, а позднее 12-й день с ливра, – начало которому было положено тоже Филиппом IV и который естественно наибольшей тяжестью ложился на города. К числу эд относились и королевские пошлины на ввоз и вывоз. Одной из разновидностей косвенных налогов была знаменитая “габель” – налог на соль в пользу короля, достигавший 20% ее продажной цены. С конца XIV в. габель окончательно утвердилась как постоянный побор.

Сходную эволюцию проделала система государственного налогообложения в Кастилии. До правления Альфонсо X (1252–1284) центр тяжести королевских поборов с городов был связан с древними, традиционными, в значительной степени сеньориальными поборами в натуральной и денежной форме, аналогичными отмеченным выше для Англии и Франции. Они варьировали в разных городах, в зависимости от широты дарованных им королем фуэро и фискальных иммунитетов. Тем не менее все города уплачивали налоги за юстицию, несли военную повинность в пользу короля в случае необходимости, платили косвенные поборы: в виде различных пошлин на торговлю, лжившихся в основном тоже на городское население. В правление Альфонсо X Мудрого правительство начало проводить сознательную политику унификации налоговой системы, завершившуюся в целом во второй половине XIV в. Главным ее результатом было введение в практику общегосударственных налогов, включавших в себя ряд старых податей и распространенных на жителей всех городов. В отличие от обычных традиционных, эти налоги считались экстраординарными и требовали утверждения сословного собрания – кортесов. Первый такой налог был разрешен кортесами в 1269 г. и затем до середины XIV в. собирался 29 раз. Одновременно унифицировалась и система косвенных налогов. Еще Альфонсо X сконцентрировал в своих руках все таможенные пошлины на импорт и экспорт в размере $\frac{1}{10}$ стоимости продаваемых товаров. В 1323 г. он присвоил себе все местные торговые пошлины, которые раньше собирались в пользу городов. Тогда же, в 1342 г., был введен пятипроцентный налог с торговли всеми товарами на внутреннем рынке – “алькабала”, не требовавший санкции кортесов и тяжело лжившийся на города. Собирался в Кастилии и соляной налог. По этому же типу развивались отношения королевского фиска с горожанами всюду, где шел процесс централизации власти: в Арагоне, где поимущественные общегосударственные налоги начали собираться, правда,

только с середины XIV в., в Каталонии, где они появились еще в начале XIII и участвовали в XIV–XV вв., в Сицилийском королевстве, в Португалии, Савойе и других странах.

Несколько иначе, более замедленно складывались эти отношения в Германской империи. Попытки создать там единую фискальную систему относятся не ранее, чем к XV в., да и в то время были малоуспешны. До этого на имперском уровне не было регулярного налогового обложения. Император должен был довольствоваться своими домениальными ресурсами, в том числе платежами своих “имперских городов”, которые, учитывая их широкие вольности, были не слишком велики. Хотя уже с середины XIII в. города были частыми гостями на политических ассамблеях (будущих рейхстагах), созывавшихся императорами, они лишь в исключительных случаях привлекались к решению финансовых вопросов. Даже участвуя в постоянно заключавшихся соглашениях о “земском мире”, они, как, впрочем, и другие сословия, не давали никаких финансовых обязательств на их поддержание, хотя в отдельных случаях (например, в 1284 и 1290 гг.) император пытался добиться от них согласия на налоги. Это, однако, не значит, что немецкие города не несли никаких налогов в пользу государства. Центр тяжести их государственного обложения лежал не в рамках империи, но в рамках отдельных территориальных государств и местных сословных собраний – ландтагов, которые формируются одновременно с имперскими собраниями – с середины XIII по середину или конец XIV в. Регулярно приглашавшиеся в ландтаги в XIV–XV вв. городские представители участвовали в обсуждении финансовых вопросов, в частности иногда давали свое согласие на княжеские налоги, хотя и не без сопротивления и споров из-за условий их сбора. Однако и на территориальном уровне до XV в. централизованное обложение городов еще полностью не сложилось.

Города были связаны с государственной фискальной системой не только налогами. Уже с XIII в., а кое-где и раньше, богатые горожане, особенно купцы-экспортеры все больше становятся кредиторами короны, часто на выгодных для них условиях. Они не только получали за этот кредит высокие проценты, но иногда – право откупа на сбор таможенных пошлин (в Англии) или габели (во Франции), а иногда и на сбор прямых налогов (в той же Англии). Правда, если правительство оказывалось неплатежеспособным, разорялись и его городские кредиторы.

Вовлечение городов в общегосударственную фискальную систему имело важные последствия для эволюции их взаимоотношений с королевской властью. Прежде всего оно стало одной из главных причин привлечения их к участию в сословных собраниях, ибо все более становилась очевидной невозможность беспрепятственно собирать несанкционированные самими городами налоги. Приглашение же городских представителей в сословные собрания выводило горожан на новый политическо-правовой уровень, завершало и оформляло их превращение в новое общегосударственное сословие. Получение горожанами со-

словного статуса отражало их возросшее экономическое значение в феодальном обществе, в том числе и как аккумулятора значительных богатств. С другой стороны, последовательное вовлечение городов в общегосударственную фискальную систему облегчало королевской власти задачу подавления сепаратистских устремлений, особенно наиболее крупных городов, нередко противопоставлявших свои широкие привилегии фискальным и другим интересам центральной власти.

Не случайно, именно в то время, когда шел процесс консолидации горожан в сословие, королевская власть начала во многих странах активное наступление на городские вольности, всячески пытаясь их ограничить или свести на нет. Это особенно заметно во Франции, где одновременно с ростом государственного обложения короли, начиная с Филиппа IV и на протяжении всего XIV в., все более ограничивают сферу городских привилегий. В частности, они пытаются, и не без успеха, подчинить себе фискальные системы городов, присваивают себе право санкционировать из центра внутригородское обложение на нужды горожан, очевидно, стремясь таким образом обеспечить себе приоритет в использовании городских финансовых ресурсов. Ведется наступление и на судебные и другие муниципальные привилегии городов, в том числе и коммун. Аналогичные мероприятия проводятся короной и в Кастилии в середине и второй половине XIV в., в Арагоне, Португалии. В Англии и Скандинавских странах, где города изначально имели лишь ограниченные права, не было особой нужды в такой политике, в германских же землях государственная власть и в центре и в территориях не имела для нее достаточных сил и средств.

Рост налогов в рамках новой общегосударственной фискальной системы, тяжелым бременем ложившийся на города, ограничение прежних городских вольностей тем более раздражали города, что королевская власть далеко не всегда и не полностью отстаивала их интересы в их противоречиях с высшими сословиями. Горожане, как отмечалось, готовы были платить за союз с короной и ту защиту, которую она могла оказать им, но, во-первых, умеренную, не совсем уж разорительную цену, во-вторых, иметь в ответ более или менее твердые гарантии соблюдения всех оплаченных ими прав и привилегий. А вот этого как раз даже в XI–XIII вв., а тем более в XIV–XV вв. королевская власть не могла или не хотела им давать. Для многих городов получение хартий превращалось в длительный и дорогостоящий процесс. Король то даровал хартию сеньориальному городу в результате восстания или за соответствующую мзду, то аннулировал ее по просьбе и за деньги сеньора, затем снова возвращал городу привилегии, опять же за деньги. Кроме того, непокорные города нередко лишались дарованных хартий и брались “в руку короля”. Очевидно, их вольности оставались всегда недостаточно гарантированными. Это обуславливалось не только фискальными выгодами короны от каждого нового пожалования, но и общими тенденциями ее социальной политики. Королевская власть защищала города от посягательств их сеньоров и соседних феодалов лишь тогда, когда это было выгодно ей в финансовом или политическом от-

ношении. Всякий раз, когда интересы бюргерства сталкивались с интересами господствующего класса в целом, королевская власть вынуждена была лавировать между ними, но в конечном счете, как правило, оказывалась на стороне феодалов. Характерный пример – таможенная политика английского правительства в XIII – начале XIV в., когда между горожанами и феодалами шла упорная борьба по вопросу о свободном допуске иноземных купцов в Англию. Первым это было невыгодно, так как создавало им конкуренцию при экспорте и импорте более высококачественных товаров. Вторые же, напротив, были заинтересованы в свободе торговли иностранцев, так как это повышало их доходы от вывоза шерсти и хлеба и снижало расходы на изделия ремесла, особенно на предметы роскоши, аппетит к которым в их среде все более возрастал. В этой долгой борьбе на протяжении всего XIII в. английское королевское правительство всегда брало сторону феодалов, тем более, что и сами короли получали значительные доходы от иноземных купцов (в частности, в виде денежных займов). Еще более явно это заметно в борьбе английских городов за отмену произвольного побора – “талы”, которую домениальные города должны были уплачивать королю, а сеньориальные – своим лордам. Отмена этого особо ненавистного для городов побора, в котором они видели признак своего неполноправия, была одинаково невыгодна и королю, и крупным феодалам. С начала XIII в., в ходе борьбы за “Великую хартию вольностей”, города настойчиво поднимали этот вопрос и даже заставили баронов, нуждавшихся в их поддержке против короля, включить это требование в так называемые “баронские статьи”, легшие затем в основу “Великой хартии”. Но при окончательном формулировании последней на встрече оппозиционеров с Иоанном Безземельным в Раннимеде летом 1215 г. эта статья бесследно выпала. Выпала она и из подтверждения хартии 1297 г. Эдуардом I, хотя первоначально отмена талы была в программе оппозиции. Такая же двойственная политика короны в отношении городов была характерна и для других государств. Но особенно заметно проявилась она в германских землях, где наиболее крупные города нередко были еще сильнее и самостоятельнее, чем во Франции. Направленность их экономических связей между собой и с местными рынками и являлась препятствием для создания широкого единого рынка внутри Германии даже в XIV–XV вв., не говоря об XI–XIII вв. Поэтому хотя и в германских землях в эти столетия намечался союз городов с императорской властью, он реализовался очень слабо. Конечно, в то время немецкие короли Генрих IV, Генрих V, Фридрих I, особенно Генрих VII, а позднее и другие (до начала XIV в.) стремились также заручиться поддержкой городов, даровали им хартии с широкими привилегиями, пытались обеспечить установление и соблюдение “земского мира” в масштабах всей империи при участии городских представителей, иногда созывали имперские или региональные особые собрания депутатов из городов. В постоянной борьбе за престол соперничающие претенденты старались привлечь на свою сторону наиболее влиятельные города.

И все же этот намечавшийся союз оставался скорее нереализованной потенцией. Германские короли, в отличие от французских, не пытались всерьез использовать для укрепления своих позиций в стране конфликты между крупнейшими городами страны и их сеньорами. Когда им приходилось выбирать, они неизменно приносили интересы бюргерства в жертву интересам князей, поддержка которых всегда оставалась для них более важной. Вследствие этого они проводили уже в XIII в. близорукую политику отдачи городов, расположенных в имперских владениях, в залог князьям за их военную или политическую поддержку. Поскольку эти города обычно не выкупались обратно, подобная тактика разрушала имперский домен, ослабляла центральную власть и вызывала возмущение городов, предпочитавших все же оставаться под властью императора. В Германии, таким образом, города не получили от королевской власти обеспечения самых минимальных своих прав, в том числе ни прочного “земского мира”, ни общего имперского права. Постановление Фридриха II об имперском мире – “земском мире” 1235 г., – подчеркнув верховенство империи над князьями, в то же время ущемило интересы бюргерства в пользу князей. Позднее законодательство о “земском мире” постепенно утрачивает свой общеимперский характер. Сначала оно принимает форму временных соглашений между императором, князьями и имперскими городами, осуществление которых передавалось в руки князей и которые постоянно нарушались. С конца же XIII в. эти соглашения все более превращаются во внутритерриториальные установления отдельных княжеств. Хотя в других странах дело не доходило до столь полного развала союза между королем и городами, германский пример достаточно отчетливо показывает причины частых нарушений этого союза и вне Германии. Они коренились в том, что по самой своей природе он был прежде всего политическим и не имел глубокой социальной базы: королевская власть и ее аппарат, хотя и выполняли общегосударственные функции, все же в первую очередь ориентировались на поддержку феодальной элиты; ради ее и собственных интересов короли сравнительно легко поступались, как мы видели, интересами городов. И хотя одновременно королевская власть имела возможность играть на противоречиях между феодалами и городами, лавировать между ними, как это имело место в XII–XIII вв. во Франции, Англии, Кастилии, Каталонии, даже Сицилийском королевстве, но в самых важных вопросах социально-политической жизни корона никогда и нигде не брала полностью сторону городов, а иногда открыто попирала их интересы.

Даже в первый период своих взаимоотношений с центральной властью городские жители никогда не находились в равноправном положении с господами, оставались людьми второго сорта, “неблагородными”. В большинстве городов, как отмечалось, выборные муниципалитеты делили власть с должностными лицами короля, городские доходы в значительных размерах пополняли королевскую казну, городские суды сильно были ограничены в своей юрисдикции высшими королевскими судами, горожане обязаны были выполнять общегосударствен-

ные повинности. Это особенно очевидно в отношении сеньориальных и королевских домениальных городов. Но даже города-коммуны и консульские города юга во Франции, “имперские” и “вольные” города в Германии и Нидерландах не были полностью независимы от центральной власти, оставались не более, чем ее вассалами, со всеми вытекающими из этого последствиями. В целом же западноевропейские города, если не считать городских республик Северной и Средней Италии, никогда не обладали полным суверенитетом на своей территории и в ближайшей округе. Когда же укрепившаяся в значительной мере благодаря поддержке тех же городов королевская власть с начала XIV в. стала нарушать эти исходно ограниченные вольности и требовать с городов все больших налогов, они начали оказывать ей сопротивление, и прежний союз заметно пошатнулся. С конца XIII, особенно же в XIV–XV вв. города все чаще вступают в открытые конфликты с центральной властью, нередко принимавшие вооруженный характер. Причины и формы этих конфликтов были различны.

Обычными были выступления, иногда открытые восстания городов против центрального правительства из-за ущемления их прежних привилегий или чрезмерных государственных налогов, а иногда одновременно против того и другого. Поскольку в XIV–XV вв. в наиболее крупных городах шла также и острая внутригородская борьба – между патрицианской верхушкой и цехами, которые поддерживал плебс, эти внутренние и внешние конфликты переплетались: в таких случаях корона обычно поддерживала городскую верхушку против массы горожан, что придавало подобным конфликтам особенно острый характер. Это наиболее ярко проявилось в конце 70-х – 80-е годы XIV в. во Франции, где волна сильных восстаний прокатилась как на юге, так и на севере страны: в Ниме (1378), в Монпелье и Арле (1379), волнения в Париже против сбора эд (1380), в Сен-Кантене (1381), восстание “гарель” в Руане (1382–1383), майотенов (“молотил”) в Париже (1382–1383). Сопротивление сборщикам королевских налогов в начале 80-х гг. оказывали и более мелкие города – Каэн, Фалез, Мортейн, Авранш, Лизье, Бретейль, Конш, Дьепп и многие другие. Городские восстания сходного типа, отчасти направленные также против французского короля, в эти же годы имели место в Нидерландах (в основном в Генте). Бурные волнения происходили в 80-е – 90-е годы XIV в. в Кастилии и Арагоне, где они нередко носили антиеврейский характер и в этом плане тоже шли вразрез с политикой королей этих государств, которые широко пользовались финансовой помощью и советами богатой еврейской верхушки городов. Антиправительственные восстания происходят в Португалии (Лиссабон, 1371 и 1383 гг.). Правда, они носили не столько антиналоговый, сколько общеполитический характер и были направлены против прокастильской политики правящей королевской династии, за независимость Португалии от более сильного соседа. Второе из этих восстаний привело к смене королевской династии в стране (воцарение Ависской династии). Такие более широкие политические мотивы были свойственны в XIV–XV вв. и городам других стран. Они со

всей очевидностью проявились в Парижском восстании 1356–1357 гг., когда горожане, используя для этой цели трибуну Генеральных штатов, попытались провести в стране широкую политическую реформу, ограничив власть короля, а также в восстании кабошьенов 1413 г. в том же Париже, выдвинувшем широкую программу реформ. Вместе с тем такие явно политизированные городские выступления часто принимали новую, ранее неизвестную форму: включались в более широкие по своему составу политические движения. В этих случаях, нарушая свой традиционный союз с королем, города не только выступали против него, но временно объединялись со своими бывшими противниками – феодалами, как крупными, так и более мелкими. Раньше всего это явление можно заметить в Англии, где давление сильной центральной власти на города стало ощущаться уже в начале XIII в. Многие города во главе с Лондоном поддержали восстание баронов в борьбе за Великую хартию в 1215 г., блокировались с ними, но, особенно, с рыцарством под руководством Симона де Монфора в 1263–1265 гг., были союзниками баронов в их столкновениях с Эдуардом I в 1297 г., в движении так называемых лордов-ордейнеров в 1309–1316 гг. и во многих других случаях. Несколько позднее такие коалиции горожан с феодалами оформляются и во Франции, где разобщенность между этими сословиями была гораздо более резкой, чем в Англии, и где поэтому они были более редки. Но в 1314–1315 гг., когда после смерти Филиппа IV феодалы возглавили движение, имевшее целью взять реванш за достигнутые в правление этого короля успехи централизации, значительная часть городов и на севере и на юге страны поддержала феодалов. Они добились включения своих, правда, более скромных требований, в хартии, предъявленные правительству феодалами. Эти требования сводились к облегчению налогов и других служб, соблюдению дарованных им привилегий, обеспечению личной и имущественной неприкосновенности горожан, пресечению злоупотреблений королевских судей и администраторов.

Бывали случаи, когда города в своих претензиях к центральной власти включались и в крестьянские восстания, особенно если они носили антиналоговый и общеполитический характер. Характерные примеры обычно кратковременных крестьянско-городских союзов дают восстание в Приморской Фландрии 1322–1327 гг., восстание тюшенов в Оверни и Лангедоке в 80-е годы XIV в., а также восстание Уота Тайлера в 1381 г. в Англии, в котором так или иначе участвовало более двух десятков городов. Борьба горожан за свои интересы как против феодалов, так и против центральной власти в некоторых странах облекалась в форму союзов городов. Так, в относительно централизованной Кастилии в 1282 г. возник первый общий для всей страны союз городов “эрмандада”, созданный в поддержку малолетнего инфанта Санчо и направленный против его отца-короля. Эрмандада претендовала на контроль за действиями короля во всех сферах управления. Но когда подросший инфант стал сам королем – Санчо IV, он довольно легко отвел все эти претензии и распустил союз. После его смерти в 1295 г. эрман-

дада возникла вновь в период малолетства Альфонса XI (1315–1325) с теми же целями контроля над короной, и снова была ликвидирована с началом его самостоятельного правления.

Наиболее сильными и самостоятельными были союзы городов в германских землях, хотя в условиях слабоцентрализованной империи они носили региональный характер. Их деятельность была направлена не столько на ограничение королевской власти, сколько на то, чтобы воспрепятствовать исключительному влиянию феодалов на ее политику. В 1254 г. был основан союз Рейнских городов, который добивался в 1255 г. от императора установления прочного “земского мира” с учетом интересов городов. Во время очередных выборов короля в 1256 и 1273 гг. Рейнский союз настаивал на единогласии выборов с целью избежать очередной борьбы за трон. Аналогичные попытки неоднократно повторялись и в XIV в. Еще в XIII в. возник Швабский союз городов, преследовавший те же политические цели, а также знаменитая Северонемецкая Ганза. Все эти союзы вызывали крайнее недовольство феодалов, особенно князей, под давлением которых немецкие императоры еще со времени Фридриха II Гогенштауфена неоднократно принимали решения о запрещении подобных союзов. Этим запретительным мерам подвела итог в 1356 г. “Золотая булла” императора Карла IV Люксембурга, поставившая сословные союзы городов окончательно вне закона, признав лишь региональные многосословные союзы, включающие наряду с городами князей, господ и рыцарей каждого региона.

Наконец, по мере складывания сословнопредставительных собраний с участием городских депутатов туда все чаще перемещаются конфликты горожан с королем и высшими сословиями. Особое место во всех этих формах борьбы городов за свои права, как и вообще в их взаимоотношениях с королевской властью, занимали столичные города – там, где они достаточно четко определились в XII–XIV вв. Это прежде всего относится к Лондону и Парижу, Стокгольму, Неаполю, тогда как в германских землях такой общеимперской постоянной столицы не было, так же, как, естественно, и в Италии.

Столичные города, как правило, находились под смешанным управлением и формально сильно зависели от короля. Однако на практике они чем дальше, тем больше превращались в весьма важную политическую силу, с которой он вынужден был особенно считаться. Это были всегда богатые города с многочисленным (десятки, а иногда и сотни тысяч) населением, с сильной купеческой верхушкой и влиятельным патрициатом. Но помимо этого они были центрами всей политической жизни страны. Здесь располагались двор, куда стекалось всегда много просителей, искателей карьеры и доходов из числа феодалов, органы центрального управления – суды, финансовые учреждения, королевский совет, высшие сановники государства. Сюда съезжались по разным надобностям и многочисленные иностранцы. Здесь по большей части заседали после их возникновения сословно-представительные собрания. Естественно, что столичные жители более, чем кто-либо другой, были в курсе всех важнейших политических событий и слухов,

проявляли к ним особенно острый интерес. Среди них было много образованных и вообще грамотных людей, а, с другой стороны, – масса деклассированных и маргинальных элементов, которые было легко возбудить и включить в политические конфликты. По всем этим причинам столичные жители часто выступали застрельщиками во всех описанных выше и многих других конфликтах, и от их позиции нередко зависел успех той или иной из борющихся сторон. Лондон, например, играл едва ли не решающую роль в событиях 1215, 1264/65, 1327 гг. (при низложении короля Эдуарда II), во временных успехах восстания Уота Тайлера, а затем в его поражении, в низложении Ричарда II в 1399 г., а затем в узурпации короны Ричардом III.

Позиция Парижа была определяющей для поведения дофина Карла в 1356–1358 гг., для решения Генеральных штатов в 1413 г. и во многих других случаях. Восстание в Лиссабоне в 1383 г., как уже говорилось, во многом определило смену династии в Португалии. Практически часто получалось так, что тот, кто владел столицей, овладевал и государством (хотя бывали и исключения). Все это заставляло королей внимательно следить за всем, что происходило в столице, по возможности сохранять с ее жителями хорошие отношения с помощью всяких льгот и пожалований и вместе с тем держать их в узде, используя свое участие в управлении городом.

Многочисленные конфликты городов и бюргерства с центральной властью приобретали новые формы в XIV–XV вв., что знаменовало новый этап в сильно усложнившихся взаимоотношениях этих двух политических сил. Изменения в характере союза между ними отразили заметные сдвиги в общем положении городов в феодальном обществе. С одной стороны, в XIV–XV вв. росло экономическое значение городов и горожан, их социальный престиж, а вместе с тем и их социальное и сословное самосознание. Все это, особенно их роль в пополнении королевской казны, вынуждало корону в какой-то мере учитывать их согласие на обложение, чтобы сделать его наиболее безболезненным, считаться с их мнением в вопросах внутренней и особенно внешней торговли, кредита. Следствием этого было привлечение, где раньше, где позже, городских представителей в сословные собрания, а вместе с тем и окончательное признание за ними особого сословного статуса. Все это вело к большей по сравнению с XI–XIII вв. интеграции городов и бюргерства в феодальное общество и в его политическую систему. И в этом деле немалую роль сыграла политика центральной власти и ее, хотя и очень изменчивые, союзные отношения с городами. В то же время интеграция городского сословия в политическую структуру общества имела и другие важные последствия.

Города и городское сословие постепенно выросли в третью силу, поддержки которой приходилось порой искать не только королям, но и крупным феодалам в их постоянных взаимных столкновениях. На первый план в борьбе самих городов за место под солнцем, взамен отстаивания локальных привилегий, все больше выступают общесословные интересы. Интеграция городов в государственную жизнь средневеко-

вой Европы выражается и в другом: горожане все чаще начинают проникать в состав высших привилегированных сословий — с помощью аноблирования. К этому ведет приобретение более или менее крупных земельных владений в городской округе, участвовавшие в это время смешанные браки между богатыми горожанами и соседними феодалами, особенно распространившиеся в XIV–XV вв. Одним из важных способов аноблирования, инспирированного непосредственно королевской властью, была длительная служба выходцев из горожан в центральном и местном государственном аппарате. Наиболее ярко эта тенденция проявилась во Франции, где в конце XIII–XIV в. значительную часть королевских судей, корпораций высших судебных органов страны — Парижского и провинциальных парламентов и других судебных палат составляли выходцы из городского сословия, в большинстве случаев аноблированные. К ним восходит будущее французское чиновное дворянство — “дворянство мантии”.

Но аналогичные явления имели место и в других странах, в частности — в Англии, где грань между низшим дворянством и городской верхушкой была с XIII в. вообще несколько размытой. Вторжение представителей городского сословия в государственный аппарат не должно удивлять: в городах были сосредоточены юридические школы и университеты, многочисленные судебные инстанции, нуждавшиеся в образованных юристах, знатоках права, в том числе и римского, которое в XIII–XV вв. все более используется в средневековой юриспруденции. Таких людей можно было найти или среди клириков, или среди горожан, и последние, получив соответствующее образование, нередко оказывались более квалифицированными специалистами, чем первые, в области изоциренного и запутанного средневекового права. Используя их в своей все более усложнявшейся судебно-административной системе, центральная власть хорошо оплачивала их не только деньгами и земельными пожалованиями, но и привилегией дворянского звания. Достаточно полная интеграция городов в социальную и политическую структуру феодальной монархии превращала таким образом некогда бесправных и отстаивавших свое право на жизнь горожан в часть тогдашнего “истеблишмента”. Здесь, однако, необходима оговорка. Дело в том, что одновременно, в XIV–XV вв., значительно усилилось социальное расслоение в городах и иерархизация городского населения внутри каждого города, в известной мере сходная с той, что имела место в среде светских феодалов и духовенства. Естественно, что допуск горожан в “истеблишмент” соотносывался с их положением в городской иерархии. К нему могла принадлежать лишь городская элита в лице представителей патрициата или цеховой верхушки (там, где ей удалось прийти к власти), обычно пополнявшие также и органы городского самоуправления, а отчасти и аппарат короны в центре и на местах. Они же заправляли и в городских союзах, и в своих палатах сословно-представительных собраний. И хотя, в конечном счете, эта бюргерская элита вынуждена была порой защищать в этих учреждениях интересы городского сословия в целом, именно на нее изливались основные милости королев-

ского двора: доходные откупа на сбор налогов, различные королевские пожалования, те же акты аноблирования. Именно с ними вступали чаще всего в соглашения в своих политических спорах и короли, и феодалы, и они же в первую очередь, часто за счет своих менее влиятельных сограждан, получали выгоды от этих политических блоков.

Таким образом, феодальное государство своей политикой еще более углубило внутренние социальные противоречия в городах.

В результате возрастания социального и политического значения городов, в котором немалую роль сыграло централизованное государство, как это ни парадоксально, все более очевидным становился их феодальный характер, сглаживалось их первоначальное столь заметное противостояние феодалам. Это особенно относится к наиболее привилегированным городам, которые нередко в XIV–XV вв. выступают с сугубо сепаратистских позиций, сходных с теми, которых и в эти столетия придерживаются наиболее крупные феодалы. Такая противоречивая политическая позиция городов и бюргерства определяла неоднозначность их роли в процессе укрепления сословных монархий, а позднее в становлении абсолютизма.

С одной стороны, в некоторых странах (Англии, Франции, Дании, Швеции, Неаполитанском королевстве) они являлись одной из опор перерастания сословной монархии в абсолютную. В Англии конца XV в. своими постоянными ссудами и “добровольными дарами” они оказывали королям Эдуарду IV, Ричарду III, Генриху VII финансовую поддержку, освобождая их от стеснительного контроля парламента. В какой-то мере это было характерно и для французских городов при Людовике XI и его преемниках, которые в награду за их финансовую и политическую поддержку широко практиковали освобождение городов от уплаты прямого налога – тальи, и сокращение косвенных налогов на продажу вина и других товаров в городах. Участвуя в работе королевских судов и администрации, аноблированные горожане закладывали основы бюрократии французского абсолютистского государства. Однако на юге Франции наиболее крупные города находились в постоянной оппозиции к новому абсолютистскому государству, что нашло свое полное и открытое выражение уже в XVI в., в частности, в ходе религиозных войн. В Кастилии с конца XIV в. королевская власть вела политику ограничения влияния городов в кортесах, вела борьбу с вновь и вновь возникавшими эрмандадами.

В Германской империи вплоть до второй половины XV в. наиболее крупные города занимали скорее сепаратистские позиции по отношению к империи, отстаивая свои местные или региональные интересы (в городских союзах). Правда, в XV в. в среде немецкого бюргерства появляются тенденции поддержки государственного единства в империи с помощью широких политических реформ. Эти планы нашли свое выражение в таких политических памфлетах как “Реформация императора Сигизмунда” (1438 или 1439) и “Реформация императора Фридриха III” (конец 80-х или 90-е годы XV в.), в участии бюргерства в планах имперских реформ 90-х годов XV в. (при императоре Максимилиане I),

нацеленных на усиление центральной власти в империи, наконец, в Гейльбронской программе периода Крестьянской войны (1525). Однако все эти планы остались нереализованными, ибо шли вразрез не только с интересами князей, но и сепаратистски настроенного бюргерства во главе с патрициатом наиболее влиятельных городов. Абсолютизм не мог сложиться в империи.

В то же время менее значительные города Германии, связанные с княжеской властью, своей финансовой и политической поддержкой способствовали укреплению княжеского абсолютизма и многовластия в этой стране в XVI–XVII вв.

* * *

Итак, можно говорить о ряде общих черт во взаимоотношениях городов и горожан с феодальной монархией во всех странах Западной Европы в XI–XV вв. Повсюду их связывали отношения союза, однако ограниченного, непоследовательного, порой переходившего в острые конфликты; повсюду в развитии этого союза выделяются два этапа: первый, когда он был наиболее прочным (XI–XIII вв.), и второй, когда он стал более прерывистым, и противоречия в нем заметно обострились (XIV–XV вв.); повсюду королевская власть способствовала в той или иной мере складыванию горожан в особое сословие – бюргерство – и все более превращала его в одну из главных опор своей формировавшейся в то время единой фискальной системы, наступая одновременно на привилегии сколько-нибудь широкого городского самоуправления; повсюду этот фискальный и политический нажим на города с конца XIII – начала XIV в. вызывал их упорное сопротивление.

Вместе с тем, в каждой стране взаимоотношения городов с центральной властью имели свое своеобразие, которое определялось спецификой экономического, социального, и политического развития отдельных стран. Здесь играли роль местные условия и особенности развития городов: его темпы, степень разграничения между городом и деревней, уровень политической самостоятельности городов. Важным моментом являлось их место в формировании рыночных связей в стране: создавали ли они более или менее широкий межрегиональный внутренний рынок или тяготели к локальным экономическим связям. Где лежали их главные торговые интересы – внутри или во вне страны? В первом случае города тяготели больше к централизации в масштабах страны (Англия, Франция, Швеция, Кастилия), во втором – к региональной централизации (Германия, в какой-то мере Арагоно-Каталонское королевство, области Нидерландов). Немалое значение во взаимоотношениях между городами и феодальным государством имела также степень централизации последнего к моменту выхода городов на социальную и политическую арену. А она во многом определялась общим соотношением социальных сил в стране, в частности, наличием у королевской власти в ее централизаторских усилиях других союзников, помимо бюргерства.

Если у королевской власти были такие союзники, заинтересованные в централизации страны – свободные крестьяне и мелкие рыцари, как это было в Англии, Швеции, Дании, Норвегии, – она могла меньше считаться с городами, ограничивать их привилегии, а города, в свою очередь, зависели от нее и не рисковали вести с ней вооруженную борьбу за полное самоуправление. Там, где города составляли главную опору центральной власти и она укреплялась более медленно, как во Франции, или в Каталонии, они добивались большей политической самостоятельности и более резко противостояли классу феодалов, особенно его верхушке, реже блокируясь с его представителями. Там, где к моменту борьбы городов за привилегии королевская власть не успела достаточно укрепиться и не имела других союзников, а города тяготели к транзитной торговле и внешним рынкам, как в Германии, наиболее крупным из них удавалось достичь столь большой независимости, что они не стремились особенно поддерживать процесс централизации, у которого не было активных сторонников и в других социальных слоях. Зависевшая же от крупных феодалов королевская власть не могла, в свою очередь, привлечь поддержку городов какими-либо мерами в их пользу.

Все это приводит к закономерному выводу, что чем менее сильны экономически и политически были города, тем более активно они поддерживали процесс централизации и раньше и активнее вовлекались в общеполитическую жизнь страны (Англия, Кастилия, Сицилийское королевство, Португалия). Там же, где города были особенно могущественны экономически и политически и мало связаны общими экономическими интересами, они тормозили процесс политической централизации страны в целом, способствуя лишь ее региональной централизации (германские земли), или даже созданию совсем самостоятельных городов-государств (Северная и Средняя Италия).

Эти особенности развития городов сказывались и на процессе сословной консолидации горожан и их роли в сословно-представительных собраниях разных стран.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Варьяш О.И., Черных А.П. Городские движения в средневековой Португалии // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.

Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. М., 1960.

Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе. М., 1984.

Корсунский А.Р. История Испании IX–XIII вв. М., 1976.

Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.

Сванидзе А.А. Суд и право в шведских городах XIII–XV вв. // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 4.

Средневековое городское право XII–XIII вв.: Сб. текстов / Под ред. С.М. Стама. Саратов, 1989.

Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976.

- Хичатуриян Н.А.* Сословная монархия во Франции в XIII–XV вв. М., 1989.
- Червонов С.Д.* О правовой основе взаимоотношений кастильских городов с королевской властью на рубеже XII–XIII вв. // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.
- Bracton Henricus de.* De legibus et consuetudinibus Angliae libri quinque. L., 1878. V. I.
- Duby G.* Les Trois ordres ou l'Imaginaire du feodalisme. P., 1978.
- Fitz Negle Richard.* The Course of the Exchequer by Richard Son of Nigel. L., 1950.
- Génése de l'Etat Moderne.* P., 1987.
- Millier E.* English Town Patricians c. 1200–1350 // Jerarchie Economice e Jerarchie Sociali Secoli XII–XVII: Atti della "Settimana de Studie" e altri convegni 12. Istituto Internazionale di storia economica, "F. Datini". Prato, 1990.
- Städte und Ständestaat* // Ed. B. Töpfer. B., 1980.
- Wolff P.* Ongles bleus, Jacques et Chiompi. P., 1970.

ГОРОДА И СОСЛОВНЫЕ СОБРАНИЯ*

Процесс сословного оформления городов, начавшийся с массового распространения муниципальных привилегий, дававших горожанам определенный юридический статус, завершился во всех странах Западной Европы включением их представителей в сословные собрания. Эти новые учреждения складывались постепенно, но приобретали свою окончательную структуру, свой статус сословно-представительных собраний только тогда, когда в них стали участвовать посланцы городов. С появлением последних существовавшие ранее совещательные политические собрания при короле, в которых участвовали, кроме узкого королевского совета, его непосредственные вассалы, светские и духовные магнаты страны, приобрели новое качество: они превращаются в институт публичного права, ставший одним из важных элементов государственной системы, который в большей или меньшей степени ограничивал единовластие монарха. С их появлением феодальные государства Западной Европы приобретают новую форму "сословных монархий", а положение городов и бюргерства в XIII–XV вв. во многом определяется их местом и значением в сословных монархиях этого времени.

Первое сословно-представительное собрание с участием горожан возникло в 1188 г. в королевстве Леон и в XIII в. прочно утвердилось в объединенном Леоно-Кастильском королевстве. В Каталонии и Арагоне первые собрания этого типа стали тоже собираться с конца XII в., но превратились в юридически оформленные, регулярно созываемые собрания только в 1283 г. В Валенсии они окончательно утвердились в 1302 г. в Португалии кортесы с представительством от городов впервые были созданы в 1254 г., а самостоятельная городская палата известна с 1331 г. В Англии парламент с участием горожан впервые был созван в 1265 г. и стал обычным с конца XIII в. Тогда же парламенты

* Работа написана в 1990 г.

возникают в Шотландии и Ирландском Пэле. Во Франции трехсословные Генеральные штаты впервые были созданы в 1302 г. и стали обычными в XIV–XV вв.; одновременно складывались и весьма активно действовали трехсословные штаты отдельных провинций. С начала XIII в. сословные собрания возникли в Сицилийском королевстве и во Фриуле, в XIV в. в Савойе и Сардинии, и даже в Папском государстве.

В Германской империи, где формирование общегосударственного сословия горожан шло медленнее, его представители, впервые появившись в имперских собраниях в 1269 г., в XIII в. приглашались туда редко и в небольшом количестве. С начала XIV в. городское представительство стало более регулярным. Но только в 1489 г. в таких собраниях (после 1495 г. получивших название “рейхстагов”) была создана особая “городская” курия (или “коллегия”), и присутствие горожан стало обязательным. В XIII–XIV вв. в разное время городские представители стали регулярно приглашаться в сословные собрания отдельных княжеств или “земель” – “ландтаги”, в том числе и вассальных империи “низовых земель” (Нидерланды), где они назывались провинциальными штатами.

В Дании и Швеции сословные собрания возникли позднее. В Дании существовавший с 1282 г. совет магнатов при короле (данехоф) только с 1468 г. был пополнен представителями городов. В Швеции с 1284 г. существовал такой же совет магнатов – “ригсрод”, но только в 1435 г. было создано первое сословное собрание с участием горожан – “риксдаг”, ставший регулярным во второй половине XV в.

Разновременность включения городов в государственные собрания, очевидно, объяснялась разными темпами их экономического и социального развития и сословной консолидации горожан в разных странах. Потребность и самих городов и короны в привлечении городских депутатов в новые собрания прежде всего определялась ростом их экономической роли и социального престижа в обществе в XII–XIII вв. Корона вынуждена была учитывать их мнение по вопросам, связанным с развитием ремесла, торговли, кредита, монетного дела и, особенно, прямого и косвенного государственного обложения. Чтобы без особых затруднений получать с них налоги, желательно было заручиться их предварительным согласием. На них постепенно распространялся общий политический принцип того времени: “что касается всех, должно быть одобрено всеми”. Города, со своей стороны, ощущая свои возросшие силы, все более энергично претендовали на участие в решении всех важных для них вопросов на общегосударственном уровне. Но были и другие причины для развития городского представительства: необходимость для правительства иметь прямую связь с самоуправляющимися корпорациями городских общин, чтобы легче контролировать деятельность его должностных лиц на местах, а также крупных сеньоров в принадлежащих им городах; потребность для короны иметь постоянно политический противовес беспокойным магнатам не вообще в стране, но и в общегосударственном сословном собрании. Это давало им пространство для лавирования между сословиями и возможность, не

доводя дело до вооруженных столкновений, решать спорные вопросы путем компромиссов в сословных собраниях. Нельзя не учитывать и прямого заимствования подобных институтов одними государствами у других: в Шотландии и Ирландии – по примеру Англии, в Сицилии, Сардинии, Майорке – по примеру Арагона и Каталонии. Если не было столь прямого влияния, то, несомненно, имело место косвенное: идея подобных учреждений носилась в воздухе, они были привлекательны и для короны, и для сословий, образцы же были открыты для подражания.

Средневековые сословные собрания возникали двумя путями – “сверху”, по инициативе правительства, и “снизу” – по инициативе сословий. В последних случаях в борьбе за их создание часто участвовали и города, иногда даже в союзе с магнатами или рыцарством. Так было в 1188 г. в королевстве Леон, при окончательном утверждении статуса кортесов; в Арагоне, где города примкнули к “унии” феодалов в 1283 г.; в Англии, где города в борьбе за ограничение королевской власти блокировались сначала с магнатами (в 1215 и 1258 гг.), а затем с рыцарством (в 1263–1266 гг.). В Кастилии они отстаивали свои сословные права в собраниях, опираясь на эрмандады, в германских землях – на региональные союзы городов. В Швеции риксдаг возник в ходе широкого народного движения – восстания Энгельбректа, в котором участвовали и горожане. Во всех этих случаях горожане сами стремились занять свое место в собраниях и с самого начала вели себя там достаточно активно. В собраниях, возникавших по воле короля, их политическая активность нарастала более постепенно.

Как правило, городские представители на определенном этапе выделялись в сословных собраниях в особую палату – “третье сословие”. Однако, были и исключения. В германских имперских собраниях, как отмечалось, до 1489 г. такой палаты не было. Не было отдельной городской палаты и в Шотландском парламенте, что объяснялось немногочисленностью и слабым развитием шотландских городов и общей нечеткостью социальной структуры страны. В отдельных странах (в Кастилии, Арагоне, Швеции) горожане заседали в одной палате с представителями крестьянских общин (обычно свободных). В Англии же депутаты городов с начала 40-х годов XIV в. были объединены с рыцарями графств, представлявших низшие слои феодалов и верхушку свободного крестьянства, в нижней палате парламента – Палате общин. Это объяснялось отчасти политической слабостью английских городов, отчасти наличием у них многих общих интересов с низшими слоями дворянства. В целом же место городов в сословных собраниях отражало их социальное, сословное и политическое положение в обществе каждой страны.

Повсеместно в этих собраниях была представлена лишь небольшая часть городов страны: наиболее богатые, наиболее привилегированные города, иногда административные центры провинциального управления, важные морские порты, бурги, обладавшие сильными укреплениями. В Англии, например, к началу XIV в. регулярно приглашалось

всего около 60 городов из 278, к началу XV в. – от 80 до 100 из около 500 городов. В Кастилии приглашение в кортесы получали только города, имевшие автономные городские советы (консехо), которых насчитывалось несколько десятков, но в XV в. по мере наступления короны на городские вольности число приглашаемых городов сократилось до 18.

В Каталонских кортесах в конце XIII в. было представлено не более 15 городов, в Арагоне – 19, из которых постоянно посылали своих представителей только 8 наиболее крупных и влиятельных. В германских имперских собраниях до конца XV в., число приглашаемых городов сильно колебалось, зависело исключительно от воли императора, но в принципе всегда ограничивалось только имперскими и наиболее значительными вольными городами, которые вместе составляли лишь небольшую часть городов империи. Так, на рейхстагах второй половины XIV в. всего побывали представители более 60 городов, но на каждом из них присутствовали лишь депутаты немногих из них. Более постоянным было городское представительство в ландтагах, но и там оно охватывало лишь значительные города отдельных территорий.

В отличие от прелатов и светских магнатов, являвшихся в сословные собрания “лично за себя”, горожане посылали туда своих представителей. Обычно им предлагалось выбрать по два-три депутата. Но иногда от крупных городов можно было избрать больше – пять-шесть человек (от Пяти Портов в Англии, от Барселоны – в Каталонии и др.). Выборы производились по-разному, в зависимости от большей или меньшей демократичности городского самоуправления. Там, где еще сохранялись общие собрания всех полноправных горожан, выборы производились на них. Однако и здесь не было особой демократии: чаще всего кандидаты рекомендовались городским советом и в лучшем случае лишь утверждались собранием, обычно криком, т.е. без поголовного голосования (так было, например, в городах Арагона, кое-где во Франции и в Англии). Но в большинстве случаев в XIV–XV вв., когда наиболее значительные города уже управлялись, как правило, патрицианской или цеховой олигархией, “выборы” производились на заседании узкого городского совета, иногда с представителями городских округов (в Лондоне XIV в., например, где число выборщиков не превышало сотни). Во Франции городские депутаты в большинстве городов до конца XV в. не выбирались, но “устанавливались”, т.е. фактически назначались членами городских советов. Только при созыве Генеральных штатов в 1484 г. принцип выборности был проведен более последовательно. В Германской империи выборы даже формально не производились. На рейхстаги направлялись члены городского управления.

Социальный состав городских депутатов во всех странах был примерно одинаков. В число избранных попадали люди, принадлежавшие к патрициату или вообще к городской верхушке. Это были богатые городские землевладельцы, купцы, реже наиболее зажиточные ремесленники, а также городские магистраты – мэры, бургомистры, советники. Иногда в число городских депутатов попадали даже королев-

ские должностные лица в городах (бейлифы, шерифы – в Англии, ба-
льи и сенешали – во Франции и им подобные в других странах).

Таким образом, и ограниченный круг приглашаемых городов, и ха-
рактер выборов городских депутатов, и принадлежность большинства
их к городской верхушке – все это говорит о том, что они лишь непол-
но могли представлять в сословных собраниях интересы даже всех пол-
ноправных горожан страны, не говоря уже о всей массе городского на-
селения. Естественно, что и на общегосударственной арене они выра-
жали в первую очередь настроения, мнения и потребности элитарных
слоев городов. К этому нужно добавить, что в некоторых странах ин-
тересы городских представителей оказывались тесно связанными с
феодално-землевладельческими слоями общества. В Кастилии и Ара-
гонском королевстве, например, в городах искони проживало много
феодалных землевладельцев рыцарского типа, которые пользовались
значительным влиянием в городах и городском управлении. Они неред-
ко избирались в качестве депутатов от своих городов. В Англии в чис-
ло последних в XIV–XV вв. часто попадали лица, которые, наряду с
торговой деятельностью, скупали земли в городской округе и приобре-
тали рыцарское звание. По мере же повышения престижа парламента
и окрестные рыцари, никак не связанные с городом, пытались проник-
нуть туда через выборы в городских округах, и это им нередко удава-
лось. В то же время и центральная власть стремилась протолкнуть по
этим округам своих ставленников. В XV в. те и другие вместе составля-
ли в Англии до одной трети городских депутатов парламента. Более од-
нородным, бюргерским по своему составу оставалось третье, городское
сословие во Франции, Каталонии, в германских землях, в Португалии,
позднее в Швеции, в Нидерландах. Однако в их среде иногда, особенно
во Франции в XIV–XV вв. значительное место занимали знатоки пра-
ва – легисты, а также представители центральной и местной королев-
ской администрации. Хотя большинство их вышли из бюргерской сре-
ды, но многие были уже аноблированы и формально принадлежали к
новому чиновному дворянству.

Эта примесь феодальных элементов в составе городских депутатов
являлась одной (хотя не единственной) из предпосылок непоследова-
тельности их политических выступлений в сословных собраниях, в ча-
стности их нередких совместных действий с дворянской частью этих со-
браний против центрального правительства.

И все же в деятельности городских депутатов в сословных собрани-
ях значительное место занимало отстаивание на общегосударственном
уровне интересов бюргерства в целом как сословия. Несмотря на зна-
чительное в XIV–XV вв. социальное расслоение в городах, все же суще-
ствовал определенный круг общесословных интересов, не чуждых и
представителям патрициата и отчасти даже феодальным землевла-
дельцам в городах. Это были вопросы, связанные с условиями развития
ремесла и торговли, с поддержкой городских привилегий и муници-
пального самоуправления, с внешней торговлей и таможенными по-
шлинами, размерами государственного обложения городов, с креди-

том, монетой. Каковы бы ни были эгоистические интересы представленных в собраниях городских депутатов из кругов городской верхушки или феодалов, они были связаны довольно высокой ежедневной оплатой из кассы своих общин и “императивным мандатом”, полученным от них, согласно которому они должны были отстаивать в сословных собраниях коллективную волю своих избирателей. Почти всюду они обязаны были отчитываться перед выборщиками в своих действиях после каждой очередной сессии собрания и оправдываться в случае недостаточного учета их пожеланий.

Вот почему при всей социальной узости состава городских депутатов, их деятельность в сословных собраниях вносила новые черты в их структуру и организацию, делала сословные интересы горожан предметом не сепаратных сделок с королем и его администрацией или с их сеньорами, но обсуждений и компромиссов на общегосударственном уровне.

В сословных собраниях представители “городского сословия” сохраняли свою роль “третьей силы”, которую горожане играли еще до их возникновения в большинстве стран Западной Европы. В их поддержке, теперь уже в собраниях, были заинтересованы и центральная власть и постоянно конфликтовавшие с нею магнаты и рыцари (там, где они составляли отдельную палату, как в Арагоне). Это давало городской палате простор для политических маневров, но не уравнивало ее членом до конца с представителями высших, “благородных” сословий. Само название “третьего сословия” подчеркивало их несколько приниженное положение в обществе и в собрании. Появившиеся в королевских совещательных собраниях позже феодалов, медленнее приобщавшиеся к решению важных государственных дел, горожане в повседневной практике, особенно в начале своей деятельности там, занимали скорее пассивную, чем активную позицию. Их требования учитывались, как правило, лишь тогда, когда они не наносили ущерба крупным феодалам и рыцарям, с одной стороны, королю – с другой. Их временные союзники и с той и с другой стороны легко предавали их интересы, в частности, перебрасывали на них наиболее тяжелую часть налогов. И все же горожане постепенно становились в сословных собраниях все более активными, добивались, где силой, где соглашениями, где деньгами исполнения своих пожеланий, иногда апеллируя к внепарламентским выступлениям городов.

Поэтому и сами депутаты, и их избиратели, чем дальше, тем больше ценили свое право участия в сословных собраниях. Даже там, где эти учреждения создавались “сверху”, города, первоначально равнодушные к ним, уклонявшиеся от выборов депутатов, многие из которых, уже будучи избранными, не являлись туда, очень быстро оценили пользу новой системы. Постепенно положение городского депутата повсюду становилось престижным, выгодным для продвижения наверх, его стали домогаться, как уже отмечалось, представители городской элиты, живущие в городе и вне его феодалы, легисты, нотариусы, члены судебных корпораций. Это говорит и об определенной эффективности парламентской деятельности горожан в пользу своего сословия.

Конечно, в каждой стране эта деятельность имела свои особенности, которые отражали сложившееся там общее соотношение социальных сил, степень консолидации городского сословия, его обособленности от других сословий, уровень централизации, достигнутый к моменту возникновения сословных собраний, установившуюся структуру и организацию последних, их место в общей политической системе. Играла роль здесь и конкретная политическая ситуация, в частности, личный авторитет правящего монарха. При сильных королях, сословные собрания в целом и “третье сословие”, в частности, обычно действовали менее самостоятельно. В периоды слабых монархов, их малолетства и связанных с этим политических смут, или в других чрезвычайных обстоятельствах, сословные собрания порой проявляли бурную активность, действовали самостоятельно, значительно расширяя свою компетенцию. Такому развитию событий содействовало иногда и длительное состояние войны, требовавшей все новых и новых средств.

Во всех странах Западной Европы функции сословных собраний были очень сходны. В их компетенцию входило разрешение экстраординарных налогов, участие в законодательстве, подача, а иногда и разбор петиций, поступавших от населения (и дававших материал для более общих просьб и требований отдельных палат или всего собрания в целом), высшая юрисдикция, косвенно или прямо – вопросы внешней политики, в частности, объявления и начала войн, субсидии на которые обычно санкционировали сословные ассамблеи. В парламентах король, вступая на престол, приносил присягу. Помимо этих обычных дел, в отдельных случаях – в моменты политических кризисов, междуцарствий, малолетства короля – сословные собрания брали на себя функции назначения регентов, а иногда и прямого управления страной. Эффективность их деятельности во всех этих разнообразных сферах зависела от того, были ли они в той или иной стране только совещательным органом, решения которого не были строго обязательными для королевского правительства (во Франции, Германской империи, Сицилийском королевстве, Фриуле, Савойе, Дании, Швеции) или обладали узаконенными правами решать вопросы большой политики вместе с королем (Англия, Кастилия, Каталония, Арагон, Шотландия, фактически Португалия, позднее Нидерланды).

Естественно, что от этого зависела и эффективность действий городских представителей в собраниях разных стран. Депутаты городов в той или иной мере привлекались к выполнению большинства этих функций, за исключением участия в высшем королевском суде. Не всегда они участвовали и в обсуждении внешнеполитических вопросов. Центр тяжести их повседневной парламентской активности лежал в рассмотрении и решении финансовых вопросов, в обсуждении частных петиций и представлении на рассмотрение короля более общих сословных просьб, в принятии или отклонении новых законов. При этом надо иметь в виду, что к реализации всех этих функций городские депутаты допускались по большей части в менее широких масштабах, чем выс-

шие сословия. В разных странах осуществление всех этих функций имело значительные различия.

В Англии с 1297 г. городские депутаты, как и другие участники парламента, получили право разрешать королю экстраординарные прямые налоги, которые нельзя было взимать без их согласия. После долгой борьбы первой половины XIV в., в которой городские представители в парламенте принимали весьма активное участие, в 1362 г. окончательно было признано королем их право давать согласие вместе со всеми парламентариями и на введение новых (обычно повышенных) экспортных и импортных пошлин. Уже в XIV в. согласие на налоги Палаты общин, где заседали горожане, стало рассматриваться как более важное, чем палаты лордов: ведь представленные там города и рыцарство вместе с крестьянством являлись главными налогоплательщиками. Вместе с тем именно города, несмотря на свое право согласия на налоги, и при наличии парламента облагались тяжелее, чем все другие слои населения (в Англии государственные налоги платили и феодалы всех рангов). С 1322 г. по “йоркскому статуту” все участники парламента, в том числе и городские депутаты, получили право санкции на новые законы, без которой король не мог издавать наиболее важные из них – статуты. (Без такого согласия король мог издавать только более частные и временные постановления – ордонансы). С середины же XIV в. именно палата общин приобрела по обычаю право законодательной инициативы. В связи с этим особенно усилилась деятельность этой палаты по принятию и разбору частных и корпоративных петиций и в составлении на их основе более общих петиций самой палаты – “биллей”, которые ложились затем в основу статутов, после санкции палаты лордов и короля. Участвовали в этой петиционно-законодательной деятельности и городские депутаты. Они привозили в парламента петиции своих городских корпораций, обобщали их в требованиях к королю, которые проталкивали в билли Палаты общин. Эти их требования, особенно экономические, составляли довольно значительную часть биллей палаты общин. Однако специфические городские требования фискального и судебно-административного характера появлялись в биллях значительно реже. Это было связано с особенностью положения городского сословия в английском парламенте. Оно, как отмечалось, не имело особой палаты, и его представители заседали вместе с рыцарями графств. Последние лидерствовали в палате общин (хотя количественно составляли ее меньшинство) как обладающие более высоким социальным престижем. Поэтому городские требования включались в билли, подаваемые королю от имени Палаты, только если они не ущемляли интересы рыцарей. В этом также проявлялось неравноправное положение бюргерства в английском парламенте. Но, с другой стороны, если его представителям удавалось заручиться поддержкой рыцарей, издание нужных им законов легче проходило через палату лордов и короля. Слабость городов в парламенте, таким образом, оборачивалась для горожан силой при поддержке их со стороны рыцарей. Приниженное положение горожан в палате общин выража-

лось и в том, что спикер палаты всегда выбирался только из рыцарей; их редко включали в согласительные и другие комиссии палаты и парламента; они не участвовали в суде парламента, в его дипломатических миссиях. В довольно частых конфликтах парламента с королем в XIV–XV вв. горожане иногда присоединялись к лордам (в 1327, 1339–1340 гг.) или действовали в рамках палаты общин вместе с рыцарями, не выступая самостоятельно (например, в Добром парламенте 1376 г.).

Иным было участие горожан в делах Кастильских кортесов. Там городские депутаты часто выступали самостоятельно, хотя иногда оказываясь в конфликтах с другими сословиями, и добивались немалых успехов, нередко предъявляли королю чисто городские требования. В 1250 г. по их требованию корона вернула под юрисдикцию городов многие деревни, отнятые у них в пользу магнатов. После смерти короля Альфонсо X, в малолетство Санчо IV, городская палата при поддержке “Эрмандады” добилась решающего влияния в кортесах. В 1286 г. городские представители на кортесах настояли на запрещении магнатам и средним феодалам-инфансонам приобретать земли в королевском домене. В 1293 г. они добились решения кортесов, запрещавшего знатым людям быть сборщиками налогов и управителями городов. На кортесах 1295 г. в Вальядолиде городская палата потребовала от королевы Марии удаления с кортесов прелатов и светских магнатов, утверждая, что в их присутствии “мы не придем ни к какому решению”. Оставшись одни, они выдвинули новые антимагнатские требования: удалить магнатов и прелатов от королевского двора, приглашать туда “добрых людей” из городов, запретить магнатам расхищать города и села королевского домена, поручать охрану замков только мелким рыцарям и “добрым людям” городов, но не магнатам. Эти антимагнатские требования, поддержанные короной, прозвучали и на кортесах 1299 г.

Кортесы имели право санкционировать сбор экстраординарных прямых налогов, которые короне было запрещено собирать без их разрешения с 1329 г. Городская палата играла при этом едва ли не главную роль, представляя основных налогоплательщиков-горожан и свободное крестьянство. Пыталась она вместе с другими членами кортесов добиться и постоянного контроля над косвенными налогами, иногда санкционируя их, но неоднократно отказывая королю в праве их собирать (1272, 1296, 1313, 1317, 1329). Однако в конечном счете корона в XIV в. отстояла свое право собирать пошлины, в том числе и наиболее тяжелую “алькабалу”, без санкции кортесов и особенно заинтересованных горожан. Влияя весьма активно на законодательство, финансовую политику короны, выдвигая свои особые петиции, городская палата кортесов до начала XV в. играла в них ведущую роль. К этому времени магнаты стали игнорировать собрание, где им трудно было сладить с активностью городов. Корона до поры до времени поддерживала многие их притязания, сохраняя сложившийся ранее союз. Однако едва ли следует обольщаться этим видимым всевластием городского сословия в кастильских кортесах, тем более удивительного, что кас-

Первое известное схематическое изображение заседания португальских кортесов. Конец XV в.

тильские города не были из сильнейших в Европе. Их большая политическая роль в стране во многом объяснялась наличием в их среде феодального землевладельческого элемента среднего уровня. Эти социальные слои давали большой процент городских депутатов. И хотя, как и в Англии, они имели ряд общих интересов с торгово-ремесленным населением городов, тем не менее третья палата кортесов не может рассматриваться как орган только третьего сословия. По мере укрепления центральной власти в XV в. и ослабления сепаратизма магнатов, корона стала тяготиться столь большим влиянием третьей палаты. Ведя наступление на городские вольности, она в то же время пошла по пу-

ти сокращения числа приглашаемых в кортесы городов, сведя его, как отмечалось, к 18, что резко ослабило их влияние в этих собраниях.

Весьма активно вела себя городская палата и в кортесах Португалии. В петициях горожан в XIII в. на кортесах обличались злоупотребления королевских должностных лиц, высказывались протесты против новых налогов, требования соблюдать форалы. В 1372 г. городские депутаты потребовали запретить участие в торговле королевским должностным лицам и феодалам, что вызвало их конфликт с королем. После Лиссабонского восстания 1382 г. их активность в кортесах еще более возросла. Они участвовали в выборах нового короля, в заключении мирных договоров, установлении налогов. Представители горожан были допущены в состав королевского совета. В странах, где сословные собрания были менее влиятельными, слабее была деятельность в них городов. В Арагоне и Каталонии городская палата (как и кортесы в целом) не имела законодательной инициативы, но лишь право санкционировать законы, предлагаемые королем. В Арагоне, где города были слабы, находились в большинстве под властью крупных феодалов и имели в составе своего населения много мелких и средних землевладельцев, они почти не выдвигали чисто городских требований и в политических конфликтах между королем и магнатами обычно примыкали к последним. К тому же, в кортесах они всегда оставались в меньшинстве, так как, кроме магнатов, отдельную палату там имели с 1283 г. и рыцари, придерживавшиеся в этом государстве магнатской ориентации. Как уже говорилось, кортесы получили право санкционировать налоги только в XIV в., и городская палата принимала в этом деле регулярное участие. При этом она часто поддерживала финансовые требования короля, в отличие от магнатов и рыцарей (они тоже подлежали налогообложению), которые всячески сопротивлялись им даже в моменты внешней опасности. Облагались же города в два-три раза выше, чем феодалы. В законодательстве городские синдики играли незначительную роль, во-первых, в силу их приниженного положения в кортесах, во-вторых, в связи с недостаточной консолидацией горожан как сословия, их способности выдвигать общесословные требования. Они ограничивались обычно лишь рассмотрением частных петиций и выдвиганием столь же частных требований, иногда учитывавшихся, иногда нет в решениях кортесов и короля. В Каталонии роль городской палаты, вследствие силы и богатства городов, была больше. Да и соотношение палат было более уравновешенным (там не было особой рыцарской палаты). Среди городского населения и его представителей в собрании гораздо большее число лиц, чем в Арагоне, принадлежало к высшим торгово-промышленным группам городов. С другой стороны, и феодальная знать была здесь слабее, чем в Арагоне, и настроена менее сепаратистски. Поэтому городская палата принимала большее участие в законодательстве, формулировании общесословных требований, легче разрешала правительству субсидии, особенно в XIV в., когда Каталония захватывала одну за другой территории в Западном Средиземноморье. В то же время городские депутаты в Каталонии в

конце XIV–XV в. поддерживали феодалов в их антикрестьянской политике, в частности, отвергая предлагаемые королем законы об общем выкупе всех зависимых крестьян принципата – ременсов.

О возросшей роли городов в политической системе обоих государств Арагоно-Каталонской унии говорит и то, что их представители включались в состав постоянных “депутаций” кортесов – специфического исполнительного органа последних, существовавшего в XIV–XV вв. и в Арагоне, и в Каталонии. Соответственно числу палат, в Арагоне в XV в. представители городской палаты составляли в депутации четверть ее членов, в Каталонии – треть.

Свои особенности имела и деятельность третьего сословия во французских Генеральных штатах, которые не имели столь широких ограничительных функций по отношению к короне, как в Англии, Кастилии и даже Арагоно-Каталонской унии. Генеральные штаты, возникшие по воле короля (Филиппа IV) без какого-либо явного давления снизу, всегда оставались совещательным органом при короле, решения которого по всем обсуждавшимся там вопросам не были для него обязательными. У короны всегда была возможность обойти запрет собрания в финансовых вопросах с помощью субсидий провинциальных штатов или частных кредиторов. В 1439 г. Карл VII на Генеральных штатах добился разрешения в будущем собирать постоянный налог на содержание армии без санкции Штатов. В законодательстве он тоже мог обходиться санкцией высшего судебного органа – “парламента”. Тем не менее французские короли в XIV и XV вв., хотя и не очень регулярно, собирали Генеральные штаты, особенно в сложных политических ситуациях. Городские представители составляли в них особую палату, и почти всегда находясь в конфронтации с прелатами и баронами, обречены были оставаться в меньшинстве и не находили поддержки других сословий. В случае несогласий этих сословий с королем горожане обычно поддерживали последнего. Это обусловило, с одной стороны, малую эффективность их деятельности в Штатах в обычных ситуациях, но, с другой стороны, в моменты острых политических кризисов нередко делало представителей третьего сословия в Штатах крайне активными выразителями его наиболее общих социальных и политических интересов. Именно эти кризисы особенно полно высвечивали рост общественного самосознания горожан и их общего влияния на политику правительства.

В начале XIV в. городские представители довольно беспрекословно поддерживали мероприятия короны, особенно в борьбе с папством (1302) или тамплиерами (1308), хотя и не упускали случая за свою поддержку получить новые привилегии. Уже в это время города обнаруживали интерес к новому учреждению, стремились получить право посылать туда своих представителей. К середине XIV в., по мере сословной консолидации горожан и роста их сословного самосознания, французские города все больше вовлекаются в общественную и политическую жизнь страны. Боевым крещением для них стали события 1356/57 г., когда после разгрома французских рыцарей при Пуатье го-

рожане на Генеральных штатах оказались в большинстве и смогли продиктовать правительству дофина Карла волю своего сословия. Уже на Генеральных штатах в октябре 1356 г. городское сословие, в обмен на обещание субсидии, выдвинуло требование реформ – отставки членов королевского совета, назначения комиссии из членов штатов для контроля за королем, введения нового подоходного налога с дворян, ранее свободных от налогов, и в размере большем, чем с горожан. Хотя дофин не принял этих требований, ввиду начавшихся в Париже волнений, он в марте 1357 г. вынужден был снова собрать штаты, чтобы опять испросить субсидию. Собрание по инициативе мятежных горожан вынудило его издать “Великий мартовский ордонанс”. По нему дофин сохранял только исполнительную власть, Генеральные штаты получили право дважды в год собираться по собственному почину и решать все вопросы политики, назначать королевских советников, вводить налоги, организовывать их сбор, контролировать деятельность дофина и его аппарата. Однако эта весьма радикальная программа, выдвинутая прежде всего бюргерством, была реализована лишь на очень короткое время. Затем система вернулась к равновесию, в значительной степени из-за активного противодействия дворянства и недостаточной сословной консолидации самого бюргерства: не все города, особенно в 1357 – начале 1358 г. активно поддержали партию реформ.

В 1380–1382 гг. произошел новый всплеск активности Генеральных штатов, а в их составе – бюргерства. Собранные в ноябре 1380 г. Генеральные штаты потребовали отменить прямой “поочажный сбор” и все другие налоги. Это требование, исходившее в первую очередь от горожан, было поддержано очередным восстанием в Париже. Попытка короля решить вопрос о субсидии на провинциальных Штатах встретила отпор и там, что вынудило Карла VI подтвердить принятый им ранее ордонанс об уничтожении всех прямых и косвенных налогов, однако так и нереализованный. Когда в 1382 г. он решил увеличить талью, разрешенную ранее провинциальными Штатами, начались массовые восстания в городах.

Ситуация во многом повторилась в 1413 г., когда собрались очередные Генеральные штаты. Они, и прежде всего городские депутаты, потребовали прекращения междуусобиц и злоупотребления правительственных чиновников, однако ничего не добились. Вспыхнувшее в Париже восстание кабوشьенов выдвинуло новую программу, повторив в основном требования прекращения усобиц, а также снижения налогов и лучшей организации их взимания. Восстание было подавлено силами городских верхов и герцога Бургундского; городские требования снова остались втуне. Таким образом, большая самостоятельная активность французских городов на Генеральных штатах, выдвижение ими там и вне их стен весьма радикальных общеполитических программ, в силу их своего рода изоляции в обществе оказывалась в целом менее эффективной, чем тактика “малых дел” английских городов в парламенте.

В Германской империи с ее относительно слабыми, аморфными имперскими собраниями, на которых обычно заправляли князья, горо-

жане вплоть до второй половины XIV в. занимали скорее пассивную позицию. Не говоря о XIII в., когда они появлялись там спорадически, даже и в начале XIV в., став постоянными “членами” собрания, городские представители больше слушали и подчинялись воле императора и других сословий, чем выдвигали какие-то свои пожелания и требования. Среди довольно неопределенных функций рейхстага они главным образом участвовали в установлениях “земского мира”, хотя иногда решения об этом принимались и без их согласия. Тогда они нередко протестовали, отказываясь нести в таких случаях связанные с соблюдением мира финансовые обязательства. О слабости позиции горожан на общеимперских собраниях говорит и то, что их политическая активность обнаруживалась больше в деятельности региональных городских союзов, представители которых были наиболее энергичны и на самих рейхстагах, а также на особых собраниях городов на имперском и региональном уровне, или общесословных собраниях отдельных областей, созывавшихся нередко императорами с какими-либо специальными целями.

В первой половине XIV в. при императоре Людвиге Баварском депутаты городов иногда участвовали в обсуждении и финансировании военных мероприятий короля, в частности походов в Италию, в принятии решений рейхстага, направленных против папы в поддержку императора (1338, 1344). Во второй половине XIV в. бюргеры вели борьбу в рейхстаге против князей, требовавших ликвидации имперского союза городов, пытаясь привлечь на свою сторону императора Вацлава, которого поддерживали против князей (80-е гг.).

С начала XV в. возросшее влияние и самосознание бюргерства отразилось и на их позиции в рейхстаге, в происходившей там борьбе за имперские реформы. В 30-е гг. этого столетия как в самом рейхстаге, так и вне его (например, в памфлете “Реформация императора Сигизмунда”), бюргерство выдвигало свои проекты имперских реформ в противовес княжеским и скорее в поддержку централизаторских планов императора; это особенно заметно проявилось на рейхстаге 1437 г. в Эгере, где спорящие стороны, однако, не смогли прийти к соглашению и даже заключить очередной “земский мир”.

Таким образом, даже более активная позиция бюргерских депутатов в рейхстаге обычно давала мало успехов. Еще менее, чем в вопросах законодательства, участвовали они в решении финансовых вопросов. Поскольку в империи до XV в. не было общегосударственного обложения, то и города не участвовали в установлении новых налогов. Лишь в редких случаях (военная необходимость, поддержание земского мира) император пытался заручиться их согласием на специальный сбор или участие в ополчении. В большинстве случаев он искал финансовой поддержки городов путем индивидуальных соглашений с ними, обычно за какие-либо уступки.

Впервые в 1427 г. на рейхстаге во Франкфурте городские представители участвовали в разрешении субсидии на войну с гуситами. В городах этот налог должен был собираться пропорционально богатству

их жителей. Однако это разрешение осталось нереализованным в силу упорного сопротивления налогоплательщиков. Налоги на войну с турками 1471 и 1474 г. были установлены королевским ордонансом, по-видимому, без обсуждения на рейхстаге. В 1495 г. городские представители вместе с другими членами дали согласие на общегосударственный налог “общий пфенниг” на четыре года в обмен на установление “вечного мира” в империи и учреждение общеимперского апелляционного суда. Это был первый случай, когда рейхстаг обставил свое согласие на субсидию политическими условиями. Какова была в этом роль городов – недостаточно ясно. Но и этот побор потерпел фиаско, ввиду сопротивления налогоплательщиков – как князей, так и многих городов империи.

Более эффективной была особая позиция городских представителей на ландтагах, где отдельные города еще в XIII в., а большинство – в конце XIV и XV в. принимали участие и в обсуждении новых законов, и в установлении “земского мира” территории, и в разрешении экстраординарных налогов или, по крайней мере, в определении их размеров. На этом уровне роль городов в сословных собраниях была весьма сходной с той, что они играли в других централизованных монархиях. При этом, особенно в вопросе о налогах, города и знать иногда совместно выступали против княжеской власти, иногда же, напротив, конфликтовали между собой. В разных княжествах складывались разные отношения сословий в ландтагах, но осветить из здесь по недостатку места невозможно.

* * *

Появление городских представителей на средневековых сословных собраниях практически во всех странах Западной Европы означало допущение их к более или менее ограниченному участию в политической системе сословных монархий. В то же время оно вносило в эту политическую систему принцип представительства. Естественно, что в государствах, где господствовали феодалы разных рангов, роль городов в сословных собраниях была изначально ограниченной. Они должны были, в принципе, довольствоваться тем, что предлагали им делать в этих собраниях король и магнаты. Однако на практике роль горожан в новом учреждении иногда выходила за эти рамки. Она зависела от конкретных политических условий каждой страны и могла колебаться от униженного согласия с решениями, принимавшимися высшими сословиями или королем, до активного вмешательства в политику в интересах третьего сословия или даже до выработки более широких общеполитических программ. Приниженное, неравноправное положение городских депутатов в сословных собраниях, конечно, ограничивало их возможности в реализации таких программ и чаще всего приводило к их крушению. Но третьему сословию обычно удавалось добиваться осуществления своих более частных социальных требований, от которых зависело его экономическое процветание и доходы. Почти всюду городские представители имели возможность в той или иной степени

контролировать государственное обложение городов, отводить чрезмерно тяжелые поборы короны. В расстановке политических сил бюргерство в сословных собраниях продолжало линию, наметившуюся до их возникновения. Оставаясь там “третьей силой”, которая, как правило, поддерживала короля против магнатов, но иногда (а в Арагоне, например, постоянно) временно заключала союз против него с отдельными группировками феодалов, бюргерство нередко добивалось при поддержке последних своих сословных целей. Поэтому в собраниях такого типа депутаты городов нередко играли роль своеобразного стабилизатора, облегчавшего заключение политических компромиссов между сословиями и королем без открытых, вооруженных столкновений. В этом смысле они, даже при их неравноправном положении в собраниях, в целом содействовали укреплению центральной власти (за исключением, пожалуй, Германской империи). Будучи допущены к участию в политической власти, городские “парламентарии”, при всей элитарности их социального состава, все же вносили в реализацию этой власти некоторые элементы демократизации. И не только потому, что они оказались силой, способной иногда противостоять произволу магнатов и короля, но и потому, что они всегда осуществляли живую, повседневную связь между центральной властью и пославшими их городскими общинами. Нужды и жалобы этих общин представители городов в большей или меньшей степени доносили до слуха правительства, информируя его о настроениях и недовольстве, формирующихся на местах. Поэтому даже тогда, когда их усилия в сословных собраниях не приносили желаемого успеха, деятельность городских депутатов не пропадала даром. Она создавала привычку к представительной организации власти, повышала их профессионализм на парламентской арене и общий престиж городов, выявляла необходимость считаться с их мнением в решении общеполитических проблем и вместе с тем способствовала росту сословного самосознания и политической культуры бюргерства. Представительство городов в сословных собраниях стимулировало также развитие политических теорий, утверждавших необходимость некоторых ограничений королевской автократии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бойцов М.А.* Имперские собрания в Германии во второй половине XIV в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Бойцов М.А.* Центральная власть и региональные политические собрания в Германии во второй половине XIV в. // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.
- Гутнова Е.В.* Возникновение английского парламента. М., 1960.
- Корсунский А.Р.* История Испании IX–XIII вв. М., 1976.
- Репина Л.П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.
- Смирин М.М.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
- Хачатурян Н.А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976.

- Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции в XIII–XV вв. М., 1989.
Bertold B. Städte und Reichsreform in des ersten Hälfte des 15 Jahrhunderts // Städte und Ständestaat / Ed. B. Töpfer. B., 1980.
Engel E.M. Frühe ständische Aktivitäten des Stadtbürgertums // Ibid.
Genese de l'Etat Moderne. P., 1987.
Marongiu A. Mediaeval parliaments: A comparative Studies. L., 1968.
Sousa A. de. As cortes medievais portuguesas (1385–1490). Porto, 1990. Vol. 1–2.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД-ГОСУДАРСТВО

С момента своего возникновения город и государство были взаимосвязанными и нерасторжимыми явлениями. В понятие города как огражденного, укрепленного места входило представление о военной защите, а средоточием государства как центра управления и жизнеобеспечения данного человеческого сообщества становился город. Кроме того, некоторые формы организации общества заставили историков ввести понятие “города-государства”, которое встречается и на страницах нашего издания.

Если вспомнить те явления, к которым он прилагался – греческий полис, древний Рим, города средневековой Италии, придется признать, что понятие это, как кажется, столь емко, что должно было существовать извечно; тем не менее оно не только достаточно молодо, но и не всеми признано, а потому требует с нашей стороны пусть краткого, но отдельного разговора, а, может быть, и нового взгляда на проблему.

* * *

Само словосочетание “город-государство” пришло в медиэвистику из истории античности, где оно употреблялось в качестве историографического понятия, обозначающего такие явления, как греческий полис и римская гражданская община. Одним из первых среди антиковедов исследованием полисного устройства занимался Фюстель де Куланж. Он считал, что с публично-правовой точки зрения античный полис является суверенным государством, над которым нет никакой высшей юрисдикции, религиозным и политическим объединением семей и триб. К 90-м годам XIX в. появился и сам термин “город-государство”, который быстро распространился среди историков, так что в начале нашего века он получил право гражданства в исторической литературе. Однако с его распространением началось и критическое осмысление этого термина. С изучением полиса как особого типа политической организации встали проблемы соотношения полиса и города, полиса как гражданской общины и государства, остающиеся объектом дискуссии до сего дня, как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Что касается медиэвистики, то в отечественной науке определение “город-государство” употребляется в первую очередь и преимущественно по отношению к средневековым городским коммуна́м Северного

и Средней Италии, что обуславливается не только особенностями их политического и социально-экономического развития, но и средневековой историографической традицией осмысления и описания их политико-правового устройства. Эта традиция, восходящая к римским правоведом, писавшим о римской гражданской общине – *civitas* – основывается на учении Аристотеля; в его русле Цицерон считал римскую *civitas* особым и наиболее драгоценным видом человеческого сообщества наряду с общечеловеческим, племенным и семейным объединениями.

В средние века, в период существования итальянских городских коммун, идея народоправства вновь была оживлена в полемической борьбе пропагандистских и имперских канонистов и юристов в XIV в. Одним из наиболее ярких ее представителей был придворный юрист Людвиг Баварского Марсилиус Падуанский. В своем “*Defensor pacis*” он создал образец совершенного государственного устройства – *regnum*, которое, основываясь на учении греческих и римских философов о гражданской общине античного мира, во многих деталях политической практики напоминало современные ему реалии итальянских городских коммун. В дальнейшем идеи народного суверенитета получили свое развитие в период “соборного движения” XV в., однако их объектом являлось по преимуществу государство с обширной территорией, а не город, пусть даже и крупный. Аристотелевская традиция восприятия города как суверенной общины граждан была продолжена в Италии, применительно к городским республикам северной и средней ее части, итальянскими гуманистами, которые при описании их употребляли определения *civitas*, *respublica*, *urbs*, *città*, несущие на себе двойную смысловую нагрузку: “город” и “гражданская община”, “государство”, “республика”.

Термин “город-государство” появился в медиевистике в начале XX в., будучи заимствован у антиковедов, и постепенно завоевал себе место в трудах по средневековой урбанистике. В послевоенной западной историографии он, хотя и имеется в переводах на основные западноевропейские языки, используется в основном итальянцами. В последнее время он проник и в специальные словари и энциклопедии. Так, в “*Lexikon des Mittelalters*” *Stadtstaat* определено как рано появившиеся в Северной и Средней Италии и сложившиеся в устойчивую систему особые территориальные образования, с центром в крупном городе, которому были подчинены все остальные поселения контадо и дистрикто. Другие исследователи делают акцент на публично-правовом аспекте – независимости этих городов от светских и церковных сеньоров, либо на значении такого явления, как самодостаточность, понимая под этим тесные и многосторонние связи города с округой, образующие “самодостаточное целое” (Гарэн).

Для введения термина “город-государство” в русскую историографию больше всех сделал Н.И. Кареев, затронувший и вопросы его теоретического осмысления как исторического понятия. Коммунальную революцию XI–XII вв., освобождение от власти феодальных сеньоров и приобретение коммунами верховной власти над своими территориями, он соотносит с отменой царской власти в античных полисах. Пол-

нее всего, по его мнению, эту “республиканскую свободу” осуществили у себя итальянские города, которые он считает стадияльными аналогами античных гражданских общин. Развитие городов во Франции и Германии, как считает Кареев, пошло по другому пути, и немногочисленные “вольные” города Северной Франции и Германии он рассматривает как “федеративные части... монархий”. В современной отечественной историографии термин “город-государство” используется по отношению не ко всему средневековому периоду развития городов Северной и Средней Италии, но лишь к определенному его этапу, то есть “город-государство” – это, прежде всего, характеристика стадияльного развития, и главным в этом понятии является не институционально-государственный, а правовой критерий – суверенитет города по отношению к другим носителям политической власти.

* * *

Посмотрим на эволюцию городского строя Италии в исторической ретроспективе. Города-муниципии, центры управления Римской империи, подверглись наибольшему нападкам в эпоху великого переселения народов со стороны так называемых варваров, как вследствие враждебности последних к империи, так и из-за своего богатства. Но они же стали и центрами нарождающейся средневековой цивилизации, в том числе при возрождении имперской идеи. При всем отличии державы Карла Великого от древнего Рима невозможно отрицать их идейную связь, обеспеченную через посредство христианства. В новой имперской идеологии наличествовало понятие всемирного гражданства, выраженное в свое время Блаженным Августином. Представление о граде Божьем, совокупности верующих христиан, твердыне, окруженной врагами, можно считать идеальным выражением средневекового миропонимания. Иерархическое распределение власти, присущее феодальному обществу, вполне вписывается в идею Божьего града, отрицающего национальные рамки и единого во Христе.

Возрожденные из руин или возникшие заново, города раннего средневековья были, разумеется, очень далеки от самостоятельной государственности. Вместе с тем, в силу лестничной структуры политического устройства, у них с самого начала существовала перспектива обретения известной автономии хотя бы в виде феодального иммунитета.

Тенденция городов к автономии неизбежно должна была проявляться при отсутствии в западноевропейских странах могущественной центральной власти, и для ее реализации требовалось соединение ряда внешних и внутренних условий. Для того чтобы внешние враги, в том числе другие города, не могли подчинить себе приобретший автономию город, в нем должно было соблюдаться определенное единство, достичь которого удавалось не всегда в силу изначальной разнородности населения и стремления всех слоев к свободе. Наибольшей самостоятельности в силу целого ряда причин добились крупные города Италии (см. т. 1).

На первом этапе городской борьбы за автономию, в XI–XII вв., ведущую роль в итальянских городах, как и повсюду, играл патрициат, состоявший, главным образом, из земельной аристократии, представители которой занимали все должности. Эта родовая знать сама не участвовала в городской торговле и предпринимательстве, а в лучшем случае вкладывала в них капитал. Дворяне, или нобили, как военное сословие представляли собой тогда основную военную силу городов в Италии и Южной Франции. Они часто селились в городах целыми родовыми союзами и возводили свои высокие башни для защиты во время постоянных междоусобиц. Нобильская конница участвовала в подавлении и захвате владений мелких феодалов, обитавших в окрестностях города. Победенные становились его вассалами, некоторых насильно переселяли в городскую черту. В этот период все самостоятельное население – городская знать, торговцы и ремесленники – выступали как единая совокупность граждан городской общины.

Бесконечные распри в среде дворян привели к возникновению нового института городской власти – должности подеста, как правило, знатного дворянина с юридическим образованием, приглашаемого из другого города на небольшой срок для осуществления верховной военной и судебной власти.

Располагая часто большими земельными владениями, городские аристократы не были особенно стойкими патриотами города и скорее заботились о приобретении монопольной власти. Тем временем набирало силу новое, чисто городское сословие, оформившее постепенно и свою корпоративную организацию в виде торговых гильдий и ремесленных цехов. Это сословие создало свою собственную военную силу – ополчение во главе с “капитаном народа”. Выдвижению народа на политическую сцену помогла разыгравшаяся в конце XII–XIII в. борьба за влияние на города между папой и императором, а внутри городов – между партиями гвельфов, сторонников папы, и гибеллинов, поддерживавших притязания императора на верховную власть.

Раньше всего самостоятельность в борьбе с германским императором обрели североитальянские города во главе с Миланом. Во второй половине XIII в. гвельфы одержали окончательную победу в городах Средней Италии. Во Флоренции разгром гибеллинов сопровождался принятием ряда антидворянских законов. На этом, однако, внутренние раздоры не закончились: в начале XIV в. уже в среде гвельфов образовались две партии – Черных и Белых, что по сути являлось продолжением внутринобильской борьбы за власть. Все эти события привели к тому, что управление городом оказалось в руках нового патрициата – богатых пополанов, представителей старших цехов, и сотрудничавшей с ними части грандов (подробнее см. раздел IV этого тома).

Победа пополанов привела к созданию в городах сложной системы представительных учреждений, направленных на сохранение их “свободы” от посягательств внешних и внутренних узурпаторов. Эти учреждения, характерные для средневековых городов-государств, предусматривали довольно широкое участие полноправных горожан в уп-

равлении, многоступенчатость выборов должностных лиц коммуны, сосуществование ряда органов со сходными функциями, иногда пополнявшихся путем кооптации, иногда – по жребию из ограниченного числа лиц, занимавших затем пост на очень короткий срок.

Однако социальная неустойчивость в городах в XIV–XV вв. вела к изменению политического режима и установлению твердой единоличной власти – синьории или “тирании”. Установление тиранических режимов было платой за достижение внутреннего спокойствия в республиках, необходимого для сохранения самостоятельности и роста их владений. Фактическими правителями становились вожди пополанских учреждений – капитаны, гонфалоньеры, или предводители наемных войск, кондотьеры. Две морские республики – Генуя и Венеция – сохраняли республиканское правление в силу устойчивости власти олигархии. Патрициат в этих городах обладал огромным богатством благодаря морской торговле и сумел защитить свое господство от всех посягательств. В результате территория Италии к XVI в. делилась на ряд государственных образований, в большинстве своем выросших из автономных городов, хотя почти и утративших самостоятельность. Кроме упомянутых Венеции и Генуи это были герцогства Миланское и Тосканское и другие более мелкие, а также Папское государство, опиравшееся, не будем забывать, на один город – Рим.

* * *

Эволюция итальянских городов, таким образом, привела к возникновению властных структур, которые в полном объеме ведали внутренней жизнью городского сообщества, решали вопросы внешних сношений города, формировали его завоевательную политику. Однако, сходные учреждения существовали в городах не только Италии. Такая, пусть и весьма значительная, автономия вполне вписывается в общую картину возможных прерогатив любого частного владельца той эпохи, независимо от того, воплощен он в одном лице или в сообществе. В то же время невозможно игнорировать тот факт, что не только города Средней и Северной Италии, но и герцогства, возникшие на основе их владений, оставались формально в юрисдикции и фактически в сфере влияния либо папы, либо императора. Вспомним, после того, как в битве при Леньяно в 1176 г. города Ломбардской лиги одержали победу над императором, согласно Констанцскому договору 1183 г., закрепившему победу городов, император сохранил за собой *суверенитет*, право высшей юрисдикции, права постоя и утверждения консулов коммуны.

Эта зависимость, сколь бы формальной она ни казалась нам сейчас, отнюдь не была пустым звуком для жителей итальянских городов. Сохранение за императорской властью функций высшей судебной инстанции, а, следовательно, за императором – роли высшего судьи, гаранта правосудия и справедливости, значило очень много для средневекового человека, равно как и идея империи как высшей власти. Недаром гуманисты продолжали вести полемику о потенциально благой роли императора для умиротворения или объединения Италии; недаром

подобные же чаяния вдруг обращаются к французскому монарху. На практике же само существование партий гвельфов и гибеллинов было проявлением отчетливой рефлексии итальянских горожан по поводу своей зависимости – зависимости, внутри которой есть выбор, но которой нет альтернативы. Наконец, не в последнюю очередь именно это ощущение/отношение заставляло представителей самой свободной и самой культурной области Европы искать должностей, титулов и признания при императорском дворе.

Пожалуй, лишь один город можно считать исключением из этого правила – Венецию.

Подобные же оговорки приходится делать, и когда речь идет о городах, входивших в состав Ганзы, или “вольных” городах империи, или городах Прованса. Учитывая все это, приходится признать, что термин “город-государство” неточно отражает политическую реальность, его породившую, но вполне употребим как *terminus technicus*.

ЛИТЕРАТУРА

Бернадская Е.В. Гуманизм и политическая практика итальянских государств (конец XIV–XV вв.) // *Культура Возрождения и общество*. М., 1986.

Брагина Л.М. Итальянские гуманисты о современном обществе // *Классы и сословия средневекового общества*. М., 1988.

Брагина Л.М. Социально-политические идеи в итальянском гуманизме XV в. // *Культура Возрождения и общество*. М., 1986.

Брагина Л.М. Особенности политической структуры итальянских городов-государств // *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. М., 1992.

Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. СПб, 1902.

Кареев Н.И. Типологические курсы по истории государственного быта. 1. СПб., 1903.

Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VII–XV вв. М., 1987.

Культура и общество Италии накануне нового времени. М., 1983.

Рутенбург В.И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения: Очерки. Л., 1987.

Хачатурян Н.А. Авторитарный и коллективный принципы в истории эволюции в средневековой государственности // *Власть и политическая культура в средневековой Европе*. М., 1992.

Фюстель де Куланж. Древняя гражданская община. М., 1895.

Bertelli S. Il potere oligarchico nello stato-città medièvale. Firenze, 1978.

Brezzi P. I comuni medioevali nella storia d'Italia. Torino, 1959.

Garin E. La città ideale // *Idem.* Scenza e vita civile nel Rinascimento italiano. Roma; Bari, 1975.

Jones P.J. Communes and despots: the City-state in Late-Medieval Italy // *Transactions of the Royal Historical Society*, 5-th, s. XV (1965).

Martines L. Power and Imagination: City-states in Renaissance Italy. N.Y., 1979.

Waley D. The Italian City-republics. L., 1969.

ПАРИЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ, МЕСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ИДЕЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Описывая взаимоотношения университета и города уместно употребить знакомое для средневековья словосочетание “нераздельно неслиянны”. Эти почти единовременные феномены находились в сложном взаимодействии. Говоря о влиянии города за пределами его стен, уместно вспомнить и о роли университетов в жизни регионов, королевств и всего Христианского мира. Во втором томе нашего издания мы пытались показать, насколько важны были функции университетских интеллектуалов в средневековом обществе.

Поскольку принципы функционирования университетской системы были едины для всей Европы и между университетами поддерживались интенсивные контакты, то следовало ожидать, что университеты будут играть интегрирующую роль, усиливая универсалистские начала в Христианском мире. Но феномен университета был не менее противоречив, чем феномен города. Университеты призваны были поставлять кадры элиты и неплохо с этим справлялись, но неизменно оказывались втянуты в социально-политические движения, возглавляя порой силы оппозиции. Университеты были обязаны своим высоким статусом папской власти и, вместе с тем, выступали с инициативой укрепления “национальных” церковей (галликанизм, англиканство, соборное движение); в конце концов именно университетские стены породили Реформацию. Успешно выполняя роль “агента универсализма”, университеты способствовали оформлению регионального партикуляризма и развитию этнического самосознания. Университеты Англии, Чехии, Германии, Дании, а в новое время – Польши, Литвы, а много позже – и России оказываются рупорами борьбы за национальную культурную и политическую идентичность.

Чтобы не ограничиваться одной лишь констатацией противоречий университетской культуры, попробуем рассмотреть действие последней тенденции на конкретном примере. Как и ранее, мы обратимся к истории Парижского университета, бывшего своего рода эталоном в силу как древности своего происхождения, так и своего престижа, размера и влияния.

Долго бытовало мнение об упадке университетов, и особенно – Парижского, начиная с середины XIV в. По мере развития других университетских центров Париж все более утрачивает свой международный характер; период величайших интеллектуальных достижений, отмеченных именами Фомы Аквинского, Бонавентуры, Дунса Скота и Оккама давно пройден, из-за политических амбиций докторов корпорация делает ошибочный выбор, поддержав англо-французскую монархию, в итоге в середине XV в. университет, чья численность весьма сократилась, теряет свою былую политическую и юридическую самостоятель-

ность, попав под жесткий королевский контроль. Но современные исследования корректируют эту картину.

В Парижском университете не велось матрикулов – списков членов корпорации, поэтому оценки ее численности весьма приблизительны. Жан Фавье, один из лучших знатоков истории Парижа, считает, что в начале XV в. в Париже было примерно пять тысяч магистров и студентов, и у нас нет оснований утверждать, что в предшествующий период их было намного больше. Число их, конечно, подвергалось конъюнктурным колебаниям, но достаточно быстро восстанавливалось, поэтому говорить о коллапсе университета в этот период надо с большой осторожностью.

Что касается самооценки университета, то она была в тот период весьма высокой. Иллюстрацией к этому может служить проповедь канцлера Парижского университета Жана Жерсона – “Vivat rex!”, произнесенная в 1405 г. перед Карлом VI.

Право и обязанность университета – “говорить правду монарху”, “давать советы королю”... “ибо чего стоит знание без действия”? Его важная роль обосновывалась Жерсоном многими доводами. Университет – страж на башне Христианского мира, который следит, дабы не свершилось какого-либо зла. Университет – дочь короля и мать всех наук – отличается знанием божественных, естественных и общественных законов, почерпнутых из трудов теологов, юристов, философов и поэтов, а в особенности, из Аристотеля. Но у канцлера есть и еще один аргумент:

“Но разве университет не представляет все королевство Франции, а то и весь мир, так как, чтобы достичь наук и знаний, сюда со всех сторон прибывают или могут прибыть студенты?.. Поэтому университет за всю Францию, как и за все сословия, к которым принадлежат студенты, а также за всех их родственников и друзей, испытывающих величайшие беды, но лишенных возможности прибыть сюда, чтобы высказать свои горькие жалобы – за всех университет должен, повторяю я, молиться и говорить – да здравствует король!” В контексте проповеди это означает – высказывать требования и давать советы в управлении государством. Таким образом, аргументы универсалистского характера оказываются переплетены с неожиданными притязаниями на представительство интересов подданных, вытекающими из особой связи, установившейся между университетом и регионами.

Понятно, что в данном случае мы имеем дело с игрой ума блестящего схоласта, а не с реальным институтом, однако у канцлера были некоторые основания подчеркивать особую роль в отношении столичного университета как с провинциями, так и со всем Христианским миром. Последнее обстоятельство нередко подчеркивалось королевской пропагандой. Знаменитое произведение “Сон Садовника”, обосновывая величие королевства времен Карла V, подчеркивало, что Франция – новая земля обетованная, так как “вера здесь сильнее, чем где-либо, причащаются обильнее, отсутствуют ереси, здесь хранятся самые святые реликвии и здесь Парижский университет формирует клириков со всего мира”.

Оценивая влияние университета как за стенами учебных коллегий, так и за стенами Парижа надо иметь ввиду, что обладатели университетских степеней – бакалавры, лиценциаты и магистры, занявшие королевские и церковные должности могли сохранять связи со своей Альма Матер. Некоторые продолжали считаться студентами вплоть до самой старости. Так, например, в Санлисском бальяже в XV в. встречались влиятельные адвокаты и судьи, имевшие степень лиценциатов римского права, но продолжавших считаться студентами факультета канонического права Парижского университета. По-видимому, они стремились сохранить за собой университетские привилегии, которых было немало: многочисленные налоговые льготы, право судиться судом парижского прево – королевского хранителя университетских привилегий.

Но и окончательно оставившие обучение лиценциаты не порывали с корпорацией. Их приглашали на некоторые университетские ассамблеи и напоминали о присяге, некогда принесенной университету. Порой верность университету с трудом сочеталась со служебными обязанностями. Так, 22 ноября 1410 г. ректор направил в парламент своего пристава с приказом явиться на университетскую ассамблею, адресованным тем из судей, которые приносили присягу Парижскому университету. Парламент отверг этот приказ, постановив, что университетская присяга – частное дело парламентариев, которые должны хранить верность лишь королю. Впрочем, это не помешало в тот раз советникам и адвокатам парламента принять активное участие в ассамблее. Характерно, что даже влиятельные чиновники и прелаты опасались исключения из состава университетской корпорации. Помимо желания воспользоваться университетскими привилегиями, возможны были и иные мотивы. Участие в работе ассамблей могущественной корпорации повышало авторитет чиновников и прелатов, позволяло им влиять на выработку важнейших решений (и даже возмущаться, если без них обсуждался какой-нибудь важный вопрос). Именно за счет “выпускников” и было набрано фантастически большое число членов корпорации – десять тысяч докторов и магистров, принявших в 1394 г. участие в голосовании по вопросу о Схизме.

Но, как указывал Жан Жерсон, связь университета с провинцией подкреплялась главным образом тем, что студенты и магистры Парижа не порывали отношений со своей прежней средой, с семейными и территориальными общностями. Родственники помогали студенту деньгами, переводили на его имя имущество. Иногда и они рассчитывали тем самым использовать его университетские привилегии, но пребывание студента в университете было лишь частью семейной стратегии целого линьяжа. За удачной карьерой одного из лиценциатов следовало продвижение его племянников, кузенов и свояков – будь то родственники могущественного кардинала де Дорманс или секретаря парламента Николя де Бэ, сына сельского бондаря-серва.

Регулярные сношения университета с провинцией осуществлялись при помощи системы университетских посланников – *messagers*, – пред-

ставлявшей собой прообраз регулярной почтовой службы. В XIV–XV вв. число их доходило до 250, они избирались нациями университета (землячествами) среди купцов тех городов, откуда родом были студенты. “Gros messagers” (“большие посланники”) предоставляли ссуды студентам, выступая в роли банкиров. Messagers volants (“летучие посланники”) развозили почту, деньги и небольшие посылки, пользуясь за это всеми привилегиями университетских “подданных” (suppots).

У себя дома уроженец Авранша мог и не ощущать своей связи с жителями Руана, но очутившись в Парижском университете они оба оказывались членами единой нации – землячества. Четыре нации парижского факультета искусств (англо-германская, пикардийская, нормандская и французская) были автономными корпорациями, образовывавшими наряду с тремя высшими факультетами (права, медицины и теологии) университетскую федерацию.

Прибывший в Париж студент приписывался к одному из преподавателей “своей” нации. Затем магистр-руководитель вносил студента в книгу прокурора нации, чтобы в дальнейшем представить его к экзамену на степень. “Нация” играла базовую роль во всей системе присвоения степеней, имевших, как мы помним, основополагающее значение для функционирования университетов.

Минео Танака, предприняв тщательный анализ “Книги прокуроров” и “Счетной книги” англо-германской нации Парижского университета, установил, что вопреки официальным предписаниям статуты, студенческая свобода выбора преподавателя была весьма ограничена. Достаточно часто землячество приписывало студента к тому или иному магистру. Чаще всего им был уроженец той же местности или, за неимением оного – житель ближайшей провинции. Для студента-венгра таким руководителем мог быть магистр из Австрии или Польши, для датчанина – швед. Но из этого правила бывали и исключения. Иногда руководителем шотландских студентов мог становиться немец, немцев – голландец и т.д. Это, как правило, совпадало с исполнением магистрами важных поручений. Университет систематически отправлял делегатов к папе для вручения “ротулов” – списков лиц, для которых испрашивались церковные бенефиции. Каждая нация и каждый из высших факультетов выделял для этого своего особого представителя – нунция. Эта миссия требовала солидных расходов, которые частично оплачивались теми, чьи кандидатуры были внесены в ротулы, а остаток должен был покрываться из казны нации, чей бюджет был весьма ограничен. Но протоколы показывают, что университетские нунции как раз в год своего посольства представляют к защите наибольшее число студентов, в число которых могли, помимо их земляков, входить жители иных провинций. Так, например, в 1362 г. магистр Вильгельм Буцер из Хейздена был отправлен нунцием к папе Урбану V. В тот же год из 14 кандидатов, представленных английской нацией к получению метризы (третьей и наиболее почетной степени на факультете искусств) 11 человек назвали своим руководителем именно Буцера. В 1415 г. во время “детерминации” – экзамена на присвоение степени бакалавра – 17

кандидатов из 33-х были представлены под руководством Вильгельма Лохемского, посланника англо-германской нации на Констанцском соборе. Так корпорация частично решала проблему материального обеспечения своих послов, что служит также и косвенным доказательством наличия некоего материального вознаграждения магистра со стороны студента. Поскольку благосостояние нации и ее магистров напрямую зависело от числа студентов, то понятно, почему землячества столь упорно отстаивали права на уроженцев “своей” территории. Так, в 1436 г. университет сотрясал конфликт по поводу трех студентов из Жизора (города, расположенного на границе Нормандии и Иль-де-Франса), внесенных в списки французской нации, но востребованных нацией нормандской.

Нация оказывала поддержку не только студентам и магистрам факультета “искусств”, но и своим членам высших факультетов. Нация ходатайствовала перед этими факультетами или отдельными коллегиями о предоставлении помощи своим землякам, помогала нести им расходы, связанные с получением степени, стояла на страже их интересов. Фома из Кракова, например, получивший степень магистра искусств в 1401 г., через два года просит заступничества у англо-германской нации, поскольку его не представили вовремя к экзаменам на степень лиценциата канонического права. Но если мэтр по каким-то причинам выбывал из своей нации, его положение в университете заметно осложнялось. Николай из Склавонии, получивший степень магистра искусств еще в 1418 г., в 1425 г. не был допущен к степени на теологическом факультете. Он увидел в этом происки англо-германской нации, из которой был в свое время исключен, и затеял процесс в Парижском парламенте. Любопытна аргументация сторон – университетская администрация мотивировала задержку в продвижении Николая из Склавонии необходимостью дополнительного времени, дабы удостовериться в высоких качествах будущего теолога, призванного нести слово Божие в стране, столь близкой к сарацинским землям. На что обиженный магистр указывал, что он уроженец Венгрии, христианской страны, равно удаленной как от Парижа, так и от сарацинских земель, к тому же Венгрия – древняя христианская страна Паннония, явившая миру святого Мартина. Но судебный процесс тянулся в Парламенте вплоть до 1438 г.

Итак, нация выступала в роли институциональной базы для получения степени и для последующих ходатайств о присвоении церковных бенефициев. Но она отнюдь не была чисто формальным образованием, обладая силой и живостью реальной общности, основанной на взаимной поддержке. У каждой университетской нации, а иногда и у “провинции” была своя часовня или капелла для проведения ассамблей. В церкви Сен-Жюльен-ле-Повр проводила заседания пикардийская нация, прежде чем возвести свою собственную капеллу на улице Фуар. “Англичане” собирались в церкви Сен-Ком или в коллегии якобинцев. Французская нация избирала местом встречи церковь Сен-Николя-де-Шардонне, а также – капеллу Наваррской коллегии. Впрочем, бретон-

цы, составлявшие отдельную провинцию в составе французской нации, отстроили собственную капеллу, посвященную святому Иву. Этот святой, канонизированный в 1347 г., был особо чтим в университете. Бретонец по происхождению, Ив Элори учился в университетах Орлеана и Парижа. Несмотря на благородное происхождение, он оставался долгое время простым сельским кюре и лишь в 1284 г. стал официальным при епископе Реннском, где использовал свое юридическое образование, “защищая богатых против бедных”, не взимая деньги за свое участие в судебных процессах.

Святой Ив был бретонцем,
Адвокатом, но не вором,
Вещь народу дивная –

так славили святого, чья часовня была возведена в самом центре университетского квартала. Святой Ив становится патроном братства парижских адвокатов и прокуроров, а также бретонских студентов и магистров. Многие прелаты и чиновники бретонского происхождения, некогда учившиеся в Париже, оставляли свои вклады этой капелле. Именно отсюда, из Парижа культ святого Ива распространяется в Бретани, где он читается как святой патрон всего герцогства наравне со святой Анной. Так парижское землячество способствовало складыванию региональной идентичности.

Но чувство региональной солидарности ярче всего обнаруживалось во время конфликтов. Столкновения между землячествами были давней традицией парижских школяров. Еще на заре университетской истории Яков Витрийский в начале XIII в. сетовал: “... даже различие стран возбуждало у них несогласия, ненависть, сильные ссоры, и они бесстыдно преследовали друг друга всякого рода бранью и оскорблениями. Англичан они называли пьяницами и шутами; детей Франции – гордыми, изнеженными и изукрашенными, как женщины; они говорили, что немцы на своих праздниках ведут себя неприлично и по-скотски, нормандцев называли тщеславными самохвалами, жителей Пуату – вероломными и льстецами; бургундцев – грубыми и глупыми, бретонцев – легкомысленными и непостоянными. Вследствие подобных оскорблений часто дело переходило от слов к потасовке”.

Конфликты между университетскими нациями часто возникали из-за пустяков или носили рутинный характер (например, из-за очередности выдвижения на ректорскую должность), но на рубеже XIV–XV вв. они могли отражать и реальные противоречия, раздиравшие страну и весь Христианский мир.

В XIII в. англичан было настолько много в Парижском университете, что они дали имя целой нации, первоначально делившейся на две провинции: “angli” и “non angli”. Постепенно все больше становилось выходцев из Германии и Скандинавских стран, а с началом Столетней войны в Париже остались лишь считанные единицы англичан. Но старое название “английская нация” осталось, и лишь в XV в. ее стали официально называть германской. Сохранившаяся “Книга прокуроров

нации” показывает, что за время с 1333 по 1452 г. из 1806 человек в Париже получила степени лишь дюжина англичан – выходцев из Йоркшира, приписанных к Шотландскому землячеству (провинции), куда входили все уроженцы Британских островов, составлявшие 16% от общего числа известных нам членов англо-германской нации. Самой многочисленной была Кёльнская провинция (52% всех магистров и студентов, упомянутых в документах нации), куда причисляли выходцев не только с территории Кёльнского архиепископства, но и Утрехтского и части Льежского диоцезов. Следующими по многочисленности были Северо- и Южно-Майнцские провинции (соответственно 8 и 6%), далее шла Датско-Шведская провинция – 5,4%, провинции Пруссия (Рига, Шверин) – 4,5%, Трев (восточные области диоцезов Трев и Мец) – 3,5% и по одному проценту и менее в провинциях Магдебург, Польша, Богемия, Австрия, Венгрия.

Соотношение между различными провинциями менялось. Во времена англо-французской монархии резко сократилось число прибывающих в Париж шотландцев, давних врагов англичан. В период Схизмы уроженцы областей, признающих Римского папу, не решались направляться в университет, верный папе Авиньонскому, тем более, что они не могли рассчитывать на получение церковных бенефициев от “антипапы”. Существенную, хотя и неоднозначную роль играло открытие все большего числа новых университетов – в Праге (1347), в Кракове, Вене, Эрфурте, Гейдельберге, и, наконец, в Кёльне (1388), создание которых было особенно ощутимо для Парижа, поскольку именно выходцы из Кёльнской провинции составляли большинство членов англо-германской нации в Париже. Так, Герхард Калкер, уроженец Кёльнского диоцеза, был в 1378 г. избран нацией для того, чтобы доставить ротулы из Парижа в Авиньон. Но он отказывается от этой почетной миссии, не желая признавать папу Клементя VII, и в 1379 г. отбывает на родину в Кёльн. Когда Римский папа Урбан VI основал там университет, имя Калкера красовалось на почетном первом месте его матрикула. Впрочем, Кёльнская провинция и в XV в. оставалась самой многочисленной в составе германской нации Парижского университета за счет увеличения числа студентов из Нидерландов.

Число выходцев из дальних областей сократилось в три раза к середине XV в. по сравнению с веком предыдущим (с 37% до 11%). Но это еще не свидетельствует об упадке университета. Социальная эволюция приводила в его стены все большее число студентов, и понятно, что Париж увеличивал свое пополнение за счет жителей близлежащих провинций (Севера и Северо-Востока Франции и Нидерландов), так же как университеты Ростока, Кёльна или Копенгагена принимали по большей части жителей соседних регионов. Но несмотря на относительное уменьшение доли студентов из дальних регионов Европы, Парижский университет сохранял очень широкий ареал рекрутирования.

В конце XIV в., в связи со Схизмой, серьезные трудности начала переживать пикардийская нация, объединявшая выходцев из 10 диоцезов, расположенных на территории современной Северо-Восточной Фран-

ции и Бельгии. Часть диоцезов входила в зону, где признавали не Авиньонского, а Римского папу. В дальнейшем сила и слабость “пикардийцев” определялись интегрированностью этой нации в политику герцога Бургундского. Пикардийцы, например, выступили с особой позицией на Констанцском соборе, стремясь дезавуировать осуждение университетом учения Жана Пти о тираноубийстве (выступление Жана Пти было предпринято в 1408 г. с целью оправдать действия герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного, чьи люди убили герцога Орлеанского). Во время англо-французской монархии позиции пикардийцев улучшились. В 1429 г., например, из всех бакалавров, допущенных к преподаванию на факультете канонического права, большинство составляли члены этой нации. Но их положение осложнялось по мере ослабления влияния герцога Бургундского в столице и вследствие создания университетов в подвластных ему землях (Дижон, Лувен). Высылка Людовиком IX из Парижа всех подданных Карла Смелого лишь усугубила трудности пикардийской нации.

Большой сплоченностью в начале XV в. отличалась нормандская нация в университете. Единственная из всех, она не была разделена на провинции и соответствовала семи диоцезам Руанской церковной провинции. Нормандцы неоднократно оказывались противопоставлены всему университету. Так, в 1414 г. нормандец Юрсен де Талевенд, влиятельный доктор теологии (именно он в 1413 г. возглавил движение против кабошьенов, захвативших власть в городе), обратился к университету с просьбой помочь ему получить сан епископа Кутанса. Ректор воспротивился, и возмущенные нормандцы учинили драку. В последовавшем разбирательстве на помощь землякам пришли все бывшие нормандцы – как доктора высших факультетов, так и вообще все находившиеся в ту пору в Париже чиновники и прелаты, некогда принадлежавшие к этой нации. В 1431 г., когда весь университет поддержал своего хранителя апостолических привилегий Пьера Кошона, претендующего на вакантное епископство Лизье (того самого Кошона, что руководил процессом над Жанной д’Арк), нормандская нация выступила с альтернативной кандидатурой, перенеся спор на суд Базельского собора.

Позиции нормандцев в университете также оказались ослаблены превратностями Столетней войны и тем, что англичане создали новый университет в Кане. Но характерно, что университетская нация не просто поддерживает своих земляков, но и пытается проводить в жизнь принцип назначения нормандцев в Нормандию. Это было схоже с принципами церковного галликанизма, провозглашаемыми в университете. Еще в 1407 г. Жан Пти (кстати, нормандец) клеймил папскую практику постоянной “перетасовки” епископов в чужие диоцезы.

Консолидация землячества, распространявшаяся за пределами факультета искусств, характерна и для “французов”, самой многочисленной нации, в которую входили выходцы из всех французских диоцезов, за исключением Нормандии и Пикардии, а также уроженцы Пиренейского полуострова и Италии. Во время уже упомянутого конфликта 1414 г., когда нормандцы оскорбили ректора (в ту пору им был пред-

ставитель французской нации), в здании капитула Нотр-Дам собрались все “французы” – доктора теологии, права и медицины, но также советники парламента и адвокаты, прелаты и каноники. Видимо, такие собрания были внове: современники удивлялись тому, что просторный зал оказался тесен.

Все более явным становится королевское покровительство “французам”. Так, в 1414 г. университетское празднование дня Святого Гильома (патрона этой нации) посещают принцы королевской крови, а в 1417 г. – сам король. Начиная с этого же года, университетская корпорация претендует на особые права при составлении ротулов. По-видимому, в этом сказывалось влияние примера Праги, где согласно Кутногорскому эдикту 1409 г. чешская нация получила тройное преимущество на университетской ассамблее. Но и во время англо-французской монархии роль “французов” оставалась весьма активной, и прокурор этой нации не боялся противоречить мнению прочих корпораций университета. После перехода Парижа под власть Карла VII доминирование этой нации в университете становится практически безраздельным. Все импульсы внутриуниверситетских преобразований и борьбы за сохранение привилегий исходят исключительно от нее.

Но деятельность университетских наций была далеко не единственным проявлением чувства региональной солидарности. На повседневном уровне не менее, а то и более важной была роль университетских коллегий. Изначально это были странноприимные дома для студентов, начавшие создаваться в XIII в. по образцу монастырских коллегий. Они являлись ассоциациями, наделенными уставами, регулирующими материальные, дисциплинарные и духовные аспекты общежития. Основатель коллегии жертвовал определенное недвижимое имущество (городские дома, угодья, ренты), которое в дальнейшем приумножалось вкладами со стороны прочих дарителей. Начиная с XIV в. к задачам материального обеспечения студентов и магистров добавились еще и педагогические функции, и факультеты постепенно становились все более похожими на конфедерацию отдельных коллегий. 37 коллегий были основаны до 1350 г., семь – в трудные годы второй половины XIV в. и лишь пять – в следующем столетии. Однако это еще не свидетельствует о кризисе университета. Благодетели стремились в тот период не столько основывать новые, сколько восстанавливать старые коллегии и открывать в них дополнительные места. За вычетом шести учебных коллегий монашеских орденов, большая часть была основана прелатами: епископами, архиепископами и кардиналами, канониками, архидьяконами. В числе основателей были также и влиятельные миряне из числа придворных. Как правило, в коллегиях предусматривались регулярные мессы и молитвы за души благодетелей – основателей или вкладчиков. Но, будучи по природе своей благотворительными заведениями (и эта роль сохранялась, несмотря на возрастание доли “платных” студентов), коллегии, за исключением Сорбонны, были открыты лишь для уроженцев определенной местности. Поэтому каждая из коллегий контролировалась соответствующей нацией. Под таким же кон-

тролем находились и “педагогии” – частные школы-пансионы. Нации следили за качеством преподавания, вмешивались в решение административных дел, и их приказы были обязательны для исполнения. Так, в 1443 г. французская и пикардийская нации сорвали решение высших факультетов о проведении торжественной процессии: нации запретили принципалам коллегий и содержателям “педагогий” выпускать учеников на улицу в этот день.

Именно через коллегии регионы могли оказывать более определенное влияние на университет. Чаще всего основатель коллегии предназначал места в ней для уроженцев того диоцеза, где он родился или достиг наивысших успехов. Делами коллегии часто ведал его душеприказчик из числа родственников, преемник по должности или земляк. Например, по завещанию Жана де Ла Марш, аудитора в Авиньонской курии, уроженца города Марш, что в герцогстве Бар, место принципала основанной им коллегии должно было достаться клирику из города Марш или, в крайнем случае, уроженцу герцогства Бар. Предпочтение при распределении мест оказывалось родственникам основателя.

На рубеже XIV–XV вв. большое значение приобрела коллегия Бовэ, также именовавшаяся коллегией Дорманс по имени основателя – кардинала Жана де Дорманса, епископа Бовэ. Она была открыта не столько для бовезийцев, сколько для земляков кардинала – выходцев из Суассонского диоцеза. В начале XV в. места в ней распределял аббат суассонского монастыря Сен-Жан. В 1407 г. магистры и студенты коллегии пожаловались на него в Парламент, поскольку аббат отказал в месте преподавателя достойному кандидату, уроженцу города Реймса, предпочтя ему магистра, лишенного иных достоинств, кроме своего происхождения из Суассона. Парламентская комиссия в тот раз утвердила более компетентного магистра, с оговоркой, что это решение не должно создавать прецедент, ущемляющий права аббата. Характерно, что разбирательство было поручено бывшим выпускникам коллегии из числа парламентариев. Они, по всей видимости, образовывали своеобразный попечительский совет, инспектировавший эту коллегия.

Самой известной была Наваррская коллегия, основанная еще в 1305 г. Жанной Наваррской, женой Филиппа IV и последней наследницей графов Шампани. Богатая коллегия предоставляла 70 мест для студентов и магистров из Шампани, впрочем, требования к происхождению не были слишком строги. Эта коллегия находилась под покровительством короля. Ее учениками числились принцы крови. На ежегодной мессе в честь патрона коллегии – святого Людовика – иногда бывал сам король. Когда в 1411 г. разгорелось соперничество из-за должности главы Наваррской коллегии, проигравшему в качестве компенсации было обещано место епископа Суассонского – столь велик был престиж этого заведения. Открытость гуманистическим веяниям, обширная эрудиция, элегантность стиля – все это характеризовало прославленных выпускников коллегии: Пьера д’Альи, Жана Жерсона, Николая де Кламанжа, сохранивших чувство некоей общности, несмотря на приверженность к разным политическим группировкам.

Отправляя детей в Париж, провинциалы рассчитывали, что им удастся завязать ценные связи, найти могущественных покровителей. Пожалуй, наилучшие шансы были в тот период у выходцев из Шампани, которые могли поступить в одну из влиятельных коллегий: Наваррскую, Дорманс, Реймскую и коллегия де Ла Марш, открывавших хорошие возможности для социального продвижения. Уже приводился пример парламентского секретаря Николая де Бэ, серва по происхождению; наряду с ним еще как минимум трое уроженцев Шампани весьма скромного происхождения сделали благодаря своей образованности неплохую карьеру в Парламенте.

Влиятельную группу в Парламенте составляли также и нормандцы. В основном это были клирики, выходцы из семей горожан. Своим авторитетом они были обязаны университетской карьере, своему многолетнему преподаванию на факультете канонического права. Франсуа Отран приводит в этой связи редкий пример формирования группы друзей – единомышленников не только в коллегиях, но и в “sodalitia”, товариществе студентов, совместно снимавших жилье и отличившихся, как показывает анализ их библиотек, интересом к только входившему тогда в моду “Новому благочестию”. Существовали и иные группировки в среде парижского клира и королевских чиновников, объединявшие земляков, имевших общее университетское прошлое (лимузенцы, бретонцы и др.). Как это нередко бывает, “обделенными” в этом отношении были жители столицы. Лишь в исключительных случаях они могли попасть в некоторые из коллегий.

Конечно, существование партий, группировок и клиентел объяснялось отнюдь не совместным обучением. Но университет мог стать в ряде случаев одним из ключевых элементов в формировании “партии”, не оставаясь лишь сторонним наблюдателем.

Помимо своей роли “цемента” для кланов элиты, университетская дружба могла иметь и самостоятельное значение. Герцог Филипп Смелый приказал своему вассалу захватить епископа Камбре – Пьера д’Альи, но приказ этот не был выполнен, поскольку вассал некогда учился у Пьера д’Альи в Наваррской коллегии. Когда во время арманьякского погрома летом 1418 г. разъяренная толпа осадила дом советников парламента – братьев Буше, сеньор де Иль-Адам, командовавший бургундскими отрядами в Париже, спас своих противников – арманьяков, с которыми учился в университете.

Итак, роль землячеств в судьбах обладателей университетской степени была весьма ощутимой. Не менее значимой была роль университета в формировании семейно-территориальных группировок чиновников и духовенства. Но можно ли говорить, что университет выражал чаяния провинций?

На Генеральных штатах 1355–1358 гг. университет поддержал группу “реформаторов”. После попытки властей распустить Штаты, депутаты самочинно собрались в университетской коллегии Кордельеров, ставшей штаб-квартирой “оппозиции”. Из 34 депутатов в комиссии, созданной Штатами для разработки проекта реформ, семеро были

членами Парижского университета. Люди с университетской степенью входили в окружение Этьена Марселя.

Города охотно избирали своими депутатами студентов, бакалавров и магистров Парижа – тем самым они получали квалифицированных и красноречивых представителей, связь с которыми облегчалась наличием системы университетских посыльных – messagers. Городам удавалось таким образом сократить обременительные расходы на снаряжение делегаций и на их эскорт (по данным Рене Феду, города XV в. вообще охотно брали на службу студентов высших факультетов, используя их как своих посланников, поверенных и ходатаев).

На протяжении всего периода с 1484 по 1614 г. в составе участников Генеральных штатов неуклонно повышалась общая доля обладателей университетской степени среди депутатов от духовенства и третьего сословия. Но университет мог играть активную роль и сам по себе, in сопроге. Звездным часом университета было участие его в заседании Штатов 1413 г., не случайно даже два века спустя, во время дебатов по поводу возможных форм представительства университета на Генеральных штатах 1614 г. постоянно обсуждался этот давний прецедент.

Тогда, в 1413 г. университет совместно с муниципалитетом составил “Ремонстрацию” королю с изложением программы преобразований, приняв затем участие в подготовке так называемого “кабошьенского ордонанса”. В “Ремонстрации”, среди прочих требований, содержался призыв к учету мнения провинций. Особо оговаривалась роль университета в выявлении злоупотреблений на местах, его информированность: “Вашей дочерью [университетской корпорацией] были получены от многих честных людей, которым дороги Ваши честь и благосостояние, многие письменные документы, извещающие об упомянутых злоупотреблениях”. Как мы помним, схожие идеи высказывал Жан Жерсон, сравнивавший университет то с зеркалом, отражающим все королевство, то с Аргусом, чьи недремлющие очи видят все случаи угнетения.

Университет вел активную переписку с провинцией и со всем Христианским миром: с другими университетами, с прелатами и капитулами, с городскими общинами и сеньорами. Он получал письма и рассылал послания, касающиеся различных политических событий. “Обращаемся к добрым городам и к другим достойным общинам королевства” – такова была типовая формулировка.

Конечно, роль защитника прав, свобод и привилегий “народа” с большим успехом исполняли не университеты, а парламенты, историки даже называют их “Генеральными штатами в миниатюре”. На долю университета выпала лишь роль одного из выразителей общественного мнения. Однако в утверждении принципов представительства, в воспитании уважения к обычаям и привилегиям различных общин, к индивидуальным “правам и свободам”, университет сыграл роль гораздо большую, чем спорадическое участие корпорации в работе Штатов. Речь идет о повседневной практике университетской жизни, о сложившихся нормах университетской демократии, которые впитывались в

плоть и кровь каждого бывшего студента, оказывая затем подспудное влияние на формы его мышления и поведения. В своей дальнейшей деятельности они оставались “людьми совета”, предпочитавшими авторитарным методам коллегиальное принятие решений в результате многочисленных обсуждений и споров.

Наиболее убедительно взаимосвязь университета с идеей представительства прослеживается во всех делах, связанных с Великой схизмой (1378–1417). Когда в 1379 г. Карл V потребовал от университета безоговорочной поддержки авиньонского папы Климента VIII, ассамблея университета приняла решение о необходимости согласия по данному вопросу всех входящих в него общин, а не простого большинства голосов. Пикардийская и англо-германская нации долгое время отказывались признать Климента и, таким образом, участие университета в Схизме оттягивалось.

В 1394 г., во время упомянутого выше голосования по определению путей выхода из Схизмы, магистры и доктора опускали в прорезь огромного сундука листки со своими предложениями. Счетная комиссия, состоявшая из представителей четырех наций и трех факультетов, сформулировала три варианта возможных действий. Николя де Кланжу, прославленному своими риторическими способностями, было поручено составить на их основе предложения от университета. Уже тогда большинство склонялись к созыву Вселенского собора.

В 1409 г. университет активно участвовал в Пизанском соборе, где его делегация воспроизводила структуру корпорации: по два депутата от высших факультетов и по одному магистру от наций (последние избирали ректора делегации). Но самым впечатляющим было влияние университетов и их опыта на Констанцском соборе. Именно университеты наиболее настойчиво добивались его созыва. В нарушение канонической традиции, в нем приняли участие не только епископы, но и доктора, магистры, каноники, аббаты, посланцы городов и от светских правителей. По-видимому, именно университетский опыт позволил нейтрализовать влияние многочисленных итальянских епископов, на чью беспрекословную поддержку рассчитывал папа. Собор провел решение о голосовании по нациям (английская, французская, германская, итальянская). Таким образом, несмотря на свое численное превосходство, итальянские прелаты неизменно оказывались в меньшинстве.

В годы Схизмы окреп галликанизм. Университет много сделал для обоснования его принципов, утверждая, что папские представители могут принимать какие-либо решения, относящиеся либо ко всему галликанскому духовенству, либо к какой-нибудь церковной корпорации только с согласия последних. Но схожие требования университет предъявлял и к светским правителям. Так, в 1433 г. власти разрешили выкупать так называемые вечные ренты с недвижимости. Это постановление, призванное стимулировать строительство в опустевшем за время войны Париже, затрагивало интересы университета: коллегии могли лишиться источников постоянного финансирования. Выступая в Парламенте от имени университета, теолог Гийом Эرار выдвинул ряд

аргументов против этого “закона, который правильнее назвать беззаконием”. Говорилось о страданиях, претерпеваемых в Чистилище душами благодетелей, лишившихся заупокойных месс, которые обеспечивались за счет земельных рент. Говорилось и о неминуемом упадке образования, что должно привести к запустению города. Но и само постановление оратор называл “не имеющим силы”, поскольку оно не обсуждалось университетом, а “всеми известно, что тот, кто хочет издать закон или новое установление, должен прежде всего спросить мнение тех, кого он касается”.

Теоретически обосновывая защиту индивидуальных и коллективных свобод и привилегий и законность сопротивления тиранической власти, университетская корпорация проявляла виртуозность в отстаивании собственных прав. Университетская история состоит из бесчисленных эпизодов упорной борьбы корпорации за сохранение своих прерогатив. Конфликт с “любимой дочерью короля” стоил постов парижским прево Гюгу Обрио (1382) и Гильому де Тиньовиллю (1409). За оскорбление университетской процессии в 1402 г. знатный вельможа Шарль де Савуази вынужден был снести свой особняк, выплатить огромный штраф и временно покинуть Париж. В 1453 г., когда по общему убеждению, университет уже потерял свой авторитет и независимость, стрелок парижского прево после стычки со студентами чувствовал себя в безопасности только сражаясь с англичанами в далекой Гиени, подальше от гнева корпорации.

Университет обладал многими средствами для защиты своих прав и поддержания авторитета: угроза исключить королевских чиновников и прелатов за несоблюдение корпоративной присяги, апелляция к солидарности всех бывших студентов, наложение на противников церковного осуждения, обращение в суд. Действенной была и угроза сецессии – учебной забастовки и возможного переноса занятий в другой город, что наносило ущерб политическому престижу королевства и экономическим интересам горожан. Но официальные документы, указывая на негативные последствия сецессии, в первую очередь отмечают прекращение проповедей, месс и молитв, возносимых людьми университета, что может лишить небесного покровительства столицу христианейшего короля, а, следовательно, и все королевство. На этом основании право университетской сецессии было аннулировано в 1499 г. Но у университета оставалось еще одно грозное оружие: обращение к общественному мнению горожан. Университет располагал армией проповедников, а в случае необходимости важнейшие постановления университета могли составляться на французском языке, расклеиваться на улицах и зачитываться с амвонов.

Королевская власть также располагала целым арсеналом разнообразных методов воздействия на университет – от ареста его деятелей, запретов затрагивать злободневные вопросы на диспутах и проповедях, до лавирования и уверений в уважении, неизменно питаемом королем к “светочу знаний и веры”, подтверждения привилегий университета и поисков своих сторонников в его стенах.

Таким образом, не только университет вел диалог с королевской властью и учил этому искусству страну, но и король в общении со своей строптивой “дочерью” шлифовал методы управления самыми разнообразными структурами – от провинций до корпораций, не затрагивая напрямую систему их привилегий.

Роль университета как своеобразной “школы представительства” вполне очевидна. Но это лишь одна, видимая сторона проблемы. Университетский пример показывает, насколько важны для политической жизни страны, для поддержания ее единства оказывались скрытые, неформальные связи между людьми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Малинин Ю.П.* Средневековый “дух совета” // Одиссей, 1992. М., 1994. С. 176–192.
- Autrand F.* La naissance d'un Grand corp d'Etat: Les gens du Parlement de Paris. P., 1981.
- Cazelles R.* La société politique: Noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. P., 1982.
- Crevier J.-L.-B.* Histoire de l'Université de Paris. P., 1761. Т. III–IV.
- Favier J.* Paris au XVe siècle: 1380–1500. P., 1974. (Col. Nouvelle Histoire de Paris).
- Fedou R.* Les hommes de loi lyonnais à la fin du Moyen âge. Lyon, 1964.
- Gerson J.* Oeuvres complètes. P., 1968. Т. VIII. P. 1145.
- Guéné B.* Tribunaux et gens de justice dans le baillage de Senlis à la fin du Moyen âge. P., 1963.
- Kibre P.* The Nations in the Medieval Universities. L., 1948.
- Tanaka M.* La nation anglo-allemande de l'Université de Paris à la fin du Moyen Age. P., 1992.
- Tuilier A.* Un conflit entre un étudiant croate et l'Université de Paris au XVe siècle // Mélange de la Bibliothèque de la Sorbonne. 1986. P. 37–103.

КАК ГОРОЖАНЕ ВСТРЕЧАЛИ СВОЕГО СЕНЬОРА

Adventus domini – торжественный въезд государя в город и встреча его горожанами – является без сомнения одним из древнейших “политических” ритуалов в Старом Свете. Средневековая Европа унаследовала обряд “въезда” государя от предшествовавших эпох – в нем можно обнаружить отчетливые следы и эллинистических традиций встречи правителя, и римских въездов императоров и “триумфов”. Восприняты из далекого прошлого были не только общие принципы организации ритуального действия, но и многие его конкретные детали. Так, итальянские горожане XV в. выводили навстречу государям своих детей, украшенных зелеными венками, точно так же, как их языческие предки во времена Древнего Рима. Раннехристианское “теоретическое” уподобление въезжающего в город государя Иисусу Христу, вступающему в земной или даже мистический Небесный Иерусалим, сохраняло свою актуальность на протяжении всего средневековья.

Преемственность, впрочем, не означает неизменности. Существенные стороны ритуала встреч постепенно трансформировались под влиянием таких факторов, как, например, складывание городской общины “средневекового типа” (с XII в.) или же усиление власти государей в ходе так называемой государственной централизации (XIV–XV вв.).

Конец собственно средневекового *adventus* можно связывать с “изобретением” в ренессансной Италии антикизированных “триумфов”, постепенно вошедших в моду по всей Западной Европе и лучше отвечавших пышностью и “идеологической цельностью” вкусам наступавшей эпохи абсолютизма.

Общая схема въезда государя на протяжении средневековья в самых разных странах выглядела примерно одинаково. Как правило, встреча проходила в несколько этапов: прибывавшего государя как бы постепенно вводили в мир города. Первая группа высокопоставленных горожан ждала князя на самом дальнем рубеже городских владений, чтобы составить ему почетный эскорт по дороге к городу. Другая собиралась уже у самих городских ворот. К воротам местное духовенство выносило и реликвии – мощи особо чтимого святого или же святые дары.

Один из исходных смыслов процедуры встречи состоит в том, чтобы обезопасить обе стороны друг от друга, исключить взаимное ущемление прав и не допустить снижения статуса одной из сторон. Именно поэтому наличие святых реликвий в этом ритуале оказывается обязательным – оно уменьшает, пускай сугубо гипотетическую в большинстве случаев, но все же никогда полностью не исключенную возможность возникновения конфликта между “чуждыми” друг другу силами – князем и городом. Любопытно, что даже в выборе святыни для встречи князя заметен характерный партикуляризм бюргерского самосознания. Всеобщая христианская реликвия – Тело Господне – “участвует” во встречах преимущественно в малых и ничем не примечательных городах, которые не могут похвастаться собственными особенными ценностями. Но если у общины есть свой святой покровитель, то этот локальный святой полностью затмевает собой “универсального” Христа – и там опресноки навстречу князю уже обычно не выносят.

Предъявить “своего” святого заступника оказывается необходимым даже тогда, когда неблагоприятные обстоятельства заставляют отказаться от большинства иных церемоний. Так, во Франкфурте-на-Майне при въезде императора в 1474 г. лил столь сильный дождь, что и государь не пожелал выходить из экипажа, и горожане предпочли побережь свои святыни и оставить их в храме – все, за исключением одной-единственной, зато самой драгоценной. Мокнуть под ливнем пришлось реликвию с головой апостола Варфоломея – главного небесного патрона франкфуртского городского храма, а значит, и всех горожан.

У ворот города (с той или иной их стороны), то есть как бы на черте, отделяющей городской мирок от внешнего мира, государь уважительно приветствует и небесного патрона общины – “главного горожанина” – и вполне земных городских начальников. Здесь же князь неред-

ко получает и ключи от ворот. Хорошее описание этой сцены дошло из Санкт-Галлена, где в 1442 г. бургомистр вместе с членами городского совета вручил прибывшему императору ключи от всех городских ворот, “подвешенные на деревянной крестовине”. Государь взял их, потряс в воздухе и вернул обратно бургомистру с напутствием, чтобы тот вместе с остальными членами городского совета и впредь так же хорошо, как до сих пор, берег свой город и хранил верность империи.

Государю в церемонии вручения ключей следовало, кстати, проявлять особую осмотрительность. Дело в том, что ключи было принято передавать только непосредственному сеньору города. Если бы император, например, принял ключи от предлагавших их ему однажды жителей Трира, он создал бы крайне непростую правовую ситуацию. Горожане могли бы объявить, что отныне их город властью императора изъят из рук их давнего сеньора – архиепископа Трирского – и превратился в вольный город, подчиняющийся “империи” и никому более. Их хитрость не удалась – ключи приняты не были...

В разных городах Европы горожане требовали порой определенных “жертв” в свою пользу от прибывшего государя, особенно, если это – первое его появление в стенах города в новом статусе (епископа, короля или императора). Объектом притязаний встречавших чаще всего становился конь, на котором князь въезжал в городские ворота. Римский папа, по крайней мере с XIII в., терял своего коня в пользу городских “сенаторов” или консулов в итальянских городах, но и жители южногерманского Констанца, несмотря на все протесты папы Иоанна XXIII, не постеснялись таким же образом забрать у него скакуна. В Ахене по традиции стражники городских ворот получали коня прибывшего в город для коронации короля. Практически во всех случаях “похищенного” коня можно было вообще-то выкупить обратно, но за небольшие деньги.

Взятие ритуального побора с прибывшего в город князя относится к числу широко распространенных в архаических обществах “обрядов перехода”. Такие rites de passage часто предполагали принесение каких-то жертв лицами, “пересекающими” определенный рубеж – не только “топографический” (например, линию городских стен), но и “социальный” (при повышении своего общественного статуса, скажем, в результате утверждения в роли главы городской общины).

От ворот государь вместе со своей свитой, духовенством, членами городского магистрата и охраной следовал верхом в процессии по празднично украшенным (а в темное время суток еще и ярко освещенным) улицам между толп зрителей, чей напор сдерживала “милиция” из вооруженных членов цехов, к главному храму города. На протяжении всего пути самые высокопоставленные лица города несли над головой князя красивый балдахин – конечно, если государь из скромности и смирения не отказывался от этой чести. Общее настроение передается в источниках часто единственным словом – “радость”, которым, очевидно, выражается не только эмоциональное состояние горожан, но и их лояльное отношение к своему сеньору. “Радость” обязана царить по

всему городу, в который вступает его милостивый государь, без всяких исключений. В Нюрнберге, например, “радовались”, по мнению хрониста, даже больные и немощные в городском приюте, хотя они вряд ли могли даже из окон наблюдать за торжеством. “Радость” – слово, применительно ко княжеским въездам настолько принципиальное, что и они сами в бургундской традиции получили название “радостные вступления” – *les joyeuses entrées*.

И все же, по крайней мере, одна сторона церемонии “въезда” не могла доставлять особой “радости” отцам города. Древний обычай позволял преступникам, изгнанным из города, вернуться в него, держась за край одежды торжественно вступающего в город государя (епископа, короля, королевы), за его стремя, за его экипаж, за сбрую государева коня и т.д. Не удивительно, что городские магистраты всячески боролись с этим правом своего сеньора. Сначала пребывание вернувшихся в свите государя изгнанников начали ограничивать длительностью визита самого князя, вместе с которым им предписывалось город и покинуть. А затем горожане стали успешно добиваться от своих государей привилегий, вообще отменявших сеньориальное право “возвращения преступников”.

Обычное средневековое описание процессии, двигавшейся по улицам города от ворот к центральному храму, состоит в довольно меланхоличном перечислении порядка шествия и кратком описании характерных деталей костюмов или вооружения разных групп участников. Очередность движения как таковая, сама по себе, чрезвычайно интересовала наблюдателей – следя за ней, они, очевидно, ощущали упорядоченность того социального мира, в котором им приходилось существовать. И лишь сравнительно редко внимание хрониста или нотариуса привлекали какие-то “посторонние” детали вступления князя в город. В памяти очевидцев и потомков могли сохраняться эпизоды, скажем, комического, на их взгляд, свойства. Например, в 1442 г. в Цюрихе шесть с лишним сотен конных цюрихских бюргеров сопровождали короля Фридриха III во время его вступления в город. Когда бюргеры увидели впереди на улице посольство из кантона Швиц (отношения с которым в тот момент у цюрихцев были не из лучших), они пришпорили своих рысаков. Бедным послам из Швица пришлось спешно ретироваться в один из боковых переулков, чтобы не быть сметенными стремительно скачущей массой конников.

Довольно своеобразный княжеский въезд запомнился жителям Венны в 1485 г. Венгерский король Матиаш Корвин долго осаждал столицу Габсбургов, и вот, наконец, она сдалась и открыла счастливому завоевателю ворота. Матиаш вступил в город с явной целью предстать могущественным и достойным государем. Он решил потрясти венцев видом своих драгоценностей – королевскую казну провезли на глазах у всех в торжественной процессии, причем не как-нибудь, а на... двадцати четырех верблюдах. Обладание экзотическими животными и показ их при подходящем случае было с давних пор немаловажным приемом “самопредъявления” носителя власти. Однако тысяча быков, которые

Матиаш тоже включил в свою процессию, к числу редких “репрезентативных” животных отнести трудно. И все же их появление должно было понравиться венцам не в меньшей степени, чем демонстрация самых необычных зверей – ведь город находился в осаде много месяцев, и его жители уже всерьез голодали.

Авторы записок (как, кстати, и средневековые миниатюристы) совершенно не склонны были замечать толп горожан, глядевших на процессию. Порой в рассказах очевидцев присутствие прочих зрителей лишь угадывается за выражениями, вроде “и была там большая давка”. Между тем, по некоторым, весьма, впрочем, редким, свидетельствам, рядовые горожане далеко не всегда представляли собой пассивно внимающую происходящему массу. Порой их активность состояла в том, что они, если верить одному источнику, “бегали, высоко подпрыгивали и очень ликовали”, да так, что автор счел нужным особо похвалить въезжавших: ведь им удалось сохранить чинность и порядок посреди такого сумбура. Иногда мы слышим из толпы зрителей и голоса. В большинстве своем это вполне верноподданнические восклицания: “Здесь Австрия, здесь Австрия!” (при въезде одного из Габсбургов) или же, скажем: “Да здравствует император!” Однажды упоминается “танец мавров”, затеянный подмастерьями цеха рыбаков как бы “на краю” праздничной процессии. Очень редко встречаются любопытнейшие примеры пародирования или высмеивания княжеского въезда. Так, в 1471 г. в Регенсбург на рейхстаг приехало много имперских князей. Во время их вступления в город перед въезжавшими “бежали двадцать три фигляра с погремушками” в руках и “по своему обыкновению” хором кричали на весь город стишки о том, что вслед за ними едут высокородные князья и господа, падкие на выпивку, еду, шлюх и всяких подонков. Вряд ли случай в Регенсбурге – единственный, тем более, что и сам источник говорит о наличии у фигляров “обыкновения” вести себя подобным образом. Сатирическое обыгрывание княжеского въезда, его пародирование (кстати, не столько “отменяющее”, сколько “дополняющее” основное действие) может даже провоцироваться подчеркнутой торжественностью “официального” действия. Однако сохранившиеся источники в силу особенностей своего взгляда на происходящее, не отмечали случаи подобного “переворачивания” (в бахтинском понимании слова) церемонии adventus.

Совсем иначе, чем регенсбургские “фигляры”, реагировали базельские простолюдины (и их дети) в апреле 1474 г. на вступление в город эрцгерцога Зигмунда Габсбурга. В приветственных криках толпы можно было ясно расслышать отзвуки древнего уподобления прибывшего в город князя въезжающему в Иерусалим Иисусу Христу. Оживление такого культурного стереотипа, причем, не на “официальном” уровне, а в толпе простолюдинов, связано с совпадением двух обстоятельств. Прежде всего, не прошло и недели, как был схвачен ненавистный швейцарцам бургундский ландфогт Петер Хагенбах. Зигмунд появлялся как бы в роли спасителя, освобождающего горожан от бургундского ярма. Во-вторых, на настроении базельцев во многом сказыва-

лись пасхальные торжества, пришедшиеся как раз на те дни. Эта любопытная смесь воодушевления политического и религиозного породила довольно странный стишок, который в условном переводе (без сохранения рифм) может быть передан так: “Христос воскрес, ландфогт посажен, чему мы радуемся все. Да будет Зигмунд нам утехой, и да помилуй нас господь! Когда б его не посадили, царило бы повсюду зло. Но он в тюрьме, и не поможет ему теперь злодейский ум. Ну так помилуй нас господь!” Особую прелесть куплетам, конечно, придавал рефрен – это несколько искаженное греческое *Kyrie eleison* – “Господи, помилуй!”, придававшее уличной политической песенке неожиданное литургическое звучание.

После того, как процессия с прибывшим князем, его свитой и горожанами добиралась, наконец, до собора или главной городской церкви, государю предстояло выслушать там мессу. В ходе ее в отдельных городах считалось, по-видимому, уместным напомнить торжественно прибывшему сеньору-епископу (Безансон) или же королю (Нюрнберг) о бренности их власти. Прямо перед высоким гостем сжигали поднятый на шесте пучок пакли со словами: “Смотри, государь, так проходит слава мира!” Такая сцена – не что иное как “буквальная цитата” из церемонии введения в сан нового римского папы, но ученые церковники переносили (очевидно, по принципу аналогии) понравившийся им обряд и на совершенно иные ситуации общения с сильными мира сего.

После мессы государь мог, наконец, отправиться в отведенную ему резиденцию. Как правило, на следующий день туда приносили подарки – самому князю, его супруге, а также приближенным. Обычный дар государю представлял собой позолоченный серебряный кубок, наполненный золотыми монетами. Гостей весьма радовали и более прозаические подношения в виде всевозможной снеди. Так, скажем, в Вене охотно дарили рыбу – в основном из Дуная, но также и из городского рва. В Кёльне в 1442 г. под окна дома, где почивал после своего въезда король, горожане сначала прикатили огромные бочки с рыбой, затем пригнали двенадцать телег, на каждой из которых лежало по одной, но тоже очень большой бочке с вином. Потом появились десять возов с овсом, украшенные городскими вымпелами, а в конце еще и десять волов с гербами города Кёльна на лбах. (Такие “натуралии” относятся, надо полагать, к одному из наиболее древних слоев средневекового варианта церемонии княжеского въезда).

Если князь впервые встречался со “своим” городом, то всех полноправных горожан могли собрать на центральной площади, чтобы они, подняв к небу два вытянутые пальца правой руки и повторяя вслух слова клятвы, принесли присягу своему государю.

С XIV–XV вв. в документах все чаще упоминаются пиры и танцы в ратуше, которыми обычно и заканчивалось торжество княжеского въезда. Разумеется, на такие развлечения звали только “лучших людей” города – более того, соответствующая привилегия могла даже становиться одной из основных в определении статуса семейства. Так,

в ряде городов велись списки тех, кого “приглашают на танцы в городскую ратушу”, чтобы не допустить нарушения сословных границ.

К сожалению, подробности многих средневековых въездов неизвестны. “Сценарии” предстоящего *adventus* заранее не писали, кажется, ни люди въезжавшего князя, ни встречавшие их горожане. А если такие документы и составлялись, то их крайне редко считали нужным хранить *post festum*. Несколько лучше обстоит дело с описаниями уже состоявшихся въездов. Заметки о недавно прошедшем торжестве постепенно стало принято вести в той или иной форме во многих западноевропейских городах. Правда, записи такого рода делались (особенно на первых порах) не слишком систематически и часто не совсем официальными лицами. Так, например, во Флоренции княжеские въезды начинают описываться более или менее регулярно лишь с 1285 г., причем по инициативе не городского правительства, а отдельных членов епископского капитула. Коммуна же поручила вести официальные записи своему герольду лишь без малого два века спустя – в 1475 г.

К северу от Альп дело с систематической записью впечатлений от княжеских въездов обстоит, разумеется, хуже, чем в Италии. Торжественные въезды можно обнаружить лишь там, где достаточно развиты и городская жизнь, и княжеская власть, а привычку составлять отчеты о таких въездах – там, где уже достигнут приличный уровень культуры письменного слова. *Adventus* может рассматриваться в известном смысле как один из показателей развитости общественных отношений. Поэтому вполне естественно, что первый княжеский въезд в Брюгге, о котором известны какие-то подробности, относится к 1127 г., а первый торжественный въезд князя в Берлин состоялся только в 1471 г. Разница почти в три с половиной века хорошо показывает, с каким запозданием могли распространяться социальные инновации в Центральной Европе в направлении с запада на восток.

В германских землях XIV в. подробные рассказы о государевых въездах в города еще весьма немногочисленны (Цюрих, Любек, Франкфурт-на-Майне). Но и во Франции первые официальные записи королевского въезда в Париж были сделаны, насколько позволяют судить источники, только в 1350 г. Хотя упоминания о торжественных въездах римского папы встречаются начиная с конца XI в., они остаются лапидарными вплоть до самого “авиньонского пленения”. Более или менее систематические и подробные описания княжеских въездов начинают вестись в Западной Европе в целом только в XV в.

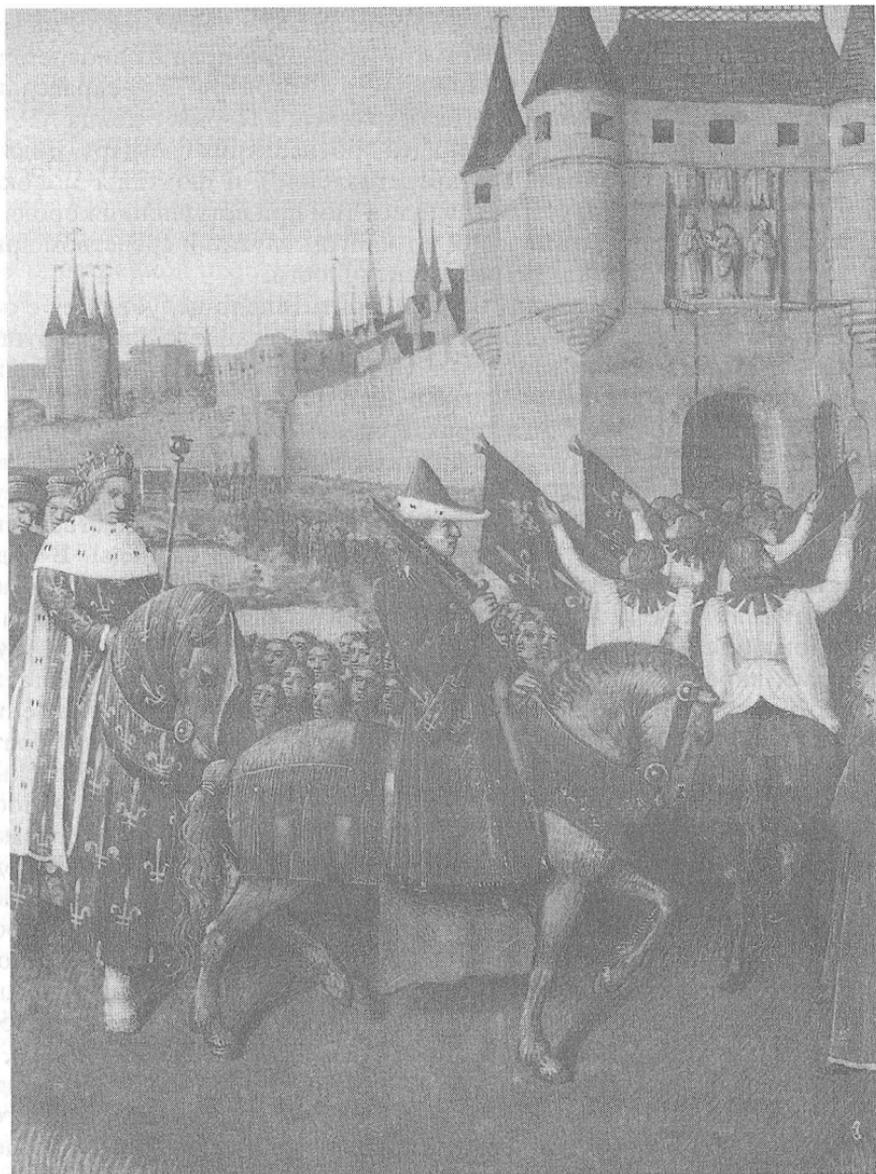
Отсутствие письменной фиксации само по себе не было, разумеется, серьезным препятствием для передачи основных черт любого ритуала (и в том числе ритуала *adventus*) из поколения в поколение на протяжении многих веков. Однако необходимость опираться только на “устную память” неизбежно вызывала определенные трудности всякий раз, когда нужно было воспроизвести уже некогда случившееся действие. Один пример из 1474 г. хорошо показывает и характер возникавших в таких случаях проблем, и те пути, на которых было принято искать их решения. Тогда среди членов майнцкого соборного капитула

разгорелся спор о том, что следует преподнести ожидавшемуся вскоре императору Фридриху III при его торжественной встрече. Одни хотели поступить на основании аналогии. Майнцкого архиепископа при его первом въезде в свой город принято одаривать возом доброго вина и 25-ю мешками овса. Соответственно и императору стоит поднести то же самое, но лишь в большем количестве. Другие же предпочитали опираться на прецедент. Они желали вручить государю серебряный кубок, ссылаясь на мнение какого-то (очевидно весьма пожилого) каноника Иоанна, который якобы помнил, как подобный кубок дарили тому же императору, но в другом городе и более тридцати лет назад.

Помимо зримого предъявления читателю двух “альтернативных” способов понимания традиции (аналогия или прецедент), приведенный эпизод интересен еще одной своей стороной. При всех спорах и несогласиях майнцским каноникам не пришло в голову узнать мнение самого государя или его советников по обсуждаемому вопросу. И это очень существенная черта средневекового въезда: сам государь, как правило, не мог определять характер своей встречи горожанами, и успех или неуспех торжественного въезда зависел в конечном счете не от него, а от жителей города. Это справедливо даже для Франции, где относительно сильная королевская власть смогла сравнительно рано начать навязывать подданным свои представления о репрезентации.

Конечно, сообщение источника о том, что в город незадолго до прибытия короля прискакал от него гонец, можно истолковать в том смысле, что этот-то посланец и привез четкие инструкции своего государя горожанам об организации предстоящей встречи. Однако на самом деле такие королевские представители занимались не постановкой предстоящей церемонии, а, например, обеспечением жилья королю и его свите и дров для государевой кухни и прочими нуждами низкой жизни. Если же король или князь вдруг начинал заранее выдвигать какие-либо церемониальные требования, то это выглядело подчеркнuto вызывающе. А за подобным вызовом угадывалась неуверенность в собственном положении, в том, что горожане действительно признают власть “своего” князя. Так, венгерский король Сигизмунд Люксембург, в 1411 г. объявленный Римским (то есть германским) королем (но, по мнению многих, совершенно незаконно), потребовал от горожан Франкфурта-на-Майне, чтобы те вывесили по своему городу к его приезду гербы империи и Венгрии. На это городской совет ответил весьма четко: Сигизмунду следует сначала добиться всеобщего признания своих прав в империи, “а что за гербы здесь развешивать, о том позаботятся сами франкфуртцы”. Въезд Сигизмунда во Франкфурт тогда так и не состоялся.

Хотя основные формы *adventus* и диктовались традицией, горожане имели в своем распоряжении богатую палитру средств, позволявших выражать приехавшему князю те или иные оттенки своего к нему отношения. При этом продемонстрировать, скажем, некоторое недовольство гостем можно было, и не выходя за рамки необходимой при встрече своего сеньора вежливости. Достаточно было, например, отменить

*Въезд Карла V в Париж 28 мая 1364 г.
Французская миниатюра середины XV в.*

те “дополнительные” пункты программы, что в прошлый раз своим числом и яркостью так подчеркивали тогда еще не успевшую остыть симпатию горожан к князю.

Такое “распределение ответственности” за успех государевой встречи между “въезжающим” и “принимающими” не должно удивлять – ведь весь ритуал *adventus* в своей обычной форме призван выразить не под-

чинение принимающей стороны въезжающему, а заключение между ними своего рода договора о взаимном признании прав с одновременным “опубликованием”, оглашением такого договора. Это справедливо даже для Франции, в которой въезды короля в Париж с конца XIV в. начинают все больше подчиняться идее прославления государя. Ведь и “живые картины” (театральные представления), и фонтаны молока, вина и прозрачной воды, устраивавшиеся там при вступлении короля и королевы, делались горожанами и во многом служили средством зримого выражения их коллективной идентичности.

Когда при въезде в город государь почтительно целует раку с останками главного местного святого – он целует главного жителя этого города – его святого покровителя, а следовательно, дарит поцелуй мира – *osculum pacis* – всем горожанам в лице их небесного патрона.

Договорный по своей сути характер церемонии княжеского въезда особенно откровенно выражен в ранних свидетельствах об *adventus* во Фландрии (XII в.) и Франции. Там горожане, прежде чем пускать государя в кольцо городских стен, заставляли его принести торжественную клятву в том, что он не будет нарушать городские свободы. В ряде рейнских городов – центров древних диоцезов – епископы могли на протяжении по крайней мере XV в. устраивать свои “первые въезды”, лишь договорившись предварительно с горожанами о том, как будут строиться впредь отношения между общиной и ее сеньором. Кстати, именно сложившаяся в поздней античности церемония вступления епископа в город – центр его диоцеза – весьма во многом послужила образцом в средние века для торжественных встреч горожанами и светских правителей. Епископам города Рима также, естественно, приходилось устраивать торжественные въезды в Вечный Город, однако со временем главную функцию *adventus domini* – взаимную “адаптацию” городской общины, с одной стороны, и епископа-сеньора, с другой, – здесь во многом приняла на себя несколько иная церемония. Сразу после коронации в храме св. Петра новый папа объезжал город в торжественной процессии, направлявшейся к Латеранскому дворцу. Судя по описаниям XV в., папа ехал, как и положено государю, сидя верхом на белом коне, держа в левой руке золотую розу (известна с середины XI в.), а правой благословляя толпящийся на улицах народ. Такой “объезд” (как и классический княжеский “въезд”) предполагал, помимо прочего, как бы “представление” государю основных групп городского населения, давал ему своего рода социографический портрет города. Давний римский обычай (впервые упомянут в 1119 г., но, возможно, восходит к поздней античности) предполагал, что на площади Монте Джордано нового епископа должна ожидать отдельная “делегация” от иудеев города с просьбой подтвердить права и привилегии их общины. Вполне вероятно, что и в других западноевропейских городах евреи могли и должны были в той или иной роли участвовать во встрече государя, но ситуация в Риме отличалась некоторой парадоксальностью. Здесь подтверждать права иноверцев-иудеев предстояло городскому сеньору, который “по совместительству” являлся главой церкви и всего христиан-

ского мира. Ритуал, исполнявшийся всякий раз на Монте Джордано (вплоть до 1484 г., когда его перенесли в Замок св. Ангела), представлял довольно изящное решение этой деликатной проблемы. Евреи подавали папе свиток Торы с почтительнейшей просьбой “утвердить их закон” (точнее было бы сказать “утвердить их право жить по своему закону”). Папа брал свиток, немного разворачивал его, делал вид, что читает несколько первых строк, а затем возвращал его евреям назад со словами: “Закон ваш хорош, да толкуете вы его неверно”, или же, в более пространной редакции: “Мы подтверждаем ваш закон, хотя осуждаем ваше толкование его, потому что тот, о котором он говорит, что придет, уже пришел – это наш господь Иисус Христос, как учит и проповедует нам церковь”. Обычай подтверждения новым папой прав еврейской общины стал настолько обязательным, что и сам порой способен был порождать парадоксальные ситуации. Когда Базельский собор в 1440 г. избрал папой Феликса V, городскому совету Базеля пришлось специально приглашать евреев из Эльзаса, обещая им при этом все мыслимые гарантии личной безопасности – и все потому, что из самого Базеля евреев жестоко изгнали еще в 1397 г. То, что Базель – не Рим, не служило каноническим препятствием для избрания и коронации нового папы. Согласно общепризнанной к тому времени норме, “где папа, там и Рим”. Зато нарушение порядка процессии, в ходе которой город и сеньор “знакомились” друг с другом, могло, очевидно, иметь нежелательные правовые последствия.

Именно то, что ритуал торжественного въезда означает взаимное признание гостя и тех, кто его встречает, побудило, очевидно, в 1442 г. императора Фридриха III отказаться от проведения своего *adventus* в том же самом Базеле. Поскольку Базельский собор вступил в острый конфликт с папой Евгением IV (в частности, противопоставив ему “соборного папу” Феликса V), император явно опасался, что, позволив он соборным отцам устроить ему встречу у базельских ворот, все решат, что он встал на сторону собора против папы Евгения IV.

Государи вообще имели обыкновение отказываться от торжественной встречи горожанами, если были ими недовольны и тем более собирались, скажем, отнять у них какие-то привилегии или права.

Срыв нормального хода церемонии мог произойти уже после ее начала, как, например, однажды в Шпайере, когда местный епископ, разозленный непокладистыми бюргерами, в сердцах покинул процессию и отправился к своему дворцу боковыми переулками. Обычно, впрочем, об отказе князя вести нормальный “церемониальный диалог” со своими подданными становилось известно до начала “въезда”.

После многолетнего конфликта между жителями франконского города Амберг и их князем – пфальцграфом Фридрихом – горожане решили уступить и признать власть своего сеньора. Они подготовили торжественную встречу пфальцграфу: духовенство с реликвиями и “народ” собрались у ворот, через которые князь должен был вступить в покорившийся город. Однако, когда Фридрих узнал о готовящейся церемонии, он нарочно въехал совсем другими воротами. После этого ничто не мешало ему

потребовать от горожан необычной присяги, больших денежных выплат и прочих уступок, противоречивших городским свободам.

Французский король Карл VI в 1383 г. унижил парижан несколько иным способом. Сначала он вызвал городскую “делегацию” для выражения себе покорности необычно далеко от Парижа – в Компьень. Затем, уже перед стенами столицы король проявил суровость к представителям городской верхушки, которые в праздничных одеяниях вышли встретить короля “как положено”. Карл VI отказался от их сопровождения, сказав: “Возвращайтесь в Париж. Придите и обратитесь ко мне, когда я буду восседать во Дворце правосудия. Тогда вы будете выслушаны”. Люди короля сняли с петель городские ворота (надо полагать, король отказался ранее и принять ключи). Город был занят королевской армией, посты расставлены вдоль всего пути движения Карла VI. В окружении только собственных воинов и без всякого сопровождения из горожан король въехал в столицу. Несколько недель спустя представителей всех бюргерских семей собрали в зале Дворца правосудия, где на мраморном престоле восседал государь. Здесь парижанам пришлось выслушать перечисление своих вин, засвидетельствовать упразднение городского самоуправления и принять за то милосердное, хотя и условное королевское прощение.

В приведенном эпизоде ясно проявились три, пожалуй, наиболее характерных, элемента “грозного вступления” государя в город. Во-первых, здесь нет взаимодействия сторон – все шаги предпринимаются только одной из них. Во-вторых, “инсценируется” не прибытие всеми любимого главы общины, а завоевание – отсюда снятие городских ворот с петель (в других случаях – разрушение части городской стены, чтобы государь со свитой мог въехать не через ворота, а именно сквозь пролом), отсюда же и подчеркнуто воинственный облик въезжающих. В-третьих, меняется характер традиционного уподобления въезжающего правителя Христу. Если в нормальном *adventus* государь понимается как Спаситель, мессия, вступающий в земной или Небесный Иерусалим, то в ситуации конфликта он является, скорее, в образе строгого судии на Страшном Суде.

В ряде эпизодов мы встречаем различные комбинации из этих черт в их усиленном или ослабленном вариантах. Так, немецкий король Рупрехт въезжал в противившийся ему некоторое время Франкфурт-на-Майне в 1411 г., окруженный воинами в латах и при полном вооружении, но затем он не “судил” горожан за их вины и не ущемлял их прав. Император Фридрих I Барбаросса, напротив, явился пред очами капитулировавших миланцев во всем императорском великолепии и в облике карающего судии, но демонстрацию эту он устроил не в подчинившемся ему городе (как спустя двести с лишним лет Карл VI в Париже), а за его стенами – в своем лагере, что должно было, по всей видимости, особо унижить проигравших.

Разумеется, и облик, и поведение горожан в таких эпизодах также не очень напоминали обычный *adventus*. Общим оставалось, пожалуй, лишь то, что и тогда высокопоставленные горожане (или вообще все

бюргеры) должны были покинуть кольцо своих стен и идти навстречу государю. При этом духовенство, как обычно, могло нести реликвии городского святого-заступника. Все же прочее выглядело совершенно иначе. Вместо радостной музыки и веселых песен – печальные гимны, вместо праздничных нарядов – одеяния кающихся грешников: неподпоясанные рубахи грубого сукна, распущенные волосы, посыпанные пеплом. Вместо украшений – свечи в руках да веревки, завязанные петлей вокруг шей. Миланцы, сдававшиеся в 1158 г. Фридриху I Барбароссе, выходили из города раздетыми до пояса. Каждый при этом держал приложенный лезвием к затылку обнаженный меч. Это, как и петли на шеях в иных случаях, должно было выражать признание права победителя на суд и расправу, но вместе с тем и надежду на его милосердие к смиренным...

Побежденные горожане бросаются на колени перед государем, иногда даже целуют ему ногу, другие коленопреклоненными ожидают его появления на улицах города. Победителю отдают городское знамя и ключи, которые он забирает себе, а не возвращает тотчас же назад. Перед вступлением государя в город его стены могут быть полностью снесены, а рвы – засыпаны...

Почти любой западноевропейский средневековый ритуал оставлял его участникам возможность для импровизации. И в ходе церемонии княжеского въезда время от времени завязывались более или менее спонтанные “диалоги” между государем и встречающими его горожанами. Так, император Фридрих II при своем въезде в Вормс в 1235 г. внезапно приказал скрыться с его глаз городскому сеньору – епископу, ожидавшему по давнему обычаю высокого гостя перед собором. Епископу пришлось немедленно исчезнуть в доме своего капеллана. Нормальный ход церемонии был тем самым решительно нарушен. Впрочем, заслуживает внимания и комментарий автора Вормсской хроники, сохранившего для нас этот эпизод: такой поступок император мог себе позволить, “потому что государь тогда был весьма могущественен”. Нетрудно представить себе иные ситуации, когда государи, не обладая достаточной силой, чтобы устраивать подданным подобные сюрпризы, скорее сами могли ожидать для себя неприятных неожиданностей. В рейнских епископских городах в XV в. епископ вместе со всей свитой при своем въезде в город мог быть поставлен в такое тяжелое положение (например, между внезапно захлопнувшимися воротами внутригородских укреплений, как в Шпайере в 1461 г.), что ему не оставалась ничего иного, как подписать весьма ему немилые городские привилегии.

В других случаях сравнительно слабому государю удавалось, Впрочем, “одержатъ верх” над горожанами если не в качестве политика, то хотя бы в роли хранителя моральных ценностей и норм. Люцернский хронист Дибольд Шиллинг рассказывает о приеме императора Сигизмунда в Базеле. Тогда гордые члены базельского епископского капитула явились пред лицом государя не вместе со всем прочим духовенством, а отдельно, причем верхом и в латах, словно рыцари. Когда базельский бургомистр представил императору прибывших, государь сказал, что он не видит никаких членов капитула.

Если же люди, стоящие перед ним, и впрямь являются священниками, то им следует немедленно скакать назад в город и переодеться в их церковные облачения. Сигизмунд готов их подождать здесь, на месте, потому что он хотел бы поклониться им как духовным лицам. В противном же случае он вообще не желает с ними разговаривать. Пристыженные члены капитула сильно испугались, поскакали назад, “пунцовые от стыда”, переоделись и появились снова – теперь уже в должном им по статусу обличье. Когда император их увидел вновь, он сошел с коня, почтительно приветствовал их и сказал, что их достоинство выше его собственного, а потому им и не следует его ронять. После чего император “с честью” поскакал с ними в город.

Все эти полуанекдотичные эпизоды дополнительно оттеняют главное обстоятельство: всякий торжественный княжеский въезд в средневековый город был способом регулирования, установления и опубликования основ отношений между государем и городской общиной.

ЛИТЕРАТУРА

Бойцов М.А. Накануне: Ахенские коронационные въезды под разными углами зрения // Одиссей 1997. М, 1998.

Смышляев А.Л. Вступление наместника в провинциальный город: церемония adventus по Ульпиану // Вестник Древней истории. 1991. № 4. С. 106–118.

Blockmans W. Le dialogue imaginaire entre prince et sujets: les Joyeuses Entrées en Brabant en 1494 et en 1496 // Fêtes et cérémonies aux XIVe–XVIe siècles. Neuchâtel, 1994. P. 37–53.

Bojcov M.A. Ephemerität und Permanenz bei Herrschereinzügen im spätmittelalterlichen Deutschland // Marburger Jahrbuch für Kunstwissenschaft. 1997. Bd. 24. S. 87–107.

Bryant L.M. The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony: Politics, Ritual and Art in the Renaissance. Geneva, 1986.

Chartrou J. Les Entrées solennelles et triomphales à la Renaissance, 1484–1551. P., 1928.

Dotzauer W. Die Ankunft des Herrschers // Archiv für Kulturgeschichte. 1973. Bd. 55. S. 245–288.

Drabek A.-M. Reise und Reisezeremoniell der römisch-deutschen Herrscher im Spätmittelalter. Wien, 1963.

Favreau-Lilie M.-L. Vom Kriegsgeschrei zur Tanzmusik: Anmerkungen zu den Italienzügen des späteren Mittelalters // Montjoie: Studies in Crusades History in Honour of Hans Eberhard Mayer. Aldershot, 1997. P. 213–233.

Guenée B., Lehoux F. Les entrées royales françaises de 1328 à 1515. P., 1968.

Kantorowicz E.H. The “King’s Advent” and the Enigmatic Panels in the Doors of Santa Sabina // Art Bulletin. 1944. Vol. 26. P. 207–231.

Maxwell H. Trionfi terrestri e marittimi nell’Europa medievale // Archivio storico italiano. 1994. Anno 152. P. 641–667.

Mitchell B. The Majesty of the State: Triumphal Progresses of Foreign Sovereigns in Renaissance Italy (1494–1600). Firenze, 1986.

Peyer H.C. Der Empfang des Königs im mittelalterlichen Zürich // Archivalia et historica: Festschrift für Anton Largiadèr. Zürich, 1958. S. 219–233.

Roy R., Kobler F. Festaufzug, Festeinzug // Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte. München, 1987. Bd. 8. Sp. 1417–1520.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОБОДЕ У ФЛОРЕНТИЙСКИХ ГОРОЖАН

Граждане города-государства Флоренции в своих записках разного рода много рассуждали о свободе, поэтому можно представить, какой смысл вкладывали в это понятие авторы официальных хроник, отражающих политику Флоренции, и обыкновенные купцы и сукноделы, оставляющие мемуары для своей семьи и потомства. По традиции, которой придерживались авторы анналов и хроник, свободу городов связывали с именем Карла Великого, якобы наделившего горожан независимостью и разными привилегиями. Конец этой легендарной версии положили труды канцлера республики Леонардо Бруни. Он уже не связывал флорентийскую свободу с именем какого-либо монарха, но утверждал, что ее начало восходит к утрате власти императора Фридриха II над Тосканой. В XIV в. начинается зарождающаяся новая версия флорентийской свободы, понимаемой не столько как независимость от какого-либо чужеземного завоевателя и монарха, сколько как совокупность гарантий против любой формы тиранического режима, независимо от того, какая сила – внутренняя или внешняя – станет претендовать на то, чтобы установить его.

Подобные представления проявились в 1325 г., когда притязания на Флоренцию предъявил Каструччо Кастракани, тиран Лукки, и флорентийцы, чтобы противостоять им, решили призвать герцога Карла Калабрийского. Сложная для города ситуация сама собой разрешилась в 1328 г., когда скончались оба могущественных сеньора. В следующем году был издан закон о том, что город в будущем не должен находиться под властью одного человека, независимо от обстоятельств. В законе термин “свобода” понимается прежде всего как защита ценностей республиканского режима.

Однако не прошло и 20 лет, как снова возникла угроза для “*Libertas Florentiae*”. В 1342 г. герцог Афинский Гвальтьерри де Бриенн был избран сеньором Флоренции в момент острого военного кризиса и напряженной социальной борьбы внутри города. Тиранический режим герцога де Бриенна закончился восстанием флорентийских граждан в 1343 г. Джованни Виллани в своей хронике давал однозначную оценку этих событий: герцог Афинский – “узурпатор свободы города Флоренции” не потому, что он – француз, иноземный завоеватель, а потому, что он заменил тиранией республиканские формы правления. Джованни Виллани восторгался мятежом: “Долой герцога и его приспешников, да здравствует народ, коммуна и свобода!” Продолжатель его труда Маттео Виллани связывал флорентийскую свободу не с коронованными особами, а с традициями римской республики – “древний римский народ передал коммуна Италии гражданство и свободу их народов”.

Очень подробно ситуация, связанная с установлением режима герцога Афинского, описана в “Домашней хронике” Донато Веллутти. Готье де Бриенн, придя к власти в городе, пытался опереться на фамилии, имеющие рыцарское или феодальное прошлое, а Веллутти относились

к таким родам. Донато Веллутти получил особый пост от герцога, пользовался его особой благосклонностью, был осыпая милостями и почестями. Однако он недолго пребывал в таком состоянии, скоро отошел от герцога Афинского и стал одним из активных участников заговора против него. Служба у герцога обещала Донато Веллутти блестящее положение в обществе, богатство, славу, но он по собственной воле отказался от этого, потому что герцог Афинский в его глазах – “сеньор и истинный тиран Флоренции”. Четыре года спустя, обсуждая эту ситуацию, он приписал своему другу Аньоло дельи Аччайуоли фразу, которая выражала его собственное умонастроение: “Если бы вы не предприняли этих мер (свержение герцога Афинского путем заговора и насильственного переворота. – И.К.), страна оказалась бы под властью тирана, и в ней, покоренной и зависимой, бесчисленное множество мужчин и женщин было бы погублено, многие нищенствовали и воровали бы по всему миру, а женщины вступили бы на порочный путь и вошли бы в бордели”. В представлении Донато Веллутти тирания – самый порочный режим, толкающий подданных на путь греха и порока. Сам Донато в этом диалоге раскаивается в том, что служил Готье де Бриенну даже краткое время, и демонстрирует свою приверженность демократическим устоям. “Если бы я хотел иметь какую-нибудь выгоду от исполнения должности при герцоге, я имел бы ее в достаточной степени. Но я хотел удовлетворить большинство народа, оказать уважение гражданам Флоренции, доверяя только пополанам и народу”. Таким образом, мнение Н. Рубинштейна о двойственном толковании термина “свобода” во Флоренции: не только как независимость народа от внешних сил, иностранных завоевателей, но и как отсутствие любой формы тирании – подтверждается высказываниями на этот счет самих флорентийцев XIV в.

Вторая половина XIV в., когда Флоренция становится оплотом борьбы против тиранических амбиций правителей Милана Висконти, стремящихся установить свое господство над Тосканой, дает еще больше фактов, подтверждающих высказанную Н. Рубинштейном точку зрения. Донато Веллутти представлял Флоренцию середины XIV в. не только гарантом независимости Тосканы и даже всей Италии от иноземных захватчиков, но и спасительницей народов от страшного зла – тирании. “Ужасной тиранией” называет он правление фамилии Гамбакорта в Пизе, утверждая, что этот режим – “величайшее бедствие, какое только может постигнуть государство”.

В 90-е годы XIV в., во время войны с миланским герцогом Джан Галеаццо Висконти, возросла вера в особую миссию Флоренции как спасительницы народов Тосканы от тирании. Производитель шелка и купец Грегорио Дати, автор панегирика родному городу, в своей “Истории Флоренции” уподоблял ее также республиканскому Риму, а открытие ею второго фронта в Ломбардии – экспедиции Сципиона против Карфагена: “теперь Флоренция раскинула свои крылья на весь мир”. Война против Милана в его изображении – это война за свободу против тирании, и ради нее должны быть забыты все гражданские раздо-

ры, а всем гражданам следует предоставить равные политические права, чтобы каждый с энтузиазмом выполнял свой долг перед отечеством. Обреченности и порочности тирании как наихудшего вида государственного устройства Грегорио Дати противопоставлял силу и жизнеспособность государственного режима, обеспечивающего гражданам внутреннюю свободу, которая в свою очередь является гарантией для его дальнейшего развития. “Коммуна не может умереть, а герцог всего лишь смертный человек, и как только приходит ему конец, наступает конец и его государству”. Даже портрет Джан Галеаццо он набрасывает так, чтобы подчеркнуть разницу между тиранией и коммуной: он – жестокий монстр, никакими мерзостями не брезгующий ради достижения преступных целей, он отравил не только племянника Бернабо, но и собственную сестру и даже своего сына Лодовико, кощунственно ссылаясь на то, что ему Богом доверена миссия спасения народа. С демократической системой правления мессер Дати связывал все добродетели флорентийцев: знатность происхождения, оттого что родились в великом городе, твердую веру в Бога, уважение к правосудию и законам, верность традициям античного республиканизма, в отличие от других мест, находящихся под игом тиранов. “Те древние флорентийцы, – писал он, – которые были грандами, следовали императорской и сеньориальной власти, но большинство горожан всегда испытывало ненависть к любому подчинению и не желало идти под тирана, как Рим шел под Цезаря, сделав его слишком могущественным”.

Подобными настроениями проникнута и “Хроника” историка конца XIV в. Маркьонне Стефани, подчеркивающего независимость флорентийской политики даже от Рима. Он прославлял флорентийскую свободу в прошлом и настоящем, поскольку с ней вынуждены считаться все монархи и даже император будущей всемирной монархии, если таковая возникнет, признает ее. Он выделял особые качества граждан республики на Арно, которых нет у других народов, – их выдающиеся способности к политическому самоопределению, исключающему власть каких бы то ни было сеньоров. В 1375 г. началась война Флоренции с папским престолом, получившая название “Война восьми святых Божьего народа” (закончилась в 1378 г.), флорентийцы написали на красном полотнище своего знамени, под которыми шли сражаться против папских войск, большими буквами “Свобода”, снова вкладывая в это понятие двойной смысл: независимость не только от чужеземного ига, но и от тирании папы. М. Стефани писал по этому поводу в хронике: “Таков был смысл этой свободы, что с этим знаменем почитали за честь выступить против тиранов и вдохновлять все народы поддерживать и защищать свою свободу”.

Сукнодел и купец Джованни Морелли был по своей натуре скептиком, судящим обо всем с довольно утилитарных позиций, часто подвергая осторожной критике многие направления внутренней и внешней политики коммуны. Но и его тон поднимался до патриотической патетики, как только речь заходила об антитиранической миссии Флоренции в Тоскане. Настроения конформиста и скептика Морелли не усту-

пали духу панегирика Грегорио Дати. Так прославлял он свое отечество за борьбу с феодальным семейством Убальдини, замки которых в контадо коммуна начала разрушать еще в XII в., но в XIV и XV вв. потомки этой фамилии продолжали терзать грабительскими набегами окрестности Флоренции, пользуясь каждой предоставившейся для этого возможностью. Джованни Морелли писал: “С помощью нашей коммуны и ее великим усердием удалось разбить тиранов Убальдини – врагов и грабителей всех гвельфов и коммуны Флоренции”. Итальянский историк Д. Керубини очень высоко оценивал борьбу города на Арно против феодальных клик Убальдини, Гвиди, Уберти и других, которые силой взимали с купцов мостовые и дорожные пошлины, предоставляли в своих недоступных замках приют разбойникам и грабителям, мятежникам и заговорщикам, осуществляли грабительские экспедиции в разные места контадо. В возвышенный тон Морелли впадает всякий раз, когда сравнивает свой город с другими, где господствуют сеньориальные режимы. Он пишет: “Великий и великолепный город и коммуна Флоренции – враги, преследователи и сокрушители всех грабящих и истребляющих народы, а особенно гибеллинов”. Джованни Морелли гордился освободительной миссией родного города, описывая уже упомянутую “Войну восьми святых Божьего народа”, привнося здесь в понятие термина “свобода” все тот же двойственный смысл: с одной стороны, это – война против тирании, с другой – развязавшие войну церковники во главе с понтификом Григорием XI, выходцем из Лиможа, – все иноземцы, “ультрамонтаны, а не итальянцы”, и поэтому они “не могут быть никем иным, как пасторами злобными и надменными, посягнувшими на уничтожение свободы Флоренции”. Итальянский историк Р. Манселли, который, высоко оценивая факт создания Флоренцией лиги тосканских городов против экспансионистских устремлений папского государства, утверждал, что она вызвала наплыв патриотических чувств – «в идее этой лиги сверкнул еще раз миф о “Libertas Florentina” от папы и императора».

Для видного государственного деятеля республики на Арно, сыгравшего главную роль в деле присоединения Пизанского порта в 1406 г., Джинно ди Нери Каппони свобода – не столько независимость от посягательств внешних сил, сколько сохранение коммунальных порядков, предоставляющих равные права гражданам участвовать в управлении государством и свободу слова в советах и коллегиях. В своих предсмертных записках он предостерегал сыновей: “До тех пор, пока коммуна Флоренция будет сохранять свое состояние, она и будет сдерживать меч в руках врагов внутренних и внешних, но это возможно только пока никакое частное лицо, фамилия или заговор не станут более могущественны, чем наша Синьория”. По мнению мессера Каппони, политическая свобода внутри государства – залог его независимости от внешних сил.

В XV в. в содержании понятия “свобода” антитираническое начало явно усиливается. Попытки заговоров против Медичи (1465) вдохновлялись идеей борьбы за свободу народа Флоренции, идентифицируя ее

с республиканской конституцией. Аламанно Ринуччини писал в "Ricordi", что методы правления Медичи, "столь тиранические и насильственные, держали народ в постоянной строгости и попирали свободу, уже почти совсем утраченную", он утверждал, что законы Медичи "уничтожали республику, чтобы в ней не жили больше те, кто хотел свободы, а один возвысившийся гражданин мог более, чем все законы". В этом высказывании заметно, как Ринуччини отождествляет свободу с республиканским режимом. Подобное понимание обнаруживал в своем проекте реформ, написанном во времена Савонаролы, владелец шелкоткацкой мастерской Доменико Чекки, живший в конце XV в. Он гордился тем, что его город выступил против тирании: "У нас не будет больше новых тиранов, все будут жить без угнетения и страха, пребывая в состоянии счастливейшей свободы, в богатстве, почете, безопасности, любви, и такое состояние распространится на весь мир. А если мы не проведем реформ, навсегда останемся перед опасностью тирании, которая доводит до разрушения земли, города и царства, провоцирует войны только для того, чтобы узурпировать власть у народов и сделаться сеньорами".

Таким образом, жителям Флоренции представлялось, что их коммуна и ее политическое устройство гарантируют гражданам свободное состояние личности и политические права. В XV в., при том, что сохранялся двоякий смысл понятия "свобода": независимость от чужеземных захватчиков и завоевателей и совокупность республиканских институтов и установлений, гарантирующих от наступления тирании, в его содержании явно усилился второй аспект, в полной мере реализовавшийся в движении реформ Джироламо Савонаролы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Capponi G. Ricordi // Miscellanea di studi offerta a Antonio Balduino e Bianca Bianci. Padova, 1962.

Cecchi D. Riforma sancta et pretiosa // Mazzone U. "El buon governo": Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze, 1978.

Cherubini G. Una comunità dell'Appennino dal XIII al XV sec. Firenze, 1972.

Comuni e Signorie: istituzioni, società e lotte per l'egemonia. Torino, 1981.

Cronica volgare di Anonimo fiorentino dall'anno 1385 al 1409 // Rerum italicarum scriptores. Città di Castello, 1905–1955. XXX.

Dati G. Istoria di Firenze. Firenze, 1896.

Morelli G. Ricordi. Firenze, 1956.

Rubinstein N. Florentine Libertas // Rinascimento: Rivista dell'Institutio Nazionale di Studi sul Rinascimento. Firenze, 1986. XXVI.

Stefani M. Cronica // Rerum italicarum scriptores. Città di Castello, 1905–1955. XXX.

Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370. Firenze, 1914.

Villani G. Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo. Torino, 1979.

ГОРОД В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИЙ

КОММУНИКАЦИИ В ГОРОДЕ И МЕЖДУ ГОРОДАМИ

Коммуникации как линии и способы общения между человеческими коллективами существовали еще до появления городов. Возникнув, города вписывались в коммуникации либо возникали в пунктах пересечения их линий. И сразу же между ними складывались “близкие отношения”: дороги влияли сильнее всего на всестороннее развитие городов, а города оказывали обратное влияние, все возраставшее и постепенно приведшее к тому, что города Западной Европы превратились в главные центры коммуникаций. Эта роль городов проявлялась в том, что они находились, как правило, в пунктах скрещения дорог – морских, речных и сухопутных; были местами преимущественного изготовления средств сообщения; сосредоточивали в себе основные коммуникационно-транспортные узлы и заведения; наконец, в городах жила масса тех людей, кто имел непосредственное отношение к повседневному функционированию, обслуживанию, охране и развитию коммуникаций.

Молодой город, появившийся у дороги (к феодальному замку, возле монастыря, у военного лагеря, в зоне производственной деятельности, в пункте интенсивных торговых связей), располагался обычно поперек или вдоль нее. Пронизывая город, дорога становилась своеобразным градообразующим стержнем, позже превращаясь в главную городскую улицу. На ней находились наиболее значительные здания и торговые точки. Если город стоял на перекрестке нескольких дорог, каждая из них становилась одной из градообразующих магистралей, ведущих к каким-либо из городских ворот. Прочие, мелкие улицы и проулки служили линиями коммуникаций внутри городского пространства. Но для любого населенного пункта исчезновение путей сообщения с окружающим миром означало угасание, а потом и конец жизни.

Главная городская магистраль олицетворяла собой “дорогу происхождения” города. В большинстве городов коммуникацией, лежащей в основе исходной ведущей функции будущего города, прежде всего экономической, была полюбившаяся рыбакам, грабителям, перевозчикам грузов, коммерсантам полноводная река или морской залив с прибрежным местом под рыбацкий поселок, бандитское гнездо или товарную пристань. Если в таком будущем городе имелся бург на возвышенности, то часто главной улицей становилась дорога, спускавшаяся от цитадели вниз, к берегу. Иногда началом дороги служила не крепость, а церковь или дворцовая резиденция сюзерена, как это было в Меце, Кракове, Трире и др. В иных случаях главная улица тянулась вдоль

берега. В Роттердаме основная городская магистраль с длинным рядом домов ловцов сельди лежала на берегу р. Ротте; ее основное значение для города усилилось после того, как в 1282 г. реку перепоясала завершившая главную улицу плотина. Идентичная картина была в Амстердаме, где в 1275 г. появилась такая же плотина на р. Амстел. В Амьене главная улица проходила мимо торговой пристани на р. Сомма, в Мюнхене – вдоль р. Изар и т.д.

Нередко главная улица включала в себя такой существенный элемент коммуникаций, как речная переправа. Подобная картина сложилась на переправе при разветвлении р. Ауде-Рейн и р. Вехт в Утрехте; то же мы видим в Страсбурге, Осло, Познани. В приморских городах часто наблюдалось то же самое, с той разницей, что главная улица замыкалась морским портом. В Неаполе главной улицей служила береговая полоса морского залива, а мостки перебрасывались через вливавшиеся в него протоки. В Нанте главная улица вела к мосту через Луару и в гавань. Сходное положение в Анконе, Марселе, Любеке, Венеции. В Лондоне первый мост через Темзу превратился в составную часть главной улицы, загигавшейся от моста на портовую набережную будущего Ист-энда, перераставшую в прибрежную дорогу до моря, с разбросанными по ней всевозможными хранилищами и мастерскими. В Виго двигавшиеся параллельно в сторону глубокого залива и иногда пересекавшиеся на мостах городская река и главная улица приводили к корабельным верфям при порте. В Портсмуте существовало несколько главных улиц с мостами, связывавших основную часть города на юго-западе острова Портси, где сосредоточивались торговые склады, с четырьмя поселками городского типа: Портси, где выросли верфи, Сатуси – на пути к материковой Англии, Лендпорт, с жившей в нем портовой службой, и Госпорт, с обитавшей там корабельной службой.

Во всех упомянутых случаях средоточием деловой жизни приморского или приречного города был порт. Морской простор открывал поистине широкие возможности перед купцами, рыбаками, охотниками на морского зверя, пиратами, и работным людом. Базой реального использования таких возможностей как раз и становился порт. Замыкая ведущую к нему сухопутную коммуникацию, он открывал дальнейший путь и давал ему продолжение, являясь пристанью или причалом, гаванью или другой разновидностью порта, особенно если там вырастали доки и верфи, склады и пакгаузы, эллинги и стапели. Порт был местом жительства или временного пребывания моряков и таможенников, рыбаков и владельцев гостиниц, купцов и менял, судостроителей и грузчиков, пограничной стражи и странников, мастеровых по изготовлению дорожных принадлежностей, деревообделочников, металлообработчиков, производителей полотна, тары, сетей, клея, краски, ремонтников. Порт привлекал и “дикий люд” – воров, пиратов, проституток, нищих, – вследствие чего здесь начинались многие социальные катаклизмы. Наконец, порт определял перспективу развития прилегающих, а порой и более отдаленных районов, а портовая коммуникация могла быть при этом, как свидетельствуют приведенные примеры, и

раздвоенной, если самый город выросал несколько вдали от главного пункта водной дороги, а на берегу существовал аванпорт.

Еще до великих географических открытий судьбу массы городов определила их близость к Балтийскому, Северному и Средиземному морям. А если эти города возникли еще в древности, то они легче, чем их сухопутные или более молодые собратья, переносили удары кочующих племен в эпоху Великого переселения народов, при переходе от античности к средневековью и меньше страдали либо быстрее восстанавливались. Их средствам сообщения была присуща большая выживаемость.

Заметим, что мосты не всегда входили составной частью именно в главную местную коммуникацию. Ряд приморских городов имел основную магистраль, чьей характерной особенностью служила уже не мостовая переправа через впадающую в море реку или через язык залива, а устремленность магистрали к порту напрямую от важнейшего здания в городе – старинной крепости либо известного храма, как это было в Малаге, Генуе, Эдинбурге, Равенне и других городах.

Иногда центральная магистраль определялась не желанием быстро попасть из сердца города к пункту, резюмировавшему весь экономический смысл деятельности в таком городе, хотя бы и на грани собственно городской территории, как это имело место в случае с морским портом, а наоборот – стремлением побыстрее проникнуть к тому, что неизмеримо возвышалось над городом в глазах и умах верующих. Обычно подразумевалась какая-либо святыня, к которой текли паломники из разных мест. Примеры тому – Кентерберри, Мюнстер, Штеттин.

Городскую святыню часто заменял в том же качестве средоточия коммуникаций гарнизонный лагерь, особенно если город размещался на важных торговых или военных путях. Так, за укреплениями на острове Ситэ при непостоянных мостах через р. Сену парижан охранял гарнизон, гарантировавший спокойствие баркам на Сене и купеческим повозкам, следовавшим из Шампани в Нормандию и из Пикардии в Берри; по нескольким дорогам приходили в Ситэ ежедневно жители Иль-де-Франса. На месте лагеря или крепости выросли Клуз, Аугсбург, Пловдив, Брюссель и пр.

Безопасность коммуникаций, городских и межгородских, всегда оставалась в средние века важнейшим делом. Поэтому часто крепости, замки, бурги, гарнизоны и городские военные лагеря охраняли не только важнейшие узлы коммуникаций, но и дальние подступы к ним. В Кобленце укрепленный пункт на правом берегу р. Рейн возле церкви Санкт-Кастор контролировал район слияния Мозеля с Рейном. Около Бордо река Гаронна перед впадением в Бискайский залив переходит в эстуарий; он был мелок для кораблей, и почти до конца XII в. Бордо не обладал особым значением как порт; зато здесь, возле церкви Сен-Серин, имелась удобная переправа через реку, а выше по течению такой переправы не было на большом расстоянии; и военный лагерь оберегал это место заставами на десятки километров южнее и севернее него. Гарнизонный пункт в Зальцбурге столетиями обеспечивал спокойный проход из долины р. Зальцах в альпийскую горную страну и надзор за солеварнями, откуда соль поступала во многие соседние регионы.

В большинстве городов, являвшихся крупными транспортными узлами, сосредоточивались заведения, связанные с обслуживанием коммуникаций: склады и постоянные дворы; пункты податных и налоговых сборов; банки и монетные конторы; арсеналы и казармы; почтовые и дорожные станции. Тут же размещались мастерские каретников и шорников, колесников и бочаров, металлообработчиков и деревообделочников. Коммуникации работали на горожан, определяя их профессиональные занятия, и наоборот: труд горожан способствовал прогрессу средств сообщения.

Не случайно даже в городах без резко очерченной их привязки к какой-либо внутренней торговой магистрали бытовали цехи и мастерские, артели работных людей и купеческие компании, нацеленные на обеспечение дорожных потребностей и зарабатывавшие на этом. В Антверпене это была постройка речных судов, в Болонье – изготовление дорожных принадлежностей, в Мюльхаузене – производство телег и тары. Еще рельефнее эта картина выглядела в городах со сложным скрещением путей и большой торговой площадью, ибо путники и рынок всегда нуждались в снабжении их соответствующими принадлежностями, что мы и наблюдаем в Монпелье, Брюгге, Ганновере, Аквилее.

Но самое яркое свидетельство неразрывности истории путей сообщения и торгово-ремесленных занятий давали, пожалуй, ярмарки, начиная с Сен-Дени под Парижем, существовавшей еще в раннее средневековье, и кончая лионской, с ее денежной биржей в XV в. и антверпенской, уже в XVI в., лишенной былых стеснительных норм ярмарочного права. В ярмарочные недели и месяцы ремесленники и купечество необычайно активизировались, а движение по дорогам не прекращалось порою даже ночью, что в средние века было не частым явлением.

На протяжении всего средневековья крестьяне и горожане были обязаны поддерживать порядок на дорогах и мостах, находящихся на территории их общин, чинить их и мостить. Во многих странах и регионах этот труд считался богоугодным делом.

Факты свидетельствуют, что средства сообщения в городах и между городами нельзя рассматривать изолированно, они были связаны с экономикой, военным делом, администрацией и политикой в масштабе районов, стран, регионов, всего континента. Что касается самих городов как коммуникационных узлов, то эта их роль в специальных исследованиях, особенно по урбанистике, описана достаточно разносторонне. Меньше внимания уделено конкретно типам коммуникаций, средствам и способам передвижения, их эволюции по мере развития потребностей и средств производства. Остановимся на этом подробнее.

* * *

Сухопутные средства сообщения внутри городов и между ними представляли собой в раннее средневековье виды транспорта, частично унаследованные от “варваров”, а частично – от античной цивилизации. В снежных районах зимой употребляли сани, у северных народов

Европы однополосные, у живших южнее – двухполосные. Саамы запрягали в нарты оленей или собак, прочие жители Скандинавии в возки – волов или лошадей, причем конструировали возки так, чтобы летом можно было поставить их на колеса. Кроме того, жители Северной Европы зимою ходили на тругах – широких плетенных подошвах-снегоступах, а также использовали лыжи шириною в ладонь, длиной в человеческий рост, с приподнятыми и носками, и задниками. Сначала лыжи были без палок и непарными: длинная скользила, короткой отталкивались. Их подбивали мехом волосками назад, чтобы избежать проскальзывания. Когда лыжи ко II тыс. н.э. стали парными и обрели палки, на концах у последних закрепили волосной шарик для упора. Передвигаясь в обуви по льду, надевали обоймы с шипами. Первые коньки служили средством не только развлечения: с конца XV в. по замерзшим каналам Нидерландов на коньках передвигались не только доставщики посылок и корреспонденции, но практически все обыватели, а в коньково-полозных тяжелых сундуках везли от города к городу грузы.

На бесснежных пространствах зимой и летом использовали повозки. Более легкие, двух- и четырехколесные, положили к XIV в. начало пассажирским экипажам многих видов. Более тяжелые четырехколесные служили грузовыми телегами, у которых передняя и задняя оси соединялись продольною дрогой, тележный корпус (вроде качающегося гамака) висел на ремнях, а колеса нередко представляли собой сплошные деревянные диски. Успехи кузнечного дела позволили изготавливать колесный обод уже не из двух полукружий, но цельковым. Пока запрягали волов, применялась запряжка под ярмо и с дышлом. Когда с конца I тысячелетия начали для вьючной и тягловой транспортировки шире использовать лошадей, стали изготавливать вьючные переметные сумы, крепившиеся к сбруе, и тягу с нашейным хомутом и оглоблями, имевшую варианты крепления для коренной и пристяжных лошадей, особенно с XIV в. отмеченного запряжкой цугом. При стандартной упряжи для двух или четырех лошадей сбруя имела либо шорки из грудного и спинного ремней, либо хомут со шлеей, седелкой, гужами, черседельником, подбрюшником, дугой или, вместо нее, постромками, оглоблями и вожжами. При торможении на горном спуске применяли шлею из ободного и откосных (поддерживающих) ремней.

Передвижение на лошади верхом породило уздечку, седло со стременами, подпруги, нагрудник и подхвостник. Вместо древнеримских лошадиных сандалий применяли подковы. Археологи обнаружили в Дорсетшире подковы V в., хотя предание связывает их изобретение в Европе с именем короля вандалов Хильдерика (VI в.). Прimitивное стремя в виде ременной петли, а затем круглое деревянное с металлической обкладкой было заимствовано в VII в. у кочевых народов, а в VIII в. дружинники Карла Мартелла предпочли треугольное с прямой подножкой. До X в. клали мягкое седло с низкой лукою, затем вошло в обиход жесткое, с высокой передней лукою, арочными вырезами и очень прочными опорными стременами для тяжеловооруженных рыцарей. Теперь сбруя охватывала уже не только шею и грудь, но тяну-

лась и по корпусу, так что лошадь тащила тяжесть всем крупом. Совершенствуются удила и поводья, варьируют пряжки, ремни от оголовья, набор конских украшений, седельные детали, чембуры, попоны. Расширение технического снаряжения лошадей стимулировало прогресс специальных отраслей городского ремесла. Кроме того, скованные цепями боевые повозки с XV в. использовались как подвижный укрепленный лагерь, вагенбург.

При поездках на дальнее расстояние купцы, военачальники и послы брали с собой итинерарии – дорожные путеводители, составленные на основе рисованных карт с иллюстрациями.

Регулярное дорожное сообщение сначала бытовало в Южной Европе, где античные ухоженные тракты, в VI в. пришедшие в упадок, постепенно восстанавливались. Первой новой полноценной дорогой государственного значения в Средней Европе считают шестиметровую в проезжей части, соединившую Майнц с Кобленцем. Доныне от нее сохранились в музеях отдельные плиты. Экономический подъем конца I тысячелетия и становление раннефеодальных государств обеспечили сооружение ряда региональных путей, ведущих от города к городу и имевших огромное значение для развития городского хозяйства и политической жизни. Лучше других функционировали благодаря заботам византийских властей дороги на Балканах. Их кольцо опоясало там все горные хребты и прошло по долинам из Тергесте (Триест) вдоль Дуная с его притоками к Черному морю, далее от Константинополя через Элладу к Ионическому морю и назад в Адриатику. Внутри этого кольца особую роль играли “именные” дороги: Эгнациева от Диррахия (Дуррес) через Македонию и Военная от Сингидуна (Белград) через Сердику (Софию) и Филиппополь (Пловдив) в Константинополь. Торговым значением обладали дороги из эгейской Деметриады (Волос) к ионической Акция Никополи (Превеза), от Константинополя сквозь Болгарию, Сербию и Боснию к Эпидавру (Дубровник) и из Диррахия в Фессалоники.

Другое дорожное кольцо, Иберийское, шло по внутреннему периметру Испании. Галлию рассекал начетверо так называемый “лугдунский трезубец”, а Северную Италию натрое – “медиоланский двузубец” (названия дали их современники). Сквозь Центральную Европу от Виндобоны (Вены) к устью Немана вела утоптанная “виндобонская стрела”, по которой, в частности, везли на продажу из Прибалтики янтарь. В Германии ведущая роль принадлежала двум трактам – меридиональному вдоль Рейна с ответвлениями, перпендикулярному к нему – от Агрипповой Колонии (Кёльн) к лужичанам в Лейпциг и трем “именным” дорогам: Домашней из Нови Града в Вейтру, Имперской от Нюрнберга к Рейну и Баварской из Праги через Регенсбург к Верхнему Дунаю. В Англии три общегосударственных пути вели из Лондона в Реддинг, в Бирмингем и в Линкольн. Их продолжали по сторонам местные, от которых веером расходились затем проселочные. Там, где была сильна центральная власть, появлялись мощные дороги. Первая такая дорога, уложенная оббитым камнем, ярко характеризует Кордову

IX в., другая, не столь ухоженная, но длиннее – Париж 1185 г. На твердых, накатанных путях как раз и стали использоваться подкованные лошади. С IX в. для крепления подков применяют гвозди.

Французский юрист XIII в. Ф. де Бомануар описал уже пять типов сухопутных дорог: 20-метровые в ширину военные; крупные гражданские; региональные тракты; тележные и проселочные. Но в реальной жизни, конечно, никакая схема не соблюдалась, все зависело от конкретных условий и от успехов техники. Последние позволили освоить новые просторы. Франко-италийская торговля издавна использовала альпийский путь. Там с XIII в. грузы, которые ранее везли в обход, двинулись через Сен-Готардский перевал, а в 1430 г. начали пробиваться горные туннели. В 1441 г. голландец А. Вибе соорудил у Гданьска канатное сообщение через залив по воздуху. Чаше, чем в древности, возводятся речные мосты.

Деревянные мосты появились только в IX в.: рейнский у Майнца, на каменных быках (813); луарский у Орлеана; кроулендский в Линкольншире (860); затем Лондонский через Темзу (994). Общевропейское экономическое и политическое значение имели строго охранявшиеся регенсбургский мост через Дунай (1146), авиньонский через Рону, по которому брели в Рим паломники (1188), новый Лондонский (1209), дрезденский через Эльбу (1209) и кобленцкий через Мозель (1334). В особых случаях на мосту возводили надводную цитадель. Например, Столетняя война заставила так укрепить кагорский мост 1378 г. через приток Гаронны Ло.

Опоры мостов устанавливали специальные ныряльщики. Потом они же следили за исправностью опор и в ряде городов получали плату от властей за свою службу. Со II тысячелетия стали применять для проверки опор погружаемые в воду водолазные колоколы, наполненные воздухом. Обычно опорой служили набитые камнями бревенчатые ряжи, а целиком каменными делались подошвы мостов через безводные пространства. При этом эстакады над оврагами, как правило, возводили по всей их длине на одной высоте и с одинаковыми пролетами, а виадуки над ущельями – с нарастающим и убыванием высоты опор при неравномерной длине пролетов. Первый мост по дамбе проложили арабы на р. Сегура в испанской провинции Хаэн. Иногда на реках использовали вместо мостов паромы (с XV в. их сажают на канатный перетяг) и понтоны.

Каботажное и позднее трансморское плавание вызвали к жизни систему мелких, но хорошо налаженных коммуникаций вблизи портов. Еще в VI–VII вв. густая их сеть вилась в районах Нарбонны, Марселя и Арля, а также по греческому побережью. Общественная необходимость порождала при их строительстве и для благоустройства коллективные формы труда. В Испании этим занимались с VII в. дорожные товарищества с участием городских коллегатов. В Германии такие товарищества объединяли с IX в. парафридов – несвободных труженников, выполнявших фискальные обязанности по починке проездных путей. Постоянной заботой городских властей было поддержание в при-

личном состоянии уличных мостовых. Иногда попечение над главной улицей брали на себя городские сеньоры (графы, бароны, епископы) или магистраты, а наблюдение за остальными возлагали на цехи по кварталам либо на отдельных горожан, имевших на этих улицах крупные дома с дворами и садами. Это не мешало путникам и в городах утратить обычно в дорожной грязи, а дорогам – прыгать по ухабам. В королевских столицах сложилось правило не впускать на заставах приезжих, которые не захватили с собою камни для мощения. Груды таких камней громоздились у городских окраин.

Наличие дорог не гарантировало путникам надежность передвижения. Если они достигали какого-либо города, то почти всегда могли найти кров. В XIV–XV вв. уже действовали гостинные дворы, дававшие приют за невысокую плату. Комнаты для проезжих имелись при многих трактирах. Однако в открытом месте или глухом лесу постоянно существовала опасность быть убитым либо ограбленным. Разбойники подстерегали странников, где угодно. Шайки воров и других “лихих людей” никому не давали житья, и дороги как раз оказывались подходящим местом для их “неправедных деяний”. Разбоем не брезговали и знатные лица, от мелких рыцарей до баронов и графов. Особенно страдали от их внезапных налетов купеческие обозы. Но владельцы земель беззастенчиво обирали также пилигримов и просто случайных людей. Благополучие на дорогах – одна из веских причин ревностной поддержки городами сильной центральной власти, лучше обеспечивавшей общественный порядок. А до того, как эту заботу взяли на себя правители централизованных государств, путники, не добредшие до города, могли обрести надежную крышу над головой по большей части только в монастырях. За монастырской стеной они обычно находили радушную встречу, успокоительно-поддерживающие слова, лепешку с ключевой водой или даже с разбавленным вином и чувствовали себя, хотя бы временно, в безопасности.

Существовала прямая связь прогресса дорог с развитием почтового дела. Государственные письма сочинялись в королевских, герцогских и княжеских канцеляриях, а доставляли их гонцы. Письма и посылки частных лиц посылались с нарочными. Городские советы могли для поддержания регулярных контактов между собой снаряжать особых гильдейских лиц, игравших роль временных почтальонов. При пересылке пользовались услугами не только земляков, но и чужих подданных. Так, в середине X в. совокупность важных политических событий в Центральной Европе и Византии (походы Оттона I в Ломбардию, активная деятельность недавно возникшего Бургундского королевства, походы Игоря Киевского на Константинополь, военные предприятия датского короля Харальда Синезубого, вторжение венгров в Германию и Чехию, возникновение Польского государства) оказалась столь весомой, что почтовые сношения центральноевропейцев с византийцами резко возросли, а связующей инстанцией служили ехавшие в Константинополь венецианцы; и дож Пьетро IV воспретил своим подданным служить передаточным звеном и оказывать такие услуги, если

только речь не шла о государственных послых, чтобы ненароком не были нарушены высокие интересы республики св. Марка. Но и при посреднической помощи письмо могло дойти до другой страны лишь спустя недели и месяцы.

Регулярная английская почта, доставлявшая королевскую корреспонденцию с конными гонцами, сложилась к концу XI в.

Государственные почтовые станции со сменными лошадьми были организованы там в начале XIV в., а вскоре Эдуард I разрешил посылать письма тем же способом и частным лицам. Королевские почтовые гонцы фигурируют в Кастилии со второй половины XIII в. И тогда же города Барселонского графства образуют специальную почтовую службу – цех срочных гонцов. Их название – *согеос* – ныне обозначает в испанском языке всякую почту вообще. Этим гонцам города предоставляли вооруженную защиту. Служба связи между немецкими городами функционировала с XIV в. Сохранились документы властей Нордхаузена, общавшихся с коллегами по сословию в Хильдесхайме, Франкенхаузене и Эрфурте. Этой линией пользовались также местные аббатства, монастыри и феодальные замки. Суточная скорость передвижения средневековых почтальонов составляла десятки километров, а во Франции XV в. достигла 150 км, так что послание Карла VII о взятии в 1453 г. Бордо дошло до Парижа через трое с лишним суток. Почтовую грамоту, скрепленную печатью, зашивали в матерчатый футляр или наглухо закрывали в коробе и прятали в дорожную суму, а самую ценную корреспонденцию везли под платьем. Как правило, гонца сопровождала стража. Известны случаи, когда, опасаясь перехвата весточки, адресанты дублировали тексты и отправляли их одновременно разными путями. Практиковались, особенно на войне и при династических распрах, и фальшивые известия, доставлявшиеся хорошо замаскированными псевдогонцами.

Водные средства сообщения играли в ранне средневековье исключительную роль. Среди непроходимых лесов, в безлюдных местах и от одного речного порта к другому плыли по рекам на лодках, тянули бичевою груз, брели вдоль их русел, зимой ездили по замерзшей глади. В ту пору реки именовались “божьими дорогами”. Вплоть до II тысячелетия они были основными торговыми артериями. Особое значение имели Темза для Англии, Луара и Рона для Франции, Тахо для Испании, По для Италии, Рейн и Эльба для Германии, Дунай для Средней Европы и Балкан. Межречным связям помогали волоки, считавшиеся, к примеру, обычным делом на водоразделах Рейн – Бирс и Ду – Сона – Рона. Со II тысячелетия речные магистрали соединяют каналами. К Сене возле Труа канал был проложен в XII в., Миланско-Тичинский в 1179–1209 гг. (по нему плавали из оз. Маджоре к Миланскому собору), Любекско-Гамбургский из Эльбы в Штекниц в 1391 г. Устья рек, каналы и морские побережья сохранили на дне массу различных остатков водного транспорта. Только в Северной Европе (а Южная такими находками еще богаче) археологические обследования позволили обнаружить к настоящему времени в более чем 20 пунктах по берегам

Балтийского и Северного морей десятки крупных и сотни мелких предметов V–X вв., связанных по назначению с торговыми и военными коммуникациями.

Для создания плавучего средства тогдашним людям прежде всего необходимо было иметь соответствующие орудия труда, подходящие лесоматериалы, металлические детали, клей, краску, пеньку и полотно. Средний набор примитивных орудий у рядового городского мастера, готовившего простую деревянную лодку, включал топор, тесло, скобель, пилу, долото, нож, кисть и иглу. Топором он рубил деревья и обрубал ветви, скобелем сдирал кору, теслом тесал доски, долотом пробивал отверстия для шивной вицы, ножом резал детали, кистью красил, иглой шил парус. До X в. по большей части эти орудия (кроме кисти) оставались бронзовыми, потом стали железными.

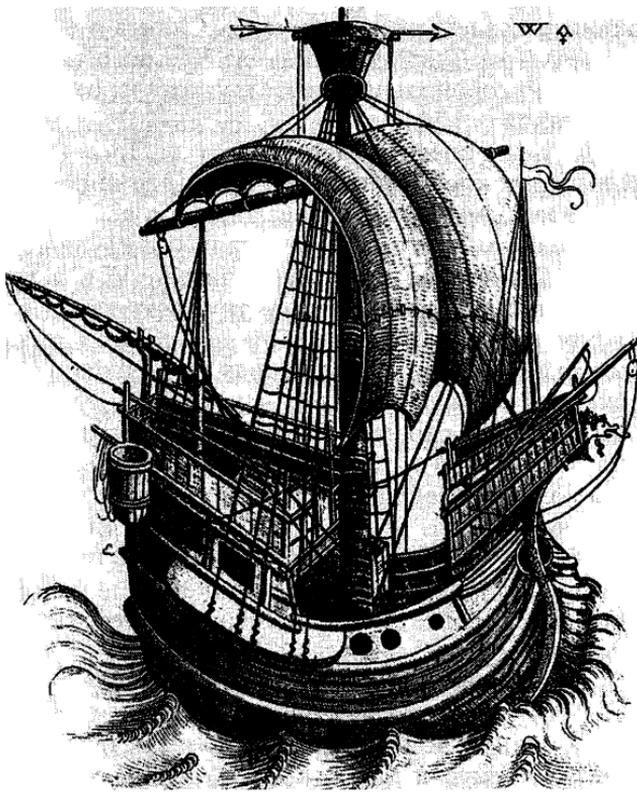
Чтобы построить лодку, городской ремесленник прежде всего приобретал отсутствовавшие средства труда или, готовя их изначально, покупал право на деревья в близлежащей роще (если леса не были там “ничьими”). Полный производственный процесс был долгим. Ободрав кору на дубе с восточной стороны, мастер зимой надсекал древесину по обводу будущей лодки. Летом надсечка высыхала. Следующей зимой зарубка углублялась, потом дереву перебивали центральную жилу, после чего листья уже не появлялись. Полузасохший дуб валили кроной к воде, срубали ветви, снимали кору, обтесывали боковины, долбили по овалу и выжигали сердцевину, сохраняя древесину со стороны бортов и дна. Колоду вымачивали, вбивали в нее клинья, раздвигая щель, и распаривали размякшее дерево над костром. Найдя крупную ель с торчащими из земли большими корнями и несколько елей поменьше, вгоняли их стволы поперек колоды, а нетронутые корни пригибали сверху от одного борта к другому и покрывали настилом из досок. Под этой палубой, по днищу и вдоль ребер заготовки, тянули от кормы к носу прочные жерди в качестве каркаса. Под днищем ладили широкую доску – киль для скольжения по воде. После месячной усушки новой весной крепили над бортами уключины и вытачивали однолопастные весла. Сзади навешивали стерно – кормовой руль с рукоятью, спереди – трепло, т.е. неуправляемый носовой руль, болтавшийся на ходу. Меж бортами вставляли поперечные сиденья. У кормы клали привязанный тройным (витым попеременно в разные стороны) канатом круглый камень с острым наконечником – якорь. В центре лодки выдавливали мурью – выбоину для походного груза или крепили под него корзину и вырезали льяло – дыру с затычкой для спуска воды, хлещущей внутрь через края. После третьего усыхания наращивали борта досками, сшивали их можжевеловой вицей и соединяли детали деревянными заклепками, которые, разбухнув, закрывают пазы. Щели конопатили мхом или шпаклевали волосом животных и потом смолили корпус. После четвертой сушки шлифовали лодку песчаником и проклеивали ее составом, сваренным из известняка, творога, кабаньих костей и рыбьих пузырей. Красили снаружи в три слоя. Щеглу – одноколенную мачту сажали на толстый шип в средней банке, лежавшей на распорке вроде двусторон-

них качелей, зажатых в боковых крыльях. Распорка опиралась на внутреннюю надкилевую жердь. Иногда археологические находки свидетельствуют, что в верхней части мачты имелся бугель, от которого к бортам шли тросовые оттяжки из конопляной пеньки, сплетенные кочедыгом. Загодя готовили в плавание балласт и связки сухого камыша, которые, будучи привязаны к бортам снаружи, смягчали качку как выносные тела, а также деревянные катки, чтобы по ним тащить лодку волоком.

Даже для лодочного дела, не говоря уже о корабельном, требовались серьезные ремесленные навыки, связанные с общим прогрессом орудий труда и производственного опыта. Те речные центры или приморские селения, в которых процветало это мастерство, рано обрели экономическое значение и получали возможность энергичнее бороться за независимость от сеньоров. Такова судьба Амальфи – родины кодекса морского права, никогда не умиравшей с карфагенских времен второй родины морского права Барселоны, обретшего первую в средневековой истории водную школу Брюгге, имевшей на островах Ратонно и Помег лодочные верфи республики Массилия (Марсель), Любека – лидера Ганзейского союза. Завершение строительства любой лодки почиталось у людей водных промыслов как благой праздник и торжественно отмечалось. А передача готового плавучего средства от мастера к новому владельцу освящалась молитвой, в которой судовладелец обещал Богу заботиться о приобретении, как о своей колыбели, доме, брачном ложе и гробнице. Лодка получала собственное имя, ее кропили святой водой и украшали волшебным талисманом.

Однако азы умелого кораблестроения давались нелегко. Изучение вскрытых при раскопках или под водой греческих, итальянских, кельтских, ганзейских, скандинавских и западнославянских морских судов, а также речных ладей свидетельствует, что при наличии широкой гаммы конструкций все они были не свободны от огрехов. Не каждый мастер умел оценивать оптимальные обводы корпуса, находить верное соотношение корабельных размеров, учитывать интерференцию волн, центр тяжести, остойчивость сооружения. Например, ютландские карбасы с яйцевидным днищем полуореховой формы и наклонным форштевнем, которые лдины не раздавливали, а, сжимая, выталкивали вверх, в то же время имели слабую остойчивость, вследствие чего в морском бою их стремились, взяв на абордаж, опрокинуть крюками, зацепленными за борта. Даже лучшие итальянские парусники не всегда обладали должными плавучестью, непотопляемостью, ходкостью, управляемостью, остойчивостью и прочностью.

На лодочно-корабельное дело раннего средневековья повлияли и традиции Священного писания. В Библии упомянуто, как посредством переборки сделать Ноев ковчег непотопляемым, и определены его размеры: 300 локтей в длину, 50 в ширину, 30 в высоту (“Бытие”, VI, 15). Позднее было подсчитано, что у такого нескладного сооружения объемное водоизмещение составляло 24 тыс. регистровых тонн. Когда, до VIII в., благочестивые ирландские эпигоны Ноя буквально пытались

Трехмачтовый парусный корабль. Нидерланды. Гравюра 1475 г.

следовать тексту Ветхого завета, в котором повелевалось, кроме того, соорудить ковчег с дырою сверху и дверью сбоку (там же, VI, 16), они готовили себе плавучий гроб.

Особый интерес вызывают средневековые якоря. Они начинались с простого каменного груза и превращались постепенно в совершенное произведение городского искусства. Основой морского якоря XV в. служило металлическое веретено. Сверху имелась скоба для подвешивания. На веретено насаживался шток для поворачивания якорного тела, а сам он сидел на прокаленной шейме и удерживался заплечиками. Нижнее утолщение веретена завершалось пяткой, от которой вбок шли загнутые рога с лапами. Лапа кончается врезающимся в грунт острым носком. Среди всех обнаруженных средневековых якорей преобладали однорогие. Из-за слабой сварки их частей мореходы предпочитали иметь вместо трех больших десятков малых. Первыми перешли на двурогие якоря бретонцы (килик из изогнутых железных полос) и норманны (две лапы на деревянном штоке). Затем вошли в употребление многолаповые “кошки”. Скандинавы, пробивая судовые скулы, обрамляли дыру клюзом, в который втягивался якорь. Теперь он уже не переваливался с палубы за борт, калеча обшивку. На Средиземном море

славились якорные кузнецы из Картахены, Сплита и с острова Родос, на северных морях – из Дувра и речные из Бремена. Они же выковывали металлическую корабельную оснастку, хотя не отказывались и от “сухопутных” заданий.

Морские суда исторически развивались так. После падения Западной Римской империи корабельное дело в Византии продолжало процветать. Там по-прежнему сохраняла вес античная поговорка “плавать – значит жить”. В любом порту там встречались и крупные дромоны, и мелкие памфилы. 20-метровый дромон обладал в VI в. двумя мачтами, в X в. – тремя. На них полоскались по ветру “латинские” треугольные паруса со вздернутым острым углом. При штиле бралась за весла сотня гребцов, которые сидели либо в два ряда параллельно вдоль бортов, либо на гребных скамейках, укрепленных под прямым углом к продольной оси корабля, так что на каждой банке действовало одно общее длинное весло. Позднее скамьи ставили косо, внутренним концом в сторону носа, а каждый гребец, в зависимости от места посадки, имел весло определенной длины. Дромон у днища был шире (3,5 м), чем у края бортов (2,5 м), и потому мало боялся бурь или столкновений в морском сражении. Бытового назначения памфил, малогабаритный, но поворотливый, перевозил небольшие грузы и использовался также рыбаками и ловцами губок.

В Италии, при общем упадке морского дела, удержалась традиция сооружения галер. Венецианцы с VII в. строят низкобортные галеры с таранным носом, длиной 55 м, шириной 7 м и с осадкой в полтора человеческих роста. В Генуе парусно-гребная галера возникла из древнеримской либурны. Галеры первыми из европейских кораблей обрели трюм. На такой “морской каторге” гребло до 450 прикованных к банкам невольников. И дромоны, и галеры неоднократно попадали в руки “варваров”. Трижды удавалось это вандалскому королю Гейзериху, чьи орды захватывали Сицилию, потом в 455 г. разграбили Рим, а в 468 г. разгромили византийский флот и во всех случаях пользовались чужими кораблями. Не случайно античный мир, уже агонизируя, цеплялся за свои знания. Согласно кодексу византийского императора Феодосия II, подтвержденному в Западных провинциях его ставленником Валентинианом III, имперский подданный, обучивший “варвара” искусству кораблестроения, карался смертью. Дольше других блюла в Италии умение возводить старинные галеры городская республика Амальфи, чьи подданные уже в IX в. применяли на судах магнитную буссоль – плававшую в жидкости пробку с воткнутой в нее металлической иглой.

Морские суда Северной Европы VI–X вв. весьма разнообразны: челны байдарочного типа с двухлопастными веслами или рыбацьи скорлупки с коротким однолопастным веслом для попеременного использования с обоих концов; плоскодонные остроносые дощаники без колоды с обшитым досками шпангоутом; германские насады, у которых бортовые доски прилажены вгладь – тесанные плашки с вырезными шипами насажены верхней кладыной на нижнюю; скандинавские набойные клинкеры, у которых ребра верхних досок лежат внакрой на

нижних; их варианты – западнославянский прам, ливонская лойва и финская лайба; кельтский курах – обтянутая просмоленной кожей водяная корзина с сидением. Удивительно, как на таком скромном суденышке ирландец Брендан достиг в VI в. Нового Света! Зато вовсе не случайно норманны, обладавшие клинкерами, переплывали к концу I тысячелетия Атлантический океан. Хожение по морю было столь важной частью их жизни, что они погребали своих вождей в лодках вместе с оружием и утварью. Их корабли, украшенные спереди головами драконов, – драккары – были высоконосими челнами со шпангоутом из орехового дерева, высоким и узким килем, растопыренными бортами над суженным книзу днищем. Драккары соорудил обычно целый коллектив. Каботажные до VII в., они стали пригодны к дальним странствиям, когда норманны поставили прямой парус и увеличили количество весельных уключин. Обладатели этих судов умели подныривать под края льдин, чтобы по пузырькам воздуха определять наличие рыбьей стаи, и ориентировались в открытом океане, устанавливая высоту небесных светил над горизонтом пальцами: один палец вытянутой руки покрывал около полутора градусов небосклона. В пасмурную погоду ловили излучение светил кристаллами полевого шпата. Ориентировались они и по полету птиц, наблюдая, куда те устремляются через водные просторы, от одного участка суши к другому. Европа, страдавшая от набегов викингов, называла драккары “вместилищами божьего наказания”.

Галлия до X в. знала только лодки: речную скафу и более крупную, но неуклюжую морскую барку. Франки использовали случайные корабли, а к систематической постройке нефов – высокобортных судов с палубными надстройками и двумя параллельными кормовыми рулями приступили в XI в. В 1436 г. появился трехрульный неф. Фризы плавали в открытом море на круглодонных, бесштвеневых и бескилевых судах с могучим внутренним каркасом из наборных планок, а вдоль берегов – на штевневых плоскодонках, ставших прародительницами ганзейских коггов. Эти пузатые морские грузовики, купеческие любимцы в каботажной торговле, уже в XIII в. имели четырехугольные паруса, скошенный к килю штевень, навесной руль, сплошную насланную палубу и деревянные форты для арбалетчиков на носу и на корме. Длина коггов лишь втрое превышала ширину, грузоподъемность достигала 200 т, а в XV в. – и 1 тыс. тонн. На таких кораблях шли транзитные товары от Риги до Брюгге и плыли в Палестину крестоносцы из северных стран. Огнестрельное оружие заставило в XIV в. изменить внутреннюю конструкцию кораблей: иначе рассчитать осадку, расчистить место для боеприпасов, обустроить артиллерию. Канонаду осуществляли через бортовые отверстия между палубами. Для речных сражений приспособили иолы – струги с носовыми пушками. На сооружение крупного морского корабля в XV в. уходило несколько тысяч дубов.

Второе тысячелетие характеризуется и необычными новациями в кораблестроении. В 1354 г. предприняли попытку соорудить судно с металлической обшивкой: конструкция получилась, но паруса ее не по-

тянули. В XV в. появился двигавшийся против течения “водоход” с вращающимися бортовыми колесами. Он служил речным паромом и курсировал по тросам от береговых блоков. Воздвигаются верфи со стапелями (Нидерланды, Португалия), молы из бутового камня в гаванях (Прованс), сооружаются искусственные порты с тележно-тормозными слипами для спуска кораблей на воду (Италия) и ремонтные эллинги (Испания), вдоль ганзейской и средиземноморской водно-торговых магистралей светят маяки. Обогащается такелаж: применяются теперь металлические цепи и разнообразные пеньковые снасти. Стоячий такелаж (ванты, штаги) четко отделяется от бегучего (фалы, шкоты). Для крепления рангоута, управления парусами и грузоподъемных работ выплетаются канаты повышенной прочности, свиваемые из одинарных каболок, двойных прядей и строенных стрендей. Используются различные тросовые узлы: фламандский (двойной восьмеркой), римский (прямой, петля в петле), французский (плоский с восемью “жозефиновыми” переплетениями), польский (обвивочный), финикийский (комбинированная беседка), ирландский (топовый, под грузы), греческий (горловой, для сосудов), английский (“рыбацкое” сплетение двух простых), турецкий (двойное сплетение простых). Плавучую досочку на канате соединили с песочными часами и получили лаг для измерения скорости судна. Ручной компас занял постоянное место возле рулевого, вырос в размерах, приобрел картушку с румбами. Рядом ставится “роза ветров” – плоскость с отверстиями для штырей с обдуваемыми шнурками. Применяются такие приборы, как квадранты, секстанты, астролябии: и сложные, сфероидальные, и простые – так называемый “стержень Якова” в виде линейки с делениями и движущимся по ней крестом для помещения на одну линию небесного светила, конца креста и глаз.

Итальянцы, которым османы перекрыли восточные пути сообщения, переносят свои таланты на запад, снабжая испанцев и португальцев картами, приборами, новыми типами кораблей. Составлялись портоланы – описания береговой линии с подробными лоциями мелей, проливов и заливов; возникла профессия прибрежных лоцманов. Потом на портоланы нанесли сведения о дальних путях с указаниями на ветры, маяки, течения и расстояния. Выпускаются морские карты для лиц, знавших также астрономические приборы; возникла профессия штурманов. Первая европейская морская карта, которой пользовался в 1270 г. король Людовик IX Французский, генуэзского происхождения. А уже в 1354 г. король Педро IV Арагонский распорядился не выпускать из портов корабли без карт. С 1400 г. все испанские и португальские моряки имеют их на вооружении. Решительный переворот в плаваниях произошел после того, как итальянцы, усовершенствовав арабский и латинский типы кораблей, скомбинировали каравеллу – парусник, который уступал коггу по размерам, но был гораздо маневреннее.

Для перевозки грузов использовалась каракка – гибрид когга и каравеллы. На дальних расстояниях последнюю испытали португальцы и испанцы. Раньше мореплаватели сильно зависели от течений. Теперь

система различных парусов позволяла легче выбирать маршрут. В первой половине XV в., осваивая Атлантический океан, португальцы добавили третью и четвертую мачту, поставили косые паруса на носу и корме, а прямые посредине, что позволило им добиться успеха в открытом океане, добравшись к 1431 г. до Азорских островов.

Новые пункты явились позициями для дальнейшего освоения просторов и привели к победному путешествию Х. Колумба в 1492 г. до островов Нового Света. Славу капитана разделяют его корабли – плод длительных усилий средневековых тружеников. Флагман “Санта-Мария”, первым обнаруживший Антильские острова, – это построенная в 1470 г. каракка с косым парусом на бизань-мачте, прямым на бушприте, фок-мачте и грот-мачте, при длине корпуса в 28 м, ширине 8 м, с осадкой 2 м, водоизмещением 140 т, парусностью 330 кв. м, 18 пушками и экипажем из 65 человек. Наименьшая из трех экспедиционных “Нинья” была сооруженной в 1475 г. каравеллой с косыми парусами на бизани, фок-мачте и гроте, длиной корпуса в 27 м, шириной 8 м, осадкой 2 м, водоизмещением 100 т и экипажем из 40 человек; на ней, сменив “латинские” паруса на рейковые, Колумб еще дважды плавал в Америку. Единственное из пяти судов Ф. Магеллана, вернувшееся в Испанию после первого кругосветного путешествия, – построенная в 1500 г. каракка с косыми парусами на двух бизанях и прямыми на бушприте, фок-мачте и гроте, при корпусе длиной 28 м, шириной 8 м, осадкой 2 м, грузоподъемностью 85 т, парусностью 450 кв. м, с 10 гаубицами и экипажем из 43 человек. Эти мореходные малютки перед скорым закатом средневековья триумфально выдержали курс в эпоху новой истории.

Особую страницу событий на морских путях сообщения составляет пиратство. В Европе оно развернулось в средние века на трех акваториях – Средиземноморской, Североморской и Атлантической. Вплоть до XV в. италийские и византийские моряки боролись с малоазийскими, левантийскими и североафриканскими пиратами, унаследованными от античности и действовавшими разрозненно. Новая опасность возникла после падения Константинополя, так как османы стали оказывать этим пиратам систематическую помощь. Страшное пиратское гнездо появилось на острове Джерба у побережья Сиртского залива, где осели лесбосские бандиты, братья Арудж и Хайраддин, прозванные европейцами “Барбаросса I” и “Барбаросса II”. Они создали многочисленный “варварийский флот”, который грабил встречные суда, нападал с последней четверти XV в. на любые порты Италии, Франции и Испании и увозил в неволю тысячи пленников, частично обращавшихся в рабов, а частично возвращавшихся на родину после внесения за них выкупа. Этот морской разбой в сочетании с турецкими сухопутными заставами на торговых путях из Европы в Левант способствовал упадку былого могущества Генуэзского и Венецианского государств.

В Северноморском бассейне властвовали норманны. Они избрали своей целью грабеж поселений на морских берегах и по рекам Германии, Нидерландов, Британии и Франции, а потом добрались и до Средиземноморья. Обыкновенный разбой сочетался у них с оседанием на

новых местах и даже образованием там своих государств. Крупнейшими из них в Западной Европе стали в 912 г. герцогство Нормандия, датская Англия в 878 г. и 1013 г. и Сицилия в 1091 г., а также владения норманнов в Исландии (ок. 860 г.), Гренландии (ок. 876 г.) и американской будущей Новой Англии (ок. 1000 г.). Деятельность норманнов оказала сильное влияние на ход политической и военной истории Европы. В случаях, когда военное мероприятие оказывалось невыгодным, они становились предприимчивыми купцами и оставляли за собой следы или в виде заморских товаров, или в виде пожарищ и развалин монастырей и городов. Особенно жуткими сохранились в памяти местных жителей норманнские набеги на французский Руан (841), на английский Квентовик (842), на бретонский Нант (843), на арабскую Севилью (844) и на архиепископство Гамбург (845). Неподалеку от Нанта, на острове Нуармутье в устье Луары, возник норманнский форт – база дальнейших разбоев. Такой же базой стала в 860 г. итальянская Пиза. Континентальная Европа помещала тогда в один ряд три главные опасности: арабов, норманнов и черные эпидемии.

Вариантом норманнской эпопеи следует считать комбинацию пиратства и транзитной торговли на Балтике, в организации которых участвовали фризские, датские, западнославянские, шведские и ливонские мореходы. Их набеги явились не последней причиной объединения купеческих городов Германии в Ганзейский союз. Его врагом стала обосновавшаяся на острове Готланд пиратско-купеческая организация витальеров, которая то грабила соседние города и их корабли, то заключала порою военный союз с одними против других.

Очередной толчок развитию пиратства дала Столетняя война, в которой активно проявили себя на Атлантической акватории французские корсары, голландские каперы и английские прайвэтиры, радевшие чаще не о государственных интересах, а о личной выгоде. Едва ли не в каждом порту Ла-Манша и Бискайского залива властвовал тогда какой-нибудь местный пират. Порою они переходили от частных налетов по личной инициативе и рейдерских операций по согласованию с королевскими правительствами к крейсерским, грабя и затем топя все встречные корабли. Крейсерский бандитизм окончательно ввел в непреложный набор акций международной политики мореплаватель Васко да Гама, с 1498 г. безжалостно уничтожавший в Индийском океане любое мусульманское или индусское судно во имя португальской торговой монополии. Одна из ироний истории состоит, однако, в том, что пираты и многие другие авантюристы, будучи отличными моряками, интенсивно способствовали прогрессу водных средств сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

- Владимиров И.Н., Ципоруха М.И.* Человек строит корабль. М., 1992.
Ханке Х. Люди, корабли, океаны. М., 1984.
Alpenübergänge vor 1850. Stuttgart, 1987.
Baumann P. Sternstunden der Schiffsarchäologie. Düsseldorf, 1988.

- Birk A.* Die Strasse: ihre verkehrs- und bautechnische Entwicklung im Rahmen des Menschheitgeschichte. Aachen, 1971.
- Cartier J.P.* L'aventure de la marine. P., 1973.
- Fircks J. von.* Normannenschiffe. Rostock, 1986.
- Gregory J.W.* The Story of the Road. L., 1938.
- Jackson G.* The History and Archaeology of Ports. Tatworth, 1983.
- Lay M.G.* Ways of the World. New Brunswick (N. J.), 1992.
- Lebecq S.* Marchands et navigateurs frisons du Haut Moyen Age. Lille, 1984.
- Vol. 1–2.
- Lewis A.R., Runyan T.J.* European Navel History 300–1500. Bloomington, 1985.
- McGrail S.* Rafts, Boats and Ships from Prehistoric Times to the Mediaeval Era. L., 1981.
- Mollat du Jourdin M., La Roncière M. de.* Les Portulans. Fribourg, 1984.
- Pitz E.* Europäische Städtewesen und Bürgertum: von der Spätantike bis zum hohen Mittelalter. Darmstadt, 1991.
- Reverdy G.* Histoire des grandes liaisons françaises. P., 1981–1982.
- Runyan T.J.* Ships, Seafaring and Society. Detroit, 1987.
- Robert J.* Histoire des transports dans les villes de France. Bagneux, 1974.
- Rose A.C.* Public Roads of the Past. Washington, 1949.
- Schirmacher E.* Städte-Vorstellungen: die Gestalt der mittelalterlichen Städte. Zürich, 1988.
- Sitwell N.H.H.* Roman Roads of Europe. L., 1981.
- Tarr L.* Karr, Kutsche, Karosse. B., 1978.
- Treue W* (hrsg.) Achse, Rad und Wagen: 5.000 Jahre Kultur- und Technikgeschichte. Göttingen, 1986.
- Tuma J.* The Pictorial Encyclopedia of Transport. L., 1979.

МОНЕТЫ. МОНЕТНОЕ ОБРАЩЕНИЕ. МОНЕТНЫЕ СОЮЗЫ

Хотя монетный двор чаще всего располагался в стенах города, хозяином его в большинстве случаев был светский или духовный сеньор, обладавший правом чеканки монет. Далеко не каждый город, даже являвшийся крупным торговым центром, смог выкупить у своего сеньора эту привилегию и чеканить собственную городскую (муниципальную) монету. Для Франции городская чеканка – вообще редкость, так как королевская политика в отношении монеты была направлена на подчинение и упразднение локальных чеканок независимо от того, кому они принадлежали – светским феодалам, духовным учреждениям или городским коммуна. На территории Французского королевства собственную монетную чеканку имел г. Амьен в Вермандуа и около двух десятков городов во Фландрии и Артуа. Но и они владели этим правом относительно недолго: Амьен утратил его в начале XIII в., подавляющее большинство фландрских городов – в течение XIII в., а последние из этих чеканок – в Генте и Брюгге – были пресечены графом Фландрским в первой половине XIV в. Да и изготовляли эти города местную мелкую серебряную монету, называвшуюся “май” (или “майль”). В Германии и Италии число городских монетных чеканок

было значительным, самые ранние пожалования этой привилегии относятся к XII в., но продолжались они еще и в XVI–XVII вв., когда императоры особыми грамотами давали городам право чеканить золотую и серебряную монету талерного достоинства. Некоторые из городских монетных чеканок в Германии просуществовали до Ноябрьской революции 1918 г. (Бремен, Гамбург, Любек). Прочие города, не имевшие монетного права, пользовались денежной продукцией своих сеньоров.

Вплоть до середины XIII в. на территории Западной Европы обращалась практически единственная монета – серебряный денарий. Созданный в Древнем Риме в конце III в. до н.э., денарий обладал тогда значительным весом – 4,55 г. Уменьшаясь в размерах, теряя пробу и вес, он пережил падение Римской империи и просуществовал до середины VI в. Для начала VI в. “Салическая правда” зафиксировала стоимость золотого солида в 40 денариев; кроме того, существовал и счетный солид, содержащий 12 денариев. В VI в. чеканка денариев возродилась; монеты были маленькие, толстые и весили 1,1–1,3 г. Во второй половине VIII в. в ходе реформ, проведенных Пипином Коротким (751–768) и Карлом Великим (768–814), когда был принят более тяжелый фунт (так называемый каролингский), вес денария, составлявшего 1/22 фунта, увеличился до 1,7 г, диаметр равнялся примерно 22 мм, а сам кружок стал относительно плоским. Это была уже настоящая средневековая монета, освободившаяся ото всех пережитков римского времени и эпохи варварских королевств.

Денарий был единственной реально существовавшей монетой, оболы (=1/2 денария) чеканились редко и небольшими партиями. Все остальные – солид (12 денариев), фунт, или либра (20 солидов, 240 денариев) – были счетными единицами. Для своего времени денарий был крупной денежной единицей, он использовался при крупных оптовых закупках и в международной торговле. Византийские императоры в VIII–XII вв. специально для этой цели чеканили серебряные милиарисии, хотя в самой Византии внутреннее денежное обращение опиралось на золото и медь.

Некоторые документы сохранили для нас интересные сведения о покупательной способности денария. Так, например, решение Франкфуртского синода (июнь 794 г.) говорит о том, что модий (ок. 8,8 л) овса стоит денарий, модий ячменя – два денария, модий ржи – три денария, модий пшеницы – 4 денария. Также за денарий можно было купить печенье хлеба весом в два фунта (ок. 800 г): пшеничных – 12, ржаных – 15, ячменных – 20 и овсяных – 25. Саксонский капитулярий 797 г. сообщает, что годовалый бык или корова стоит один солид, т.е. 22 денария. В Праге в X в. на денарий можно было купить десяток кур. Потребности более мелкой торговли денарии удовлетворяли явно недостаточно, они были для нее слишком крупными, поэтому в качестве разменных номиналов на рынке ходили монеты, разрезанные на две, три, четыре части.

В течение XI–XIII вв. денарий очень изменился: он постепенно терял вес, а главное – ухудшалось качество серебра. Для примера можно

привести следующие данные. Содержание чистого серебра составляло: в монете Констанца во второй половине IX в. 1,75 г, во второй половине XIII в. – 0,435; в монете Страсбурга во второй половине XII в. – 0,97 г, во второй половине XIV в. – 0,329; в монете Кёльна во второй половине XIII в. – 1,315 г, во второй половине XIV в. – 0,076 г; в парижских денариях во второй половине X в. – 1,53 г, во второй половине XIII в. – 0,418 г; в турецких денариях во второй половине XII в. – 0,365 г, во второй половине XIV в. от 0,163 до 0,033 г. Как мы видим, порча денария происходила неравномерно, сравнительно долго хорошее качество и стабильность сохраняла монета Кёльна, чем снискала широкое признание в Прирейнской Германии и Нижней Лотарингии. Такими же “образцовыми” денариями считались регенбургские пфенниги на юге и любекские на северо-востоке.

В XII–XIII вв. денарий все более и более утрачивает значение международной монеты, с ним уже можно было отправляться на обычный городской рынок, в лавку или таверну. Например, в Гданьске в первой половине XIII в. за денарий городской чеканки давали три селедки – самый дешевый товар на местном рынке. Примерно в то же время в Силезии конь стоил 1,5 марки серебра (300 г серебра, или 504 силезских денария), корова – 0,5 марки (100 г серебра, или 168 денариев), за овцу просили почти солид – 22,5 денария (13 г серебра); столько же, сколько корова, стоил мужской наряд и женское покрывало.

Активизация мелкой розничной торговли вызвала к жизни потребность в соответствующей монете для ее обслуживания. С одной стороны, для этой роли приспособлялся низкопробный, так называемый “черный”, денарий, с другой – увеличивается чеканка более мелких номиналов: оболы и квадранты (= 1/4 денария). В ряде европейских стран (Германии, Швеции, Дании, Польше, Чехии, Венгрии) проблему разменных монет пытались решить с помощью чеканки брактеатов – тонких, почти как фольга, серебряных пластинок, рисунок на которых оттискивался только с одной стороны. Брактеаты начали изготавливать в Германии в первой трети XII в., активное использование их приходится на XII–XIV вв. (хотя последний брактеат был отчеканен в начале XVIII в. в Ганновере). Эти хрупкие, часто лишенные надписей, малого веса монеты, несомненно, предназначались для местного рынка, для ежедневных покупок. Простота и легкость их изготовления позволяли выпускать брактеаты в больших количествах, что приносило очень значительные доходы: если чеканка обычных двусторонних монет, по свидетельству Р. Серрюра, приносила эмитенту около 12% дохода (сеньораж), то производство брактеатов и неразрывно связанные с ними периодические перечеканки – в 7–8 раз больше.

В крупной оптовой торговле денарии не пересчитывались поштучно, а отмерялись продавцу на вес. В случае нехватки монет, к ним можно было добавить ювелирные изделия, серебряный лом, или слитки серебра. Последним обычно отдавалось предпочтение. Со временем платёжные слитки стали относительно унифицированными, на них ставилось клеймо, гарантирующее законность и качество этого средства

платежа. В Германии наиболее распространены были слитки серебра весом в 15 лотов, т.е. 15/16 марки серебра, один лот шел на покрытие расходов при изготовлении. Такой слиток назывался *marca usualis*. Проба узуальных марок в разных городах Германии различалась и с течением времени менялась в сторону ухудшения, но тем не менее, по сравнению с порченной монетой, слитки были более надежным и удобным средством обращения и платежа. Кроме лигатурных марок, существовали и слитки чистого серебра (*marca usualis argenti puri* или *argentum examinatum atque signatum*), но тогда их вес был меньше и соответствовал весу чистого металла в обычной узуальной марке. Интересно отметить, что довольно долго в Италии и Германии роль средства платежа исполнял перец: им купцы платили торговые пошлины и сборы, за него покупали землю и давали его в приданое, перцем города уплачивали займы.

Однако, развивающаяся торговля требовала иных, универсальных средств обмена. В начале XIII в. появилась более крупная, чем денарий, денежная единица, которая стала материальным воплощением солида: соль, су, шиллинг, сольдо. Чеканка ее началась в Венеции, и по весу чистого серебра она соответствовала 24 местным денариям-пикколи, или 12 имперским. Эта монета в документах именовалась “*denarius grossus*”, т.е. “толстый денарий”, или матапан. Но в Европе матапаны практически не использовались в торговых операциях, основной сферой их обращения стало Восточное Средиземноморье – страны Леванта, Византия и другие Балканские государства. В течение первой половины XIII в. 12-кратные денарии-гроссо появились в Пизе, Сиене, Лукке, Вероне и др. Флоренция с последней четверти XII в. чеканила шестикратные денарии, а с 1296 г. перешла на 12-кратные. Во Франции монета достоинством в 12 турецких денариев была создана эдиктом короля Людовика IX ок. 1266 г. Именно она получила повсеместное признание и распространилась по всей – без преувеличения – Европе за очень короткий срок: клад, сокрытый ок. 1288 г. в окрестностях г. Дист (епископство Утрехт, ныне провинция Брабант в Бельгии), уже содержал турецкие гроши Людовика IX и Филиппа III. Другой клад, найденный в поле у дер. Лерсина около г. Элефсис (ном Аттика, Греция), зарытый примерно в 1310 г., содержал 175 турецких грошей Филиппа IV (1285–1314) в числе 500 монет, попавших там в руки исследователей.

Турские гроши были настолько популярны, особенно в Нижней Лотарингии и Прирейнской Германии, что уже в 1273 г. король Франции был вынужден принимать меры против их подделок в Валансьенне (графство Геннегау). Бельгийский нумизмат Р. Серрюр, специально изучавший подражания турецким грошам, отмечает, что только во Франции в конце XIII–XIV в. их изготовляли 18 сеньоров: от графа д’Эвре и герцога Бретонского на севере до принца д’Оранж и папы, сидевшего в Авиньоне, – на юге; в Нижней Лотарингии – 34 сеньора; в Германии, включая императоров Людовика VI Баварского и Карла IV Люксембургского, – 27, и даже в Португалии и на далеком Кипре. Турские гроши послужили образцами для создания в самом начале XIV в.

знаменитых пражских грошей и оказали опосредованное влияние на пробу, вес, размер и первоначально даже оформление практически всех монет грошевого достоинства, обращавшихся в средневековой Европе. Именно турецкие гроши были первыми серебряными монетами, которые разорвали узкие рамки одного государства и приобрели значение международной монеты.

Но слава турецкого гроша была недолгой – уже к концу XIV в. он утратил свои высокие характеристики – вес и хорошую пробу – и превратился в блан (или альбус, вайспфенниг) – монету, вдвое легче и вдвое ниже пробой. Причиной тому явилась Столетняя война. Блан стал также разменным номиналом, соответствующим 12 “черным” денариям (пфеннигам).

Параллельно с созданием “толстых денариев” после 400-летнего перерыва была возрождена чеканка золотой монеты. Первой попыткой был выпуск золотых августалов, начатый в 1231 г. императором Фридрихом II в Мессине и Бриндизи. В 1252 г. были созданы золотые номиналы во Флоренции – флорины и в Генуе – дженовино. В 1285 г. свою золотую монету – дукат – начала чеканить Венецианская республика. Во Франции первые золотые монеты – экю – появились ок. 1266 г., в Англии первый опыт подобного рода – чеканка “золотого пенни” – относится к 1257 г. Следует сказать, что флорины, дукаты и экю стали прототипами многих золотых монет, чеканившихся с XIV в. в Нижней Лотарингии, Германии, Польше, Венгрии.

Золотые монеты, по сути дела, не имели национальной принадлежности, не признавали государственных границ, и попытки запрещать хождение иностранной золотой монеты на территории какого-либо государства были вызваны лишь политическими амбициями и не имели успеха. Для примера можно привести состав двух кладов, сокрытых почти одновременно в конце XIV – самом начале XV в. в разных частях Европы. Первый клад, содержащий 25 золотых монет, найден в Аванше (кантон Во, Швейцария). В нем представлены золотые номиналы королевства Неаполь и Сицилия, принципата Оранж, архиепископства Трир, герцогства Гелдерн, графства Голландия и Священной Римской империи, чеканенные от имени императоров. Второй клад происходит из Нидерландов, он был найден около г. Экерен (герцогство Брабант, ныне провинция Антверпен в Бельгии), рядом с церковью, на перекрестке дорог. Клад содержит 118 золотых монет, отчеканенных во Фландрии (10 экз.), Брабанте (4 экз.), Геннегау (21 экз.), епископстве Льеж (1 экз.), Гелдерне (13 экз.), Голландии (20 экз.), Франции (31 экз.), Провансе (2 экз.), архиепископствах Трир и Кёльн (по 1 экз.), Пфальце (2 экз.), Венгрии (1 экз.) и Англии (11 экз.).

Несмотря на то, что чеканка золотых монет велась очень активно многими странами, ее объемы не удовлетворяли растущие потребности международной торговли. За весь период средневековья в Европе не было найдено ни одного нового золотоносного района. Поиски проходили по следам римских разработок, которые, в свою очередь, шли по следам более древних иберийских, кельтских, фракийских, дакий-

ских разработок, по землям, — как это потом стало ясно, — уже лишенным навсегда своих главных и наиболее доступных ресурсов золота. Если в древности в Европе было добыто около 4000 тонн золота, то в средние века — лишь ок. 570 т, из них в Испании — 30 т, во Франции — 20 т, в Италии — 15 т, в Чехии — 60 т, в Германии — 84 т. Основными золотодобывающими районами были Балканы (130 т) и Карпаты (230 т). В X–XII вв. получение золота ограничивалось кустарной мелкомаштабной промывкой россыпей. Есть сведения о такой разработке в Астурии, в долинах Дуэро, Тахо, Роны, Рейна, в Ломбардии и Каринтии. В VIII в. возобновились разработки золота в Восточных Альпах, сначала из россыпей, потом из кварцевых жил. С этого же времени начались горные работы в Богемском массиве, достигшие расцвета в XII–XIII вв. (Пшибрам, Йиглава и Кутна-Гора). К 1156 г. относятся первые упоминания о разработках золота в Банска-Штьявнице, а затем в Кремнице (Словакия), принадлежавшим Венгерскому королевству. Хотя Германия, Чехия и Венгрия были главными поставщиками золота в средневековой Европе, добыча этого металла по сравнению с серебром имела подчиненное значение. С XI в., а особенно с XIII в. в Европу стало поступать африканское золото через Арабский халифат, главным его источником являлись рудники Гвинеи и Золотого Берега. Именно из западноафриканского золота были отчеканены первые золотые флорины, дукаты, экю и “золотые пенни”. Император Людовик Баварский, например, получил золото, необходимое ему для чеканки собственной монеты, в виде субсидии от своего союзника английского короля Эдуарда III, который, в свою очередь, приобрел это золото в виде ссуды у итальянских банкиров. Кроме золота, поступавшего к феодалам в качестве военной добычи и выкупов или приходившего извне при торговых сделках, для чеканки использовались и золотые изделия, слитки и лом, хранившиеся в их сокровищницах. Широким потоком золото хлынет в Европу лишь после открытия Америки: уже в XVI в. ее рудники дадут 330 т золота, а в XVII в. — 600 тонн.

* * *

Монетный двор обычно располагался в городе, чаще всего в одной из башен замка сеньора, иногда в башне городских укреплений; известны случаи, когда под производство монеты использовались помещения монастыря. Это относится, главным образом, к периоду до XIII — начала XIV в. Например, монетный двор графов Шампани и Бри в г. Провене в XII–XIII вв. располагался в доме приходского священника, стоявшем на склоне холма позади графского дворца, у самой городской стены. Позже можно встретить расположение монетных дворов, в том числе и королевских, в городских кварталах и даже в каменных домах, арендованных у горожан. Польский исследователь Р. Керсновский приводит любопытные данные о местонахождении королевских монетных дворов Польши: уже во второй половине XIII в. краковский королевский монетный двор был перенесен в город из королевского замка на Вавеле, в 1325 г. он располагался на Рынке, вероятнее всего, в

здании городских весов, поблизости от костела св. Войцеха; после 1389 г. – в доме на углу Флорианской улицы и улицы Святого Томаша, нанятом у одного из горожан; в 1407–1412 гг. его перенесли в дом на углу Славковской и Щепаньской улиц; в 1456–1466 гг. – в дом № 17 на площади Рынка, в 1479 г. – в дом на углу Рынка и Братской улицы. Аналогичной была ситуация во Вроцлаве, Торуни и Гданьске (в двух последних речь шла о городских монетных дворах), и только в Познани до 1412 г. монетный двор располагался в помещении, названном “*propugnaculum in quo solebunt cudi denarii*” – “укрепление, в котором имели обыкновение чеканить денарии”, принадлежавшем одному из горожан.

Как мы видим, и в XIV–XV вв. даже наиболее крупный – королевский – монетный двор не требовал специализированных производственных помещений, для него легко приспособлялись обычные городские каменицы. Фальшивомонетные мастерские обходились еще более примитивными помещениями, вроде пещер в горах. Самым важным и громоздким оборудованием монетного двора была печь для плавки металла, но обычно она находилась вне производственного помещения, во дворе. Оборудование мастерской включало наковальни, большие и малые молоты, клещи, разного рода щипцы, ножницы, напильники, тигли для плавки металла, сковороды, большой котел для отбеливания монет, весы, штемпеля и еще целый ряд мелких инструментов.

Персонал монетного двора был относительно невелик. Даже на больших – королевских – дворах редко работало одновременно более двух-трех мастеров; как исключение, в 1407 г. на краковском монетном дворе зафиксировано семь монетариев. Баронский монетный двор и вовсе обычно имел одну мастерскую, которая могла включать от нескольких человек до нескольких десятков. Поскольку в работе монетных дворов бывали периоды бездеятельности, когда монета вообще не изготавливалась, причем очень длительные (на графском монетном дворе в Сенте в XI в. отмечена пауза в 10 лет), и монетчики занимались тогда либо крестьянским трудом, либо еще каким-то ремеслом. Интересный документ – грамота, данная в Париже английским королем Генрихом VI 22 января 1425 г., упоминает о 40 рабочих монетного двора, покинувших свое занятие и проживавших в сенешальстве Мо: большинство из них осело в окрестных деревнях, а двое в городе Мо – один служил привратником, другой занялся ремеслом дубильщика.

Главной фигурой в мастерской был монетарий, или монетчик, – самый квалифицированный работник, выполнявший наиболее тонкие операции; прежде всего, именно он вырезал штемпеля, которыми потом сам чеканил монету. Он же готовил металл, составлял необходимые сплавы. Профессия монетчика являлась почти интернациональной: немецкие мастера работали во Франции, в Чехии и Польше, французские известны в Германии и Нидерландах. Почти вся Европа охотно приглашала итальянцев: в самом начале XIV в. флорентийские мастера организовали производство пражских грошей в Кутна-Горе; работали на краковском монетном дворе, в Легнице (Силезия) и в Венгрии.

Эта профессия часто была семейным занятием, порой в течение нескольких поколений.

Во главе монетного двора в X–XII вв. стоял прево (*prepositus*) – должностное лицо государя или барона, на которого возлагались обязанности организации производства, найма необходимого числа работников, снабжения мастерской сырьем и контроля за продукцией. Прево получал жалование в зависимости от доходов мастерской: так, прево монетного двора в Сенте получал 20 “*nummi*” от каждых 20 солей (грамота аббатиссы Агнессы второй половины XI в.). Должность эта была не только почетной, но и весьма доходной: например, капитулярий аббатства Сент-Мари-де-Сент фиксирует около середины XI в. жалование прево графской мастерской в Сенте в три тысячи солидов и две лошади (в год). Вплоть до конца XII в. получение должности прево монетного двора рассматривалось как особая милость со стороны сюзерена, которая оказывалась рыцарям. Нередко барон, не желая расставаться с доходами, сам исполнял ее. Исключением не являлись и короли Франции, бывшие в конце X–XI вв. прево монетных мастерских в своих доменах. Впрочем, благородные прево не занимались производством, для этих целей нанимался уполномоченный (*délégué*).

Позднее, особенно с XIV в., эта должность превратилась в обычную, непочетную, доступную и неблагородным: так, грамота от июня 1296 г., данная королем Филиппом IV Красивым, называет прево Парижского монетного двора горожанина Жана Буланжье. Но к этому времени изменились и функции прево – теперь он управлял одной из мастерских, распределял между работниками задание, контролировал соответствие веса выданного металла весу изготовленных монетных кружков и обрезков. Кроме того, должность прево стала выборной.

В XIII – начале XIV в. управление монетным двором становится все более сложным: он сдается в аренду на аукционе; фактическим хозяином его, несущим полную ответственность и расходы, становится “*maître de la monnaie*” (с середины XIV в. он назывался “*maître particulier*”, в Германии – *Münzmeister*) – обычно один для золотой и один для серебряной и биллоновой монеты. Чаще всего арендатор был горожанином, имел свой дом и участок, нередко входил в состав городского магистрата. “*Maître de la monnaie*” заключал арендный договор с королем на более или менее длительный срок. В договоре фиксировалось количество золота, серебра и биллона, которое должно было быть отчеканено в каждый год аренды, различные допуски и декларировалось обязательное соответствие выпускаемой монеты королевским ордонамсам.

Работа монетного двора контролировалась “хранителем” (“*garde*”, или “*Wardein*” во Фландрии и Германии), иногда двумя, которые являлись королевскими чиновниками. Прежде всего “хранитель” надзирал за использованием монетных штемпелей, вел регистры, фиксирующие результаты апробации каждой партии монет и выдавал разрешение на чеканку. “*Contre-garde*” (или “*contre-wardein*”) контролировал приобретение сырья – золота, серебра и биллона. В крупных торговых городах,

не имевших права чеканить собственную монету, городской магистрат стремился провести своих членов на должность “хранителя”, так как она позволяла оказывать влияние, а иногда и давление на монетную политику государя. Яркие примеры тому дает нам Фландрия: графские монетные дворы в Генте и Брюгге в XIV в. почти постоянно имели вардейнов-представителей горожан рядом с графскими чиновниками.

В администрацию монетного двора входил пробирер (*essayeur*), который должен был проводить анализ качественного состава монет и взвешивание. Должностным лицом был и гравер (иначе, резчик штемпелей – *tailleur des fers*), так как он тоже получал жалование от доходов арендатора. Все чиновники при вступлении в должность приносили присягу добросовестно исполнять свои обязанности, строго хранить тайну полученных ими инструкций.

Технический персонал мастерской, возглавляемый прево, состоял из монетчиков и рабочих. Первые занимались только чеканкой монеты, последние производили все подготовительные работы перед чеканкой: расковку цанов, вырубку монетных кружков, отбеливание – и выполняли вспомогательную функцию при чеканке – подкладку монетных кружков между штемпелями. Рабочие и монетчики получали фиксированное жалование, которое выделялось из дохода монетного двора, шедшего суверену. Вместе с расходами на собственно производство оно составляло 4–8% от количества отчеканенной монеты.

Внутренняя организация германских монетных дворов была практически такой же.

Несмотря на то, что монетный двор располагался в стенах города и работники его, как правило, были горожанами, городские документы сохранили о них относительно мало сведений: монетные рабочие составляли отдельный цех со своей внутренней юрисдикцией. Во Франции самой ранней организацией монетчиков и рабочих считается “Французская клятва”, сведения о которой относятся к концу XII в., а наиболее ранняя грамота – к 1211 г. “Французская клятва” охватывала работников всех мастерских королевского домена и по мере его роста присоединяла монетные дворы в Нормандии, Шампани и Бургундии. В 1271 г. с “Французской клятвой” слилась “Тулузская клятва”. В Аквитании также была своя корпорация монетчиков (некоторые считают, что она входила в состав “Тулузской клятвы”), но самый ранний документ, касающийся ее, относится к сентябрю 1451 г.: в нем король Карл VII подтверждал монетчикам Аквитании и Гиени привилегии, которые они имели от своих старинных суверенов. Кроме названных, существовали также “Имперская клятва”, объединявшая рабочих и монетчиков старинного Арльского королевства; “Испанская клятва” – для Барселоны и Ампуриаса; “Фландрская клятва”, основанная в 1290 г., и “Клятва Геннегау” (1297) – для монетчиков соответственно графства Фландрия и графства Геннегау. Все они, как считают французские историки, были созданы по примеру “Французской клятвы” и в значительной степени копировали ее. Ордоннансом короля Франциска I от 30 апреля 1540 г. все древние “Клятвы” были слиты в одну.

Работники монетных дворов имели значительные привилегии, пожалованные королями и впоследствии неоднократно подтвержденные и расширенные. Уже грамота 1211 г., данная Филиппом Августом своим монетчикам, освобождала их от военной службы, от налогов и податей; никто, кроме “*maître de la monnaie*” и уполномоченных от корпорации, не мог судить работников монетных дворов, за исключением случаев убийства, разбоя и поджога. Чтобы поступить работать на монетный двор, нужно было быть сыном монетчика и пройти обязательное обучение. Грамота 1296 г. уточняла, что все монетчики и рабочие “Французской клятвы” освобождаются от уплаты тальи, кутюмов и пеажей (дорожная пошлина) во всем королевстве. Ордоннансы 1327 и 1337 гг. подробно перечисляют все налоги, от которых свободны королевские монетчики, “которые не занимаются никаким другим ремеслом”. Кроме уже названных податей, монетчики не платят пассажей (проездной сбор) и субсидий, не выполняют повинностей, обязывающих держать в замке сеньора дневной и ночной караул, идти вместе с сеньором в поход, а также освобождены от различных общественных работ.

Наиболее детализированное установление, излагающее права и привилегии королевских монетчиков “Французской клятвы” в 67 статьях, было принято на ассамблее прево и депутатов от рабочих в Париже в июне 1354 г. Подавляющее большинство статей этого постановления подробно рассматривает проступки и должностные преступления работников монетного двора с перечислением наказаний за каждое (главным образом, это – штрафы). Наиболее суровые кары – лишение права заниматься своим ремеслом и утрата навсегда всех привилегий и вольностей, пожалованных монетчикам королем, то есть изгнание из цеха, – следовало за работу вне монетного двора (ст. 14), за передачу кому-либо монетного металла с целью последующей чеканки монеты (ст. 15), за нарушение допусков при работе (ст. 16) и порчу готового сплава (ст. 17), а также за мошенничество (ст. 20).

Вступление в монетную корпорацию было довольно сложным: “ст. 1. Никто не может стать монетчиком, кроме сына монетчика или работника (монетного двора. – *Т.С.*) из хорошей семьи и по прямой линии; те же потомки, кто происходит по боковой линии в третьем или четвертом поколениях, должны внести 10 или 15 марок серебра и представить в качестве свидетелей двух достойных веры людей, которые подтвердят их происхождение от монетчика”. Обязательным было обучение ремеслу со сдачей экзамена: «ст. 42. Все дети работников или монетчиков и по “праву племянников” с 12-летнего возраста могут быть работниками; и дети работников и монетчиков служат один год, по “праву племянников” – два года и сделают для своего экзамена на 15 ливров черной монеты, или на 6 ливров грошей, или на 10 ливров малых майлей...». Так как французский счетный ливр содержал 20 солей (или солидов) и каждый соль 12 денариев, то для подтверждения квалификации ученик должен был отчеканить соответственно 3600 черных монет, или 1440 грошей, или 2400 майлей.

Монетчики и рабочие могли избирать прево, “наиболее достойных и уважаемых среди вас, которые лучше всех знают ремесло и кто происходит по прямой линии из хорошей семьи монетчика” (ст. 53).

Постановление 1354 г. еще раз подтвердило привилегии членов “Французской клятвы” (ст. 32). Любопытно отметить, что согласно “Намюрской клятве” в случае, если кто-либо из монетчиков или рабочих нанесет раны своему товарищу, мэр Намюра может взять виновного под стражу и держать его, не выдавая, пока не будет решено, что рана не была смертельной (Грамота графа Ги де Дампьера от 1 августа 1297 г.).

Особая юрисдикция монетной корпорации Франции многократно подтверждалась королевскими грамотами: только во второй половине XIV в., не считая цитированного постановления, – 8 раз: в 1350, 1362, 1365, 1372, 1380, 1384, 1393 и 1396 гг. Более того, короли активно покровительствовали своим монетчикам, защищая их столь важное право от посягательств церковной юстиции – епископы в силу некоторых папских булл пытались вмешиваться в судебные привилегии “Французской клятвы”. Король Иоанн Добрый 9 марта 1361 г. провозгласил, что, кроме случаев, сохраняемых за церковью, римская курия не может вмешиваться в вопросы юрисдикции королевских монетчиков, и возложил на нарушителей убытки, которые явились следствием этих незаконных процессов. Карл V возобновил этот ордоннанс 12 апреля 1366 г.

В Германии монетчики также имели свои корпорации, называвшиеся *Hausgenossen*, или *Husgenossen*, которые порой были еще более независимыми и могущественными, чем французские. В целом ряде городов – Страсбурге, Шпайере, Вормсе, Эрфурте, Франкфурте, Кёльне, Аугсбурге и др. – монетчики принадлежали в городскому патрициату. Так, например, в Страсбурге, где правом монетной чеканки с середины X в. владел епископ, мюнцмейстер, тем не менее, был одним из четырех главных городских магистратов, в обязанности которого входила юрисдикция по уголовным делам и по всему, что связано с изготовлением и обращением епископской монеты, в том числе и суд над фальшивомонетчиками. Он же управлял деятельностью монетной мастерской. Контроль за ее работой принадлежал бургграфу – второму основному члену магистрата – и суду городских нотаблей. Простые рабочие монетного двора были зависимыми людьми страсбургского епископа. Кроме привилегии изготавливать монету, членом *Husgenossen* принадлежало исключительное право обмена. Монетарии и менялы порой владели благородными фьефами, что подтвердил ордоннанс императора Людовика Баварского в 1339 г., носили шпагу, пользовались гербами и могли занимать командные должности в армии. Эльзасская знать стремилась вступать в корпорацию монетчиков, чтобы избавиться от епископской юрисдикции. В 1266 г. число патрициев-монетариев достигало 348, а в 1287 г. – 437 человек. Вступление в *Husgenossen* в это время сопровождалось крупным денежным взносом: епископу Страсбургскому марку золота, мюнцмейстеру – 5 золотых денариев, монетариям – 20 солидов толстой монетой (Закон Страсбурга, ст. 77).

В начале XV в. произошли существенные изменения: в 1406 г. городской Сенат Страсбурга захватил право на половину епископской монеты, а некоторое время спустя присвоил его полностью; в 1422 г. епископ сумел вернуть себе лишь право на половину дохода от монетной чеканки.

Процесс производства монет можно разделить на четыре этапа: 1) подготовительные работы, прежде всего металлургического характера; 2) монетные работы, предшествующие непосредственно чеканке; 3) изготовление штемпелей; 4) чеканка монет. За ними следует верификация – проверка веса и пробы изготовленных монет.

В подготовительные работы не включается сам процесс выплавки металла из руд, принято считать, что на монетный двор драгоценные металлы и медь поступали в виде неочищенных брусков, монет, лома, иногда и ювелирных изделий. Очистка серебра и меди проводилась в тиглях с помощью буковой золы и свинца. Расплавленный свинец вбирал в себя шлаки и вместе с ними впитывался в золу, частично его собирали с поверхности в виде глейта. Этот процесс повторяли несколько раз, вплоть до получения металла заданной чистоты. В перерывах брали пробы – серебро должно было быть белым и легко коваться. На практике для X–XI вв. серебро пробой 0,958–0,965 считалось “чистым”. Медь, которую очень рано начали добавлять к серебру, тоже должна была быть ковкой и не лопаться под ударом молота. Очищенные серебро и медь дробили и смешивали друг с другом в необходимой пропорции, после чего опять расплавляли в тигле. Жидкое содержимое выливали в ровик, вырытый в земле, или в специальные глиняные или железные формы. Полученные таким способом слитки серебряного сплава назывались цанами.

Расковывание цанов в узкие полосы металла представляло собой первую из монетных работ, предшествующих чеканке. Эту операцию выполнял квалифицированный работник молотом на железной или каменной наковальне. От качества расковки цана, выдержанности заданной толщины зависело качество будущей монеты, четкость ее штампея. Следующий этап – изготовление монетных кружков. Их вырезали ножницами из пластин сразу круглыми или сначала разрезали пластину на квадраты, примерно соответствующие размерам монеты, углы квадратов потом обрезались и заклепывались. Но уже в раннем средневековье был известен пробойник – нехитрый снаряд, представляющий собой полый на небольшую глубину стержень с заостренными краями. Он позволял сразу вырубать из пластины круглые монетные кружки. Использование пробойника заметно ускоряло процесс изготовления монетных кружков и уменьшало количество обрезков-отходов. По крайней мере с X в. известен третий способ – углы квадратных пластинок не обрезались, а округлялись ударами молотка. Он был особенно популярен в Германии в XII–XVI вв. Как исключение, в X–XI вв. в Византии и на Руси использовали технику литья монетных кружков. И при вырезании, и при вырубке монетные кружки гнулись, и их распрямляли на наковальне ударом молотка.

Перед чеканкой монетные кружки чистили. Этот процесс называется “dealbatio” – отбеливание. Сначала отбеливали механическим способом – посредством вращения закрепленной на оси бочки, в которую вместе с монетными кружками засыпалась мокрая угольная крошка; мелкие кружки пересыпали в полотняных мешках. Второй способ – химический: выварка в котлах в растворе поваренной соли и винного камня. Благодаря отбеливанию, поверхность монетных кружков на небольшую глубину освобождалась от примеси меди, получала характерный серебряный блеск.

Штемпеля для чеканки монет также изготавливались на монетном дворе. Самый ранний из сохранившихся подлинных штемпелей двусторонних монет является штампом лицевой стороны для денариев каролингской эпохи, найденный в г. Мелль до 1908 г. и хранящийся сейчас в Музее Пилори в г. Ньор (деп. До-Севр, Франция). Они изготавливались из стали; для брактеатов известны и бронзовые штемпеля. Верхний штампель мог быть цилиндрическим или в форме усеченного конуса, нижний – усеченный конус, имевший острый четырехгранный хвостовик, которым штампель вбивался в чурбак, и широкое перекрестие, не позволявшее утонуть в деревянной подставке. Иногда нижний штампель вырезали прямо на наковаленке или на небольшом куске железа, закрепленном на ней.

Стальные штемпеля выковывались, потом поверхность их, предназначенная для нанесения изображения, тщательно обрабатывалась напильником. Разметка ободков наносилась при помощи циркуля, а само изображение выполнялось при помощи резца и пунсонов – обе эти техники уже в раннем средневековье применялись одновременно на одном штампе. Использовали малые пунсоны, дававшие отдельные элементы: точку, квадратик, треугольник. Особенно популярным был круглый пунсон – “жемчужина”, которым обычно выполняли круговые ободки на штампе. Также применяли и большие – самостоятельные – пунсоны, которыми на штампе выбивались части рисунка – крестик, колечко, ножки букв в легенде, нос на портрете правителя и т.д. После нанесения рисунка штампеля науглероживали и закаливали, потом отпускали. Последняя операция несколько снижала твердость металла, зато обеспечивала его эластичность, предохраняла от раскалывания и крошения при работе. Изготовление штампея было наиболее тонкой и трудоемкой работой, требовавшей от монетчика большого умения.

Собственно чеканка монеты довольно полно отражена в иконографическом материале. Как правило, монетчик работал сидя, между ног его стоял чурбак или наковальня с нижним штампом, верхний он держал в левой руке, в правой – молот, которым ударял с размаху. Помощник подкладывал между штампами монетные кружки. Несколько иной была техника чеканки брактеатов – в ней пользовались только одним штампом, верхним или нижним, а на другой стороне монетного кружка клали мягкую подкладку из кожи, иногда из свинца. При использовании нижнего штампа молотом били в подкладку, помещен-

Мастерская монетчика. Миниатюра начала XVI в.

ную на металлическую трубку, – это позволяло положить на штемпель сразу несколько монетных кружков, и тогда после одного удара получалось 5–10 брактеатов.

Непосредственно на чеканку каждой двусторонней монеты затрачивалось от 6 до 10 секунд. Производительность пары штемпелей в раннем средневековье принимается за 3–5 тысяч экземпляров монет, в дальнейшем она заметно возрастает. Однако эта цифра зависела от качества стали, а также от пробы чеканившихся монет – наиболее мягкими были кружки из почти чистого серебра; с увеличением примеси меди они становились все более твердыми, и тогда штемпеля прочеканивали более низкий рельеф и быстрее изнашивались. Полный износ мог происходить через несколько дней или даже одного дня интенсивной работы. Подсчеты польского исследователя С. Суходольского показали, что в среднем каждые три дня изготовлялся один штемпель, и изнашивался он за 12 часов работы (для второй половины XI в.).

По-видимому, вплоть до середины XIII в. изготовленные монеты не подвергались специальной верификации – было достаточно, чтобы вес отданного на монетный двор металла соответствовал весу полученных монет. Об этом свидетельствуют значительные различия в весе

отдельных экземпляров. К поштучному взвешиванию перешли при чеканке золота и крупных – начиная с грошей – серебряных монет. Иногда на монетах видны грубые следы напильника, нанесенные перед чеканкой, – это результат юстировки, т.е. доводки веса монеты до предписанного. Наиболее простой способ верификации осуществлялся посредством опускания монет в ящик через щель определенного размера. С XIII в. во Франции и Нидерландах для проверки веса монет использовались специальные гирьки – бронзовые цилиндрики по размеру меньше и толще соответствующей монеты, но точного веса. На одной стороне оттискивался лицевой штамп монеты, иногда помещалась легенда, указывающая название монеты или имя пробирера монетного двора. Такими же гирьками пользовались менялы и просто торговцы. Кроме проверки веса, на королевских монетных дворах Франции проверялась проба изготовленных монет в каждой партии: на самом монетном дворе это делал пробирер, и несколько штук готовой монеты в запечатанном ящике отправляли в Парижскую монетную палату, где королевские чиновники проводили оценку веса и пробы монет, их соответствие эдиктам.

Подделка монеты – явление почти столь же древнее, как и само изготовление монет. Наказание за это преступление зафиксировали законы Солона (640–560 гг. до н.э.) и лидийского царя Креза (560–547 гг. до н.э.), не забыты суровые кары для фальшивомонетчиков и в варварских правдах. Однако средневековое понятие фальшивой монеты весьма существенно отличалось от современного. Оно не включало в себя всякого рода производственный брак: техническое несовершенство отчеканенных монет, которое проявлялось в подвижках штампа, двойном ударе, малой глубине рельефа, непрочеканке отдельных, а порой и очень значительных участков монетной поверхности, неравномерной толщине монетного кружка, неправильности его формы, различных надрезах, надломах, вмятинах и изгибах, не говоря уже о правильности и грамотности надписей, художественных достоинствах или недостатках изображения. Все эти дефекты, даже если они присутствовали одновременно на одном денарии, не являлись препятствием для обращения на средневековом рынке. Точно так же в определенных условиях считались полноценными монеты, для удобства размена разрезанные пополам, на три или четыре части. Понятие подлинности монеты заключало в себе два основных элемента: содержание драгоценного металла в монете и законность прав того, кто данную монету выпускал.

Безоговорочно признавалась фальшивой монета, производившаяся в нелегальных мастерских. При этом совершенно не обязательно, чтобы она была хуже законной по весу или содержанию драгоценного металла. Те, кто этим занимался, подвергались особенно жестоким наказаниям: от отсечения руки и ослепления до казни в кипящей воде. Все имущество фальшивомонетчиков обязательно конфисковывалось, и право суда над ними являлось неплохой статьёй дохода для светских и духовных сеньоров. Более того, Питрский эдикт, изданный Карлом

Лысым в 864 г., в статье 17 называет сообщником фальшивомонетчика и того, кто передает фальшивую монету своему соседу; он должен быть наказан штрафом в 60 солидов, если свободный, или 60 ударами розог, если зависимый. Нередко подделкой монеты занимались без ведома сеньора работники монетных дворов.

Монета, выпущенная сеньором на законном основании и предназначенная для обращения в его владениях, тоже могла быть объявлена фальшивой в том случае, если производились манипуляции с весом и стопой при официальном сохранении номинальной стоимости. Элемент фальсификации здесь не всегда можно выявить с помощью исследования самих монет – взвешивания, анализа состава и пр., – порой он проявлялся только на рынке. В первую очередь обвинения в изготовлении фальшивой монеты предъявлялись при снижении ее пробы, то есть при замене части драгоценного металла недрагоценным. В отличие от уменьшения веса, который обнаружить относительно просто, определение пробы в обычной жизни производилось на глаз – по цвету монеты – и “на зуб”, так как монеты чистого серебра были более “мягкими”. Однако, здесь легко ошибиться, потому что для придания своей продукции “товарного вида” – серебряного блеска – монеты на монетном дворе отбеливали, и они, особенно новые, не бывшие в употреблении, выглядели более качественными, чем были на самом деле. Любопытно, что именно неотбеленная, так называемая “черная”, монета чаще всего воспринималась как фальшивая.

Каждый сеньор принимал меры по охране рынка и монеты, стараясь не допускать в обращение чужую на своей территории. Обычно от приезжавших купцов требовали обменивать привезенную монету на местную. Однако порой наплыв чужой монеты, особенно толстой (то есть грошей, тестонов, талеров) был желателен, поскольку давал сеньории монетный металл; тогда прибегали к объявлению ее стоимости в местной монете, что фиксировалось с помощью контрамарок, или надчеканок. Если же чужая монета была нежелательна, ее запрещали к ввозу и объявляли фальшивой – использование такой монеты влекло за собой крупные штрафы и конфискации. Обычно это касалось тех монет, которые были хуже местной по качеству, что угрожало вытеснением доброкачественной монеты из обращения – утечкой за границу, тезаврацией, переплавкой в товарный металл. Фальшивой могла быть объявлена полновесная и высокопробная монета, чеканенная за пределами сеньории, если она имела такие же или очень похожие надписи и изображения (так называемые подражания), тем более подделкой считались подражания худшей пробы или меньшего веса, чем прототипы. В данном случае налицо было нарушение монетной регалии.

Неоднократно обвинения в изготовлении фальшивой монеты выдвигались против тех сеньоров, кто, имея власть над какой-либо территорией, но не обладая правом чеканки, тем не менее выпускал свою монету, даже если она отвечала всем прочим требованиям – имела полноценный вес, достаточно высокую пробу и свой характерный тип – рисунок и надписи. Здесь речь идет об узурпации монетной регалии, которая была осо-

бенно характерна в X–XII вв., когда многочисленные графы и герцоги, епископы и монастыри присваивали монетное право, ранее являвшееся исключительно королевской прерогативой. Впрочем, история средних веков дает немало свидетельств тому, как по воле государя любая монета могла быть названа фальшивой из чисто политических амбиций. Достаточно одного примера: в 1290 г. король Франции Филлип IV Красивый приказал изготавливать малые ройялдоры, которые должны были, по замыслу, заменить на фландрских рынках флорентийские флорины, к тому времени уже почти сорок лет являвшиеся европейской международной монетой. Было запрещено оценивать товар во флоринах.

Монетные союзы. На средневековом рынке обращались монеты самого разнообразного достоинства, различавшиеся между собой количеством содержащегося в них драгоценного металла (чеканка медной монеты возродилась только в XV в. в Италии, Португалии и Нидерландах, в XVI в. – в остальной Европе). Нередко монеты разного внутреннего достоинства носили одни и те же названия: так, денариями назывались и низкопробные “черные” денье, и брактеаты, и высококачественные английские пенни. Выпуская порченую монету, сеньоры старались придать ей внешний вид прежней, качественной. Даже проба золотых монет заметно колебалась: от неизменного червоного (24 карата) золота венецианских дукатов до 19 каратов у бургундского флорина со св. Андреем (XV в., Филипп Добрый и Карл Смелый) и до 18 каратов 10 гран у некоторых германских гульденов. Появление на рынке новых монет вовсе не означало, что исчезали все прежние; даже когда государство ставило специальную цель изъять из обращения какую-то монету, этого никогда не удавалось осуществить в полной мере. Если судить покладам, то в обращении одновременно находились монеты, выпущенные в последние 100–150 лет.

Средневековая монетная система была поразительно “всеядна”, она безболезненно включала в себя самые разные номиналы, приспособляла к себе иностранную монету, создавая сложные переплетения взаимной зависимости. Для примера возьмем монеты грошевого типа (т.е. гроши и бланы), чеканившиеся во Франции при короле Жане II Добром (1350–1364). В течение всего правления этого государя выпускались турецкие гроши по стопе от 60 до 120 штук из марки, претерпевшие за эти годы модификаций стопы, которые обозначались на монете так называемыми секретными точками. Кроме них, были выпущены различные варианты турского гроша – бланы девяти названий, пробы которых варьировали около 6 денье (0,500), а стопа менялась иногда трижды в год. И это – только королевская монета, а ведь кроме нее, несмотря на все запреты, обращалась монета королевских вассалов – герцогов Бургундских, графов Фландрских, герцогов Бретонских, королей Наварры и графов д’Эвре и др., – которые тоже чеканили гроши и бланы в подражание королевским, но отличавшиеся от них стопой и пробой. Однако даже такая непростая ситуация во Франции была более благоприятной для экономики, чем в Германии, где имперская монета не только не была безусловно преобладающей, как в Англии и Фран-

ции, но даже уступала чеканке многих вассалов. В Германии после издания в 1356 г. Золотой буллы, в которой император Карл IV отказался в пользу курфюрстов от своих прав суверена на монету, практически не существовало верховного контроля за производством и обращением монеты в рамках всего государства вплоть до середины XVI в. Пестрота и запутанность монетных систем была просто невероятной: существовало одновременно великое множество разных видов монет – все они формально были пфеннигами и шиллингами, – выпускавшихся более чем 600 германскими монетными мастерскими. Одним из способов хоть как-то упорядочить употребление всей этой разнообразной монетной продукции было введение “договорной денежной единицы”, на которую велись расчеты при заключении торговых сделок. Сначала эту роль играли турецкие гроши, несколько позже – пражские и мейсенские. Это вовсе не означало, что покупатель обязан был расплачиваться только названной в договоре монетой – речь шла о количестве серебра, которое должно было быть уплачено. Другой способ – чеканка такой договорной монеты в результате заключения монетного союза. Впервые монетные союзы появились в Нижней Лотарингии в XIII в., но там они имели, главным образом, политическую направленность. В Германии монетные союзы преследовали именно экономические цели – преодоление многочисленных барьеров, которые ставила перед торговыми сношениями раздробленность государства.

Наиболее ранним является Вендский монетный союз, возникший в 1379 г. Он объединял первоначально ганзейские города Гамбург, Любек, Висмар и Люнебург; в 1381 г. к ним присоединились Росток и Штральзунд. Периодически в союз также входили Ганновер и Грейфсвальд. Вендский монетный союз чеканил общую монету – виттен, содержащий 1,12 г серебра при общем весе 1,33 (0,842). Союз существовал до 1569 г.; кроме виттенов он чеканил марки, двойные и простые шиллинги, а также разменную монету. На западе Германии в 1386 г. был создан Рейнский монетный союз (иначе – Союз рейнских курфюрстов), организаторами которого являлись архиепископ Майнцский Адольф фон Нассау (1373–1390), архиепископ Кёльнский Фридрих III фон Саарверден (1370–1414), пфальцграф Рейнский Рупрехт I Рыжий (1329–1390) и герцог Баварский Стефан III (1375–1402). В союзе участвовали 11 князей и 74 города. Своей целью этот союз ставил “добиться единообразия и гармонии чеканки монеты в интересах развития торговли”. Основной монетной продукцией Союза рейнских курфюрстов были гульдены, на лицевой стороне которых изображался св. Иоанн Креститель (позже также св. Петр и Христос на престоле), на оборотной же помещался большой щит с гербом государя, отчеканившего данную монету, и три маленьких гербовых щита государей-союзников. Рейнские гульдены вплоть до конца первой четверти XVII в. служили торговыми деньгами всей Германии. В 1387 г. был заключен Раппенский монетный союз, основными участниками которого являлись города Базель, Фрейбург, Кольмар, Брейзах и эльзасские области Брейсгау и Зундгау, зависевшие от герцога Австрийского. Союз чеканил общую

монету, называвшуюся раппен (верхнерейнский пфенниг), а позже и “голстую” монету: грошены по 12 раппенов, плапперы по 6 раппенов, фиреры по 4 раппена, в 1525 г. он получил право чеканить и талеры. Союз просуществовал до 1584 г. и был распущен после того, как его члены примкнули к Имперскому монетному уставу.

Кроме названных, существовали еще Союз швабских князей и городов (1396), Франконские монетные союзы (1396), Монетный союз городов на Боденском озере (1404). В качестве более узких, чисто городских монетных союзов можно назвать четырехсторонний союз городов Девентера, Зволле (Цволле), Кампена и Гронингена, образованный в 1488 г. (распущен в 1586 г.) и выпускавший общие талеры с 1538 г.; а также союзы Любека, Гамбурга, Люнебурга и Висмара (с 1502 г.), установивший для участников серебряный эталон; Ульма, Иберлингена и Равенсбурга (1499–1502) и Ульма с Иберлингенем в 1502–1517 гг. В XVI в. на смену монетным союзам отдельных территорий пришли Имперские монетные уставы, а также имперское положение о монетном контроле от 28 июля 1551 г. Задачей Имперских монетных уставов являлось установление единой для всей империи монетной стопы и контроль за ее соблюдением.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вермуш Г. Аферы с фальшивыми деньгами. М., 1990.

Марфунин А.С. История золота. М., 1987.

Михалевский Ф.И. Очерки истории денег и денежного обращения. Л., 1948. Т. I: Деньги в феодальном хозяйстве.

Barthélemy A. Lettres à M. Lecoindre-Dupont sur les magistrats et les corporations préposées à la fabrication des monnaies // *Revue Numismatique*. Blois, 1848. Т. XIII; Blois, 1850. Т. XV; Blois, 1852. Т. XVII.

Chronique: La Monnaie de Provins // *Revue Numismatique*. 4-me serie. P., 1903. Т. VII.

Engel A., Serrure R. Traité de numismatique du moyen âge. P., 1891, 1894, 1905. Т. 1–3.

Fournial E. Histoire monétaire de l'Occident médiéval. P., 1970.

Jesse W. Quellenbuch zur Münz- und Geldgeschichte des Mittelalters. Halle-Saale, 1924.

Kiersnowski R. Moneta w kutorze wieków średnich. Warszawa, 1988.

Le Glay. Analyse chronologique de quelques chartes concernant les monnaies de Flandre et de Hainaut // *Revue Numismatique*. Blois, 1837. Т. II.

Longpèrier Ad. Recherches sur les monnaies de Meaux // *Revue Numismatique*. P., 1840.

Piniński J. Pojęcie monety fałszywej w późnym średniowieczu // *Wiadomości numismatyczne*. Warszawa, 1976. Rok XX, zeszyt 4.

Réglement fait en 1354 par les ouvriers et monnayeurs des monnaies royales de France // *Revue Numismatique*. Blois, 1846. Т. XI.

Rouyer J. Dénéraux et autres poids monétaires de France et de Pais-Bas // *Revue Numismatique*. P., 1886. 2-me serie. Т. XIV.

СОЮЗЫ ГОРОДОВ

ЛОМБАРДСКАЯ ЛИГА

События, связанные с деятельностью Ломбардского союза городов, представляют собой один из заметных эпизодов европейской истории, символизирующих борьбу свободных горожан за независимость против всеокрушающего имперского начала. Эта борьба нашла свой отзвук и в деятельности современной итальянской политической партии “Северная Лига” (Lega Nord), и в произведениях художественной культуры, от Вердиевой оперы “Битва при Леньяно” до поэмы “Дракон” А.К. Толстого.

Реально в истории Ломбардской лиги переплелись несколько взаимосвязанных линий отдельных долговременных процессов, таких как трехвековая борьба между империей и папством, рост и чередование фаз социально-политического развития североитальянских городов, их соперничество между собой, всплески церковно-реформаторских движений, возрождение политических концепций римского права и другие. Поэтому, прежде чем говорить о фактической стороне дела, попытаемся коротко охарактеризовать участников событий и их намерения и цели, не забывая о том, что последние, как это обычно и бывает, чаще расходились с действительными результатами.

* * *

Свободолюбивые устремления северных городов Италии уходили корнями в эпоху двухсотлетнего владычества лангобардов (давшего и имя области Ломбардия). В то время в их управлении, наряду с королевскими наместниками-дуками, участвовали выборные свободные горожане-скабины.

Располагаясь на рубеже, отделяющем Италию от большей части остальной Европы, северные области могли воспользоваться преимуществами этого положения не только в торговом, но и в политическом отношении, играя на противоречиях борющихся между собой ветвей средневековой верховной власти.

Сначала это привело к замене франкских императорских чиновников-графов (пришедших на смену лангобардским) церковными феодалами – епископами, получавшими и от папы, и от имперских властей всевозможные привилегии и иммунитеты. Это позволило епископам, жившим в городах, сделаться здесь почти независимыми правителями. Но затем епископов начали теснить помогавшие им поначалу собственно городские структуры, выработавшиеся во взаимодействии всех

социальных слоев растущего города, а именно: дворянства, подразделявшегося на знать – крупных сеньоров или капитанов, и мелкое дворянство – вальвассоров; горожан, делившихся на более или менее зажиточных купцов и ремесленников, и городские низы. Сеньоры, вальвассоры и бюргеры имели общую организацию, сперва существовавшую наряду с епископальной властью, а затем ее заменившую.

Все жители составляли городское собрание (*concilium publicum*), а также избирали законодательный орган – кретенцу, имевший 50–60 членов. Исполнительные функции принадлежали консулам, избиравшимся, в основном, на год, в числе от 6 до 20 человек в разных городах.

В дальнейшем самоуправление североитальянских городов развивалось в тесной связи с происходившими внутри них социальными столкновениями, а также с политическими процессами, выходящими за их пределы: соперничеством между городами, борьбой империи и папства, конфликтами духовенства с сектой патаров, требовавшей перемен в церкви. Показательна история Милана, крупнейшего города Ломбардии, жестоко враждовавшего с Кремоной, Лоди, Новарой и Павией. Милан к XI в. был важным центром шерстяной, оружейной и вообще металлообрабатывающей промышленности, четыре раза в год здесь устраивались большие ярмарки. В первой половине XI в. в Милане бушевали распри между сеньорами и вальвассорами. Император Конрад II, выступавший в качестве арбитра, поддержал вальвассоров, которые, однако, объединились перед лицом внешней опасности со своими недругами и с главным противником императора, архиепископом Арибертом. В бытность последнего впервые упоминается символ миланской свободы: карроччо, повозка, запряженная волами, с крестом на длинном древке и изображением Св. Амвросия.

При императоре Генрихе III, в 1045 г., события развивались сходным образом: сначала горожане обратились к нему за помощью против знати, затем, почувствовав угрозу для города, помирились с ней. С конца XI в. власть в Милане сосредоточивается в руках коммун – общества его жителей. К середине XII в. ломбардские города, еще ранее вступавшие в союзы друг с другом, представляют собой самостоятельную силу в споре между папами и императорами. После унижения Генриха IV в Каноссе и Вормсского конкордата 1122 г. верх в нем оставался скорее за первыми. Но противная сторона далеко не признала себя побежденной, как показала деятельность двух великих Гогенштауфенов – Фридриха I Барбароссы и Фридриха II Сицилийского.

Фридрих I, следуя образцу Карла Великого, надеялся восстановить верховенство императора в Италии и начал как раз с ее северных городов. Первые его походы были довольно успешными; он выступал судьей в междоусобицах итальянских властителей, и большую часть его, как утверждают хроники, стотысячного войска в 1158 г. составляли итальянские союзники, в том числе города Парма, Кремона и Павия (где в 1155 г. он короновался железной короной лангобардских королей). Фридрих осадил и принудил к унижительной сдаче всем досадивший Милан, который должен был выдать 300 заложников и уплатить

9 тыс. марок серебром. В ноябре 1158 г. назначенная императором комиссия из депутатов городов и знатоков римского права из Болоньи составила так называемые Ронкальские постановления, закрепившие безусловное главенство императора и лишившие ломбардские города ранее полученных ими привилегий. Император оставлял за собой взимание всевозможных пошлин, называвшихся регалиями, право суда и назначения магистратов, в том числе подеста, присылаемого в город чиновника-правителя, который заменял выборных консулов.

Ронкальские соглашения слишком сильно ущемляли права городов и последние не собирались их соблюдать. В Милане вспыхнул мятеж против императорских послов, и Фридрих Барбаросса снова начал военные действия против восставшего города и его союзников. В 1159 г. он осадил г. Крему, оказавшую ему неожиданно стойкое сопротивление на протяжении почти 7 месяцев и затем разрушенную. Весной 1162 г. очередь дошла до самого Милана, который был блокирован и вынужден снова сдаться на милость Фридриха. Жители города вышли к нему с веревками на шее и горящими свечами в руках, изъявляя свою покорность. Но на этот раз император приказал разбить карроччо, покинуть всем город и сравнять Милан с землей. На его месте провели борозду и посыпали ее солью в знак вечного проклятия.

Однако показательная расправа над миланцами послужила лишь толчком к борьбе итальянских городов с императором. Притеснения со стороны его чиновников вызывали в Северной Италии недовольство, которое подогревалось обострением взаимоотношений Фридриха с папами. Уже в 1164 г. организовалась Веронская лига, к которой в 1167 г. присоединились ломбардские города во главе с противницей Милана – Кремоной. Для представительства в союзе каждый город назначал своего ректора, как правило, консула коммуны, который приносил присягу верности лиге. Ректоры собирались на совет в разных городах лиги и обсуждали вопросы ведения войны, а также сборов необходимых для нее средств путем назначения специальных налогов. Кроме того, они занимались разрешением конфликтов между городами. Военные силы Ломбардской лиги состояли из городских ополчений, собиравшихся в разном составе, в зависимости от конкретных задач и политической конъюнктуры.

Милан, куда вернулись жители, восстановившие его укрепления, также стал участником лиги. Союз городов был заключен сначала на 20 лет, затем на 50. На его сторону встал враг императора, новый папа Александр III, в честь которого лига заложила новый город – Александрию. Фридрих Барбаросса, пытавшийся посадить в Риме антипапу, потерял почти всех сторонников в Италии и едва сумел бежать оттуда. Немецкие гарнизоны были изгнаны из итальянских городов.

Только в 1174 г. Фридрих вернулся с большим войском и попытался взять Александрию. Шестимесячная осада осталась безрезультатной. Начались переговоры о мире в Монтебелло, на которые города пошли по настоянию Кремоны, но император не хотел отступить от Ронкальских соглашений и признать Александрию. Барбаросса снова

собрал силы для военных действий, хотя крупнейший из феодальных властителей Германии, герцог Саксонский Генрих Лев на этот раз отказал ему в поддержке.

Решающее сражение произошло 29 мая 1176 г. при Леньяно, к северо-западу от Милана. Хроники, вероятно, значительно преувеличивают число участников тогдашних битв; цифры колеблются от нескольких тысяч до ста тысяч. В составе городских ополчений, по сообщениям источников, использовались боевые колесницы, оснащенные рядами серпов. Эти серпы приводились в движение своего рода “гребцами”, которых, как и упряжки лошадей, защищала броня.

Войско Ломбардской лиги перерезало путь императору, стремившемуся навстречу подкреплениям, шедшим из Германии. Немецкие рыцари потеснили миланские, но не смогли преодолеть заслон ломбардской пехоты. Исход боя решила “дружина смерти” под водительством Ариберто да Джуссано, которая атаковала вместе с рыцарями из Брешии немецкий фланг и перешла в наступление. Замешательство увеличилось, когда под императором была убита лошадь и он исчез из поля зрения сражавшихся. Фридрих появился в Павии только через три дня.

После поражения Барбаросса попытался заключить сепаратный договор с папой Александром III в Ананьи, но папа, идя на соглашение с ним, поставил условием привлечь к переговорам ломбардцев. В 1177 г. в Венеции собрался конгресс, на котором император договорился о перемирии на 6 лет с ломбардскими городами, сыгравшими основную роль в развитии событий в Италии. Спустя ровно сто лет после Каноссы император снова просил прощения и целовал туфлю папы, который снял с него отлучение от церкви.

Мирный договор Фридриха I с Ломбардской лигой был подписан только 25 июня 1183 г. в Констанце. За императором было признано формальное верховенство, но города получили фактически самоуправление. Граждане и магистраты только приносили императору присягу, но избирали последних города. Это относится и к подеста́, отныне приглашавшимся горожанами. Император признал также город Александрию, переименованный в Цезарею. За оставшиеся несколько лет правления Барбаросса даровал отдельным городам некоторые привилегии; но существовавшие и ранее внутриитальянские противоречия снова вышли наружу, и Ломбардская лига фактически распалась. Номинально она восстанавливалась в разном составе в 1198 и 1208 гг.

* * *

Во второй раз союз ломбардских городов был возобновлен в первой половине XIII в., во время почти 30-летней борьбы с Фридрихом II, уделявшим гораздо больше внимания делам Италии, где он владел королевством обеих Сицилий, нежели Германии. Фридрих нарушил Констанцкий договор и потребовал от итальянцев полного подчинения. Ломбардские города, возобновившие свой союз в 1226 г., в последующие десятилетия явились самыми серьезными противниками императора. В лигу вошли также города Романьи и Анконской Марки.

Решительных действий стороны не предпринимали до 1236 г., когда Фридрих собрал в Германии значительное войско, а в 1237 г. привел оттуда еще новые подкрепления. Наибольшая удача сопутствовала императору в сражении при Кортенуово близ Бергамо, 27 ноября 1237 г. Хотя часть отрядов Фридриха II была распушена, ему удалось неожиданно напасть на лагерь ломбардцев и принудить их к бою, исход которого к концу дня не был ясен. Тем не менее войско лиги ночью покинуло свои позиции, оставив германцам большие трофеи, в том числе карроччо. Священную колесницу миланцев Фридрих послал в дар римскому “сенату и народу”, желая уязвить этим своего врага, папу Григория IX.

Разгром при Кортенуово не сломил ломбардцев, и в следующем году они оказали Фридриху упорное сопротивление при осаде Брешии, которой император не смог овладеть. Более тяжелое поражение его войско потерпело при блокировании Пармы в феврале 1247 г. Когда небольшое имперское войско осталось без предводителя, отправившегося на охоту, осажденные сделали вылазку, окончившуюся разгромом противника и взятием его лагеря.

Все эти события не приводили к серьезным изменениям в расстановке сил, поскольку отдельные их участники переходили то на сторону императора, то на противоположную. Только со смертью Фридриха II перевес стал клониться на сторону противников Гогенштауфенов, династия которых в споре на юге с анжуйцами вскоре угасла.

Борьба ломбардских городов за независимость с этого времени сливается с общеитальянским противоборством между гвельфами и гибеллинами, которое, впрочем, имело первостепенную важность уже не столько для пап или императоров, сколько для внутриитальянских и внутригородских процессов.

Если попытаться подвести итог событиям, связанным с Ломбардской лигой, то можно прийти к заключению, что ее возникновение и деятельность были одним из высших проявлений средневекового коммунального движения, и одновременно, общественного значения городов. И не случайно, что в этом движении принимали участие разные слои феодального общества (причем невозможно утверждать, что, скажем, знать была за императора, а горожане за папу), в частности, мелкое дворянство, составлявшее главную силу ломбардских ополчений; сам факт их успешного противостояния германскому рыцарскому войску отражает особую атмосферу, установившуюся в итальянских городах. Хронист Оттон Фрейзингенский писал о ней: “Люди низшего состояния, ремесленники, занятые самыми презренными ремеслами, которых другие нации не подпускают к исправлению должностей благородных и достойных свободного человека, эти люди в Ломбардии достигают высших степеней и опоясываются рыцарским мечом”

Притязания пап и императоров на господство над христианским миром привело в конечном итоге лишь к ослаблению позиций и тех, и

других: папы должны были расстаться с мечтой о преобладающем политическом влиянии вне Италии, императоры не смогли установить единую централизованную власть в Германии. Объединение ломбардских городов было кратковременным, но оно стало предзнаменованием зарождающегося (или возрождающегося) в средние века ощущения итальянского единства.

ЛИТЕРАТУРА

- Баткин Л.М.* Период городских коммун // *История Италии.* М., 1970. Т. 1.
Бернадская Е.В. Городские коммуны и их борьба за независимость (XI–XII вв.) // *Очерки истории Италии.* Л., 1959.
Колесницкий Н.Ф. “Священная Римская империя”: притязания и действительность. М., 1977.
Турле Е.В. История Италии в средние века. СПб., 1906.
D'Harjo G., Ganazza E., Marinoni A. Legnano e la battaglia. Legnano, 1976.
Montanelli I., Gervaso R. L'Italia dei comuni: il medio evo dal 1000 al 1250. 43 ed. Milano, 1979.
Settia A. Comuni in guerra: Armi ed eserciti nell'Italia delle città. Bologna, 1993.
Voigt G. Geschichte des Lombardischen Bundes. Königsberg, 1818.

ГАНЗА

Одно из крупнейших городских объединений, получившее впоследствии название “Ганза” (союз), возникло в середине XII в. в Германии, и это было не случайным, а вполне закономерным явлением.

Экономический подъем, наблюдавшийся в стране в XII–XIII вв., не привел к образованию единого хозяйственного центра, к которому тяготели бы все ее области. Напротив, сложившаяся областная специализация послужила экономической основой для развития системы территориальных княжеств. Поощряя развитие городов, владетельные князья использовали их как орудие для утверждения собственной самостоятельности и политического влияния, как источник финансовых доходов. Укреплению княжеских позиций в значительной мере содействовала великодержавная политика Гогенштауфенов. Стремясь заручиться поддержкой князей в своих итальянских походах, германские императоры делали им многочисленные уступки и по сути дела сами способствовали упрочению их всевластия.

В результате этих изменений связь городов с центральной властью ослабела, и их союз с королями как условие, необходимое для преодоления политической раздробленности страны, также был своеобразным. Императорская власть оказалась не в состоянии оградить города от произвола князей, обеспечить безопасность сухопутных и морских торговых путей, защитить немецкое купечество за границей. В таких условиях городам не оставалось ничего другого, как, сплотившись, самим отстаивать свои интересы.

К началу XV в. Ганза объединяла около 160 городов Северной и отчасти Центральной Германии, а также ряд западнославянских горо-

дов и превратилась в мощную торгово-политическую конгломерацию, в рамках которой действовали региональные подразделения. Она существовала до середины XVII в., стала мощной, главенствующей экономической и политической силой Северо-Запада Европы, оказала исключительное влияние на экономическое, социально-политическое и культурное развитие Европы, в особенности ее северных стран.

Влияние и могущество Ганзы было обусловлено и подготовлено теми важными процессами, которые происходили в Западной и Центральной Европе в XI–XII вв.: быстрым развитием северонемецких городов; резким увеличением торгово-политической роли северного региона; проникновением немецкого купечества в сферу балтийской торговли, особенно торговли Запада с Русью, причем последний процесс происходил одновременно с колониальной экспансией в восточные земли и тесно с ней переплетался; неспособностью территориальных княжеств обеспечить потребности городов.

История Ганзы тесно переплетается с важнейшей чертой международной жизни всех северных регионов Европы – борьбой за торгово-политическую гегемонию на Балтийском море (*Dominium maris Baltici*). С середины XII в. немецкая колонизация, оставаясь в целом феодально-дворянским вторжением в пределы славянских территорий, вступила в новую фазу: она все отчетливее стала приобретать характер переселенческого движения, участниками которого становились массы крестьян, ремесленников и торговцев из Тюрингии, Саксонии, Вестфалии и других областей Германии. На этом этапе колонизация не направлялась уже, как ранее, центральной властью, а стала делом крупных феодалов, стремившихся основать собственные независимые государства вне границ империи. Энергией и трудом переселенцев, которыми, как отмечал один из документов того времени, двигала “надежда на лучшую долю”, возводились новые города, чаще всего на местах славянских поселений. Они стремительно росли, и часть из них, прежде всего так называемые “вендские” (т.е. расположенные на территориях западных славян – вендов, или венедов) города Любек, Росток, Висмар и др., благодаря выгодам приморского расположения и предприимчивости немецкого бюргерства, довольно скоро превратились в процветающие торговые центры.

Начало процессу немецкого градообразования на Балтийском побережье положило основание в середине XII в. Любека, который возник на месте одноименного славянского поселения. В 1188 г. он получил городское право, послужившее впоследствии образцом для других вендских городов, а в 1226 г. добыл статус имперского города. Со стремительным подъемом Любека приходят в упадок конкурировавшие с ним близлежащие старые торговые центры: в 1189 г. по приказу герцога Саксонского был разрушен Бардовик, жителей которого принудительно переселили в Любек; полностью утратил былое значение Штаде.

Первые шаги Любека на торговом поприще сводились к всемерному привлечению в городские стены иностранных купцов. Понятное отсутствие у молодого города авторитета в деловых кругах делало

1226 г.

возможным лишь один способ приобретения торговых партнеров: им предоставлялись широкие привилегии, в том числе право беспошлинной торговли, введенное в 1188 г. Фридрихом I Барбароссой. В результате столь разумной политики спустя всего четыре десятилетия ситуация коренным образом переменилась. В соответствии с положениями старейшего любекского таможенного устава 1225 г., приезжие купцы обязывались отныне к уплате фиксированных пошлин. Разумеется,

новая тактика городских властей не была случайной. Она лишь служила отражением того реального факта, что Любек обрел силу и влияние в торговом мире.

Первостепенной задачей любекского купечества с самого начала его существования было проникновение на шведский о. Готланд, который, благодаря своему расположению в “центре моря”, являлся средоточием балтийской торговли. По-видимому, немцы стали появляться на острове еще в первой половине XII в., однако массовый и регулярный характер их поездки приобрели лишь после 1163 г., когда Генрих Лев подписал со Швецией договор о ведении двусторонней беспошлинной торговли.

Столь выгодные условия довольно быстро превратили столицу острова Висбю в опорную базу немецких купцов на пути дальнейшего продвижения в восточные и северо-восточные земли. Для обеспечения своей безопасности и защиты торговых интересов они объединились в “Товарищество посещающих Готланд купцов Римской империи”. Этими словами, начертанными на общей купеческой печати, товарищество скрепляло все торговые договоры и прочую купеческую документацию. Впоследствии часть его членов прочно осела в Висбю и со временем ассимилировалась, большинство же использовало Висбю лишь как перевалочный пункт в торговле со Швецией и странами северо-восточного побережья Балтики. Объединение носило персональный характер, в него входили купцы как приморской, так и глубинной Германии, совершавшие дальние поездки в чужие страны. С конца XII до конца XIII в. оно представляло их интересы внутри Германии и за ее пределами. Центром товарищества стала возведенная в 1170 г. церковь Св. Марии в Висбю, в которой не только складировались товары, но с 1229 г. хранилась вся купеческая документация. Так было положено начало Ганзе.

Прочно обосновавшись на Готланде, немцы вслед за тамошними купцами устремились в Новгород. В 1184 г. они учредили здесь собственную факторию – двор Св. Петра, или Немецкий двор. Позднее, с 1402 г., в их руки перешел на правах аренды и Готский двор в Новгороде, принадлежавший ранее готландским купцам.

Немцы появлялись в Новгороде двумя большими партиями дважды в году: с осени до весны здесь находились “зимние гости”, а в продолжение навигационного периода – “летние гости”. В отличие от “сухопутных гостей”, которые, начиная с XIII в., совершали нерегулярные поездки через Псков, купцы, прибывавшие морем, задавали тон в новгородской торговле, причем особенно престижным считался статус “зимнего гостя”.

Немецкий двор был населен тремя категориями обитателей: самостоятельными купцами, или мастерами, подмастерьями (приказчиками) и учениками. Он пользовался полной автономией и управлялся олдерманом-старшиной, который избирался общим купеческим собранием еще в тот момент, когда ганзейские суда входили в устье Невы. В помощь олдерману были приданы 2–4 советника-ратмана, рассматривавшие вместе с ним все служебные дела. Интересы “подмастерьев” представлял фогт, выдвигавшийся из их среды. В ведении двух особых старшин находилась деятельность церкви Св. Петра. Ее священник прибывал вместе с купцами из Германии и исполнял также обязанности писаря. Высшей апелляционной инстанцией было Готландское товарищество. Компетенции новгородских властей ганзейцы подлежали только в одном случае – при возникновении тяжб с новгородцами.

Режим наибольшего благоприятствования был создан для немецкого купечества и при уплате пошлин. Ганзейцы вносили в новгородскую казну только одну проездную пошлину – на пути в Новгород, в Гостинополье, и одну торговую (весовую) – за взвешивание товаров. Кроме того, при посещении Новгорода князем они были обязаны делать ему подарки в виде сукон, вин и т.п. Фактически это означало почти полную свободу от пошлин и делало торговлю в новгородской земле чрезвычайно выгодной для немцев. К тому же принятые здесь торговые правила не были оформлены в виде юридических норм и, освещаясь только “старинной”, обеспечивали ганзейцам дополнительные преимущества. Таким образом, в XII–XIII вв., когда появление новгородцев на европейских рынках носило случайный характер, а экономика города не достигла еще того уровня, что в последующие столетия новгородской самостоятельности, ганзейское купечество оказалось единственным посредником в торговых сношениях Новгорода с Западом и сумело создать на русском рынке максимально выгодные для себя условия.

Для их сохранения необходимо было удержать монополию на торговлю с Новгородом. Именно поэтому Ганза всемерно стремилась не допустить установления прямых контактов Новгорода с Западом, препятствуя как развитию активной торговли самих новгородцев, так и появлению в Новгороде иностранных купцов. Поддержанию такого по-

ложения призвана была служить и проводимая Ганзой строжайшая регламентация торговой деятельности. Она охватывала все стороны торгового обращения: пути сообщения, предметы торговли, правила осуществления торговых сделок и объективно вела к упрочению консервативной системы торговли, препятствовала развитию ее новых форм.

Устройство и экстерриториальный принцип функционирования Немецкого двора в Новгороде служили образцом, к достижению которого немецкое купечество стремилось, организовывая свою торговую деятельность за границей.

К началу XIII в. восходит проникновение немецких купцов в земли ливов и пруссов, торговля с которыми велась уже с середины XII в. Без финансовой поддержки и флота, предоставленных ганзейцами, покорение крестоносцами этих территорий едва ли смогло бы стать столь успешным. Основанная в 1201 г. как форпост крестоносного движения Рига впитала хлынувший сюда поток бюргерства и феодального дворянства из Любека и Вестфалии (крестьянство в этом переселении не участвовало) и превратилась в один из ключевых пунктов ганзейской торговли. На той части прусских земель, завоевание которых осуществлялось Тевтонским орденом на суше с польской Мазовии, также выросли крупные торговые центры – Эльбинг, Мемель, Кёнигсберг и другие.

Из Риги по Даугаве ганзейцы устремились в Смоленск и Витебск, но, наткнувшись на решительное противодействие Полоцка, не сумели проникнуть во внутренние русские области и основать там свои фактории. В 1191 г. немцы впервые появились в Ревеле (Таллин). Их приток в земли эстов существенно усилился во времена датского владычества (1219–1345), когда здесь вырос Дерпт (Юрьев, Тарту), через который по суше велась торговля с Русью.

Установление торговых связей между Любеком и Швецией зафиксировано договорами 1173 и 1179 гг. В 1220 г. немцы основали свое первое поселение в г. Кальмаре. В отличие от других стран Швеция не предоставила ганзейцам права экстерриториальности, и им приходилось подчиняться местным законам и нормам. Поселяться здесь разрешалось лишь при условии принятия шведского подданства, что, однако, не смогло остановить волну немецких переселенцев, особенно усилившуюся со второй половины XIII в. Быстро адаптируясь, ганзейцы с присущей им энергией вторгались не только в деловую, но и в управленческую сферу шведской жизни. Их политическое засилье приобрело настолько угрожающий характер, что вынудило короля Магнуса Эрикссона в “Законе городов” середины XIV в. обязать городские магистраты не менее чем наполовину формировать свой состав из шведов.

Силой, которая столь неудержимо влекла немцев в шведские владения, были их экономические интересы. Подъем ганзейской торговли в значительной мере произошел за счет сбыта продукции шведского горнодобывающего и металлургического производств – железа и меди, пользовавшихся повышенным спросом по всей Европе, а также масла и леса. Со своей стороны, Швеция также извлекла значительные выго-

ды из немецкого присутствия. Именно прибывшие из Германии горняки познакомили шведов с новейшими достижениями европейской техники того времени – водоотливным устройством для шахт и наиболее совершенными образцами плавильных печей, что позволило увеличить объем экспортного производства и обеспечило шведским товарам прочное место на международном рынке.

С начала XII в. велась торговля с Норвегией, которая сразу же сосредоточилась в г. Бергене с его сельдяными ловлями и осуществлялась по принципу “хлеб за рыбу”. В 1276 г. вендские купцы основали свое первое поселение в Бергене, а в 1316 г. добились исключительно выгодной привилегии: норвежская рыба могла обмениваться на зерно, муку и т.п. “тяжелые товары”, поставлявшиеся только ими. Монополизировав норвежский рынок, вендская Ганза полностью вытеснила с него конкурентов – англичан, голландцев и фламандцев. В том же 1316 г. в Бергене была учреждена ганзейская фактория – Немецкий мост, созданная по новгородскому образцу. Норвегия, которая в силу природных условий не могла обеспечить себя рядом необходимых продуктов питания, в первую очередь хлебом, оказалась в полной зависимости от ганзейского подвоза. Ситуация усугублялась тем, что ганзейцы получили право на скупку практически всей отлавливаемой норвежцами рыбы, поставив их в зависимое от себя положение. Берген использовался ганзейцами также в качестве форпоста для поездок в Бостон и другие города восточного побережья Англии.

В Дании, которая владела “балтийскими воротами” – проливом Зунд, ганзейцев прежде всего также привлекали богатейшие, знаменитые сельдяные ловли у п-ва Сконе. В католической Европе, с ее многочисленными постами, сельдь пользовалась постоянным спросом. Торговля ею не только обеспечивала немалые прибыли, но дала сильный толчок активной эксплуатации люнебургских солеварен и превращению бочарства в одно из наиболее развитых ремесел вендского региона, поскольку перевозка рыбы на дальние расстояния требовала консервации и должной упаковки.

Впервые любекцы появились в Сконе на исходе XII в. и, по-видимому, сразу же повели дело с размахом. Во всяком случае в 1201 г., когда по распоряжению датского короля всех любекцев арестовали, а их суда и товары конфисковали, Любек, чтобы отменить действие приказа, согласился принять ленную зависимость от датской короны. Ничем иным, как угрозой огромных материальных потерь, граничивших, пожалуй, с экономической катастрофой, такой шаг объяснить нельзя. С середины XIII в. постоянные торговые связи с Данией поддерживали все вендские города, периодически здесь также появлялись купцы из внутренних областей Германии.

К покорению фландрского рынка немцы приступили в начале XIII в. К середине столетия они уже располагали там целой системой привилегий и, опираясь на нее, провели в отношении фламандцев, которые до сих пор самостоятельно сбывали отечественные сукна в Саксонии и Вестфалии, ряд запретительных мер, в том числе исключили

их прямой контакт с купцами из третьих стран. Это не только свело на нет торговую инициативу Фландрии в Германии, но обрекло страну, остро нуждавшуюся в товарах балтийского происхождения, прежде всего в хлебе, на зависимость от ганзейских поставок и позволило вендским городам, державшим в своих руках балтийскую торговлю, прочно обосноваться в Брюгге и превратить его в замыкающее звено той огромной торговой ветви, что протянулась от Новгорода до Фландрии.

В 1200 г. представители “Готландского товарищества” появились в Англии, где встретили крайне недружелюбный прием со стороны кельнцев, саксонцев и прочих соотечественников, обосновавшихся там ранее. Это, однако, не смогло помешать членам товарищества в 1237 г. получить от английской короны право беспошлинного вывоза британских товаров и ряд других привилегий. В 1266–1267 гг. в Лондоне были учреждены Гамбургская и Любекская ганзы по образцу уже действовавшей там Кёльнской, или Рейнской ганзы. Поначалу они функционировали независимо друг от друга, но в 1282 г. слились в общую Немецкую ганзу, у руководства которой стояли по одному представителю от Мюнстера, Кёльна и Гамбурга во главе с олдерманом-дортмундцем. Лондонское объединение скорее всего было плодом английской инициативы, осуществлявшейся в рамках реформ Эдуарда I, ибо и после его создания основная часть вендского купечества продолжала вести независимые дела на востоке Англии – в Линне, Бостоне, Нью-Касле и других городах, открыв там свои фактории.

Итак, ганзейскому купечеству понадобился сравнительно небольшой срок для того, чтобы, следуя по морским путям, которые еще в VIII–IX вв. проторили скандинавские, славянские и фризские торговцы, тесня и устраняя конкурентов, охватить своей посреднической торговлей Балтийско-Североморский регион. Столь успешному освоению коммерческого пространства способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, ганзейцы сумели исключительно рационально использовать подъем фландрского и рейнско-вестфальского ремесленного производства. Поставляя его продукцию в балтийские страны, они вели в обратном направлении продовольствие и сырье, столь необходимые промышленным регионам. Ганзейское посредничество превратилось в ту связующую нить, которая тесно соединила две области, все прочнее втягивавшиеся в общую хозяйственную сферу и взаимную экономическую зависимость.

Во-вторых, важную роль сыграло то обстоятельство, что в период, когда преобладающей стала торговля большими массами товаров, ганзейцы ввели в обиход коггу – наиболее вместительное и устойчивое по тем временам морское судно. Известно, что в середине XIV в. кроме экипажа, она могла вместить 100 вооруженных воинов, 20 лошадей и 1 стенобитное оружие, т.е. по грузоподъемности в два–три раза превосходила показатели всех современных ей судов и как нельзя лучше соответствовала нуждам оптовой торговли на дальние расстояния.

В-третьих, немецкие купцы происходили из мест со сравнительно давно сформировавшимся городским устройством, были воспитаны на

устойчивых деловых традициях и достаточно хорошо осведомлены в тонкостях торгового дела. К тому же, как правило, они принадлежали к потомственным купеческим фамилиям, что гарантировало им необходимый стартовый капитал и нужные коммерческие связи. Все это выгодно отличало немецкое купечество от торговцев тех стран, в которые они проникали, и где городской строй был еще слабым, а занятия торговлей чаще всего лишь сопутствовали основной, некупеческой профессии.

К середине XIII в. ганзейская торговая сеть охватывала значительное пространство от Новгорода до Лондона и от Бергена до Брюгге. Ее магистральное направление составлял путь, соединявший Новгород с Западной Европой. В ту пору лишь небольшая часть оптовых поставок осуществлялась по полному риска прямому пути через Зунд в Северное море. Основная масса грузов сходилась в Любеке, откуда по наиболее короткой и безопасной, требующей к тому же минимальных затрат сухопутной дороге доставлялась в Гамбург, а затем через устье Эльбы к морю. В Любеке встречались товары, предназначенные для Запада: новгородские и лифляндские меха, воск, смола, жир, кожи, лен; прусские лес, янтарь и пока еще в небольших количествах зерно; шведские железо и медь, масло, грубое сукно, лес; норвежская и сконская рыба; хлеб и лен из Поэльбья; мекленбургские и померанские зерно, солод, мука и пиво; люнебургская соль, а также следовавшие в обратном направлении сукна, продукция металлообрабатывающего производства, испанские, французские и рейнские вина, пряности и другие товары.

К исходу XIII в. в основных чертах сформировалась ганзейская торговая система, сутью которой было и всегда оставалось посредничество. Обладая мощными капиталами, богатым деловым опытом, техническим превосходством в области судостроения и умело используя выгоды географического расположения своих торговых центров, ганзейцы не просто осуществляли товарообмен между двумя экономическими зонами, но сумели поставить их в зависимость от себя.

Расположение Любека и Гамбурга на пересечении важнейших торговых путей между Балтийским и Северным морями порождало единство их экономических интересов. Их сближению заметно содействовала также борьба против общего врага – Дании, в зависимость от которой оба города попали после того, как герцог Вальдемар Шлезвигский, подчинивший их своей власти в 1201 г., взошел на датский престол под именем короля Вальдемара II (1202–1241). Включив в 1214–1219 гг. в свои владения Приэльбскую Германию и Северную Эстонию, этот правитель фактически превратил Балтику во внутреннее датское море, однако бремя великой морской державы оказалось ему не под силу. В 1227 г. коалиция северо-германских городов и князей нанесла Вальдемару II поражение при Борнхеведе. За исключением княжества Рюген и Северной Эстонии, Дания лишилась всех своих завоеваний.

Блестящая победа содействовала дальнейшему сближению Любека и Гамбурга. В 1230 г. они подписали соглашение об установлении

Гавань. Миниатюра 1475 г. Гамбург

равных прав для своих жителей и о разрешении взаимных претензий по возможности мирным способом. В 1241 и 1255 гг. были заключены договоры об обоюдном обеспечении безопасности торговых путей и единых мерах по наказанию разбойников.

Вскоре эти положения Любек стал распространять на вендские города. В 1259 г. он установил союз с Ростком и Висмаром по оказанию совместного противодействия пиратам, а в 1264 г. союзники обязались соблюдать равенство горожан по частно-правовым вопросам и объединять свои силы в борьбе против притязаний территориальных князей.

В 1265 г. последний договор не только был продлен на неограниченное время, но ввел практику ежегодных встреч союзников для обсуждения общих дел.

Совместная борьба вендских городов против экспансионистских устремлений маркграфов Бранденбургских по захвату южного побережья Балтийского моря дала толчок подписанию 13 июня 1283 г. Ростокского земского мира. Одним из его важнейших положений было признание территориальными владельцами прав городов на известную политическую самостоятельность. При подготовке и заключении Ростокского мира лидером вендской группировки выступил Любек. Стремясь утвердиться в этом качестве, он прежде всего попытался освободиться от опеки фактического главы Ганзы – Висбю. От имени созданного в 1293 г. трехлетнего союза вендских городов ганзейцам было предложено признать Любек высшей апелляционной инстанцией для Немецкого двора в Новгороде. Большинством голосов, несмотря на сопротивление Висбю и ряда других городов, удалось добиться утверждения любекского проекта. Столь очевидный успех побудил вендские города к дальнейшему укреплению союза. В 1296 г. их договор не только был продлен, но пополнился статьями об оказании взаимопомощи в случае вооруженного конфликта с территориальными князьями, причем невыполнение этого предписания грозило виновному большим штрафом в 500 марок и потерей ганзейских привилегий.

Действуя сплоченно, вендские города в 1299 г. одержали окончательную победу над Висбю. На съезде в Любеке они постановили не пользоваться впредь общей купеческой печатью, а предоставить каждому городу право скреплять все документы своей собственной печатью. Это решение имело исключительное значение, ибо отныне развитие Ганзы вступило в новую фазу: из “купеческой” она законодательно превратилась в “Ганзу городов”, вся полнота власти в осуществлении ганзейской политики перешла к городским магистратам. “Готландское товарищество” прекратило свое существование, а Висбю окончательно утратил былые позиции. Зато авторитет Любека – инициатора нововведений – заметно вырос. Теперь во всех официальных актах он упоминался на первом месте и именно к нему адресовались ганзейцы для разбора конфликтных ситуаций.

Такое возвышение Любека не было случайным, но на пути к нему и к созданию того объединения, что снискало себе право называться “Города немецкой Ганзы” (*stede van der Dudeschen Hense*), стояли немалые трудности и крылись серьезные испытания.

Первая проба на прочность произошла во Фландрии, где в конце 70-х годов XIII в. сложилась весьма напряженная ситуация. Вендские города опротестовали существовавший здесь порядок приемки немецких грузов фландрскими весовщиками, обвинили их в злоупотреблениях и потребовали замены их ганзейскими служащими. Поскольку местные власти не спешили удовлетворять претензии ганзейцев, Любек при поддержке крупнейших вестфальских, нижнесаксонских и прусских городов предпринял решительные меры. Понимая, что прекращение

торговли со всей Фландрией грозит ей большими потерями, Ганза подвергла торговой блокаде только центр этой торговли – Брюгге. Летом 1280 г. она закрыла здесь свои товарные склады и перенесла их в соседний Арденбург.

Сплоченность и применение нового орудия экономического давления – торговой блокады – обеспечили ганзейцам успех. Весной 1282 г. они победителями вернулись в Брюгге, сумев добиться не только подтверждения всех прежних привилегий, но и права без посредников торговать здесь с иностранными купцами.

Эти события окончательно определили характер и направление процесса формирования “Ганзы городов”. Преимущества коалиционных действий, способных не просто охранить, но и приумножить ганзейские привилегии за границей, оказались слишком очевидными и не могли не содействовать активному интегрированию отдельных купеческих факторий в общеганзейское объединение. Решительные и успешные действия вендского отделения с Любеком во главе снискали им заслуженный авторитет, позволили занять особое, лидерское положение в ганзейском мире.

Торговая блокада была весьма эффективным, но все-таки крайним средством давления на контрагентов, к которому Ганза старалась прибегать как можно реже. И хотя применять его пришлось еще неоднократно: в 1284–1285 гг. – в Норвегии, в 1307 г. – в Брюгге, в 1358–1360 гг. – во Фландрии, делали это ганзейцы лишь в исключительно критических ситуациях, когда только самая жесткая позиция могла гарантировать выполнение противоположной стороны требуемых условий.

Укрепление ганзейского единства происходило далеко не безоблачно, и на пути к нему порой возникали достаточно серьезные испытания. В 1302 г. разгорелся конфликт между Любеком и графом Голштинским из-за намерения последнего взимать с любекских купцов пошлину в Гамбурге, что запрещалось условиями договора 1296 г. В мае 1306 г. дело дошло до вооруженного столкновения. В нем Любек противостоял объединенным силам графа Голштинского, герцогов Мекленбургских и их многочисленных вассалов, которые жаждали поживиться за счет ганзейских городов и сумели блокировать любекскую торговлю. Неблагоприятная для Любека ситуация усугублялась тем, что, несмотря на союзнический договор 1296 г., он не получал необходимой помощи от вендских городов. С 1304 г. они находились в ленной зависимости от датской короны и предпочли не вмешиваться в конфликт между имперским городом и территориальными владетелями. Поставив собственные интересы выше общеганзейских, они обрекли Любек на сражение в одиночку.

Оказавшись в полной изоляции, Любек был вынужден прибегнуть к посредничеству датского короля Эрика Менведа и с его помощью 1 июня 1307 г. подписал с территориальными князьями мирный договор. Стараниями Любека он был заключен к выгоде всего вендского отделения: разрушался ряд феодальных укреплений, откуда совершались

грабительные нападения на купеческие караваны; прекращался сбор княжеской пошлины на голштинской и саксонской дорогах, по которым в условиях частых конфликтов с Данией проходил единственный путь через гамбургский порт в Норвегию, Англию и Фландрию. Но за все это Любеку пришлось заплатить дорогой ценой: датский король на 10-летний срок избирался любекским ширмфогтом, город обязывался ежегодно уплачивать ему солидную сумму в 750 марок, а в 1308 г. Любек не смог войти в новый вендский союз, скорее всего из-за антидатской направленности последнего.

Разобщенность вендских городов привела к выходу Любека из объединения. Его общепризнанный авторитет и влияние делали эту потерю особенно ощутимой. Частично ее удалось восполнить в 1310 г., когда Любек вновь смог заключить оборонительный договор с вендскими городами, поставив, однако, необходимым условием свое участие в каких бы то ни было акциях против датского короля.

Ослабление вендского единства происходило в условиях, когда Данию раздирали междоусобные распри (1317–1344) и в длительную смуту оказались втянутыми многочисленные северогерманские князья. Для ганзейского купечества это имело самые нежелательные последствия: на суше и на море свирепствовали грабители, повсеместно нарушался закон об отмене берегового права, в Скандинавских странах немцы подвергались всевозможным притеснениям. В такой обстановке интересы торговли заставляли ганзейские города действовать сообща. После подписания ряда двусторонних соглашений в 1339 г. был заключен союз, ознаменовавший восстановление вендского единства.

В процесс, направленный на укрепление региональных объединений, оказались втянутыми все ганзейские города. Особенно наглядно это проявилось в деятельности Брюггской конторы – одного из крупнейших отделений Ганзы.

Хотя постоянная торговля с Фландрией велась уже с конца XII в., до середины XIV в. в Брюгге не существовало общего свода правил для купцов, прибывавших сюда из разных земель Германии. Каждый из них подчинялся нормам только собственного городского права и игнорировал чужие обычаи, что создавало почву для бесконечных конфликтов между самими ганзейцами. Для предотвращения распрей и стабилизации ганзейских позиций за границей в 1347 г. был принят устав Брюггской конторы. Он выработал общие для всех ее членов правила и официально закрепил фактически уже сложившееся деление на три части, так называемые “трети”: вендско-нижнесаксонскую, вестфальско-прусскую и лифляндско-готландскую. Руководство каждой из них поручалось двум старшинам, которые ежегодно переизбирались и в случае необходимости могли быть кооптированы. Они представляли интересы Ганзы во Фландрии, их распоряжения считались обязательными для купцов той “трети”, которую они возглавляли. Каждый из них имел по шесть помощников. По мере надобности все старшины и помощники собирались для обсуждения общих дел. Спорные вопросы решались голосованием, причем треть, оказавшаяся в меньшинстве,

безоговорочно подчинялась большинству. Введение общих правил при сохранении за каждой из третей известной доли самостоятельности способствовало упорядочению организационной структуры Ганзы и ее внутреннему укреплению.

Осуществление дальнейших шагов в этом направлении было вызвано внешними обстоятельствами. В годы Столетней войны, когда плавание у фландрских берегов стало занятием довольно рискованным, участились нападения на нейтральные ганзейские суда. В 1351 г. у входа в брюггский порт английские пираты захватили и ограбили грайфсвальдский торговый корабль. Угрожая введением торговой блокады, Ганза, несмотря на упорное сопротивление фландрских властей, которые стремились избежать обострения отношений с Англией, вынудила их вынести одному из грабителей смертный приговор.

Едва ли столь жесткая позиция Ганзы объяснялась одним только желанием расквитаться с преступником. Суть дела, безусловно, крылась гораздо глубже. Как известно, в XIV в. шерсть для изготовления знаменитых фландрских сукон шла преимущественно из Англии. Ганза держала в своих руках оптовые закупки тканей и транзитную торговлю ими, но, не довольствуясь этим, всячески стремилась стать посредником в поставках английской шерсти. Однако для этого нужно было вбить клин между Англией и Фландрией, что, воспользовавшись случаем, и намеревалась сделать Ганза.

Поначалу она достаточно преуспела в своих планах, так как в ответ на казнь английского подданного король Эдуард III приказал переместить из Брюгге в Лондон склады для хранения шерсти. Потеря стапельного права больно ударила по фландрской торговле. В своих бедах брюггские купцы обвинили ганзейцев и заняли по отношению к ним крайне враждебную позицию. Сложилась весьма тревожная ситуация. Сомнительным казалось само сохранение в Брюгге ганзейской конторы.

В таких условиях в 1356 г. в Любеке состоялась встреча представителей всех ганзейских третей. На ней было решено лишить брюггскую контору самостоятельности и передать руководство фландрской торговлей в руки магистратов ганзейских городов. В Брюгге немедленно отправилось посольство, которое возглавил весьма решительный и авторитетный ратман Якоб Плесков. Под его энергичным нажимом администрация брюггской конторы признала правомочность любекского постановления и подчинилась ему.

Любекская встреча 1356 г. сыграла исключительную роль в ганзейской истории. По сути дела это был первый общеганзейский съезд – ганзетаг. И хотя традиция региональных собраний продолжала сохраняться, отныне в практику прочно вошли регулярно созываемые раз в два–три года всеганзейские съезды полномочных представителей городских магистратов. Именно они определяли генеральную линию в деятельности и политике Ганзы, их решения были обязательны для всех членов союза. С 1358 г. общепринятым и обычным становится определение “города немецкой Ганзы”. Завершился процесс превращения Ганзы купеческой в Ганзу городов и начался новый этап в ее развитии.

По примеру Брюгге в 1361–1374 гг. деление на трети было учреждено и в других ганзейских конторах – Новгородской, Бергенской и Лондонской, а сами они перешли в подчинение магистратов. Ключевые позиции в Ганзе заняли вендские города с Любеком во главе. Его руководящая роль в союзе нашла, в частности, отражение в многочисленных решениях ганзетагов, которые отныне начинались словами: “Ганза и Любек постановляют...”

Высший принцип купеческой политики заключался в обеспечении максимальных прибылей при минимальном риске. Вполне естественно поэтому, что ганзейская дипломатия предпочитала мирные переговоры военным действиям и экономическое давление – территориальным захватам. Купцы умели хорошо считать и отлично понимали, каких затрат требуют войны, которые к тому же неизбежно затрудняли торговые сношения, делали их предприятием весьма опасным и рискованным. Лишь в самых крайних случаях Ганза прибегала к применению военной силы, как это случилось в 1362–1370 гг., когда она вела кровопролитные войны с Данией, ожесточенно сражаясь за свою гегемонию на Балтике.

Первый этап этих войн (1362–1364) оказался неудачным для Ганзы: из-за межгородской конфронтации и отсутствия союзников она потерпела поражение и лишилась большинства своих привилегий в Дании. Стремление к реваншу воплотилось в создании в 1367 г. Кёльнской конфедерации – военного союза, который объединил 57 городов, расположенных между Дерптом и Утрехтом. Ее возникновение – событие чрезвычайной важности, единственный в истории Ганзы случай, когда общая цель – разгром Дании – тесно сплотила столь значительное число городов, причем не только ганзейских, но и нидерландских, без участия которых полная блокада Дании оказалась бы нереальной. Кёльнская конфедерация была исключительно военным союзом. Никаких кардинальных изменений ни в структуру, ни в организацию, ни в принципы деятельности Ганзы ее создание не внесло. Ганзейское единство, хотя и достигло в тот момент своей кульминационной вершины, как и прежде, продолжало оставаться относительным. Ведь даже вошедшие в конфедерацию Гамбург и Бремен пытались уклониться от непосредственного участия в военных действиях, а вестфальские города – от финансирования военных затрат. Формально Кёльнская конфедерация просуществовала до 1385 г., однако после окончания войны она уже не играла сколько-нибудь заметной роли в жизни Ганзы.

Заслуги же ее в военной компании 1368–1370 гг. неоспоримы, ибо именно конфедерация смогла обеспечить строгое соблюдение общеганзейских договоренностей, союзническую поддержку ряда территориальных владетелей и привела Ганзу к победе. Основную тяжесть войн с Данией, которая предприняла первую попытку подорвать торговую монополию Ганзы на Балтийском море, приняли на себя вендские города. Они окончательно превратились в общепризнанный организационный центр объединения, в его ядро, и отныне именно в них, за редкими исключениями, собирались ганзейские съезды, отсюда направлялась и координировалась вся деятельность Ганзы.

24 мая 1370 г. Дания и 23 ганзейских города подписали знаменитый Штральзундский мир. Его условиями подтверждались все прежние и предоставлялся ряд новых привилегий, но уже не отдельным городам, а Ганзе в целом. Снижались пошлины, гарантировалось спасение и безвозмездное возвращение владельцам грузов с кораблей, потерпевших бедствие у датских берегов. Фогты ганзейских факторий в Дании получили право высшей юрисдикции. Режим наибольшего благоприятствования создавался для ганзейских ремесленников, розничных торговцев и рыбаков. Дании запрещалось короновать своих государей без согласия Ганзы. В качестве гаранта мира и для возмещения военных затрат Ганзе на 15 лет передавались сконские крепости Сканёр, Фальстербю, Мальмё и Хельсингборг с получением 2/3 их доходов, т.е. к ней переходили богатейшие сельдяные ловли в Сконе, господство над проливами и средства от различных денежных сборов.

Заключение Штральзундского мира создало исключительно благоприятные условия для развития ганзейской торговли в последние десятилетия XIV в. По разным данным, доходы ганзейского купечества колебались в этот период от 8 до 25%. Торговые пути по-прежнему связывали ганзейские города с Норвегией, Швецией, Данией, Фландрией, Англией, Пруссией, Польшей, Ливонией и русским северо-западом. Одновременно прокладывались и успешно осваивались новые купеческие маршруты – к берегам Западной Франции, в Португалию, Венецию и Исландию. Ганзейская торговля продолжала сохранять транзитный характер и, благодаря посредничеству ее купечества, по Европе массовыми потоками расходились: хлеб из Северной Германии, Пруссии и Польши; лес, смола и канифоль из Пруссии, Польши, Ливонии и Норвегии; вяленая треска и сельдь из Норвегии и Дании; сукна из Фландрии; меха и воск из русских земель, Ливонии, Польши; меха из Швеции; медь и железо из Швеции и Словакии; шерсть из Англии; испанские вина, байийская и люнебургская соль. Расширение ассортимента транзитных товаров сопровождалось заметным увеличением вывоза продукции германского происхождения: прежде всего пива, муки, солода, хмеля и в меньшей степени ремесленных изделий – грубых сукон, полотна, металлической посуды, деревянной тары, канатов и т.п.

Штральзундский мир не просто явился крупным успехом ганзейской дипломатии, но той кульминационной точкой в развитии Ганзы, когда ее могущество и влияние достигли своего зенита. Одновременно 1370 г. ознаменовал поворотный момент в ганзейской истории, пройдя который, Ганза медленно, но неуклонно начала клониться к упадку. Отныне все свои силы и возможности она направляла на сохранение торговой монополии в Балтийско-Северноморском регионе и на вытеснение оттуда своих конкурентов.

В первую очередь это касалось английского купечества, которое заметно активизировалось со второй половины XIV в. Английские суда регулярно швартовались в гаванях вендских городов, куда доставляли главным образом грубые сукна, увозя на родину преимущественно хлеб и корабельный лес. В ряде ганзейских городов, в том числе в Дан-

циге, Эльбинге и Штральзунде, действовали английские фактории. Сознавая серьезность английского соперничества, руководство любекского отделения пыталось оттеснить англичан от участия в сконских ярмарках, но в качестве противовеса Англия ввела дополнительные пошлины и денежные поборы, а английские пираты начали настоящую охоту за ганзейскими судами. Конфликт достиг такой остроты, что в 1388 г. ганзейско-английские торговые сношения прекратились, но поскольку обе стороны одинаково остро нуждались в восстановлении торгового товарообмена, длилось это недолго. Договор, заключенный спустя полгода, вновь подтвердил все привилегии Ганзы в Англии, однако узаконил при этом взимание английской стороной дополнительных пошлин с ганзейцев и ее право на торговлю в прусских портах с купцами из третьих стран. Особый интерес Англии к торговле с Пруссией, откуда она получала основную массу столь необходимых ей зерна и древесины, содействовал в конце XIV в. стремительному экономическому подъему Данцига. Его связывал с Англией прямой путь через Зунд, что делало ненужным посредничество Любека и, естественно, создавало напряженность уже внутри самой Ганзы: между вендскими и прусскими городами.

Достаточно тревожная ситуация сложилась также во Фландрии. В 70-е годы XIV в. здесь обозначилась тенденция к упадку ганзейского влияния, которая особенно отчетливо проявилась в ходе торговой блокады 1388 г. Несмотря на ее общеганзейский характер, прусским и лифляндским городам удалось добиться для себя особых условий, позволявших им вполне официально продолжать торговать с их фландрскими контрагентами. В результате блокада оказалась неплотной и только ценой больших усилий Ганза в 1392 г. вернула свои привилегии. Но это был ее последний успех во Фландрии.

Нежелание локальных городских группировок поступиться собственными интересами ради общеганзейской цели, осуществление ими по сути дела независимой торговой политики свидетельствовали о нарастании весьма тревожных симптомов в деятельности Ганзы: обострялись внутриганзейские противоречия, углублялась межгородская рознь. Все это делало проведение торговой блокады занятием бессмысленным и бесперспективным. Предпринятая в том же 1388 г. попытка блокировать торговлю Новгорода и прекратить товарообмен с ним не принесли Ганзе успеха. Ганзейской делегации, которая под руководством любекского ратмана Йоханнеса Нибура прибыла в 1392 г. в Новгород, удалось заключить договор лишь компромиссного характера. Он уравнивал в правах русское и ганзейское купечество и фактически сохранял свою силу до 1494 г., до закрытия Иваном III Немецкого двора.

На исходе XIV в. заметная угроза ганзейской торговой монополии на Балтике начала исходить со стороны Нидерландов, которые из недавнего союзника во второй датской войне стали быстро превращаться в опасного конкурента. Противостоять ему Ганзе было особенно трудно в силу того, что голландская торговля развивалась на базе соб-

ственной экономики, основу которой составляли суконное производство, ловля и обработка североморской сельди, пивоварение. Кроме того, она опиралась на стремительно растущий отечественный торговый флот, рассредоточенный по многочисленным удобным гаваням и портам страны.

Заметно активизировалось также южнонемецкое купечество. Свой путь к Балтике оно проторило в два этапа: сначала через Рейнскую область и шампанские ярмарки в Брабант и Фландрию и уже оттуда – в вендские города. Итогом столь упорной целеустремленности явилось открытие в конце XIV в. в Любеке филиала торгового дома Пиркгаймеров, после чего сюда устремился целый поток нюрнбержцев. Они энергично взялись за дело и, укрепив свои позиции посредством заключения браков с представителями местного патрициата, занялись доставкой на имперский север металлических изделий, пряностей и предметов роскоши, увозя в родные края рыбу, меха, янтарь. На первых порах это больно ударило лишь по розничным торговцам, но довольно скоро, как только южане активно включились в товарообмен с Польшей, Пруссией, Лифляндией и Русью, т.е. внедрились в магистральное направление ганзейской торговли, и оптовики ощутили всю серьезность их конкуренции.

Стремясь оградить сферу своих коммерческих интересов от любого соперничества, ганзейцы в то же время старались максимально рационально использовать деловой опыт своих соперников. С его учетом они изменяли формы и методы своей торговли. Теперь уже купец не сопровождал, как прежде, свои товары на пути их следования к месту назначения, а оставался в конторе, располагавшейся обычно в его доме, а оттуда руководил делами через факторов и помощников-партнеров. Делалось это с помощью торговой корреспонденции, что вызвало к жизни появление особого рода документации – расчетных и торговых книг (в средиземноморской торговле, прежде всего итальянской, известных намного раньше).

К концу XIV в. существенную трансформацию претерпели также формы и принципы организации купеческой деятельности. Ее простейшим образцом было объединение комиссионного типа, глава которого, богатый купец-оптовик, поручал непосредственное заключение торговых сделок своим партнерам-помощникам, но ставил их при этом в жесткие рамки строгих инструкций и лишал всякой возможности проявлять личную деловую инициативу. Преобладающей формой ведения торговли являлись паевые купеческие компании, создававшиеся по принципу исчисления как доли прибыли, так и доли убытков в зависимости от размера вложенного капитала. Наиболее доходным считалось так называемое “полное общество”, в фонд которого его участники вкладывали большую часть или все свое состояние. Но поскольку при таких условиях риск разорения был слишком велик, то подобные объединения создавались нечасто.

В купеческие компании могли входить представители одной семьи, одного или нескольких ганзейских городов. Нередко один и тот же ку-

пец являлся одновременно членом нескольких компаний, что, естественно, резко повышало его шансы на получение высоких прибылей, как это случилось, например, со штральзундским купцом Венемаром Боркхорном, сумевшим за короткий срок, с 1355 до 1362 г., заметно округлить свой капитал с 1800 до 11 500 марок.

Применение новых методов торговой практики повлекло за собой рост масштабов кредитных и обменных операций, создание системы юридической защиты коммерческой деятельности, совершенствование городского делопроизводства. Определенные сдвиги произошли и в сфере денежного обращения. Хотя ганзейский мир так никогда и не сумел достичь в своих пределах полной унификации монетной системы, частичную реализацию этой задачи осуществил созданный в 1379 г. Вендский монетный союз. Его члены пользовались общими денежными единицами, которые вскоре стали самыми ходовыми на всем немецком севере.

Интенсификация торговли сопровождалась прогрессивными сдвигами в области кораблестроения. В конце XIV в. появился новый тип морского судна – холк, который обладал повышенной устойчивостью и грузоподъемностью в 200–300 тонн. Наряду с коггой он занял господствующие позиции в ганзейском торговом флоте, нормальное функционирование которого охранялось целым кодексом морского права. В основе его лежало относящееся к 1292 г. старейшее морское право Гамбурга, дополненное многочисленными статьями, проистекавшими из постановлений ганзетагов. Главный принцип этого кодекса сводился к обеспечению наиболее полных гарантий защиты купеческих интересов.

Таким образом, в XIV в. главной целью ганзейской политики продолжало оставаться сохранение и дальнейшее расширение торговых привилегий немецкого купечества за границей. Заботясь о процветании своего бизнеса, Ганза предпочитала действовать мирными средствами и, как правило, достигала успеха либо при помощи дипломатических переговоров, либо посредством торговой блокады. Если же эти методы оказывались малоэффективными, ганзейцы без колебаний открывали военные действия и тогда основным гарантом успеха оказывалась максимальная внутриганзейская сплоченность. В наиболее критические моменты Ганзе удавалось предельно мобилизоваться для реализации своих замыслов. Однако подлинного долговременного единства она не знала никогда, причем не только в рамках всего союза, но даже внутри региональных отделений. Объяснялось это, разумеется, не просто различиями в размерах и местоположении отдельных городов, а особенностями их административно-правового статуса, социально-политического устройства и экономического развития, и, конечно же, соперничеством.

Разбросанные на весьма обширной территории ганзейские города прежде всего отличались друг от друга своим административно-правовым положением. Если Любек имел особый статус вольного имперского города, то Бремен, Висмар, Гамбург и другие крупные торговые

центры находились в пределах светских территориальных владений, Кёльн и Магдебург служили резиденциями высшего духовенства, в силу чего им приходилось постоянно испытывать на себе все тяготы княжеских притязаний. Особенно страдали от них многочисленные небольшие города Вестфалии, Нижней Саксонии, Бранденбургской марки, Тюрингии, Померании и Мекленбурга, где позиции территориальных властителей были наиболее прочными, а их вмешательство во внутригородские дела носило довольно обычный характер.

Заметной меж- и внутрирегиональной спецификой отличалась и экономическая структура ганзейских городов. Если в приморских районах торговля безусловно преобладала над ремеслом, то во внутренних областях, а кое-где и на побережье, ремесленное производство и промыслы достигли значительных успехов, что придавало хозяйственному облику каждого города неповторимость и своеобразие. В результате характерной особенностью экономики Кёльна являлось развитое ткачество, в Гамбурге и Висмаре невиданного доселе размаха достигло пивоварение, Люнебург и Галле стали признанными центрами соледобычи, а Дортмунд широко славился своими металлическими изделиями.

Достаточно разнородным был и этнический состав населения отдельных ганзейских регионов. На запад от Эльбы доминировал нижне-немецкий элемент, и ассимиляция чужеземцев происходила здесь чрезвычайно быстро. Восточнее Эльбы, наряду с немцами, жили славяне, балтийские народы, шведы, датчане. В городах, расположенных между Любеком и Ригой, преобладали немцы, но уже в Ревеле и Дерпте они составляли меньшинство, хотя и занимали ключевые позиции в управлении городской экономикой и политикой.

Все стороны жизнедеятельности сложного городского организма регулировались нормами городского права. Большинство ганзейских городов, в том числе и вендское отделение, руководствовалось любекским правом, в Восточно-Эльбском регионе преобладало магдебургское, а кое-где действовало производное от него кульмское право. Несмотря на наличие между ними определенных расхождений, особенно в вопросах юрисдикции, в XIV в. они в сущности мало чем отличались друг от друга, ибо главный вопрос, вопрос о власти, решался однозначно: к участию в деятельности магистратов допускались только представители патрициата – наиболее зажиточной и влиятельной верхушки купечества, тесно связанной общими деловыми интересами и взаимным родством. Средние слои городского населения – непатрицианское купечество, торговцы, ремесленники – полностью устранялись от руководства городскими делами, что превращало магистраты в мощный оплот патрицианской олигархии.

Однако если непатрицианское купечество формально могло избираться в органы городского самоуправления, то ремесленники юридически полностью лишались такой возможности. Из этого правового неравенства проистекало и различие целей, выдвигавшихся купцами и ремесленниками: для одних речь шла лишь о реальном избрании в магистрат, для других – о получении власти путем изменения городской

конституции. Недовольство политико-правовыми порядками, которое усугублялось ухудшением экономической ситуации, вылилось в череду мощных городских выступлений, известных как “цеховые революции” В 1365 г. вспыхнуло восстание в Бремене, в 1370 г. – в Кёльне, в 1374 г. – в Брауншвейге, в 1375 г. – в Гамбурге, в 1376 и 1380 гг. – в Любеке, в 1386 г. – в Анкламе, в 1391 г. – в Штральзунде, в 1396 г. – снова в Кёльне, в 1399 г. – в Дортмунде. Там, где развивались экспортные отрасли ремесла (Кёльн, Дортмунд, Брауншвейг), цехи одержали победу и добыли себе законное право избирать своих представителей в магистрат. В городах с преобладающим значением посреднической торговли (Любек, Гамбург и др.) ремесленники потерпели поражение, что позволило патрициату сохранить свое всевластие.

В XV в. посредническая торговля продолжала оставаться ведущей отраслью ганзейской экономики, все отчетливее приобретая интернациональный характер. Крупными партиями ганзейские купцы везли с запада промышленную продукцию, а с востока – ремесленное сырье и продукты питания. Экспорт товаров местного происхождения существенно уступал транзитным перевозкам, однако в течение XV в. заметно выросли поставки зерна из Пруссии, Лифляндии и Вендского региона, сукон и льняных тканей из нижнесаксонских городов, эрфуртской вайды, хлеба и леса из Бреслау. Основной организационной формой ведения торговли оставались паевые компании, преобладала практика безналичного обмена товарами, возросли масштабы кредитных операций.

Хотя по сравнению с торговлей ремесло играло в ганзейских городах подчиненную роль, к началу XV в. в нем произошли заметные изменения. Углубился процесс разложения цехового строя, что проявилось в ужесточении цеховой регламентации, в замыкании цеха и монополизации специальности, в возникновении союзов подмастерьев и межгородских союзов мастеров по борьбе с ними, в увеличении числа “вечных” подмастерьев. Ряд признаков, в частности, внедрение системы авансирования свидетельствовали о появлении элементов капитализма. Ранее всего они зародились в кёльнском шелкоткачестве, в любекском производстве янтарных четок, в висмарском, гамбургском и брауншвейгском пивоварении, в ростокском мукомольном деле, на судоверфях Штральзунда, Данцига и Висмара, а также в таких отраслях, как бочарное и канатное дело, изготовление металлической посуды и др., продукция которых пользовалась спросом на внешних рынках. Однако капиталистические начала не получили и не могли получить широкого развития в ганзейском регионе, ибо здесь, особенно в сердцеvine Ганзы – вендских городах – купеческий капитал традиционно помещался во все еще доходную транзитную торговлю, покупку рент и земельных участков, что вело к консервации устаревших форм производства.

В начале XV в. прибыли от посреднической торговли оставались достаточно высокими и, по разным оценкам, колебались от 7 до 39%. Однако пора расцвета, когда Ганза могла диктовать условия целым государствам и держать в своих руках монополию торговли в северных

странах, начала безвозвратно уходить в прошлое. Симптомы надвигающегося кризиса достаточно отчетливо проявились уже в 1393–1401 гг., когда ганзейские города вели долгую и не вполне удачную борьбу с пиратами, полностью контролировавшими всю балтийскую торговлю. Отряды каперов, так называемых “братьев-виталийцев”, были сформированы герцогом Альбрехтом Мекленбургским для того, чтобы препятствовать доставке продовольствия в Данию, с которой мекленбургский дом находился в острейшем конфликте из-за обоюдных претензий на шведскую корону. Заключение в 1397 г. Кальмарской унии в целом исчерпало конфликт, но не покончило с морским разбоем. Отсутствие условий для нормального ведения торговли, огромные и все возрастающие потери, постоянная опасность и ужас, наводимый каперами на мирное купечество, привели к тому, что в 1401 г. Ганзе все-таки удалось сплоченными усилиями региональных отделений нанести пиратам существенный удар, но полностью покончить с виталийцами она не смогла, и многочисленные жалобы ганзейцев на ограбления не прекращались в течение последующих двух десятилетий.

Ослаблением Ганзы не замедлили воспользоваться ее торговые соперники, в первую очередь голландское купечество. Еще в 1368 г., когда голландцы были союзниками Ганзы по Кёльнской конфедерации, они основали в Сконе купеческие поселения, которые намеревались превратить в опорные пункты своей торговли на Балтике. Их планам, однако, не суждено было сбыться, так как ганзейцы разгадали замыслы опасных конкурентов и сразу же после разгрома Дании вытеснили их из сферы своего влияния. Тогда с 1401 г. голландские пираты начали настоящую охоту за ганзейскими торговыми судами. Спустя два года усилиями вендского отделения положение удалось нормализовать, но голландцы тем не менее не отказались от намерений покончить с ганзейской монополией на Балтике. Нарушая стапельное право, они стали заходить в малые гавани Мекленбурга, где противозаконно скупали хлеб – одну из основных статей вендского вывоза. Особенно беззастенчиво они действовали в 1408–1416 гг., когда в ходе мощных социально-политических выступлений в вендских городах были свергнуты олигархические режимы и сложилась крайне нестабильная внутриполитическая ситуация. Только после подавления движения за демократизацию городского управления Ганза смогла дать должный отпор натиску голландцев: в 1416 г. их лишили возможности появляться в малых гаванях, в 1417 г. – получать право бюргерства в ганзейских городах и торговать здесь своими сукнами, в 1422–1423 гг. закрыли въезд в Пруссию, Лифляндию и Новгород и запретили продажу им судов, выстроенных на ганзейских верфях.

В то же время к реализации своего плана уничтожения ганзейского господства на Балтике приступила Дания. Поскольку Ганза отказалась стать ее союзницей в войнах против Голштинии (1412–1432) датский король Эрик с 1417 г. перешел к осуществлению откровенно антиганзейской политики: начал упразднять на территории своего государства привилегии ганзейцев и оказывать всемерное покровительство

отечественному и голландскому купечеству. Скандинавские купцы открыто переориентировались на торговлю с Голландией и установили прямой контакт с традиционным ганзейским партнером – Новгородом. В 1426 г. Дания ввела пошлину, которая взималась со всех судов, проходивших через Зунд, что прежде всего болезненно ударило по вендским городам. Антиганзейская направленность политики датских королей привела к тому, что вендская Ганза вступила в войну против Дании на стороне Голштинии. Вести ее любекскому отделению пришлось практически в одиночку, так как к нему примкнули лишь некоторые саксонские города, а другие члены Ганзы, чьих непосредственных интересов этот конфликт не затрагивал, остались от него в стороне.

В ходе войны ганзейцы намеревались вытеснить голландцев с Балтики, но их попытки прервать датско-голландскую торговлю успеха не имели. Более того, в 1427 г. Голландия практически начала необъявленную войну против Ганзы и вместе с датчанами разгромила ее флот в Зунде и у Копенгагена. Простое торговое соперничество переросло в открытый военный конфликт, хотя официально войны друг другу стороны не объявляли. В 1435 г. ганзейским дипломатам удалось заключить перемирие с Голландией и подписать мирный договор с Данией, по которому восстанавливались все привилегии Ганзы в скандинавских странах, а ее купечество освобождалось от уплаты зундской пошлины.

Поражение Дании и выгодный договор не устранили, однако, всех противоречий, и в 1436 г. Ганза наложила запрет на торговлю с Голландией. Прусские города отказались подчиниться этому требованию и тем самым фактически сорвали торговую блокаду. Весной 1438 г. началась “каперская война”, которую вендская Ганза вела против Голландии в полном одиночестве, так как рейнские и вестфальские города категорически отказались от участия в ней, а прусские и ливонские решительно воспротивились намерениям Любека запретить Зунд. После заключения в 1441 г. ганзейско-голландского перемирия датский король Кристофер III восстановил привилегии голландского купечества в своих владениях. Ганзейская монополия балтийской торговли была подорвана. Уже в 1443 г. 120 голландских судов доставили в Данциг, который благодаря политическим изменениям в Восточной Европе превратился в один из крупнейших торговых центров, относительно дешевые и высококачественные сукна, обработанную рыбу, масло и сыры отечественного изготовления. Из Восточной Балтики голландские купцы вывозили на родину преимущественно хлеб и лес. Они осуществляли крупные транзитные операции, расширяли торговлю байийской солью и тем самым создавали реальную угрозу приоритету Ганзы в сфере посреднической торговли.

В 50–60-е гг. вендские города прилагали немалые, но абсолютно безрезультатные усилия для сохранения системы принудительного складирования товаров в Брюгге. Прусские и лифляндские купцы открыто избегали посредничества любекского отделения и прямо следовали в Антверпен, которой заметно набирал силу и превращался в один из ведущих торговых центров. В 1467 г. сами вендские города были вы-

нуждены открыть здесь свое торговое представительство. Политика вытеснения голландцев с Балтики окончательно провалилась.

В отличие от Ганзы Голландия выступала противницей стапельного права и ратовала за свободное развитие торговли в условиях рыночной конкуренции, за создание равных возможностей для партнеров. Будущее принадлежало именно этим методам. Победа Голландии существенно облегчалась тем, что внутри самой Ганзы усилилась борьба за рынки, обострялись противоречия между отдельными городскими группировками.

Стремление прусско-лифляндской трети выйти из-под опеки любекского отделения и обрести коммерческую самостоятельность привело к тому, что с 1436 г. торговля с Русью начала осуществляться только через Ревель, Ригу, Пярну и Дерпт и полностью ими контролировалась. Разумеется, это шло вразрез с интересами вендского купечества, ибо вело к потере им господствующих позиций в новгородской торговле. В итоге создавалась обстановка внутриганзейской конфронтации, которую весьма успешно использовали в своих целях торговые соперники Ганзы, в частности Англия. Она сделала разжигание межгородской розни главным средством в борьбе за ослабление ганзейского могущества. Покровительство Кёльну в ущерб интересам вендских городов приобрело характер официальной английской политики. В 1468 г. Эдуард IV лишил вендское купечество всех его привилегий в лондонской фактории и тем самым обеспечил безраздельное господство в ней Кёльна. В следующем году, по решению ганзейского съезда, все немецкие купцы покинули Англию, на приобретение английских товаров было наложено эмбарго. Кёльн отказался выполнять эти условия и подвергся исключению из объединения. Ганза вступила в войну с Эдуардом IV.

Ее итоги в 1474 г. подвел Утрехтский мир, подписание которого некоторые историки считают “блестящей победой”, “триумфом” Ганзы, несмотря на то, что двойственный характер договора слишком очевиден. С одной стороны, любекская треть действительно не только вынудила Англию возместить ей ущерб в 20 тыс. любекских марок и вернуть все прежние привилегии, но добилась также предоставления ей ряда новых прав. В частности, никто не мог получить привилегий из рук английского короля без согласия Любека. Но, с другой стороны, английское купечество получило возможность вести прямую торговлю с прусскими и лифляндскими городами, что избавляло их от посреднических услуг вендской Ганзы. Следовательно, несмотря на победу, Любек был вынужден пойти на весьма принципиальную уступку, что не в последнюю очередь диктовалось ростом внутриганзейского соперничества и разобщенности, которыми умело воспользовалось английское правительство. Его политика, направленная на уничтожение ганзейской торговой монополии в северных странах, увенчалась успехом.

Явное обособление деловых интересов отдельных ганзейских подразделений сопровождалось углублением противоречий в рамках каждой из третей, сообщениями о которых буквально пестрят рецессы

ганзейских съездов. Ослабление Ганзы изнутри лишало ее возможности должным образом противостоять растущей внешней конкуренции. Теснимая Нидерландами и Англией, Ганза утрачивала прежние позиции не только на западе, но и на востоке. В 1494 г. был закрыт Немецкий двор в Новгороде.

Относительно стабильное положение удавалось сохранять в Бергене, хотя и здесь не обошлось без потрясений. В 1446 г. бергенский интендант издал новые правила ведения торгова, по которым норвежским купцам разрешалось сбывать ганзейцам не весь свой товар, а только его половину. Срок пребывания немецких купцов в Бергене ограничивался четырьмя месяцами, что заметно поколебало их позиции в Норвегии. Ситуация изменилась лишь в 1491 г., после заявления Ганзы о намерении отозвать своих представителей из Бергена. Норвежский риксдаг, оказавшись перед угрозой потерять основного скупщика местной продукции, упразднил правила 1446 г.

В конце XV в. Ганзу активно теснили не только иностранные, но и немецкие конкуренты. В 80-е гг. Фуггеры постоянно вели торговые и банковские операции в Польше и Лифляндии. Они заполнили европейский рынок словацкой медью и тем самым нанесли сокрушительный удар по ганзейскому посредничеству в торговле шведской медью. В 1494 г. Фуггеры основали факторию в Антверпене, в 1496 г. открыли банк в Любеке.

Ганза все более втягивалась в состояние кризиса, выход из которого оказался невозможным по ряду объективных причин.

Во-первых, в своей торговой политике Ганза продолжала опираться на использование феодальной по сути системы привилегий и оказалась не в состоянии противостоять натиску нарождавшейся голландской и английской буржуазии. Отсутствие поддержки со стороны центральной власти неблагоприятно воздействовало на деятельность Ганзы и не позволило ей успешно конкурировать с теми странами, где шел процесс формирования национальных государств. Во-вторых, сохранение в ведущем вендском регионе цеховой организации ремесла и господства купеческого капитала, помещавшегося не в промышленную сферу, а в посредническую торговлю, покупку рент и аграрное производство, вело к тому, что зачаточные формы капиталистического предпринимательства возникали здесь лишь спорадически и это не позволяло Ганзе успешно приспосабливаться к новым историческим условиям. В-третьих, усиление меж- и внутрирегиональной розни и расшатывание объединения изнутри в значительной мере ослабляли позиции Ганзы перед растущей торговой конкуренцией ее соперников.

Экономическое и политическое ослабление Ганзы привело к росту внутригородских социальных противоречий и к усилению натиска на городские вольности со стороны территориальных владетелей. XV век предстает в виде непрерывной цепи социально-политических и антикняжеских выступлений, которые охватили все без исключения ганзейские регионы и, нередко переплетаясь, выливались в открытые восстания.

Притязания князей удавалось, как правило, отбить, ибо против них поднималось все городское население. Иначе обстояло дело с демократизацией городского управления. Несмотря на то, что в ходе восстаний во многих городах были сформированы и некоторое время активно действовали выборные органы бюргерской оппозиции в виде “Комитетов 60-ти”, “48-ми” и т.п., в состав которых наряду с непатрицианским купечеством входили также ремесленники, цехи приморских городов, где “цеховые революции” XIV в. закончились поражением, так и не смогли добиться для себя права участия во власти. Угрозой исключения из объединения Ганза вносила раскол в ряды бюргерской оппозиции. Купечество отшатывалось от движения, а ремесленники оказывались не в состоянии вести борьбу в одиночку.

Таким образом, в своей истории Ганза прошла четыре периода:

I. С середины XII до конца XIII в. – время так называемой “купеческой” Ганзы, когда дальняя торговля велась союзами купцов, объединившихся для обеспечения и защиты своих привилегий за границей.

II. С конца XIII до конца XIV в. – образование “Ганзы городов”, превратившейся в крупнейшую экономическую и политическую силу на Северном и Балтийском морях. На этом этапе руководство в союзе перешло в руки городских магистратов, сформированных из представителей богатейшего купечества.

III. С конца XIV до конца XV в. – пора наивысшей активности Ганзы, но с обнаружением уже в начале XV в. первых признаков застоя. Жесточкая торговая конкуренция между региональными отделениями и внутри них, локализация их интересов пробили первые серьезные бреши в объединении и предопределили его ослабление.

IV. С конца XV в. начался период неотвратимо углублявшегося кризиса Ганзы. Неспособность ганзейского купечества, державшегося на феодальной системе привилегий, кардинально перестроить свою деятельность в соответствии с новыми требованиями времени, усиление централизаторских устремлений территориальных князей, рост внутригородских социально-политических противоречий, а также перемена в связи с великими географическими открытиями путей мировой торговли привели в конце концов к упадку Ганзы. Формально объединение просуществовало до 1669 г., когда состоялся последний ганзейский съезд.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Hanserezeesse. Leipzig, 1870–1897: I Abt. (1256–1430). 8 Bde.; 1879–1892: II Abt. (1431–1476). 7 Bde.; 1881–1913. III Abt. (1477–1530). 9 Bde.

Hansisches Urkundenbuch. Bde (975–1500). Leipzig, 1876–1939.

Urkundenbuch der Stadt Lübeck. Bde. Lübeck, 1843–1932.

Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis 16. Jh. Leipzig, 1962–1968. 37 Bde.

Lesnikov M.P. Die Handelsbücher des hansischen Kaufmanns Veckinhusen. В., 1973.

Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV–начало XVI в. Л., 1975.

Лесников М.П. Некоторые вопросы балтийско-нидерландской торговли и конце XIV—начале XV века // СВ. 1955. Вып. 7. С. 112–134.

Никулина Т.С. Любекское восстание 1380–1384 годов, его предыстория и результаты. // СВ. 1992. Вып. 55. С. 128–148.

Подалак Н.Г. Социально-политическая борьба в городах вендской Ганзы в XV в. // СВ. 1992. Вып. 55. С. 149–167.

Подалак Н.Г. Ганзейская политика второй половины XIV в.: пути и методы реализации // СВ. 1995. Вып. 58.

Прокопьев А.Ю. Магдебург, “саксонская треть” и Ганза во второй половине XV—начале XVI в. // СВ. 1992. Вып. 55. С. 168–184.

Рубина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.

Форстен Г.В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI ст. СПб., 1884.

Фортинский Ф. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза. Киев, 1877.

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М., 1963.

Brandt A.V. Lübeck, Hansa, Nordeuropa, Köln; Wien, 1979.

Daenell E. Die Blüherzeit der deutschen Hanse. B., 1905–1906. 2 Bde.

Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart, 1989.

Fritze K. Am Wendepunkt der Hanse. B., 1971.

Fritze K., Krause G. Seekriege der Hanse. B., 1989.

Jeanks S. England, die Hanse und Preussen: Handel und Diplomatie 1377–1774. Köln, 1992. 3 Bde.

Kattinger D. Deutsche Kaufmannschancen im Ost- und Nordseearum im 12. Und 13. Jht. und die Entstehung der Hansischen Kontore // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. B., 1994. N 10. S. 883–897.

Lübeckische Geschichte. Lübeck, 1989.

Shäfer D. Die Hansestädte und König Waldemar von Dänemark. Köln; Wien, 1975.

Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. B., 1985.

Schildhauer J. Hansestädtischer Alltag. Weimar, 1992.

Wernike H. Die Städtehanse, 1280–1418: Genesis, Strukturen, Funktionen. Weimar, 1983.

ШВАБСКИЙ СОЮЗ ГОРОДОВ: 1376–1389

Среди южногерманских объединений в XIV в. наиболее значительным был Швабский союз городов. Его создание явилось наивысшей точкой в борьбе бюргерства за самоутверждение, демонстрацией своей политической и военной силы королевской власти, территориальным властям и более мелким господам. Города показали свою решимость укрепить империю и обеспечить в ней свои права. Движение за создание союзов городов в XIII–XIV вв. было прямым продолжением раннего коммунального движения. Благодаря дальнейшему укреплению своего экономического и политического положения города теперь сплоченнее и решительнее выступали против феодальных властей. Их объединения были неизбежным следствием отсутствия необходимой безопасности в империи, ее все большей раздробленности. Союзы го-

родов служили заменой отсутствующей сильной центральной власти и компенсацией потерпевшего крах движения за земский мир, инициированного королем. Движение за земский мир и создание союзов городов в первой половине XIV в. еще почти не отделимы друг от друга. Лишь после издания Карлом IV Золотой буллы 1356 г. различия между ними стали принципиальными. Это касается и Швабского союза городов 1376–1389 гг.

Его создание в известной мере было подготовлено союзами за земский мир: союзом от 29 апреля 1307 г., в который вошли 23 южногерманских города во главе с Ульмом; союзом Людвига Баварского с различными князьями и 22 имперскими городами Швабии от 20 ноября 1331 г., явившимся официальным признанием со стороны короля объединения городов и открывавшим хорошие перспективы для более тесного взаимодействия городов и главы империи. 17 июня 1340 г. Людвиг Баварский создал в Нёрдлингене союз за земский мир, в который вошли помимо князей и господ 22 города Южной Германии. Этот договор должен был действовать до конца жизни Людвига и еще два года спустя, в течение которых надлежало избрать нового короля. Кроме этих союзов, в первые десятилетия XIV в. на юго-западе Германии возникли и другие городские объединения для обеспечения коллективной безопасности своим участникам. Так, 22 октября 1347 г. объединились имперские города Швабии для совместных действий, необходимых в связи со сменой власти после смерти Людвига Баварского. Новый император Карл IV не мог воспрепятствовать дальнейшим объединениям городов, таким, как союз 25 швабских коммун, возникший 10 августа 1349 г.

Карл IV проводил в отношении городов недостоиную, но в целом враждебную политику. Это особенно отчетливо проявилось в Золотой булле 1356 г., запрещавшей городам без специального разрешения создавать союзы. Он строил свои отношения с городами, руководствуясь исключительно собственными династическими интересами. Так, в 1370 г. он сам выступил инициатором объединения имперских городов Швабии, чтобы использовать их в борьбе против герцогов Баварии. Поскольку же позиция Карла IV не могла служить гарантией безопасности имперских городов, стремившихся к самостоятельности и свободе, у них не оставалось иного пути, кроме как объединиться друг с другом, тем более, что в массе своей это были маленькие города, поодиночке не способные отстаивать свою независимость, не говоря уже о том, чтобы иметь хоть какой-то политический вес.

10 июня 1376 г. во Франкфурте-на-Майне состоялось единогласное избрание королем Вацлава, сына Карла IV. Это был политический успех императора, однако его казна опустела: деньги ушли на необходимые в таких случаях подарки курфюрстам. Наученные горьким опытом имперские города опасались, что он, дабы поправить свое финансовое положение, опять прибегнет к отдаче городов в залог и прочим незаконным средствам, нарушающим их традиционные права и привилегии. Города могли защититься, лишь действуя сообща. И спустя не-

сколько недель после избрания Вацлава, 4 июля 1376 г., был учрежден Швабский союз городов во главе с Ульмом, куда вошли также Констанц, Юберлинген, Равенсбург, Линдау, Санкт-Галлен, Ванген, Бухгорн, Ройтлинген, Ротвайль, Мемминген, Биберах, Исни, Лейткирх. Тем самым они открыто противопоставили себя имперским властям, нарушив предусмотренный Золотой буллой 1356 г. запрет. Союз имел своей целью, прежде всего, защиту прежних свобод, прав и обычаев городов, дабы не допустить отдачи их в залог и экстраординарного налогообложения. Таким образом, объединение выступало в первую очередь как организация самообороны против незаконных посягательств со стороны главы империи, от которого требовали, вопреки имперскому закону 1356 г., чтобы он признал союз.

Добиваясь сохранения своего имперского статуса, города вместе с тем стремились отвратить угрозу утраты своей независимости по отношению к территориальным князьям, пытавшимся включить их в свои владения. Назначением союза было, таким образом, противодействие посягательствам со стороны всех феодалов. Его цели имели преимущественно политический характер. Вместе с тем, участники союза хотели внести свой вклад в обеспечение мира, от которого зависело дальнейшее развитие торговли, ремесла и транспорта и тем самым экономическое положение бюргерства. Торговля и ремесла должны были процветать внутри городских стен, а личность и собственность купца иметь защиту на дорогах. Это было важной предпосылкой для дальнейшего укрепления позиций бюргерства в рамках феодального общества.

По мере увеличения числа городов входивших в состав союза, его влияние росло, распространяясь на все более отдаленные регионы. В декабре 1377 г. он насчитывал уже 27 городов: к 14 первоначальным участникам союза присоединились Эслинген, Вайль, Кемптен, Кауфбойерен, Швебиш-Гмюнд, Швебиш-Халль, Гейльбронн, Нёрдлинген, Динкельсбюль, Бопфинген, Вимпфен, Вейнсберг, Ален. Это существенное расширение состава участников произошло в результате победы, одержанной над графом Вюртемберга Эберхардом II. 20 декабря 1377 г. была подписана грамота, согласно которой это объединение должно было существовать до 23 апреля 1385 г. Однако уже 28 сентября 1382 г. оно было возобновлено, включив в свой состав новые города: Регенсбург, Аугсбург, Пфуллендорф, Бухау, Ротенбург, Гинген, Виль. Число участников достигло 34, а территория союза распространилась и на Баварию. Своих максимальных размеров (и по числу участников – 40, и по территориальному охвату) Швабский союз городов достиг в 1385 г., когда в его состав были приняты Виндегейм, Вейсенбург, Базель, Нюрнберг, Мюльхаузен (в Эльзасе) и Швейнфурт. Стремление союза расширить сферу своего влияния проявилось и в том, что 17 июня 1381 г. в Шпейере произошло его объединение с Рейнским союзом городов, созданным 20 марта того же года. Швабский союз городов продолжал действовать в том же направлении, заключив 21 февраля 1385 г. Констанцкий союз со Швейцарской конфедерацией.

О структуре и внутренней организации Швабского союза городов можно судить по дошедшим до нас союзным грамотам 1376, 1377 и 1382 гг. Верховным органом объединения было союзное собрание, называвшееся также бундестагом, которое формировалось из посланцев советов городов, входивших в состав союза. Этот орган принимал решения по всем важнейшим внутри- и внешнеполитическим вопросам, регулировал отношения между входившими в союз городами и функционировал в качестве высшей судебной инстанции союза. Союзное собрание созывалось не реже одного раза в год и чаще всего собиралось в Ульме. Участвовать в его работе был обязан каждый город союза. Большинство статей союзных грамот касалось того, как должны действовать отдельные члены и союз в целом в случае нападения, в какой форме оказывать помощь и как покрывать расходы, связанные с совместным отражением агрессора. Разбирая возникавшие споры, союзное собрание, выступавшее в качестве третейского судьи, должно было занимать такую позицию, чтобы ни один из городов не мог уклониться от исполнения приговора. При этом категорически запрещалось привлекать для улаживания споров между городами князей и господ. Такое ограничение имело чрезвычайно большое значение для укрепления союза. Чтобы разгрузить верховный орган, союзная грамота 1382 г. предусматривала членение союза на “четверти” или “общества”, в рамках которых предварительно рассматривались вопросы об урегулировании конфликтов.

Для внутренней организации союза большое значение имели положения союзных грамот, касающиеся голосования и штрафов. В принципе, каждый город должен был направлять в союзное собрание одного представителя, и лишь наиболее крупные из них были представлены двумя депутатами: Ульм, Констанц, Эслинген, Аугсбург, Регенсбург и Нюрнберг. Благодаря этому, они обладали определенным преимуществом, что, однако, не ставило менее крупные имперские города в невыгодное для них положение. Ульм являлся главой союза: здесь проводилось большинство собраний и хранились союзные грамоты, отсюда рассылались приглашения на собрание и доводились решения до сведения отсутствующих. Решения на собраниях принимались большинством поданных голосов. Важным фактором укрепления союза служило то, что все города должны были подчиняться принятым решениям. На тех, кто не исполнял их, налагался большой штраф. Наказывали и тех, кто уклонялся от участия в заседаниях. Изменение статей союзной грамоты было возможно двумя третями голосов, а для их отмены требовалось единогласное решение.

Хотя в союзных грамотах и была зафиксирована обязанность членов союза оказывать друг другу военную помощь, объединение не имело постоянного войска. Определялся лишь порядок уведомления трех ближайших городов в случае необходимости ведения военных действий и оказания помощи, а также покрытия расходов на такие акции. Эти расходы должны были сообща компенсироваться в течение двух месяцев городами, входившими в союз. Уклонявшихся от этой обязанности

подвергали штрафу в размере, вдвое превышавшем сумму установленного взноса. Контингенты, выставлявшиеся городами в случае войны, состояли из тяжелой конницы, конных стрелков и пехоты и набирались большей частью из наемников. Бюргеры должны были участвовать в боях только в непосредственной близости от города. Определялось, какие города должны были участвовать в снабжении войска продовольствием и необходимым снаряжением. Кроме того, назначали главнокомандующего и устанавливали субординацию в войске. Своего знамени у союза не было, и его войско выступало под императорским штандартом. Города могли выступать и под своими собственными знаменами.

У союза, видимо, не было и своей печати, поскольку она не обнаружена ни на одном из сохранившихся документов. Обычно решения союзного собрания скреплялись печатью того города, в котором оно проводилось, т.е. чаще всего г. Ульма. Под наиболее важными документами стоят печати нескольких городов.

Как уже отмечалось, к дальнейшему усилению влияния Швабского союза городов на юго-западе империи привело его объединение 17 июня 1381 г. с Рейнским союзом. Города этих союзов были связаны многочисленными общими интересами, выработанными из сходных экономических, политических и социальных условий: необходимость обеспечения торговли, развития ремесла и поддержания мира. Конфронтация с феодалами была в равной мере характерна для обеих ассоциаций, однако Швабский союз, защищавший вольности своих членов как имперских городов, конфликтовал прежде всего с императором, тогда как рейнские города вели борьбу главным образом против мелких и средних феодалов. Низшая знать стала особенно опасна для союзов городов после того, как начала для реализации своих целей объединяться в рыцарские общества. Так, в 1379/80 г. на юго-западе Германии возникли Общество со львом, Общество Св. Георга, Общество св. Вильгельма и др. Между Швабским и Рейнским союзами городов, с одной стороны, и рыцарями – с другой, началась война, закончившаяся в 1381 г. победой городов. Благодаря посредничеству герцога Леопольда Австрийского, в апреле 1382 г. был подписан договор в Эхингене, по которому рыцарские общества должны были присоединиться к земскому миру, заключенному на срок до января 1384 г.

Тому факту, что города Швабского союза заявили о своем стремлении действовать в интересах укрепления империи, не противоречат их антагонистические отношения с ее главой – императором. Этот антагонизм и послужил причиной создания союза: чем меньше германские короли и императоры проводили политику в интересах империи в целом и чем больше служили своим собственным династическим интересам, тем напряженнее становились их отношения с имперскими городами. Сразу же после создания Швабского союза городов Карл IV безуспешно пытался реализовать в отношении его ту политику, проведение которой было предписано Золотой буллой. Его войска в октябре 1376 г. осадили Ульм, дабы сломить упорство возглавляемого им сою-

и. Карл IV хотел заставить города присягнуть его сыну Вацлаву, но в конце концов и императору, и только что избранному королю пришлось уступить: в мае 1377 г. она заверили города Швабского союза, что впредь в отношении их не будут практиковаться передачи, продажи и отдачи в заклад. Одновременно была снята опала с 18-ти городов Юго-Западной Германии. 31 мая 1377 г. король Вацлав подтвердил привилегии, данные швабским городам его отцом 9 января 1348 г. Таким образом, Швабский союз городов, выстояв в борьбе, доказал свою практическую полезность, в частности, и тем, что позволил своим участникам извлечь выгоду из смены правителя.

Правда, в первые годы своего правления Вацлав пытался распустить Швабский союз городов, добиваясь установления земского мира. В этом отношении он, с одной стороны, продолжал политику своего отца, а с другой – стремился расширить соглашения подобного рода между князьями, господами и городами, до сих пор чаще всего территориально ограниченные, до масштабов императорского земского мира и тем самым сделать их существенно более эффективными. Хотя и не удалось охватить земским миром всю территорию империи, все равно в самом стремлении к большему его распространению было нечто новое. Благодаря этому король хотел получить средства, позволившие бы сломить сопротивление городов, объединившихся в союзы, однако те и в рамках земского мира изыскивали возможности обходить имперское законодательство ради узаконения своих объединений.

Земский мир как регионально ограниченный, так и в масштабах всей империи в конечном счете был направлен против союзов городов. Первые шаги в этом направлении были сделаны Вацлавом в Рейнско-Южногерманском регионе. Так, акты рейхстагов зафиксировали решения, касающиеся земского мира для Франконии и Баварии в 1377 и 1378 гг., для Верхнего Рейна в 1378 и 1381 гг., для области между Маасом и Рейном в 1378 г. В 1381 г. начался период соглашений об имперском земском мире. На рейхстаге во Франкфурте-на-Майне в сентябре 1381 г. король внес, очевидно, по согласованию с князьями, соответствующий проект, положения которого после его утверждения должны были действовать на всей территории империи. Города разработали встречный проект, предусматривавший исключение их союзов из земского мира или же разрешение их существования в его рамках. Свои усилия по установлению земского мира Вацлав продолжил и в следующем, 1382 г., также на рейхстаге во Франкфурте-на-Майне.

Участники Швабского союза городов пытались противодействовать нараставшему нажиму со стороны короля, предусмотрев в своих основополагающих документах четыре случая (ограбление, убийство, пожар и незаконный отказ от участия в оказании помощи), в которых члены союза должны советоваться и совместно принимать меры. Тем самым предполагалось, что документ приобретает характер соглашения об установлении земского мира и, таким образом, более не противоречит имперским законам, а сам союз городов становится союзом земского мира. Чтобы усилить это впечатление, города Швабского со-

юза позднее договорились и о взаимопомощи в случае внутригородских волнений, выступлений против совета; они обязались преследовать беглых мятежников, ловить и наказывать их, добиваться их выдачи городами, не входящими в союз.

Своего апогея политика Вацлава, враждебная союзам городов, достигла на Нюрнбергском рейхстаге в феврале–марте 1383 г., на котором был провозглашен новый земский мир. Поскольку города проигнорировали приглашение императора и не прислали своих представителей на рейхстаг, результатом обсуждения явилось “объединение князей, графов и господ” – “Нюрнбергский союз господ” Последующее присоединение к нему означало бы для имперских городов полное подчинение князьям. На этом же рейхстаге было принято направленное против городов решение о запрете принадлежать к другому союзу. Дворянам предписывалось порвать связи с имперскими городами, а если они были гражданами города – прекратить эти отношения.

В сентябре–октябре того же года в ходе переговоров между феодалами и городами как равноправными партнерами наметилось изменение отношений Вацлава к союзам городов. Это привело в 1384 г. к периоду соглашений между князьями и союзами городов, которые имели характер переговоров не столько о земском мире, сколько о перемирии между противоборствующими сторонами, что помогло избежать открытого военного конфликта. В июле на рейхстаге в Гейдельберге между обеими основными силами на юге Германии, Нюрнбергским союзом господ и Швабско-Рейнским союзом городов, было заключено соглашение. Хотя оно и не означало прямого признания союза городов, однако практически рассматривало его как равноправного партнера. Король по этому поводу не соизволил издать соответствующую грамоту, очевидно, чтобы избежать формального признания союза городов. Гейдельбергское соглашение позволило князьям включить города в договор о земском мире особого рода, и они рассматривали это как свой успех. Однако больше всего выиграли объединенные города: цель прежних земских миров – роспуск из союзов – не была достигнута; скорее – наоборот: они были признаны как легитимные учреждения. Гейдельбергское соглашение практически означало победу политики городов, временный компромисс, правда, весьма далекий от действительного примирения.

Изменение отношения Вацлава к городам Швабского и Рейнского союзов было обусловлено тем, что он все больше нуждался в них для обеспечения своей королевской власти. Он тем более был заинтересован в них, что среди недовольных князей, желавших иметь зависимого от них монарха, стали раздаваться требования о смещении его с престола. Чтобы перед лицом этой угрозы иметь возможность проводить свою династическую политику, король нуждался в деньгах, которые он мог получить от богатых городов. С другой стороны, была готовность продолжать с ним переговоры в той мере, в какой он сам был готов признавать союзы городов. Так, 12 июня 1385 г. на съезде городов в Ульме было заключено соглашение с его представителем, по которо-

му города должны были до февраля 1388 г. выплатить королю 40 000 гульденов. За это Вацлав согласился на монетную реформу в пользу городов: благодаря переносу мест чеканки монеты в 4 города Швабского союза, тот получал право осуществлять надзор за княжескими чеканщиками. Кроме того, король пообещал упразднить Вестфальский земский мир, особенно выгодный знати и превратившийся в ее орудие: распространившись далеко за пределы Вестфалии, он угрожал заговорами безопасности городов.

Переход Вацлава на сторону городов был, наконец, документально засвидетельствован в конце марта 1387 г. на съезде городов с участием представителей короля, подтвердившего их вольности и согласившегося сохранять их в составе империи и не отдавать в залог; он даже пообещал оказать помощь против любого, кто попытается нарушить этот статус. Однако официального признания Швабского союза городов не последовало и теперь.

Заклученный в Гейдельберге в 1384 г. договор между Швабским союзом городов и князьями осенью 1387 г. был еще раз подтвержден и продлен так называемым Мергентаймским соглашением. Здесь были сделаны и некоторые добавления, касающиеся состава третейских судов для улаживания споров между господами и городами. Однако других пожеланий городов князья не приняли. Весьма негативной оценки заслуживает тот факт, что рейнские города не подписали это соглашение. Так началось отчуждение между обоими союзами, имевшее весьма неблагоприятные последствия для бюргерства на юго-западе Германии.

Король лишь на короткое время перешел на сторону городов. В 1388 г., когда возникла напряженность в отношениях между городами и князьями, он поддержал последних. Особенно острый характер приобрел конфликт между Швабским союзом городов и герцогами Баварии, которые постоянно притесняли отдельных его членов, особенно Регенсбург. По этой причине швабские города объединились с архиепископом Зальцбургским Пильгримом, который также враждовал с Виттельсбахами. Пленение этого князя церкви, а также нападения на бюргеров и города союза послужили, наконец, причиной того, что союз объявил герцогам Баварии Стефану и Фридриху войну, Апогеем начавшихся и проходивших с переменным успехом военных действий, в которые вмешались на стороне герцогов также графы Вюртемберга Эберхард II и Ульрих, явилось поражение Швабского союза городов при Дёффингене 24 августа 1388 г., а войско Рейнского союза городов было разгромлено 6 ноября 1388 г. пфальцграфом Рупрехтом у Вормса. После этого отдельные разрозненные столкновения продолжались еще до весны 1389 г. Союзы оказались неспособны к совместным действиям. Когда обе воюющие стороны уже были вконец измотаны, вмешался король Вацлав, занимавший до сих пор выжидательную позицию. 5 мая 1389 г. он объявил в Эгере земский мир для Рейнской области, Швабии, Баварии, Франконии, Гессена, Тюрингии и Мейсена и потребовал его одобрения. А еще раньше, 2 мая, он повелел городам

Швабского союза расторгнуть их соглашение. Теперь он объявил союзы городов противоречащими Богу, империи и любому праву. Начавшиеся разногласия между Рейнским и Швабским союзами городов способствовали тому, что имперские города Швабии прекратили сопротивление и заявили о своем признании земского мира.

Важнейшим положением Эгерского земского мира 1389 г. было требование о роспуске союзов городов. Тем самым Вацлав нарушил свое данное в 1387 г. обещание не посягать на них. Однако имперские города Швабии не были лишены своих привилегий, хотя им и пришлось отказаться от притязаний на равноправное партнерство с князьями, которым, правда, тоже не удалось подчинить их своей территориальной власти. Эгерский земский мир 1389 г. засвидетельствовал поражение не только имперских городов Юго-Западной Германии, но и, в перспективе, самого императора. Вацлав не сумел использовать Швабский союз городов как потенциальную силу для укрепления центральной власти, и в 1400 г. лишился императорской короны. Хотя уже в 1390 г. 12 имперских городов Швабии во главе с Ульмом опять объединились, ни тогда, ни в последующие времена им не удалось создать ассоциацию, по своему влиянию и значению подобную Швабскому союзу городов 1376–1389 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Fritze K.* (Hg.) *Bürgertum – Handelskapital – Städtebünde.* Weimar, 1975.
Isenmann E. *Die deutsche Stadt im Spätmittelalter: 1250–1500.* Stuttgart, 1988.
Vischer W. *Geschichte des Schwäbischen Städtebundes der Jahre 1376 bis 1389 // Forschungen zur deutschen Geschichte.* 1862. Bd. 2. S. 1–200.

ИСПАНСКИЕ ЭРМАНДАДЫ

Движение эрмандад – яркая и важная страница истории испанского средневековья, а отчасти и раннего нового времени, вплоть до XVIII в. В эпоху своего расцвета эрмандады действовали на всей территории средневековой Испании, однако наиболее ярко этот феномен проявился в Кастильском королевстве.

В источниках для обозначения эрмандад использовались различные термины: латинские *germanitas* и *fraternitas*, испанские *hermandad*, *cofradía*, *unión* и другие. Все они предполагают два основных принципа: союза и солидарности. Эрмандадой могло быть названо любое объединение лиц, социальных групп, учреждений и, наконец, городов, которые имели те или иные общие цели, трудно достижимые поодиночке: союз горожан против своего сеньора (и в таком значении эрмандада оказывается синонимом коммуны); объединение монастырей, епископов, светских феодалов, членов какой-либо иной социальной группы друг с другом или с городами, в частности, для решения спорных вопросов; наконец, разного рода союзы городов (или какой-либо части горожан из разных городов), которым, естественно, уделено здесь наибольшее внимание. Однако, абстрагируясь от “негородских” эрмандад,

их нельзя не принимать во внимание при изучении городских, для которых они были не просто фоном деятельности, но и образцами для подражания, союзниками или же соперниками.

В движении средневековых эрмандад историки выделяют три основных этапа:

XII в. – 1282 г. – период возникновения и первых успехов движения;

1282–1325 гг. – период расцвета эрмандад, когда их влияние на жизнь испанского общества было наибольшим;

1325 г. – конец XV в. – период трансформации эрмандад, изменения характера и юридических основ их деятельности.

Эти периоды не просто соответствуют разным этапам социально-экономического и политического развития страны, и различия между ними не сводятся к чисто количественным показателям. С течением времени менялись и цели эрмандад, и их состав, и формы организации и деятельности.

Эрмандады появляются в Испании с XII в. Первоначально они нередко представляли собой объединения горожан против своего сеньора (как, например, в Саагуне и Сантьяго-де-Компостела в начале XII в.). На рубеже XII–XIII вв. движение выходит за узко локальные рамки. Так, эрмандада, объединившая города Эскалону, Авилу, Сеговию и Пласенсию контролировала территорию, протянувшуюся с запада на восток более чем на 200 км. Объединение было создано для того, чтобы обеспечивать права жителей любого из этих поселений в пределах трех других, а в случае возникновения тяжб или споров разрешать их посредством особого – “межгородского” – суда; наконец, не в последнюю очередь эрмандада преследовала цели охраны и обеспечения прогона скота и защиты прав пастухов на территории городских округ. Юридической основой взаимоотношений городов был устав, значительная часть статей которого трактовала случаи нарушений и взысканий, а также деятельности судей – алькальдов эрмандады. В устав вошло довольно много положений из городских фуэро. В то же время устав предусматривал возможность самостоятельного решения конфликтных ситуаций должностными лицами эрмандады: в случае возникновения не предусмотренной уставом коллизии им было позволено судить по собственному усмотрению.

“Классический” период в истории эрмандад охватывает конец XIII – первую четверть XIV в. Эрмандады этого времени были весьма многообразны. Временные объединения нескольких городов могли возникать из желания защитить себя в эпоху бурных политических перемен: продолжали существовать эрмандады, подобные описанной выше, заключавшиеся из соображений экономического регулирования и охраны правопорядка. Наконец, появились и союзы чисто профессионального свойства. Общее число их за этот период превысило полсотни, но важнее другое: именно тогда появляются генеральные (большие) эрмандады, включавшие многие десятки городов, и только в это время города играли действительно важную роль в политической жизни страны. Расцвет эрмандад был обусловлен разными причинами.

С одной стороны, это уровень развития и политический строй самих испанских городов. С другой – это особенности политического развития страны в указанный период, вместивший в себя политический кризис последних лет правления Альфонсо X Мудрого, а также годы жестокой борьбы за власть в малолетство Фернандо IV, а позже и Альфонсо XI. Периоды ослабления королевской власти неизбежно влекли за собой обострение борьбы между различными фракциями знати, частые нарушения общественного порядка и отправления правосудия. В этих условиях эрмандады брали на себя часть функций центральной власти. Однако ненадолго: едва оправившись после трудностей, королевская власть спешила избавиться от амбициозного союзника. Утвердившись на троне после смерти Альфонсо X, Санчо IV Храбрый немедленно отменяет эрмандады, а его внук Альфонсо XI, едва достигнув совершеннолетия, следует в 1325 г. его примеру.

Первые антиальфонсинские эрмандады, в поддержку его сына Санчо, были созданы в мае 1282 г. На призыв Санчо IV о помощи откликнулись города Леона, Галисии, Кастилии, объединившись в генеральные эрмандады этих областей. Кроме того, создали свой союз, установив отношения с городскими эрмандадами, аббаты и епископы Кастилии, Леона и Галисии. В это же время возникло большое число эрмандад между лицами разного, как правило, привилегированного статуса и между представителями знати и городами все с той же целью – помочь Санчо. Такие союзы были заключены между магистром ордена Сантьяго, Толедо, Сеговией, Мадридом и другими городами. Примерно тогда же и с той же целью возникла эрмандада крупнейших городов Андалусии (за исключением Севильи и Мурсии, оставшихся верными Альфонсо X и заключивших в свою очередь эрмандаду друг с другом).

Позиция городов была обусловлена их неприятием унификаторских и модернизаторских тенденций политики Альфонсо Мудрого, пытавшегося урезать местные привилегии, в том числе городов, и ввести более централизованную систему налогообложения, управления и судопроизводства. Его противники надеялись, что Санчо IV выберет иную линию отношений с сословиями королевства. Города, и эрмандады в целом, стремились отстоять соблюдение старых фуэро и автономии, гарантированной ими. В то же время, преследуя свои цели, города вносили в свои “программные” документы отказ платить введенный Альфонсо X портовый сбор и требование ограничить права знати на замещение важных должностей мэрино и аделантадо.

Возникнув в момент раздоров и ослабления королевской власти, эрмандады взяли на себя и функции охраны общественного порядка вообще, защищая права и привилегии не только городов, но и монастырей и частных лиц.

Поддержав мятежного инфанта против Альфонсо X, Генеральная эрмандада, тем не менее, не стала самораспускаться сразу после прихода Санчо к власти. На съезде представителей эрмандад Кастилии, Леона, Галисии, Толедо, Андалусии, Эстремадуры 1 сентября 1284 г., объявив о лояльности по отношению к новому монарху, города в то же

время потребовали от него выполнения всех данных им обещаний, в том числе соблюдения “их фуэро и обычаев, и usos, и свобод, и льгот, и привилегий, и грамот” Гарантом всего этого опять же оказывалась эрмандада. Добиваясь признания своего влияния, эрмандада пыталась действовать совместно с кортесами, по сравнению с которыми она обладала важным преимуществом: ее высший орган – хунта, в которую входили представители участвовавших в эрмандаде городов, должен был собираться ежегодно перед днем св. Михаила и независимо от воли монарха. В этот момент города играли в эрмандаде и в хунте значительную роль, требуя активного участия в их деятельности и других членов эрмандады – прелатов, знати. Однако союз Генеральной эрмандады с кортесами мог оказаться слишком серьезной угрозой власти монарха, и уже в конце 1284 г. Санчо распустил ее. “Хроника короля дон Санчо Храброго” скупно, но выразительно описывает этот акт: “показал король дон Санчо на кортесах много грамот и много привилегий, которые он сам дал в награду за то, что ему делали и эрмандады, и города, и многие другие люди, и посоветовали, чтобы он их отозвал, и он их все отозвал и повелел их порушить и все их разорвал”

Сразу после смерти Санчо IV (1295 г.), когда в малолетство Фернандо IV возобновилась борьба за власть между кликами феодалов, возобновился и процесс организации эрмандад, сначала региональных, а затем и Генеральной. Санчо умер 25 апреля, а уже 17 мая консехо Саморы, Саламанки и Альбы де Тормес заключили союз ради “служения Богу и нашему господину королю Фернандо и защиты каждого из нас” Характерно, что в повторившейся ситуации ослабления центральной власти города сразу же вспомнили и возродили опыт социальной организации, на этот раз уже не ожидая предложений или помощи со стороны знати. Самостоятельное движение городских эрмандад очень быстро охватило все королевство, где возникло несколько региональных генеральных объединений и некоторое количество локальных.

В начале 1296 г., когда группировки знати, стремившиеся получить контроль над королевством, вели уже настоящую войну, в Паленсии собрались представители разных городов, вероятнее всего, Кастилии, и поддержали законного короля. В ответ эрмандада Кастилии получила подтверждение своих прав. Получают привилегии и свободы и отдельные города. Однако, главным достижением движения стало согласие королевы-матери Марии де Молина и опекуна короля инфанта Энрике на участие 12-ти “добрых людей” – горожан – в постоянном совете при короле. Это случилось в 1297 г., и период от этого события до 1301 г., когда Фернандо достиг 14 лет и начал править самостоятельно, можно считать апогеем влияния эрмандад.

Молодой король, получив власть в свои руки, отблагодарил города Кастилии, предоставив им, или подтвердив, их привилегии, в частности, признав за городами право присоединяться к генеральным эрмандадам. Парадоксальным образом именно после этого деятельность Генеральной эрмандады Кастилии затихает на несколько лет, хотя локальные и региональные эрмандады продолжают процветать, а время от времени

возникают и новые. В дальнейшем усиление в течение десятилетнего правления Фернандо IV знатных кланов свело на нет успехи эрмандад в политической сфере и эффективность их действий в области охраны общественного порядка.

Новый виток борьбы за власть, на сей раз при малолетнем Альфонсо XI, привел и к новому оживлению деятельности эрмандад. В апреле 1313 г. возрождаются эрмандады городов Кастилии, Леона, Эстремадуры, Галисии и Астурии; в мае на общий съезд собираются эрмандады Андалусии. Но на сей раз города не выступили против знати единой силой, а сами раскололись на партии, каждая из которых поддержала одного из претендентов на титул регента. Можно говорить о том, что в некоторых случаях движение городов было прямо инициировано знатными лицами, участвовавшими в борьбе за власть.

В то же время именно в малолетство Альфонсо XI легко складывались конъюнктурные союзы городов с отдельными представителями знати. Это происходило несмотря на то, что некоторые документы эрмандад включали в себя недвусмысленные установления не допускать в свою среду представителей высшей знати – *ricos omes*. Когда в 1315 г. возникла новая генеральная эрмандада, под ее учредительным документом, наряду с подписями представителей доброй сотни городов Леона, Галисии, Астурии, Кастилии и Эстремадуры (в ней не была представлена Андалусия, где действовала собственная эрмандада), стояли подписи 103-х “кабальеро идальго”, а постоянная комиссия эрмандады, созданная для контроля над деятельностью регентов, включала шесть кабальеро и шесть представителей городов.

Именно в этот период политическое влияние эрмандады было наибольшим. Кортесы послушно утверждали составленные ею петиции, а власть регентов была серьезно ограничена. Однако деятельность эрмандады оказалась тесно связана с политическими интересами знати. Характерно, что в 1319 г., когда в сражении с маврами погибли инфанты Хуан и Педро – два опекуна из трех – и вокруг малолетнего короля опять начали плести интриги, эрмандада раскололась на несколько частей, каждая из которых стала участвовать в политической игре на стороне того или иного претендента на роль регента. В результате эрмандада утратила свою былую силу и значение гаранта порядка. То же произошло с андалусийской эрмандадой.

В 1325 г. Альфонсо XI, уже в 14 лет проявивший задатки решительного монарха, на кортесах в Вальядолиде упразднил эрмандады; подтверждая все права, фуэро и привилегии городов, он специально оговорил отмену в них тех пунктов, которые упоминали эрмандады.

В конечном счете генеральные эрмандады так и не смогли обеспечить для городов и их союзов то высокое и стабильное положение в обществе и государстве, которого они добивались. И короли, и регенты, а в некоторых случаях даже знать, использовали их, нуждаясь в поддержке городов. В политическом треугольнике: королевская власть – знать – города – последние были младшим, неполноправным партнером. Города были ослаблены внутренними социальными противоречиями, уси-

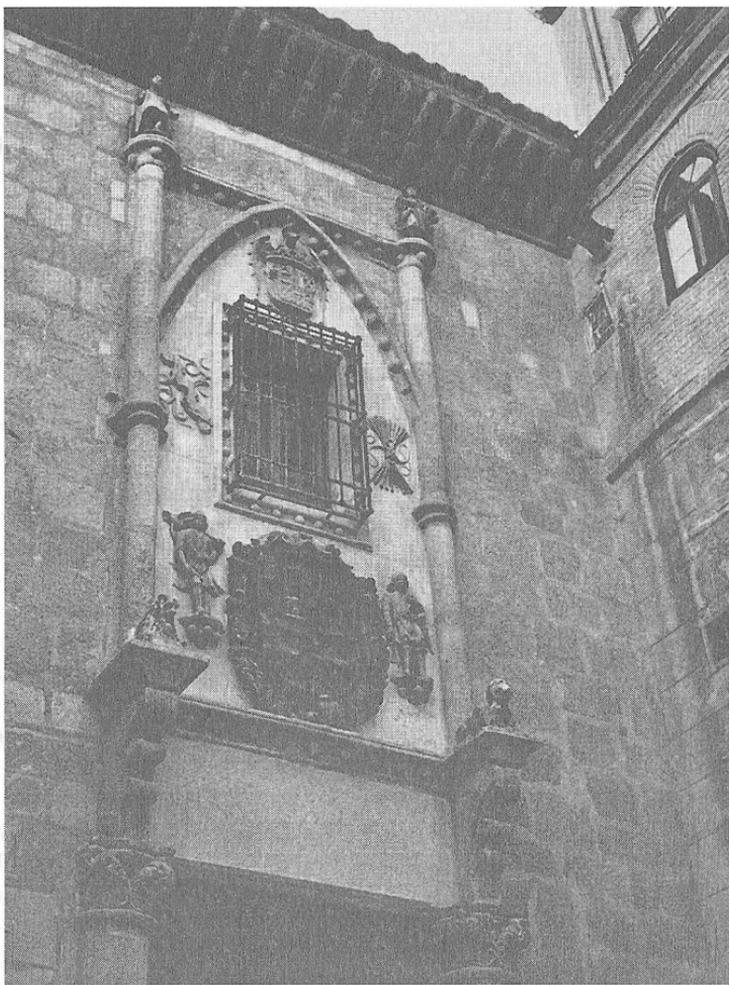
ливавшимися с ростом городской олигархии, соседние консехо часто соперничали друг с другом (характерно, что при всем размахе движения оно никогда не включало все основные городские центры Кастилии), наконец, в военном отношении они заведомо уступали знати, ибо, как правило, не имели постоянных военных сил, а формировали их на основе городского ополчения. В то же время города были не настолько богаты, чтобы компенсировать свои слабости.

Однако конец генеральных эрмандад не был концом движения в целом. Напротив, в соответствии с избранными целями к тому времени оформились разные типы эрмандад. Наряду со ставившими перед собой преимущественно политические цели генеральными эрмандадами, историки выделяют эрмандады, видевшие свою главную задачу в поддержании порядка (т.е. эрмандады с судебно-полицейскими функциями), торговые союзы, объединения по профессиональному признаку. Особую группу составляли эрмандады Андалусии, игравшие важную роль в пограничных конфликтах с гранадскими маврами. Общей целью, объединявшей все эти типы эрмандад, была систематическая борьба с тем, что ущемляло интересы всех городов и горожан – с дворянским разбоем в городских округах.

Преобладание торговых интересов очевидно в деятельности Эрмандады приморских земель, объединившей с 1296 г. Виторию и семь крупных для этого региона городов Кантабрийского побережья Испании, от Фуэнтэррабии до Сантандера. В условиях сложных и постоянно менявшихся отношений между Кастилией, Францией и Англией союз торговых городов был призван обеспечить единство их действий в борьбе с соперниками, в частности, с Байонной. Одновременно эрмандада защищала интересы городов в их противостоянии знати, контролировала порядок на территории своих округ, разрешала споры между своими членами. Центральным органом эрмандады была хунта, составленная из представителей всех городов-участников. Имелись и свои судьи (*alcaldes de Hermandad*).

О могуществе союза дает представление тот факт, что в 1350 г. представители эрмандады заключили мирный договор с английским королем Эдуардом III. Однако вскоре началось ее ослабление. Сначала по причине раскола в ходе борьбы между Педро I и Энрике Трастамарским, а позже, в XV в., в результате усиления Бургоса, постепенно сосредоточившего торговлю шерстью в своих руках. В 1494 г., с образованием Бургосского консулата, эрмандада окончательно исчезает.

Другой тип объединения являла собой эрмандада пчеловодов Толедо, Талаверы и Сьюдад-Реаля, позже часто именовавшаяся Старой эрмандадой. Видимо, еще в правление Альфонсо X в каждом из трех указанных городов возникли независимые эрмандады пчеловодов, которые на рубеже XIII–XIV вв. объединились. Вначале общие органы управления отсутствовали и речь шла о конъюнктурном союзе, заключенном с целью борьбы с разбоем в сельских округах. Постепенно были сформулированы обязанности и права членов эрмандады, сформировалась ее административная структура. Эрмандада получила от ко-

Толедо. Здание Старой эрмандады. XV в.

ролевской власти важные привилегии, в основном связанные с ее главной функцией – обеспечивать порядок на дорогах. Среди этих привилегий – право юрисдикции по гражданским делам ее членов, право уголовной юрисдикции в случае тяжелых преступлений (убийство, разбой), совершенных в пустынной местности, право на получение определенных пошлин за прогон скота, право на еду и постой в тех случаях, когда члены эрмандады преследуют преступников, освобождение от очень многих налогов и повинностей и многое другое. Казна эрмандады постоянно пополнялась за счет штрафов и уже упоминавшихся пошлин за прогон скота. Так что основной проблемой для эрмандады был не недостаток привилегий, а их постоянное нарушение светскими феодалами, духовно-рыцарскими орденами, а также привилегированной организацией кастильских овцеводов – Местой. Отсюда несконча-

смые тяжбы, постоянные апелляции эрмандады к королевской власти и частые подтверждения прежних привилегий.

Наряду с жителями сельской местности, среди членов эрмандады было немало горожан – владельцев пасек. Именно горожане пользовались в союзе наибольшим влиянием, и со временем только их стали назначать на высшие должности судей-алькальдов. Им подчинялись альгвасилы и квадрильеро – вооруженные стражники, по очереди служившие в отрядах эрмандады. Наряду с судебным трибуналом, состоявшим из алькальдов, существовал и административный орган – капитул, а наиболее важные вопросы решало периодически созывавшееся собрание членов эрмандады – хунта.

Эрмандада Толедо, Талаверы и Сьюдад-Реалья выполняла по преимуществу полицейские функции и не имела притязаний политического характера. Она решала важную для королевской власти проблему безопасности на дорогах и в то же время не несла для нее никакой угрозы, а потому благополучно просуществовала несколько столетий.

* * *

Итак, союзы городов на Пиренейском полуострове прошли эволюцию от локальных до общекоролевских объединений и обратно, на короткое время в силу необходимости поднявшись до участия в политической жизни королевства, а затем вновь замкнувшись внутри городской и территориальной автономии.

Как было сказано, это во многом объяснялось характером самого городского строя испанских городов. Но, в свою очередь, этот путь эволюции усилил олигархические тенденции городского развития. Исчезновение эрмандад после 1325 г. было отчасти результатом консолидации городских олигархических групп как противостоящих остальному консехо – групп, интересы которых были соблюдены и при новом положении вещей.

Более того, произошло определенного рода сращивание городской верхушки и привилегированных слоев населения, “аристократизация” городского управления и локальных эрмандад. В то же время, в обстановке вражды и соперничества знатных кланов, города были не в состоянии создать в противовес им “единый фронт”, а напротив, оказались включены в вертикальные объединения, вольно или невольно участвуя в борьбе так называемых банд, со всеми вытекающими отсюда экономическими и политическими последствиями.

ЛИТЕРАТУРА

Денисенко Н.П. Генеральные эрмандады в Кастилии в XIII–XV вв. // *Власть и политическая культура в средневековой Европе.* М. 1992. С. 239–246.

Álvarez de Morales A. Las Hermandades, expresión del movimiento comunitario en España. Valladolid, 1974.

Álvarez de Morales A. La evolución de las Hermandades en el siglo XV // *La Ciudad Hispánica durante los siglos XIII al XVI.* Madrid, 1985. T. 1. P. 93–103.

Benito Ruano E. Hermandades en Asturias durante la Edad Media. Oviedo, 1972.
Bermejo J.L. Hermandades y comunidades de Castilla // Anuario de Historia del Derecho Español. Madrid, 1988. T. LVIII. P. 277-412.

González Mínguez C. Aproximación al estudio del "Movimiento Hermandino" en Castilla y Leon // Medievalismo. Madrid, 1991. Año 1. P. 35-55; Madrid, 1992. Año 2. P. 29-60.

Gutiérrez Nieto J.I. Semántica del término "comunidad" antes de 1520: las asociaciones juramentadas de defensa // Hispania: Revista española de historia. Madrid, 1977. N 136. P. 319-367.

Moreta S. Malhechores-feudales: Violencia, antagonismos y alianzas de clases en Castilla, siglos XIII-XIV. Madrid, 1978.

Sánchez Benito J.M. Santa Hermandad Vieja de Toledo, Talavera y Ciudad Real (siglos XIII-XV). Toledo, 1987.

Suárez Fernández L. Evolución histórica de las Hermandades castellanas // Cuadernos de Historia de España. Buenos Aires, 1951. T. XVI. P. 5-78.

Valdeón Baroque J. Los conflictos sociales en el reino de Castilla en los siglos XIV y XV. Madrid, 1979.

ГОРОДА В СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ ЭПОХИ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОРОДА МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ И ПАПСТВОМ: 1150–1250 гг.

Итальянский город стал реальной политической силой во время борьбы за инвеституру, разрушившей и без того весьма хрупкое единство светской и духовной властей – Священной Римской империи и папства (70-е годы XI в. – 1122). Не случайно коммунальное движение началось в Центральной и Северной Италии и так и не получило серьезного развития на юге: именно северные города оказывались ареной борьбы двух гигантов, именно среди них и император, и папа вынуждены были искать себе союзников. Этим не преминула воспользоваться нарождающаяся городская элита.

Итальянская исследовательница Джина Фазоли писала: “Конфликт между Империей и Папством нарушил установленный порядок, осложнил обстановку во многих городах, но открыл новые перспективы для социального и религиозного обновления”. Благодаря экономическому и демографическому росту итальянский город мог отныне оказать финансовую и военную помощь тому или иному государю в зависимости от того, чьи предложения были выгоднее. Вот как описывает итальянский поход германского короля из Салической династии Генриха IV (1077) хронист Ламперт Герсфельдский: “К нему наперебой устремились все итальянские епископы и графы... Они уже со времени его вступления на престол с нетерпением ждали его появления в Италии, потому что страну тревожили беспрестанные войны, мятежи, разбои и различные междоусобицы, и они надеялись, что все то, что вопреки законам и правам, было поправлено нечестивыми людьми, будет восстановлено силой королевской власти”. Под “нечестивыми людьми” монах знатного происхождения подразумевает новые социальные силы, стремящиеся приобрести политическую независимость. Это и купцы, и ремесленники, и патарены (синоним итальянского *straccioni* – оборванцы), всевозможные маргинальные элементы. Активизация всего этого разношерстного и очень динамичного городского населения часто приводила к серьезным конфликтам между графами и епископами (*maiores*) с одной стороны и горожанами (*mediocres*) – с другой (например, в Пьяченце и Лукке).

В средневековом феодальном обществе ни одна корпорация, ни одна социальная группа не могла претендовать на свободное пользование своими правами, если они не являлись привилегией, дарованной или подтвержденной вышестоящим феодальным сеньором. Во время борьбы за инвеституру и *maiores*, и *mediocres* устремились кто к германскому

королю (с 1084 г. императору), кто к папе Григорию VII за юридическим подкреплением своих притязаний.

Примечательно, что и тот, и другой зачастую предпочитают опираться на новые общественные силы. В 80-х гг. Генрих IV даровал привилегии Мантуе, Ферраре, Пизе и другим городам. Он, естественно, преследовал свои цели – ему нужно было переманить на свою сторону города, находившиеся на землях Матильды, графини Тосканской, поддерживавшей Григория VII. Он нуждался в их поддержке для овладения Римом и последующего получения императорской короны, что ему и удалось в 1084 г.

Перед городом стояли свои задачи. По мере его роста свою силу осознавали как отдельные личности, так и целые группы населения. Его экономическому процветанию неизменно сопутствовали дух независимости и стремление к созданию динамичной административной, судебной и политической системы, более соответствующей быстро меняющейся социальной реальности.

В этот период во многих североитальянских городах появляется должность консула. В Риме и Романье (Romaniola на языке той эпохи) она сохранялась еще с античности, но была абсолютно номинальной, хоть и почетной. В историографии существует мнение, что именно Генрих IV в корне изменил ее значение. Отныне консул приносил присягу избравшему его городу в обмен на обязательство горожан подчиняться его власти – он становился важным лицом в городском управлении.

Возможно, что инициатива реорганизации городского управления исходила не от императора, а от папы. Это видно по посланиям Григория VII, которые пестрят античными реминисценциями. Конечно, такие эпизоды римской истории, как изгнание царей и установление республики, учреждение консулата и т.п. использовались понтификом в качестве риторических фигур в идейной борьбе с противником. Но нельзя забывать, что в политической полемике риторика приобретает смысл только в той мере, в какой политическая среда готова принять ее как стимул к действию.

Папство находилось в непростой ситуации. Бурная реформаторская деятельность клюнийца Гильдебранда, ставшего папой Григорием VII (1073–1085), вызвала столь же бурное противодействие белого духовенства и высшего клира Италии и Германии. В борьбе за реформу церкви папа применял интердикты, отлучения, смещал неугодных епископов. Часто возникали ситуации, когда целые города годами были лишены общения с церковью, епископские кафедры оставались вакантными, либо их оспаривали епископы-схизматики, поддерживавшие антипапа Гонория II и Климента III, и ставленники Григория VII. В результате горожанин привык видеть церковь в постоянном кризисе, она перестала быть для него и точкой опоры в повседневной жизни, и непререкаемым *религиозным* авторитетом, на котором епископ основывал свою *светскую* власть над городом. Складывается то особое мироощущение горожанина, с его скептическим отношением к клиру, отразившимся, например, в новеллистике, та особая *libertatis consuetudo*,

которую заметил хронист Фридриха I Барбароссы Оттон Фрейзингенский. Когда епископы, воспользовавшись конфликтом папы и императора, пытались восстановить свое положение в городах, используя авторитет то одного, то другого, им это уже не удавалось. Всем приходилось отныне считаться с могуществом новой городской элиты, которой благодаря специфической политической обстановке, сложившейся в Тоскане и Паданской равнине, удалось достигнуть своих целей гораздо меньшей кровью, чем, например, городам Фландрии или Нижнего Рейна.

*

При престарелом Лотаре III (1125–1136) и первом короле из династии Гогенштауфенов Конраде III (1138–1152) у итальянских городов появилась прекрасная возможность развить достигнутые успехи. После прекращения Салической династии (1125) германские короли были заняты междинастическими интригами и борьбой с возросшим могуществом Вельфов, сосредоточивших в своих руках власть над Саксонией и Баварией. Максимум, на что они были способны к югу от Альп, это заключать союзы с отдельными ломбардскими городами, направленные обычно против возвысившегося Милана.

В XII в. в имперской канцелярии по отношению ко всем городам Итальянского королевства (*Regnum Italiae*) вместо прежнего термина “*iusta et bona consuetudo*” (“справедливый и добрый обычай”) начинает применяться термин *libertas*, исключительно важный для новой коммунальной идеологии. Во время осады Милана в 1158 г. Гвидо граф Бьяндрате, обращаясь к миланцам, цитировал Дигесты Юстиниана: “Свобода – бесценное достояние (“*Libertas res inestimabilis est*”). Понимание свободы в средние века – это отдельная исследовательская проблема. Здесь нам нужно только отметить, что интеллектуалы, дававшие идеологическое обоснование нового общественного порядка в интересах городской элиты, обращаются к античной классике – Ливию, Саллюстия, Цицерону и Дигестам, – которая таким образом находит воплощение в политической реальности. Отныне речь шла не о свободе в традиционном для феодального общества понимании – свободе как привилегии, дарованной сеньором, – но об изначальной свободе, не зависящей от системы феодальных ценностей. Это обращение к античной традиции с целью осознания своей природы, своего значения подчеркивает важность города в культурной жизни XI–XII вв.

Не следует, однако, полагать, что город противопоставил себя империи, папству и вообще всему феодальному миру. Напротив, он не мыслил себя вне его. Еще до того, как коммуна как политический институт окончательно кристаллизовалась, городская элита отдала себе отчет в том, что пользование свободами должно быть признано императором или папой, еще лучше, если и тем, и другим, и ими же должно охраняться. Ради этой политической “*tutela*” она готова была идти на некоторые уступки.

И все же термин “свобода” приобрел уже такое большое политико-юридическое и идеологическое значение, что к середине XII в. стал

обозначать весь комплекс ценностей “городской цивилизации” (Ренато Бордоне). Поэтому, когда Фридрих Барбаросса отказался признать это привычное для итальянцев понятие, он превратился из защитника в символ подавления и порабощения.

Когда германский король Фридрих I, направляясь в Рим, в начале 50-х гг. появился в Ломбардии, его взору предстала своеобразная огромная “шахматная доска”, где квадраты представляли собой независимые города. Каждый из них преследовал свои интересы, которые чаще всего наталкивались на противодействие ближайшего соседа. Поэтому Мантуе, например, трудно было стать союзником Вероны, а Бергамо – союзником Брешии и т.д. Каждый город искал союзника в более отдаленном соседе, с которым он не имел территориальных споров. Вся Паданская равнина и Эмилия представляли поле междоусобиц, конца которым не было видно.

В итальянской историографии этот период городской истории часто называется периодом “*comitatinaanza*”¹, когда коммуна стремится распространить свое влияние не только на контадо, территорию, некогда подвластную графу (*conte*), но и за его пределами. Сильнейшие старались поглотить слабейших. На более или менее ровном поле шахматной доски выделялся своим могуществом и агрессивностью Милан, заслуживший ненависть своих ближайших соседей Кремоны и Павии. Хронист Раевин, продолжатель “Деяний императора Фридриха I” Оттона Фрейзингенского, рассказывает об их участии в осаде Милана имперскими войсками в 1158 г.: “Никто не участвовал в этой осаде с большим неистовством и жестокостью, чем войска кремонцев и павийцев; и осажденные не проявили ни к кому из осаждающих больше враждебности, чем к ним. Между Миланом и этими городами давно существовали соперничество и раздоры; в Милане были убиты или мучились в тяжком плену многие тысячи их людей; земли их грабились и подвергались пожарам. Поскольку они не могли сами должным образом отомстить Милану, превосходившему их и по собственным силам, и по количеству союзников, то они решили, что настал подходящий момент расплатиться за нанесенные им оскорбления”. Хронист поражается жестокости, которую проявляли друг к другу *conlatini* (т.е. итальянцы).

Император Фридрих Барбаросса (1155–1190) с его более глубоким, чем у ближайших предшественников, отношением к идее Империи всерьез задумался над объединением Германского и Итальянского королевств. С этой целью он совершил несколько походов в Италию. Фридрих, конечно, рассчитывал с помощью экономической силы паданских городов укрепить финансовую основу своей власти, но нельзя забывать, что деньги для Империи (как и для любого феодального сеньора) были не целью, а средством к усилению ее политического престижа, к достижению всеобщего признания ее верховенства. Именно при Фридрихе I утверждается ее название “Священная Римская империя”.

¹ На русский язык этот термин переводится с трудом. Он происходит от итальянского *comitato* – графство.

Когда же он оказался к югу от Альп, он нашел вполне сложившуюся систему итальянского “particularismo”, в которой каждая коммуна преследовала свои частные (particolari) интересы, которые ничего общего не имели с идеей мировой христианской монархии. Вот что пишет об итальянских городах родственник и советник императора Оттон Фрейзингенский: “Латиняне по сей день подражают мудрости древних римлян в расположении городов и управлении государством. Они настолько любят свободу, что предпочитают подчиняться скорее консулам, чем сеньорам, чтобы избежать злоупотреблений властей. Они избирают консулов из всех трех сословий – крупных феодалов, вальвасоров и простолюдинов, – чтобы удовлетворить амбиции всех. А чтобы они не злоупотребляли своей властью, их сменяют почти каждый год. Город заставляет всех живущих на территории диоцеза подчиняться себе, и с трудом можно найти сеньора или знатного человека, который не подчинился бы власти города...” Город не стыдится, продолжает хронист, посвящать в рыцари и допускать к управлению юношей самого низкого происхождения, даже ремесленников. “Поэтому итальянские города превосходят все прочие по богатству и могуществу. Этому способствует не только разумность их учреждений, но и длительное отсутствие государей, которые обычно остаются по ту сторону Альп”.

Фридрих I не сразу вступил в конфликт с папой. Более того, до коронации в Риме и тот, и другой нуждались друг в друге. С 40-х гг. Рим и Кампания были охвачены антипапским восстанием горожан и мелко-дворянства. С 1147 г. во главе его стал Арнольд Брешианский. Власть папы над Римом была аннулирована и передана “священному сенату”. Евгению III (1145–1153) пришлось бежать. В Констанце он заключил с Фридрихом договор, обязываясь предоставить ему имперскую корону в обмен на помощь против взбунтовавшихся римлян. В 1155 г., когда Фридрих был уже в Италии, новый папа Адриан IV (1154–1159) пошел на прямой конфликт с римлянами, впервые в истории западной церкви наложив на них интердикт. Для папства, в ту эпоху не располагавшего ни большими материальными средствами, ни единственной военной силой, интердикт и отлучение были чуть ли не единственными действенными средствами политики. Поскольку интердикт был наложен на Страстной седмице, когда в Рим стекались многочисленные паломники, он возымел действие. Сенат поклялся изгнать Арнольда, интердикт был снят, и страсти на время улеглись.

Для нас особый интерес представляет момент коронации Фридриха I в июне 1155 г., когда перед нами предстают на одной сцене император, папа и мятежные горожане. Оттон Фрейзингенский подробно и красочно описывает это событие.

Недалеко от Сутри к будущему императору явились послы “римского народа и сената”, которые обратились к нему с выдержанной в античном стиле речью, доказывая, что именно римляне в лице сената имеют право сделать “гостя” “гражданином”, “пришельца из-за Альп” – “принцепсом”. Взамен они тут же потребовали подтверждения своих “добрых обычаев” и древних законов, как это делали предыдущие им-

ператоры. По рассказу Оттона, Фридрих, сохраняя видимость монаршей невозмутимости, пришел в благородное негодование от “таких небывало высокомерных речей”. Все трое действующих лиц прекрасно понимали смысл игры. Если бы король согласился принять имперскую корону из рук представителей сената (т.е. городской элиты), это придало бы последнему огромный авторитет в Италии и в Европе², дало бы новый козырь в вековой борьбе с папством. Фактически перед нами римский вариант коммунальной борьбы, в которой город пытается подменить собой папу в таком важном вопросе, как взаимоотношения “духовного” и “светского” мечей. Начиная со Льва III, короновавшего в 800 г. Карла Великого, папы особое значение придавали ритуалу, который подчеркивал зависимость светской власти от духовной, устанавливал совершенно особые отношения между ними. Папа никак не мог отказаться от этой прерогативы.

Фридрих отлично знал, что авторитет его имперской власти зависит от коронации его именно папой в базилике Святого Петра. Поэтому он сразу согласился оккупировать Рим своими войсками. 18 июня во время коронации “римская знать и сенаторы собрались на Капитолии³. Узнав, что император без их согласия принял императорскую корону, они пришли в бешенство, стремительно переправились на другую сторону Тибра и, сбежавшись к церкви Святого Петра, не убоились в самой священной церкви убить нескольких оставшихся там членов императорской свиты”. Опасаясь, что разбушевавшаяся толпа нападет на папу, император приказал действовать своим рыцарям, и восстание было подавлено, после чего Фридрих сказал: “Что ж, принимай, Рим, вместо аравийского золота немецкую сталь. Это та плата, которую предлагает тебе свой принцепс за твою корону” Это был один из тех редких моментов, когда “духовный” и “светский” мечи объединились в борьбе с мятежным городом.

Противостояние Империи и папства проявилось с новой силой уже в 50-х гг., особенно с 1159 г., когда во главе католической церкви встал энергичный и непреклонный Александр III (ум. 1181). В 60–70-е гг. борьба Папства и Империи тесно слилась с борьбой императора против автономии ломбардских городов.

Вообще, за исключением понтификата Александра III, взаимоотношения папства и североитальянских городов складывались весьма не просто. Город всегда был очагом всякого подозрительного вольнодумства, ереси. Развивающиеся товарно-денежные отношения медленно подтачивали религиозное мировоззрение, и папство, что называется, теряло почву под ногами. В рассматриваемый период уже можно наблюдать нечто вроде разделения сфер влияния между Империей и папством. Римскую курию всегда больше всего интересовали Римская Кампания, Римская Тоскана; Империю – паданские города, Тоскана.

² На это осмелится только Людвиг Баварский в 1327 г. в совершенно другой политической обстановке, когда папа будет находиться в Авиньоне.

³ Капитолий с античности и до настоящего времени является центром римского городского управления.

Основные трения возникали в “пограничных” районах, например, в Анконской марке.

Показательна в этом плане политика Иннокентия III (1198–1216), одного из самых умных, дальновидных и, пожалуй, самого удачливого папы средневековья, удачливого, потому что ему не смогла противостоять ни одна светская власть. Когда Оттон IV Брауншвейгский, император с 1209 г., попытался в 1210 г. вести самостоятельную политику и объединить под своей властью Германию и Сицилию, на него тут же обрушилась вся тяжесть папского отлучения, и он, будучи креатурой папы, был им же и убран с политической арены.

Однако этот авторитарный понтифик, сделавший своими вассалами половину государей Европы, имел гораздо более скромные притязания на Апеннинском полуострове, хотя его личный авторитет и реальный политический вес были велики повсюду. Ему нужно было прежде всего привести в порядок, т.е. подчинить курии потерянные города патримония Св. Петра (Папской области). Его целью, по словам английской исследовательницы Бренды Болтон, “было создание в Центральной Италии единой области с ее особым устройством и определенными целями, тесно связанными с церковью. Он стремился создать удачную модель, которую он мог бы потом использовать где бы то ни было”

Во всех городах патримония были поставлены назначенные папой ректоры – как светские, так и церковные лица. Все епископы должны были приносить специальную клятву понтифику в обмен на его особую поддержку и защиту. Такая поддержка была им особенно необходима в этот период, когда в городах начали появляться ереси. И хотя искоренить их было очень сложно, епископы Папской области стали играть все более важную роль в восстановлении мира и согласия, особенно в межгородских конфликтах, в которых они по указанию папы участвуют как арбитры. Когда в этом качестве выступал сам Иннокентий III, он требовал личной клятвы тяжущихся сторон как гарантии достигнутого согласия.

Наряду с ректорами и епископами, в городском управлении могли участвовать и избранные городом консулы, хотя это всегда было уступкой папы, за которую нужно было бороться. Так, в 1205 г., после антипапского восстания в Радикофани (на границе современных Тосканы и Лацио) Иннокентий III дает его жителям право избрания консулов (*facultas eligendi consules*), которые все равно должны утверждаться либо самим папой, либо его нунцием. Вновь избранный консул должен был клясться в “верном соблюдении законов и обычаев” церкви. За эту уступку папа потребовал от Радикофани клятвы, 1000 лир и заложников.

Наибольший интерес вызывает вопрос о репрезентации власти и о том, какие средства использовал Иннокентий III в своей политике “*re-povatio Romae*” Если император как носитель “светского” меча мог вполне свободно прибегать к репрессиям – самому действенному средству, – то папа как духовная власть не мог использовать их в таком масштабе, даже если в его распоряжении оказывалась военная сила.

Иннокентий III старался как можно чаще бывать на людях, особенно в сложные для папской власти моменты волнений в Риме в конце XII в. и во время походов Оттона Брауншвейгского. Много путешествуя по городам патримония, он освящает там новые церкви, в Тоди и Перудже он дарит драгоценные шелковые покрывала для алтарей. Витербо, папская резиденция, в которой до сих пор сохранился замечательный готический папский дворец XIII в., даже получил в дар папское кольцо. Все эти небольшие предметы, не столь значительные на взгляд современного человека, имели огромное значение для людей той эпохи. Они были материальным напоминанием об их обладателе, который, конечно, не мог находиться повсюду одновременно, но который очень хотел, чтобы воля всех подданных была направлена к Римской церкви. Появление Иннокентия III в каком-либо городе означало, что он берет его под особое покровительство. Пикардийский хронист Гийом Андрский, побывавший паломником в Витербо, считает, что население этого города увеличилось на сорок тысяч (!) благодаря тому, что в нем постоянно останавливался папа.

В борьбе с местными интересами (“*particularismo*”) городов Патримония Иннокентий III попытался использовать также особую выработанную им “папскую” праздничную церемонию. 14 августа, накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы (итальянский *Ferragosto*) он брал из капеллы *Sancta Sanctorum* в Латеранском дворце древний образ Спаса Нерукотворного и нес его сам до церкви Санта Мария Маджоре, главного римского храма, посвященного Богородице. Религиозный смысл этой процессии состоял в том, что Спаситель приветствовал Богородицу за день до Ее вознесения. Здесь берет свое начало и особый римский культ Девы Марии, и особая иконография Христа и Богородицы на троне в римской монументальной живописи.

По официальной папской хронике – *Librer pontificalis* – Иннокентий III прекрасно знал, что когда в 752 г. папа Стефан II вышел на улицу с образом “Христа во славе” в руках, то икона воспринималась как символ свободы и единства первосвященника и римского народа в борьбе против лангобардов. В начале XIII в. папа попытался достичь этого единства под эгидой борьбы с немцами Оттона Брауншвейгского. Вскоре эта процессия, осуществлявшаяся местными епископами, и связанная с ней иконография стали распространяться и в городах патримония: Витербо, Веллетри, Браччано и других. Насколько действен и живуч был такой тип пропаганды, можно судить по тому, что в конце XIII в. мозаика с изображением Христа во славе появляется на фасаде церкви Санта Мария Маджоре в Риме, что явно имело связь с церемонией, а в Тиволи эта процессия проходила еще в 1978 г., конечно, давно потеряв свою антигерманскую направленность.

С той же целью внушить жителям всех, даже небольших, городов Патримония сознание их единства во главе с Римской церковью использовались триумфальные арки. Одна из них была построена в Террачине на Аппиевой дороге (южнее Рима), другая – в Чивита Кастеллана на Фламиниевой дороге (севернее Рима). Оба города стояли на

важнейших путях паломников, поэтому арки являлись как бы “визитной карточкой” Римской курии. По мнению Бренды Болтон, их декорация, “римская *rag excellence*”, поскольку была выполнена мастерами из круга знаменитых Космати, имела направленный против иностранцев акцент. “Эта итало-римская выразительность, – пишет английская исследовательница, – должна была стать символом единства повсюду, где бы она не встречалась. Каждый маленький городок становился отзвуком Рима”.

Понтификат Иннокентия III представлял собой серию побед благодаря его продуманной и взвешенной, юридически обоснованной политике. При нем за римским папой утверждается титул викария Христа. Его последним, самым крупным успехом был несомненно IV Латеранский собор 1215 г. – важная веха в истории церкви. Иннокентий III вызывал восхищение и современников, и историков. Единственной его стратегической ошибкой, как некоторые считали, была сделанная им ставка на короля Сицилии (1198–1212, 1220–1250) Фридриха-Рожера Гогенштауфена, который был воспитанником папы, только благодаря его помощи стал в 1212 г. королем Германии, и который даже после смерти своего покровителя был как бы освящен его авторитетом.

Фридрих II, несомненно, – одна из самых колоритных и загадочных фигур европейского средневековья, вызывающая оживленные споры историков и по сей день. Уже для современников он был “чудом света” (Матвей Парижский), “молотом мира” (Михаил Скотт), спасителем, но и эпикурейцем, еретиком, “крещеным султаном”, Антихристом (в папской пропаганде).

В политике по отношению к городам Итальянского королевства Фридриха II и его деда по отцу Фридриха Барбароссы есть и сходства, и отличия, которые вытекают и из изменения ситуации в Северной и Центральной Италии, и из новых государственных интересов императора.

По Констанцскому миру 1183 г. ломбардские города имели право сохранить Ломбардскую лигу, которая до 1225 г. возобновлялась несколько раз с целью подтвердить *libertates*, завоеванные в борьбе с императором, но уже не играла никакой политической роли, поскольку могла существовать только как военный союз. Ее недееспособность в “мирное” время лишний раз указывает, насколько политическая раздробленность (*particolarismo*) укоренилась в жизни итальянских городов, насколько невозможен был между ними какой-либо длительный компромисс.

Фридрих II смотрел на итальянские города иначе, чем его дед. В отличие от последнего, у Фридриха II была твердая финансовая база в виде Сицилийского королевства, компактного домена, который после реформ 20-х гг. давал казне до 13 тысяч унций золота годового дохода. Поэтому он не так нуждался в денежной помощи от городов. Причина его многолетней непримиримой борьбы с коммунальной автономией лежит в главной цели всей политики императора – объединении трех королевств (Германии, Италии и Сицилии) в единую христианскую им-

перью (*unio regni ad imperium*). Идеологической базой для него должны были служить принципы юстиниановского “Корпуса гражданского права”, примененные болонскими юристами для обоснования притязаний Фридриха Барбароссы. Эта своеобразная “рецепция” римского права сделала его “имперским” правом вплоть до XV в., когда оно с новыми целями стало изучаться Лоренцо Валлой и другими гуманистами.

Объединению резко воспротивились папы Григорий VII (1227–1241) и Иннокентий IV (1243–1254), сами опытные юристы и богословы, противопоставившие имперской идеологии не менее разработанную на основе канонистики программу папской теократии. В борьбе этих двух “мечей”, двух “великих светил” (Данте), где оба противника (папа и император) были достойны друг друга и по политическому весу, и по личным качествам, – узел основных проблем итальянской истории первой половины XIII в. Итальянский город естественно оказывался включенным в этот спор и как самостоятельная политическая сила, и как арена борьбы двух гигантов.

Когда в 1212 г. молодой Фридрих-Рожер, не имея за душой ничего, кроме папского благословения, отправился через всю Ломбардию в Германию для коронации, он мог заметить, как далеко вперед ушли североитальянские города по пути автономизации. Он смог добраться до Германии только благодаря военной помощи верных Империи городов – Павии, Генуи и Кремоны. Когда через восемь лет он стал императором, “источником права” (“*fons iuris*”), “воплощением закона на земле” (“*lex animata in terris*”), перед ним, как и перед его дедом, встала проблема: как вершить правосудие в этой стране, где “шахматная доска” взаимной ненависти и непрекращающихся усобиц стала такой же нормой жизни, как и коммунальные свободы, которые городские элиты стремились превратить из королевских пожалований (*regalia*) в неотчуждаемые права. “*Pax et iustitia*”, “мир и правосудие”, два юстиниановских принципа, ставшие столпами имперской идеологии Фридриха II, вынуждали его сохранять положение верховного судьи “вне партий” (“*super partes*”). В условиях все углубляющегося *particularismo* это становилось практически невозможно.

Если Фридрих I на Ронкальских сеймах 1154 и 1159 гг. старался сохранить хотя бы видимость беспристрастности, то у его внука выбора не было. Он оказался перед лицом двух враждебных лагерей. Один под руководством Милана поддерживал ненавистного Фридриху Оттона Вельфа, другой во главе с Кремоной мог стать прекрасной поддержкой в готовившемся путешествии в Рим с целью коронации. Однако Кремона, будучи реальной силой, дорого продавала свою помощь: в 1219 г. Фридриху II пришлось торжественно поклясться, что он никогда не заключит мир с Миланом без ее согласия. Таким образом, ему пришлось включиться в местные усобицы, что сводило на нет весь авторитет императорской власти как источника правосудия.

Политика императора по отношению к Итальянскому королевству носила сумбурный характер. Сам он после 1220 г. занимался усмирением и реформированием Сицилии, а северные земли препоручил двум

имперским легатам. Одному – Ломбардию, Романью и Тревизскую марку; другому – Тоскану и Анконскую марку. Как *imperator christianissimus* Фридрих II должен был следить за соблюдением прав церкви в городах Италии, в том числе бороться с ересями, которые на волне коммунального движения проникли и в структуры городского управления. Зачастую, преследуя ереси, император подавлял городское самоуправление и в глазах горожан становился нарушителем условий Констанцкого мира, которые сам же незадолго перед тем подтвердил. К тому же, ему, естественно, приходилось закрывать глаза на еретические движения в союзных городах.

Из-за углубляющегося разделения Северной Италии на две враждебные партии усложнялась социальная обстановка и в самих городах. Институт подеста в правление Фридриха Барбароссы постепенно заменил собой консулов. Сформировалась своеобразная элита профессиональных подеста, которые выполняли свои функции то в одном, то в другом городе, и их передвижения позволяют восстановить цепь союзов внутри каждого из двух лагерей. С одной стороны, это Милан, Болонья, Пьяченца, Брешия, Алессандрия, Генуя, Верона, Тревизо. С другой – Кремона, Парма, Модена, Реджо, Павия.

Картина политической жизни города становится гораздо более сложной, если учесть, что внутри городских стен у любой власти были свои сторонники и свои противники. Последние, естественно, симпатизировали тем, кто управлял соседним враждебным городом. Власть, в свою очередь, умела использовать поддержку оппозиционных сил враждебного соседа.

Усобицы в ту эпоху часто были связаны с изгнанием из города враждебной группировки, которая обычно принималась соседней коммуной. Становясь как бы “коммуной чужаков” (Франко Кардини) со своими учреждениями и собственной военной силой, эти изгнанники всегда включались в политические интриги чужого для них города, превращаясь в источник постоянной угрозы и нестабильности.

В 1225 г. Фридрих II обсуждает с папой Гонорием III (1216–1227) будущий крестовый поход, который император должен был совершить по данному им в 1215 г. обету. Гонорий III, который был одержим идеей освобождения Гроба Господня, готов был ради этого идти на уступки. Несмотря на то, что он из стратегических соображений не хотел усиления власти императора в Северной Италии, он согласился выступить посредником в переговорах между ним и коммунами и призвал всех к миру и единству ради борьбы с неверными. На пасху 1226 г. Фридрих II решил созвать сейм в верной ему Кремоне. Коммуны, пользуясь условиями Констанцкого мира, объявили о создании новой лиги – *Societas Lombardie, Marchie et Romagne*. Так называемая “Вторая ломбардская лига” не имела для ее участников такого политического и экономического значения, как первая. Это явствует, в частности, из того, считает Джильола Рондинини, что связанная с ней документация не сохранилась.

В ответ на притязания Фридриха II на железную корону лангобардов представители паданских городов собрались 6 марта 1226 г. в Сан

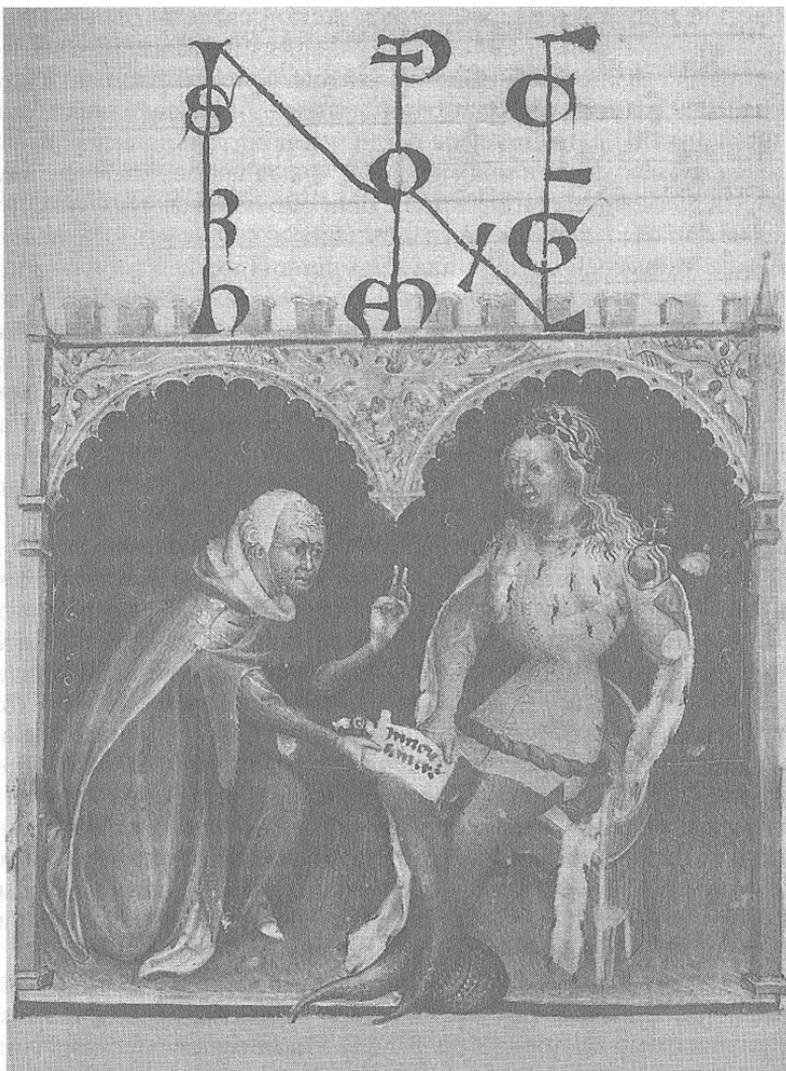
Дзеноне-ди-Моццо. Сейм провалился. Двенадцать городов были подвергнуты имперской опале (*bannum*), Падуе и Болонье запрещено было иметь университеты (*studia*). Отныне целью борьбы с непокорными коммунами становилось не единство перед крестовым походом (отлученный от церкви император провел его собственными силами в 1228 г.), а признание ими власти Империи, мечь Милану за верность Вельфу, за оскорбления, нанесенные деду.

В 1232 г., после примирения с папой Григорием IX и с его согласия Фридрих II, “безоружный и миролюбивый”, готовит новый сейм в Равенне. Но и эта попытка договориться провалилась – города начали вооружаться, и император подверг их новой опале.

Однако были же какие-то причины, по которым коммуны не шли на диалог с императором. Действительно, пытаясь договориться мирным путем, Фридрих II начал вводить в Северной и Центральной Италии централизованную иерархическую систему управления городами по типу сицилийской. Все представители власти назначались государем, начиная с легата и его викариев, заканчивая городскими капитанами и подестá. Это была попытка заставить работать вместе местные структуры власти и имперских чиновников с более длительными полномочиями. Назначавшиеся императорской канцелярией чиновники обычно были немцами, сицилийцами или во всяком случае верными императору итальянцами из других городов, не имевшими своих интересов в местных межпартийных интригах.

Сам император старался вмешиваться в локальные споры, особенно в Романье и Марке. Иногда ему действительно удавалось выступить в роли миротворца, арбитра и гаранта прав подданных, раздавая привилегии городам и церковным конгрегациям. Но любые злоупотребления власти, исходящей от императора, резко понижали его престиж. Система, доказавшая свою жизнеспособность на юге, не действовала. К тому же, почва, которая уходила из-под ног Фридриха II, по выражению Аугусто Вазины, тут же завоевывалась Григорием IX, благодаря активизации деятельности легатов и более строгому контролю за епископскими кафедрами. Теодерик, епископ Равенны, в отличие от своих предшественников, обращается за подтверждением своих прав на церковное имущество не к императору, а к папе. Римская курия перехватывала у императора инициативу особых отношений с крупными церковными организациями, имевшими значительное влияние в городах.

Интересный пример того, как сталкиваются две модели управления – папская и имперская, – являет собой Анконская марка (современная Марке). Ее особенность состояла в том, что в ней не было крупных коммун, которые могли бы претендовать на гегемонию. В ней было много независимых городов и, в то же время, сохранили силу многочисленные феодальные семейства – традиционная опора Империи. Большое количество субъектов права предполагало и многочисленные конфликтные ситуации, в которых Империя или папство могли выступать в качестве арбитров. Нельзя забывать и о стратегическом положении Марки на границах патримония Св. Петра.

Фридрих II вручает городское право г. Асти. Миниатюра

В первое тридцатилетие XIII в. у папства и Империи были примерно одинаковые возможности влияния на жизнь городов Марки. В 1229 г. ситуация в корне меняется, когда Григорий IX вводит должность ректора как представителя папства в области. Появление этой должности, по мнению Жан-Клода Вигёра, свидетельствует о глубоком изменении в устройстве папского государства и вообще в понимании светской власти церкви. Этот термин для современников означал институт, который обладает полнотой власти в коммуне. Его употребление в папском делопроизводстве совпадает с попытками создания постоянной системы управления, аналогичной коммунальной бюрократии.

Второй главной фигурой в создаваемой системе был судья. Именно он, с его небольшим аппаратом нотариев и глашатаев, в глазах горожан представлял прямое продолжение папской власти. В период с 1229 по 1240 г. (когда Марка одним ударом была захвачена Энцо, сыном Фридриха II) папские суды были исключительно активны, зарекомендовав себя компетентными во всех видах исков, так что даже представители феодальных линьяжей стали обращаться туда, а не в имперские инстанции.

Когда Марка вновь перешла к Империи (до 1250 г.), Фридрих II попытался представить полноценную альтернативу папским судам, одновременно следуя традиционной для него политике создания с помощью привилегий и пожалований сети вассалов и союзников как среди верной феодальной знати, так и в более подвижном социальном слое горожан. Фактически он опять оказывался на стороне какой-либо партии, поддерживал более слабые коммуны в пику более сильным, т.е. в глазах подданных не выполнял свою главную задачу – быть воплощением правосудия, “*lex animata in terris*”

Последний вопрос, ответ на который поможет нам понять систему взаимоотношений Империи и города, состоит в том, как горожане смотрели на Фридриха II и каким он сам стремился себя представить. Для этого мы располагаем таким ценным источником, как хроника Салимбене Пармского. Мироззрение этого францисканца-минорита складывалось под влиянием пророчеств калабрийского аббата Иоахима Флорского и папской пропаганды, которая активно использовала в своих целях нищестующие ордена. Охваченный эсхатологическими ожиданиями, Салимбене принимал самое деятельное участие в жизни ордена, лично знал и императора, и папу, в общем, был типичным вездесущим монахом-космополитом, всегда умевшим оказаться в нужном месте в нужное время, чтобы все увидеть собственными глазами. Его сочинение – эмоциональный взгляд “среднего человека” из толпы, разделяющего все ее чаяния и предрассудки.

Вот оценка, данная этим хронистом императору: «Фридрих был человеком проклятым и нес погибель, раскольник, еретик и эпикуреец, “разорывший всю землю” (Иер. 51, 25). Он посеял в городах Италии семена раздора, которые всходят и поныне, так что сыновья могли бы пожаловаться отцам, по словам пророчества: “Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомины” (Иез. 18, 2). Кажется, подтверждают слова аббата Иоахима⁴, которые он сказал, когда император Генрих спросил его о будущем своего сына: “Государь, развратник твой сын, нечестивец твой наследник. О Боже! Он разорит всю землю и “будет попираť святых Всевышнего” (Дан. 7, 25)».

Итальянский город XIII в. был переполнен новоявленными проповедниками разного толка, от папских легатов до еретиков. Для горожанина, привыкшего каждый день слышать на площадях всевозможные разглагольствования о близящемся конце света, такая яркая фигура,

⁴ Имеется ввиду Иоахим Флорский.

как Фридрих II, мог стать либо грядущим Спасителем, либо Антихристом. Обостренными религиозными переживаниями итальянцев умело пользовались и император, и папа, последний, пожалуй, с большим успехом, поскольку имел в своем распоряжении растущую силу нищенствующих орденов.

Религиозные чаяния своеобразно накладывались на укоренившееся в сознании горожан “партийное” сознание. Из этого симбиоза родилась идеология гвельфов и гибеллинов, на целый век определившая жизнь итальянцев вплоть до Данте Алигьери и Джованни Виллани и оказавшая определенное влияние даже на патриотически настроенных историков нового времени.

В середине 30-х гг. Фридриху II стало очевидно, что мирными средствами “ломбардский вопрос” не разрешить, и он начал готовиться к походу на север. “В 1235 г, пишет Салимбене, император Фридрих послал в Ломбардию слона с многочисленными верблюдами, леопардами и соколами. Их провели через Парму, как я видел собственными глазами, и оставили в Кремоне”. Несколько позже появился сам император и начал осаду Мантуи и Брешии. Ясно, что появление в Ломбардии знаменитого сицилийского зверинца имело пропагандистские цели. Император стремился шокировать горожан, возможно, запугать их, что ему, наверное, отчасти удалось, если хронист, пишущий через несколько десятилетий после этих событий, вспомнил о том, что видел, будучи шестнадцатилетним юношей.

При осаде городка Понтевиго в Ломбардии “при императоре находился его слон, на которого была поставлена деревянная башня по типу ломбардского карроччо. Это было крепкое квадратное сооружение с четырьмя флагами по углам и одним большим знаменем посередине. Внутри сидел человек, управлявший животным (*magister bestie*), и множество сарацин”. Как в древности Пирр, Фридрих II старался устрашить врага необычным “оружием”. Но и победы его тоже были “пирровы”.

В 1237 г. императору удалось разбить войско Лиги в битве при Кортенуова. Вся Северная Италия была подчинена. Фридрих II на манер античных императоров праздновал триумф в верной ему Кремоне. Захвативший в бою миланский карроччо, символ городской вольницы, был проташен тем же слоном по улицам нескольких гибеллинских городов для устрашения соседей-гвельфов, потом был водружен на Капитолии на специальный мраморный постамент, сохранившийся до наших дней в Палаццо деи Сенатори. Этот памятник победы должен был означать новую фазу в развитии культа императора, новый пафос его стремления к “*renovatio Imperii romanorum*” (Арнольд Эш). Как пишет Салимбене, “этим император хотел оказать честь римлянам, но они выкинули карроччо, чтобы оскорбить Фридриха”.

Действительно, в Риме у Фридриха было еще меньше шансов, чем где бы то ни было, с 1220 г. он ни разу не был в городе, который хотел сделать своей столицей. Флорентийский хронист XIV в. Джованни Виллани рассказывает, что, когда однажды Фридрих II угрожал городу, “папа извлек из Святой святых Латеранского дворца главы блаженных

апостолов Петра и Павла и впереди процессии кардиналов, епископов, архиепископов и прочих прелатов курии и римского духовенства прошел по главным городским церквям, где служили торжественные молебны. Благодаря набожности духовенства и заступничеству святых апостолов римский народ целиком перешел на сторону папы и церкви и ополчился под знаком креста на Фридриха, ибо папа даровал за это прощение и отпущение грехов”. Средства борьбы, применявшиеся папой, оказывались более действенными и в Риме, и в Северной Италии.

В 40-х гг. во время подготовки Лионского собора для низложения императора, Иннокентий IV направил в Ломбардию своего легата Григорио де Монтелонго, опытного проповедника, будущего патриарха Аквилейского. Ему удалось восстановить антиимперский фронт и даже переманить на сторону папства такой верный империи город, как Парма. Это произошло в 1247 г. Свидетель этих событий Салимбене пишет: “В это время была ожесточенная война, продолжавшаяся много лет. Люди не могли ни пахать, ни сеять, ни убирать урожай, ни виноградники обрабатывать, ни в деревнях жить. Это происходило особенно в областях Пармы, Модены, Кремоны и Реджо. Людям вблизи городов приходилось работать под охраной вооруженных городских рыцарей, которые разделились на четыре отряда по четырем городским воротам... Это было необходимо, потому что чрезвычайно много стало воров и грабителей, которые похищали людей с целью получения выкупа... Если же они не выкупали себя, их подвешивали за руки или за ноги, выбивали им зубы или клали в рот жаб, чтобы они быстрее заплатили деньги”. Каждый привык видеть во встречном врага. “И умножилось зло на земле” (1 Мак. 1, 9) – этой библейской фразой Салимбене заканчивает гневную филиппику против виновника всех этих несчастий Фридриха II.

Неудивительно, что, когда в 1248 г. император потерпел сокрушительное поражение у стен непокорной Пармы, горожане постарались максимально оскорбить императорское достоинство и сделать его позор общеизвестным. Кроме казны и драгоценного кодекса написанной Фридрихом II книги “О соколиной охоте” в руки пармезанцев попала императорская корона, “которая имела большой вес и ценность, была вся сделана из золота и драгоценных камней, имела много благородных изображений, которые казались резными. Она была величиной с большой глиняный горшок и скорее служила для явления императорского достоинства, чем для украшения головы, потому что закрывала все лицо, если ее кто-нибудь не поддерживал... Эту корону нашел некий человек такого маленького роста, что его в шутку называли Кортотассо (“короткий шаг”. – *О.В.*). Он носил ее по всему городу в руках, как носят ястребов, показывая ее всем, кто хотел посмотреть, во славу одержанной победы и для вящего позора императора”. Потом Кортотассо получил 200 лир, и корона была помещена в знаменитый пармский баптистерий.

Итак, в борьбе с коммунарами за право быть “воплощением правосудия” Фридрих II проиграл, как мы видели, в силу целого ряда причин.

Конфликт Империи и города не исчерпывается противостоянием феодальной и демократической систем управления. Его поражение связано скорее с тем, что он, будучи слишком уверенным в своей правоте, в своем *праве*, не захотел или не смог признать высокий уровень независимости, достигнутый коммунами, или, может быть, он надеялся их обуздать (Джильола Рондинини).

Что принесла итальянским городам затянувшаяся борьба Империи и папства? В XIII в. в Италии сложилась “система партийной солидарности вместо городского патриотизма” (Франко Кардини). Если во время борьбы за инвеституру каждый город стремился воспользоваться поддержкой императора или папы, преследуя только свои собственные цели, то в XIII в. это было уже невозможно, конфликт приобрел совершенно иные масштабы. Коммуна волей-неволей оказывалась включенной в борьбу двух партий – гвельфов и гибеллинов. Причем изначально быть гвельфом не означало ничего другого, как быть врагом гибеллинов. Довольно скоро Римская курия отдала себе отчет в том, что для достижения своих целей она может и должна возглавить это чисто городское антиимперское движение. Во второй половине XIII столетия гвельфы действительно стали отождествляться с партией церкви.

В ожесточенной и продолжительной борьбе победили гвельфы, и, как это обычно бывает, на побежденных легла своеобразная *damnatio memoriae*, все, что с ними связано, получило резко отрицательную оценку, образы последних Гогенштауфенов “демонизировались”, как это видно по хроникам Салимбене и Джованни Виллани. Обвинив во всем проигравших, легче было доказать собственную правоту, решить “внутрипартийные” проблемы, найдя внешнего врага, представить свою партию как хранительницу мира и церковной ортодоксии.

Сказать, что победив Гогенштауфенов (окончательно только с гибелью Конрадина в 1268 г.), итальянские города отстояли свою демократию, значит поддаться той же самой гвельфской пропаганде, которая, на самом деле, оказалась гораздо более живучей, чем можно было бы полагать. Для человека XX в. политический режим итальянской коммуны, способствовавший ее экономическому процветанию, кажется образованием гораздо более реальным, чем Империя, если видеть в ней лишь плод умозрения ученых юристов, служивших германским монархам для подведения “научной” основы под их непомерное властолюбие. Однако при таком взгляде мы никогда не сможем распутать клубок проблем итальянской истории XIII в. Все зрелое творчество Данте, включая “Божественную комедию”, становится понятным только в свете непрекращавшейся и в его время борьбы духовной и светской власти, в которой итальянский город старался держать свою, третью линию, становившуюся все более и более независимой. В этой долгой и кровопролитной борьбе мы найдем корни и культурных побед итальянского Возрождения, основой которого был свободный город, и политических поражений раздробленной Италии, большая часть которой к середине XVI в. попала под иностранное владычество.

- Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I Imperatoris // MGH: Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum. Hannover, 1978.
- Salimbene de Adam chronica // MGH. SS. Hannoverae et Lipsiae, 1905–1913. Т. 32.
- Виллани Джованни*. Новая хроника, или история Флоренции. М., 1997.
- Баткин Л.М.* Гвельфы и гибеллины // СВ. М., 1959. Вып. XVI.
- Бицилли П.М.* Салимбене: Очерки итальянской жизни XIII века. Одесса, 1916.
- Неусыхин А.И.* Очерки истории Германии в средние века (до XV века) // Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Fasoli G.* Dalla "civitas" al comune nell'Italia settentrionale. Bologna, 1961.
- Oppl F.* Stadt und Reich im 12. Jahrhundert (1125–1190). Wien; Köln, 1986.
- Bordone R.* La società cittadina del Regno d'Italia. Torino, 1987.
- Perrin Ch.-E.* L'Allemagne, l'Italie et la Papauté. P., s.a.
- Bolton B.* "Except the Lord keep the city": towns in the papal states at the turn of the twelfth century // Church and city: 1000–1500 / Ed. D. Abulafia. Cambridge, 1992.
- Rondinini G.S.* "Ad honorem imperii cui fide et devotione tenemini": Federico II e le città lombarde // Nuova rivista storica italiana. 1997. Anno XXXI.
- Cardini F.* L'Imperio, il Papato, i Comuni // Federico II di Svevia: Stupor mundi / A cura di F. Cardini. Roma, 1994.
- Cammorosano P.* La Toscana nella politica imperiale di Federico // Friedrich II: Tagung des Deutschen historischen Institut in Rom / Hsg. von A. Esch und N. Kamp. Tübingen, 1996.
- Vigueur J.-Cl.M.* Imperio e papato nelle Marche: due sistemi di dominazione a confronto // Ibid.
- Vasina A.* Ravenna e la Romagna nella politica di Federico II // Ibid.
- Herde P.* Guelfen und Gibellinen // Ibid.

ГОРОДА "ДОРОГИ ФРАНКОВ"

Причины Реконквисты, как мы видели, были разнообразны, включая среди прочих и те, что в других регионах вызывали явление, которое принято называть внутренней колонизацией. Оно было присуще и землям Пиренейского полуострова, особенно на севере, где отток переселенцев на отвоеванные территории был затруднен – за дальностью пути либо из-за изолированности поселений. Прежде всего осваивались новые земли под земледельческие культуры, но в то же время возникали поселения, раньше или позже превращавшиеся в городские. В разных областях севера полуострова период бурного градообразования приходился на разное время, но всюду их роднит существование сильного внешнего стимула.

С IX в. существовавшая в Галисии гробница св. Иакова, Сантьяго, привлекала паломников со всей Европы. Особенно мощным становится их поток со второй половины XI в. В жалованной королевской грамоте Альфонсо VI этого времени отмечалось, что туда приезжали не только со всей Испании, но и из Италии, из французских и германских земель. Пилигримов не останавливали грозные Пиренеи, крутые пере-

валы, безлюдье дорог и зимняя непогода. Пересекая одну за другой четыре горных гряды, прорезанные бурными реками, “франки”, как называли на полуострове всех пришельцев из Западной Европы, стремились через земли басков, Кантабрию, Астурию – в Галисию, в местечко Ириа, рядом с которым была расположена гробница Апостола, нередко заглядывая “по дороге” к святыням Овьедо. Вот по пути продвижения паломников и тех, кто шел с ними и ради них, – по “дороге франков” – и стали возникать новые поселения и расти – старые.

Путешественники могли проникнуть на территорию полуострова в северной его части в двух местах: у Сомпорта или через Ронсевальес. Дороги сходились у городка Пуенте де ла Рейна и шли через Эстелью, Логроньо, Нахеру, Бургос, Кастрохерис, Каррион де лос Кондес, Саагун, Леон, Асторгу, Понферраду, Пуертотомарин. Именно этот путь рекомендовали пилигримам авторы знаменитой “*Liber Sancti Iacobi*” – книги с описанием достоинств этого места поклонения, чудес, которые совершал и совершает святой Иаков, и всего, что могло встретиться на пути в Сантьяго: перевалов, монастырей, таверен, церквей и приютов. Известность его была столь велика, что Идриси не мог не упомянуть его в своем сочинении как главную дорогу севера Испании. Позже возникла дорога по побережью – через Ирун и Сан-Себастьян на Овьедо либо через Виторию на Бургос.

Поток паломников вынудил испанских государей обратить внимание на эти места. Уже в конце X в. Санчо Наваррский начал ставить по дороге приюты для путников. Позже король Наварры и Арагона Санчо Рамирес (1076–1094) освободил прибывающих на поклонение от всех платежей в городах Хака и Памплоне – первых крупных населенных пунктах после перевалов. По его решению многие городки и селения на этих дорогах получали льготы и привилегии с тем, чтобы привлечь сюда новых поселенцев. Основывались и новые населенные пункты, например, заселение Эстельи в 1090 г. сделало более легким переход от Памплоны до Нахеры. И в тех и в других, тоже не без королевской помощи, возникали приюты – альбергерии и оспитали, – в которых путники могли и отдохнуть, и получить медицинскую помощь, и даже обменять деньги. Санчес Рамирес особенно покровительствовал альбергериям при соборах в Хаке и Памплоне.

Не менее значительной была его роль в привлечении в эти города иноземных поселенцев. Так, Эстелья была заселена исключительно прибывшими из-за гор. Они получали привилегии, касавшиеся торговой и ремесленной деятельности: например, “франки” Сан-Сернина, Сан-Николаса обладали монопольным правом на продажу паломниками вина и хлеба; Хаке король пожаловал фуэро (1077?), которое обеспечивало “франкам” необыкновенно благоприятные условия поселения и жизни в этом приграничном городе: город получал статус *civitas*, все его жители, независимо от прежнего своего состояния, считались свободными, обладали правом владения движимостью и недвижимостью; через год и день после поселения права владельцев нельзя было оспорить; в то же время они имели полную свободу распоряжения

имуществом. Сходные фуэро получили Эстелья и другие места. В результате новые поселения быстро росли; росли и возникавшие в старых городах кварталы “франков” и во многих случаях обгоняли и по количеству населения, и по экономическому значению, как это было, в частности, в Памплоне, кварталы исконных жителей.

Те же действия королевской власти мы наблюдаем и в Леоно-Кастильской монархии. Альфонсо VI (1065–1109) в 1072 г. освободил от провозных пошлин путников, шедших через Санта Мария де Аутарес. Он же основал приют в Монте Себреро; в Бургосе, у разных ворот, два приюта – св. Иоанна, с кладбищем для пилигримов, и своего имени: опиталь Императора; покровительствовал он и другим пристанищам. Приюты на горных дорогах и перевалах Кантабрийских гор устраивались и в это время, и позже; обязанности смотрителей таких приютов были достаточно разнообразны: в зимнее ненастье, в туман они должны были звонить в колокола, указывая путникам дорогу к жилью, иногда служили и проводниками; в самом приюте обеспечивали еду, тепло, лечение. “Дорожная” служба столь ценилась, что нередко из привилегий, жалованных смотрителям таких мест, впоследствии выросло дворянское достоинство.

Первым пунктом “дороги Сантьяго” на землях королевства был Логроньо. По приказу Альфонсо VI были отремонтированы мосты и дороги от этого города до Сантьяго де Компостела и учреждены регулярные места отдыха. Сам Логроньо испытал приток свежих сил не только местных, но и “франкских” поселенцев, которые были приглашены сюда на льготных условиях монархом, что и было зафиксировано грамотой в 1095 г. Бургос, крупный старый центр, в котором сходились дороги от Пиренеев и с побережья, был насыщен иноземными купцами и торговцами, которые поддерживали связи с другими городами “дороги Сантьяго” и Атлантического побережья. Поселение, возникшее вокруг Саагунского монастыря, включало значительную группу горожан-“франков”, равно как и Асторга, Овьедо, Леон. Кстати сказать, именно Саагун хорошо иллюстрирует тот факт, что “франки” могли быть выходцами из самых разных областей Европы: так, одна из хроник этого времени указывает, что в Саагуне жили бретонцы, гасконцы, провансальцы, бургундцы, итальянцы (ломбардцы), англичане и германцы.

Один из крупнейших приютов для паломников, в Нахере, в 1079 г. был инкорпорирован в Ключи и стал также сильным проводником “франкского” влияния. В то же время, некоторые поселения городско-го типа изначально возникали в результате целенаправленного заселения ради поддержания “дороги” в порядке, как это было в случае с Белорадо, который был основан в 1116 г. “франками” и выходцами из Кастилии.

Второй период бурного заселения старых и основания новых городов и местечек на севере полуострова приходится на XIII – начало XIV в. Оно коснулось в основном территории Астурии, мало затронутой преобразованиями прошлых столетий, поскольку “дорога

франков” проходила все-таки южнее, а святыни, хранившиеся в Сан Сальвадор в Овьедо, не были так популярны, как гробница св. Иакова. Тем не менее общий процесс захватил и эту область, но не только в связи с паломничеством. XIII век – эпоха попыток, частично удавшихся, централизации государства в Кастилии. Особенно это было характерно для правления Альфонсо X (1252–1284), стремившегося по возможности унифицировать управление, в том числе и в городах. Астурия также подверглась реформированию: городские поселения среднего размера, которые образовывались или расширялись по инициативе короля, должны были стать центрами королевской политики и – центрами сельской округи, используя политико-административный опыт городов-консехо центральной части полуострова. Кроме стремления упрочить экономическое положение района, не в последнюю очередь королевской властью двигало желание обуздать местную знать с помощью новой, городской в основе своей, организации пространства.

Насколько это было актуально, можно судить по свидетельству гораздо более позднему, но тем более красноречивому. Речь идет об описании путешествия (XV в.), предпринятого представителями германского императора, которые пробирались в Португалию через северо-пиренейские земли вместе с паломниками и стали жертвами набега людей одного местного магната на землю другого. После долгих разбирательств императорские послы были отпущены, легко отделавшись утратой лишь императорской верительной грамоты, приглянувшейся доблестному сеньору.

В это же время епископская кафедра Овьедо стала предпринимать действия по оживлению паломнических путешествий к святыням Сан Сальвадора. Кроме широкой пропаганды его древности, его роли в спасении христианских святынь и борьбе за чистоту веры, значения совершавшихся ими чудес, епископы позаботились о приглашении в свои города новых поселенцев, разумеется, тоже на льготных условиях. Возникли и новые поселения – Ревередо, Кастрополь, Лангрео.

Условия поселения или существования местечка в новой ситуации фиксировались в поселенных или жалованных грамотах. Как правило, они содержали освобождение от сеньориальных “дурных обычаев”, указание на юридическое равенство всех насельников города, юридическую защиту горожан королевской (или сеньориальной в случае принадлежности епископской кафедре) властью. Горожане пользовались свободой передвижения и правом неприкосновенности жилища, свободой распоряжения имуществом. Нередко местечки освобождались от пошлин и тех или иных личных повинностей либо выплат за них, на время или навсегда.

По большей части эти городки заселялись за счет местного населения. Лишь в двух центрах Астурии – в Овьедо и в Авилес – возникли общины “франков”, получившие в это время достаточный вес в этих городах.

Как правило, если город был полиэтничен, “франки” селились отдельными улицами или кварталами, что сохранилось и в названиях – улица франков, vicus Francorum и т.д. Чаще всего такие кварталы возникали за первоначальными стенами города, и здесь же устраивался рынок. Положение тех, кто их населял, различалось в зависимости от региона. В Арагоне и Наварре королевская власть стремилась более или менее изолировать их, вплоть до запретов на проживание в них местных жителей, если они не принадлежали к привилегированным слоям населения. Это, с одной стороны, резко повышало статус горожан “франков”, с другой – отделяло их от остальных жителей города не только в пространственном отношении, с третьей – заставляло обладателей права на проживание в этих кварталах очень строго следить за его соблюдением. Создание такой аристократической, замкнутой группы влекло за собой разобщение горожан, и как социального слоя, и как членов единой городской общности, и часто – неприятие “франков” со стороны обитателей города местного происхождения. В некоторых случаях это приводило к волнениям и насильственным действиям с их стороны по отношению к “франкам”. Именно так случилось в Памплоне.

В Кастилии, Леоне и Галисии “франки” не были отделены от своих согорожан так жестко, хотя тоже предпочитали селиться компактно и нередко имели своих собственных судей (Саагун, Белорадо). Несмотря на более мягкие формы сосуществования, и здесь при неблагоприятных условиях противоречия этнического характера давали себя знать, как это было во время смуты начала XII в.

Подобное обособление преодолевалось долго и трудно. Судя по документам того времени, во многих поселениях, сложившихся на основе чужеземного заселения, сложился особый диалект романсе, близкий к провансальскому и употреблявшийся наряду с местным; в других – местный вариант романсе подвергся сильному влиянию провансальского. О сближении иноэтничных общин можно, видимо, говорить с конца XII – начала XIII в. Так, в середине XIII столетия в Саагуне вместо двух судей был назначен один – и для “франков” и для кастильцев. В Памплоне деление на автономные друг от друга части города, отделенные стеной и управлявшиеся своими органами власти, удерживалось до начала XV в.

Города, расположенные по “дороге франков”, довольно сильно отличались, как это можно предположить из уже сказанного, от других городов этого региона и с экономической, и с социальной точки зрения. Прежде всего, оживленная жизнь “дороги” вызвала рост торгового обмена теми товарами, которые могли служить обеспечению потребностей путешественников. В этом отношении Наварра и раньше служила своего рода связующим звеном между Европой и Аль-Андалусом; теперь спрос на изделия мусульманских ремесленников тем более вырос. Чаще всего подобным товаром торговали купцы-иудеи, для которых сношения с Аль-Андалусом были облегчены по сравнению с

христианами. В то же время поток паломников из Европы увлекал с собой и тамошних купцов, часть из которых, как мы видели, оседали в городах по “дороге франков”. Недаром кварталы “франков”, вокруг которых в сущности и складывался город, были центрами прежде всего торговой и финансовой деятельности – здесь располагались рынки и лавки менял.

Постепенно растет и местное ремесленное производство. Поскольку нередко либо возле города располагался монастырь, либо город возникал вокруг монастыря, среди ремесленников было достаточно много монастырской челяди, а в городе – монастырских мастерских и лавок. Тем не менее, ремесла и в лучшие времена “дороги франков” обслуживали в основном повседневный спрос, за пределы которого выходили лишь кожевники, оружейники, кузнецы, ювелиры. В XIII в. в Саагуне насчитывалось всего 17 ремесленных специальностей.

Торговая активность городов, рост их населения и его нужд способствовали вовлечению не только городской округи, но и прилегающих к ней аграрных районов в торговлю сельскохозяйственной продукцией. Особенно это было характерно для районов с менее выраженным горным рельефом. Многие города становятся центрами, куда свозилось с округи зерно с тем, чтобы отправлять его дальше, на крупные ярмарки. Некоторые из них, например, Эстелья, сами получают право ярмарочного места.

Результатом такого сочетания ремесленного и торгового развития явилась во многих случаях эволюция хозяйства от преобладания торгово-ремесленной сферы в конце XI – начале XII в. к доминированию аграрно-торговой деятельности с конца XII в.

Среди городов “дороги франков” было, как мы видели, немало королевских. В то же время многие сохраняли статус сеньориальных городов – Саагун, Сантьяго де Компостелла, Овьедо и др., что означало и сохранение некоторых особых прав монастырей или епископа: баналитетов, посмертного сбора, монополии на куплю и продажу определенных товаров. Часть из этих прав была отменена в конце XI – начале XII в. Остальные стали одной из причин волны восстаний, прокатившейся по Леоно-Кастильскому королевству во втором десятилетии XII в. Воспользовавшись политической смутой после смерти Альфонсо VI, играя на противоречиях между королевой Урракой, королем Альфонсо I Арагонским и знатью, Саагун и Сантьяго попытались ограничить власть монастыря в первом случае и епископа во втором, перейдя к вооруженным выступлениям. К сожалению, хотя нам известен ход событий, очень мало данных о том, кто принимал участие в движениях и чего хотел. Нам известно, однако, что в Саагуне был сформирован выборный совет горожан и из кастильцев, и из франков – concilium, который требовал юрисдикции города над землями округи, что привело к конфронтации города с крестьянами и землевладельцами. За время восстания в Саагуне появилось довольно много пришельцев-поселенцев местного происхождения. Возможно, к концу движения это вновь породило межэтнические разногласия, неслышные в начале восстания.

Еще меньше сведений у нас о внутреннем наполнении волнений в Сантьяго. Указания хроник на то, что и в Саагуне, и в Сантьяго заключались клятвенные союзы – *conjuratio*, *hermandad* – заставляют думать, что основным желанием восставших было обретение городской автономии, возможно, по типу королевских городов – *consejos*. Саагун не успокаивается и позже – в 80-е годы XII в. и четырежды в XIII в., город восстает против своего сеньора-монастыря. Теперь, однако, участники движения – городская верхушка, *caballeros*, четко формулирует свои требования: упразднение сеньории и самоуправление под властью короля.

В городской истории Пиренейского полуострова этого времени подобные события случались не так уж часто, и как правило, все они связаны с районом “дороги франков” или прилежащими к ней. В этом, как и в экономических и социальных характеристиках, города “пути к Сантьяго” являют собой особую модель развития пиренейского урбанизма.

ЛИТЕРАТУРА

Gautier Dalché J. Historia urbana de León y Castilla en la Edad Media (siglos IX–XIII). Madrid, 1979.

Medievo Hispano. Madrid, 1995.

Ruiz de la Peña J.I. Las “polas” asturianas en la Edad Media. Oviedo, 1981.

Ruiz de la Peña J.I., Suárez Beltrán S. y otros. Las peregrinaciones a San Salvador de Oviedo en la Edad Media. Oviedo, 1990.

Valina Sampedro E. El camino de Santiago. Madrid, 1971.

Vázquez de Parga L., Lacarra J.M., Uria Riu J. Las peregrinaciones a Santiago de Compostela. Madrid, 1981, 1992. 3 vv.

ГОРОДА И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

В обыденных представлениях крестовые походы связаны прежде всего с деятельностью церкви и рыцарского сословия; города же воспринимаются скорее как фон, как задник сцены, на которой эти актеры разыгрывают свои роли, в лучшем случае – как объект их притязаний. А между тем соприкосновение крестоносного движения с городами затронуло разные стороны их существования и породило явления, казалось бы, не имевшие прямого отношения ни к идее освобождения Гроба Господня, ни к ее воплощению. Однако – по порядку.

Начнем с того, что распространение крестоносной идеи не только не могло обойти города, но именно через них и произошло. Напомним, как это началось: Урбан II произносит свою знаменитую речь перед толпой мирян *всех* сословий, на пустом поле около *города* Клермона. И эти-то миряне кричат, подхватывая клич епископа Адемара: “Так хочет Бог!” Разумеется, это стало возможным в силу специфики городского поселения – высокой концентрации, вплоть до создания “критической массы”, людей разного происхождения и социального статуса. Недаром Урбан II, объезжая Францию, делал остановки в крупнейших городах: Бордо, Тур, Лимож, Пуатье, Анжер и др.

И в дальнейшем именно город был той средой, которая позволила быть услышанными призывам папы, стала для них “проводником”. Те немногие свидетельства о предыстории первого крестового похода, которые дошли до нас, нередко повествуют о проповедях в людных местах, на рыночных площадях и у соборов, что безоговорочно переносит нас в гущу городской жизни. Правда, до конца XII в., деятельность проповедников фактически не контролировалась папской курией. Только на переломе столетий, при Иннокентии III, возникла традиция посылать легатов по провинциям, которые могли и сами проповедовать, и облекать этим послушанием любого клирика. Особой известностью пользовался проповедник из Нейи-на-Марне Фульк. В XIII в. этим стали успешно заниматься монахи нищенствующих орденов, по природе своей городских.

Нередко проповедник следовал из одного места в другое, по заранее намеченному пути. Как правило, он останавливался в городах или крупных селениях, так чтобы проповедь была услышана как можно большим числом людей. Иногда такой “официальный” ревнитель крестовых походов сталкивался с так называемыми свободными проповедниками, часть которых исповедовала хилиастические идеи. Легко представить, к каким настроениям в городе приводили эти призывные речи, особенно последних.

Видимо, именно этим проповедям мы обязаны участием в крестовых походах нерыцарских слоев населения в форме массовых неорганизованных движений. Таково было печально знаменитое выступление весной 1096 г. тысяч крестьян и примкнувших к ним горожан под водительством Петра Пустынника; или мало известное движение 1212 г., так называемый крестовый поход детей. Им же мы обязаны и разжиганию религиозного фанатизма. Именно такую память оставил по себе некий монах Радульф, летом 1146 г. призывавший в городах Рейнских земель сначала “отомстить врагам Христа, которые живут среди нас” – иудеям, а потом уж идти в Святую Землю.

Однако участие горожан в крестоносном движении нельзя сводить лишь к этим до определенной степени спонтанным всплескам религиозной экзальтации и вольнолюбия. По свидетельствам хроник в XII в. папам и церковным властям приходилось прилагать огромные усилия, чтобы остановить поток жаждущих отправиться в Святую Землю под знаком креста – ведь “принять крест” мог человек любого происхождения, социального статуса и профессии. Толпы не обученных военному делу и недостаточно состоятельных, чтобы обеспечивать себя в походе, горожан и крестьян составляли большую проблему для крестоносных войск, обременяя их, истощая запасы провианта и разоряя земли, по которым они проходили, наконец, дискредитируя саму идею священной войны.

И первый, и второй походы были тому примерами. Попытки пресечь подобную практику были предприняты при организации третьего крестового похода, но тоже оказались не до конца успешны. Лишь Иннокентию III, с “изобретением” выкупов обетов, позднее оформленно-

го в индульгенции, удалось найти средство для частичного решения этой проблемы.

Некоторые из горожан, видимо, сумевшие богатством, военной выучкой или в результате покровительства приобрести положение в военной среде, участвовали в сражениях и осадах, свидетельством чего служат немногочисленные документы этого времени, например известное завещание 1219 г., по которому оговаривалось право жены некоего заболевшего болонца на часть шатра, который они делили с другими крестоносцами. Из горожан могли набираться и арбалетчики. Известно также, что иногда городские братства помогали своим членам, собирая средства на дорогу и участие в экспедиции.

Как всякое войско, крестоносцы нуждались в людях “городских” умений и знаний. Оружейники, моряки, шорники, врачи, обеспечивали военный быт рыцарей. Особую роль в нем играли купцы, без которых было невозможно снабжение “воинства Христова”.

Как ни скудны дошедшие до нас сведения об участии горожан в крестовых походах, они обладают ценностью тем более значительной, что надо учитывать априорную заданность нарративных и документальных памятников, нацеленность их на освещение прежде всего роли рыцарского сословия: каждое такое свидетельство надо бы умножать во много раз. О том, насколько велико было участие горожан, если не в военных действиях, то в движении в целом, можно судить по той быстроте, с которой в городах, отвоеванных крестоносцами, сложилась развитая городская структура и система управления, подобные европейским.

Центральная роль в этом процессе принадлежала городам Средиземноморского побережья. Уже в первом походе крупнейшие портовые города Италии помогли войскам крестоносцев, предоставив средства и морские суда, за что были вознаграждены долей в захваченной добыче и всякого рода привилегиями. Так, за помощь при осаде Тира Венеция получила треть покоренного города. Во время третьего похода и Ричард Львиное сердце, и Филипп II пользовались флотом итальянских городов, особенно Генуи, выплачивая за него значительные суммы: Филипп должен был Генуе 5 850 марок за перевозку воинов, коней, оружия и съестных припасов, согласно первому известному нам договору между крестоносцами и “морскими извозчиками”. Суммы, которые они получали за перевозки, были столь велики, что их невыплата смогла спровоцировать осаду и взятие Задара.

После образования государств крестоносцев эти же города осуществляли торговлю между Европой и Ближним Востоком. Купцы Генуи, Марселя, Пизы, Венеции везли в города крестоносцев сукна, дерево, кожи, оружие, в Европу – шелк, специи, предметы роскоши. Итальянские города активно торговали и с мусульманами. “Заморская” торговля принесла огромные богатства средиземноморским городам, во многом послужившие экономической основой для расцвета итальянских “городов-государств”. Заинтересованность их в левантской торговле позже, уже в XIV в., толкала их на создание антитурецких сою-

зов и даже на организацию очередного крестового похода, когда Генуя, горевшая желанием обладать городом Махдия (Тунис), втянула в поход Карла VII. Ощутимый доход они получали и от возросшего потока паломников, устремившихся в Святую Землю.

Влияние крестоносного движения на экономику, пусть и опосредованное, испытывали города всей Европы. Хорошо известно, что с крестовыми походами в европейских городах быт обогатился новыми привычками, а ремесленное производство – новыми технологиями. Понятно также, что возросшая потребность в воинском снаряжении способствовала развитию металлообработки, оружейного дела, расширению производства сукон и т.п. – документы эпохи свидетельствуют, что крестоносцы предпочитали запастись и оружием, и снаряжением, и провиантом на родине. Реже вспоминают о том, что нужда крестоносцев в деньгах заставляла их обращаться за ссудами, в том числе и к горожанам, что влекло за собой обогащение последних, а иногда и перераспределение земельной собственности. Иногда эта нужда в деньгах приводила к необычным решениям и неожиданным для городов последствиям: так, Альфонс де Пуату и Гуго де Сен-Поль продавали свободы и привилегии городам, находившимся на их землях. В то же время резкие скачки спроса на определенную продукцию, периодическое, пусть и минимальное, вымывание из городской среды наиболее активной части молодых и зрелых людей не могли не сказываться отрицательно на городской жизни. Значительный ущерб финансам горожан проистекал из колебаний политики папства, позволявшей крестоносцам не выплачивать долги, совершенные из благочестивого стремления в Святую землю, а также из необходимости участвовать в уплате выкупов за плененных сеньоров и государей.

К отрицательным последствиям крестовых походов надо отнести и волны религиозного фанатизма, которые завершались гонениями на иудеев, поднимавшиеся каждый раз, как раздавался призыв к походу в Святую землю.

Подготовка первого крестового похода ознаменовалась беспорядками в Нормандии, распространившимися и на Северную Францию. В конце 1095 г. в Руане и других городах крестоносцы стали принуждать иудеев креститься, убивая тех, кто не соглашался на это. В начале 1096 г. отряды крестоносцев достигли Рейнской области, и до июня беспорядки и убийства продолжались в тамошних городах и городах Баварии, Швабии, Чехии. Особенно пострадали иудейские общины Майнца, Кёльна, Регенсбурга. Во многих местах иудеи совершали коллективные самоубийства, предпочитая смерть насильственному крещению. По приблизительным данным (что естественно, ибо речь идет об XI в.), с мая по июль в Рейнских землях погибли около 12 тысяч иудеев, оставшиеся в живых, бежали. Размах гонений и их формы были таковы, что и призывы папы остановить убийства, и угрозы императора в адрес погромщиков оказались тщетными. Лишь после того, как отряды, добравшись до восточных окраин немецких земель и вступив на территорию Венгрии, были разбиты, бесчинства прекратились.

После указа Генриха IV о возможности вернуться в иудаизм в большинстве городов иудейские общины возродились. Однако через 50 лет, во время подготовки второго крестового похода все повторилось. Погромы в Халле, Магдебурге, Вюрцбурге, Кёльне опять привели к гибели людей и массовой миграции, дестабилизации городской жизни.

Предыстория третьего похода началась с гонений на сей раз в Англии, где они совпали с коронацией Ричарда Львиное сердце. В Лондоне, Линне, Норвиче, Стэнфорде, Йорке и других городах бесчинствовали отряды крестоносцев и местные жители, бравшие “штурмом” иудейские кварталы. И здесь погромы вызвали массовые самоубийства.

С начала XIII в. иудейские общины, разуверившись в возможности существовать в условиях того морально-религиозного климата, который сложился в это время в Западной Европе, потянулись на восток, в том числе в Польшу. Не говоря уже о страдании и гибели людей, эти события ударили и по городам в целом: они лишились активной в экономическом отношении части городской общины, имущество зачинщиков погромов и погибших целиком семей иудеев ушло в казну; городская культура утратила иноконфессиональный элемент, до той поры обогащавший ее палитру.

* * *

Крестовые походы совпали с эпохой расцвета средневековья и одновременно – с периодом бурного развития городов. Учитывая все вышесказанное, трудно придти к однозначному выводу о том, что преобладало – их негативные или позитивные влияния на город. Однако можно с уверенностью сказать, что города жили крестовыми походами, как и вся Европа, и именно в эту эпоху полностью раскрылись их потенции. В то же время долгое бытование самой идеи крестовых походов во многом было обязано представлениям о городе – граде Божьем и Иерусалиме как его воплощении, т.е. существованию “городской идеи” в средневековом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов (Запад в крестовом движении). П., 1918.

Заборов М.А. Крестовые походы. М., 1956.

Заборов М.А. Папство и крестовые походы. М., 1960.

Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.

Уколова В.И. Город как парадигма средневековой культуры // СВ. М., 2000. Вып. 61.

История крестовых походов. М., 1998.

Chazan R. European Jewry and the First Crusade. Los Angeles, 1987.

Cole P.-J. The Preaching of the Crusades to the Holy Land: 1095–1270. Cambridge, Mass., 1991.

Gillingham J.B. Richard the Lion Heart. L., 1989.

Grousset R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jerusalem. P., 1935. 3 t.

A History of the Crusades / Ed. Setton K.M. Madison, 1969–1989. 6 vol.

Ladero M.A. Las Cruzadas. Bilbao, 1968.

Runciman S. A History of the Crusades. Cambridge, 1951–1954. 3 t.

Suárez Bilbao F. Los judíos y las cruzadas: Las consecuencias y su situación jurídica // Medievalismo. Madrid, 1996. № 6.

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ В ГОСУДАРСТВАХ КРЕСТОНОСЦЕВ НА ВОСТОКЕ¹

Изучая историю государств крестоносцев, исследователь так или иначе имеет в виду прежде всего города, потому что завоеватели-крестоносцы всегда и везде были, как правило, городскими жителями. Это касается и рыцарей-крестоносцев, и ремесленников, и бывших крестьян, и купцов. Пожалуй, самым убедительным доказательством тому служит отсутствие латинских священников в деревнях. В 1210 г. римский папа издает постановление, что латинский священник должен находиться в любом поселении, в котором проживает не менее 12-ти латинян. Однако источники не дают нам возможности обнаружить следы деятельности католических священников в сельской местности, что прямо свидетельствует о концентрации латинского населения исключительно в городах. Латиняне на Востоке всегда оставались в меньшинстве по сравнению с местным, покоренным ими и отнюдь не всегда дружелюбно настроенным к ним населением. Период адаптации латинян на Востоке растянулся на довольно длительное время. В XII, XIII и даже первой половине XIV в. латиняне предпочитали не смешиваться с местным населением и держаться от него обособленно. Правящая элита во всех государствах крестоносцев отличалась особенной сплоченностью и корпоративностью, что помогало ей не только выжить в далеко не доброжелательной среде, но и не позволило ассимилироваться с местным населением. Городские же стены давали крестоносцам некоторое чувство уверенности и безопасности как в случае нападения внешнего врага, так и в случае выступления против них местного населения. Городские рынки и гавани были источником их постоянного и основного дохода. Город в жизни как рыцаря-крестоносца, так и любого латинянина более скромного происхождения на Востоке становится основным местом обитания.

В XI–XII вв. вместе с рыцарями-крестоносцами на далекий, неведомый, таинственный Восток отправилось немало западноевропейских горожан. На протяжении всего XI в. Восток настолько сильно притягивал к себе взгляды и помыслы европейцев, настолько яркими были рассказы паломников о богатствах и прелестях Святой Земли, равно как и о страданиях там христиан, настолько сложны экономические

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект N 97-0100440).

embacion estoient .9. 7 lxxxvij. ou
mois de mai le tiers ioi deu mois.

Et furent bien
cous despendre le sanc a
loz heremis h pelereu q de
marinet teriel estoient uenu
Li baron tallemblerent a cō
toil plus distrent entaus q
la betaigne nestoit mie bien

Антиохийская крепость. Крестоносцы, убивающие горожан.
Миниатюра XIII в.

проблемы в самой Европе, что после прозвучавшего в 1095 г. на Клермонском соборе призыва папы Урбана II выступить на Восток для освобождения Гроба Господня фактически не приходилось никого агитировать и убеждать в необходимости принять крест. Психологически общество было к этому готово. Желание выступить на Восток словно витало в воздухе. Пришла в движение вся Европа. Монах Ордерик Виталий отмечает, что после речи Урбана II все, “и горожане, и поселя-

не”, были охвачены единым порывом отправиться на помощь христианам Востока. Имел место своего рода массовый социальный психоз, распространявшийся со скоростью эпидемии и затронувший все слои европейского населения. Только этим можно объяснить, что толпы людей, которых Альберт Аахенский сравнивает с морским песком, двинулись по дорогам Европы ко Гробу Господню, оставив свои дома, семьи (а зачастую взяв их с собой), распродав за бесценок последнее имущество. Энтузиазм, сквозь призму веков кажущийся странным, был настолько велик, что остался в памяти последующих поколений. Гвиберт Ножанский не может удержаться, чтобы не описать самыми яркими красками этот массовый порыв первых крестоносцев: “Ни один духовный не имел надобности говорить в церквях, чтобы воодушевить народ к походу, ибо каждый дома или на улице давал обет отправиться в путь и ободрял других своими речами и примером. Все выражали один и тот же жар, и люди, лишённые всяких средств, по-видимому, находили их так же легко, как и те, которые, продав свои огромные имущества и долгим временем накопленные богатства, запасались большими средствами... Произошло удивительное явление, которое послужит образчиком внезапного и неожиданного падения всех цен; за денарий можно было купить семь овец. Недостаток хлеба превратился в изобилие. И каждый, заботясь всеми средствами собрать более или менее денег, продавал все, что имел, не по стоимости, а за то, что давали, лишь бы не остаться последним в предпринятом пути Божьем” Горожане и мелкие рыцари оказались наиболее мобильной частью европейского населения. Средневековые авторы постоянно говорят о “горожанах и поселянах”, о “народе и менее важных лицах”, находившихся в войске первых крестоносцев. Именно они составили войска Петра Пустынника, Вальтера Пексейо и его племянника Вальтера Сензавеора (Неимущего), графа Эмиха Лейнингенского. Именно они предварили собственно Первый крестовый поход рыцарства 1096–1099 гг. Вполне понятно в связи с этим, что европейские города стали центрами сбора крестоносцев. Прежде всего в городах имели успех проповеди Петра Пустынника. Город Майнц становится центром формирования войска графа Эмиха Лейнингенского. Можно даже назвать несколько имен горожан, занявших командные посты в войске первых крестоносцев. Так, например, некий Готфрид по прозванию Бурель, уроженец города Этампа, стал начальником отряда пехоты и знаменосцем. Но социальный статус, имена, род занятий крестоносцев-нерыцарей почти не упоминается в источниках. Это вполне понятно, ибо все они слились в единое войско Господне, разношерстное, разобщенное, плохо обеспеченное или необеспеченное вовсе, не имевшее конкретных целей, стратегии и тактики, в котором каждый в значительной степени должен был сам заботиться о себе по пути в Землю Обетованную, а по прибытии сам искать себе новое место в новой жизни.

Впоследствии, во времена рыцарских крестовых походов горожане скорее следовали за войском или находились рядом с ним, но не являлись при этом воинами. Хотя и тогда в источниках появляются весьма

расплывчатые упоминания о простом народе “plebei ordinis”, находившемся среди рыцарей, в частности в войске Балдуина, брата Готфрида Бульонского. Скорее всего, это были ремесленники тех профессий, которые могли быть востребованы в условиях военного времени: оружейники, изготовители доспехов, кузнецы, плотники, конопатчики. Труд последних был особенно необходим для поддержания в боевом состоянии кораблей. Не случайно Большой совет Венеции 3 июня 1227 г. издал постановление, по которому присутствие плотников и конопатчиков на корабле считалось строго обязательным. Услуги людей названных профессий могли очень хорошо оплачиваться. Судя по всему, иногда было выгодно следовать за крестоносным войском. Всегда можно было рассчитывать на удачу тем, кто мог вовремя предложить свои руки и знания. Гийом Тирский рассказывает о применении при взятии Никеи в мае–июне 1097 г. крестоносцами осадного орудия, построенного каким-то мастером из Ломбардии, “знакомомого с осадным искусством”, который сам и весьма неожиданно явился к руководителям крестоносцев и предложил им соорудить за весьма солидное вознаграждение некое приспособление, позволившее подкопом стены разрушить большую угловую башню. “Когда ему из общественной казны были даны достаточные средства и сверх того обеспечено вознаграждение за труд, также доставлены все требуемые материалы, он построил машину изумительного искусства”

После образования государств крестоносцев, видимо, было достаточно легко с названными профессиями найти свое место под небом Востока. За мастерами “стратегических” профессий на латинский Восток потянулись ремесленники мирных специальностей: гончары, сапожники, кожевники, сыроделы и т.д. Многие из этих ремесленников надолго или навсегда поселялись в крупных городах крестоносцев и занимались не только своим непосредственным ремеслом, но постепенно втягивались в международную торговлю. Разница между ними состояла лишь в том, что некоторые из них предпочитали сохранять за собой подданство той страны, откуда они прибыли; тогда в государствах крестоносцев они получали статус “habitatores” или “burgenses”; другие же, напротив, навсегда переселялись на Восток и становились подданными местного короля. В повседневной жизни вряд ли между той и другой группой ремесленного населения города можно усмотреть какое-то различие. Более высокое по отношению к местному населению социальное положение и тем и другим обеспечивало их латинское происхождение. Ремесленникам-латинянам вовсе не запрещалось вкладывать свои сбережения, пусть даже очень незначительные, в торговые предприятия, отдавая их профессиональному купцу с условием получения доли прибыли, или действовать от имени какого-то купца и самим отправляться в далекие путешествия по торговым делам. Конечно, доля ремесленников и мелких торговцев в обороте капиталов была ничтожно мала – 1–3%. Несомненно, ремесленники и мелкие предприниматели имели совсем немного шансов включиться в крупные предприятия и выдержать конкуренцию с купцами. Да и вряд ли они ставили перед со-

бой подобную задачу. Коммерческая деятельность была для них всего лишь дополнительным, но немаловажным, доходом. Международные рынки Леванта предоставляли им такую возможность, и они в полной мере смогли ею воспользоваться. Многим удавалось таким образом поправить свое материальное положение, пережить трудные времена, наконец, увеличить свои сбережения, вложив их в коммерческие предприятия. Именно поэтому мы встречаем среди людей, заключающих торговые сделки, представителей самых разных профессий: плотники, кузнецы, гончары, прядильщицы, оружейники, сапожники, стригальщики шерсти, красильщики, рыбаки, сукноделы, изготовители и продавцы камелотов (шерстяная ткань, производившаяся на Кипре), аптекари, владельцы таверн и небольших лавок, сыроделы, а также врачи, нотариусы, писцы и люди других профессий. Среди названной категории “предпринимателей” встречается немало женщин – вдов, также извлекавших прибыль из торговых операций.

Как были организованы ремесленники в городах крестоносцев, сказать непросто. Существовали ли цехи и торговые корпорации? Можно с уверенностью утверждать лишь то, что в Латинском королевстве Иерусалим цеховая организация ремесла отсутствовала. На Кипре мы можем видеть лишь какие-то очень расплывчатые намеки на существование цеха. Мы не знаем, как возник этот институт, какова его социальная и экономическая роль. Любые наши рассуждения о существовании цеха на Кипре можно считать весьма гипотетическими, поскольку ни один из известных нам источников не предоставляет достоверной информации по этому поводу. Хорошо известно, например, что на Кипре было развито производство сахара и шерстяных тканей. Существовали специальные мастерские, где производились основные товары собственно кипрского производства, пользующиеся большим спросом иностранных купцов. Производственный процесс был разделен на несколько этапов и очень хорошо организован. Поскольку названные товары приносили ощутимый доход в королевскую казну, их производство находилось под непосредственным контролем королевских чиновников, что больше напоминает организацию ремесла византийского, нежели западноевропейского типа. Торговля сахаром, более того, была исключительной монополией короля Кипра. При всем нашем детальном знакомстве с производством данных товаров мы фактически ничего не знаем о людях, ремесленниках, их изготавливавших. Они никогда не появляются в торговых документах, никогда сами не предлагают свой товар на рынках, не вступают в торговые сделки с иностранными предпринимателями, основными потребителями их продукции. Скорее всего, производителями были прежде всего автохтонные жители острова, не допускавшиеся к международной торговле. Скупщиками товара выступали королевская власть, в случае с сахаром, и специализировавшиеся на торговле тканями камелотерии. По известным нам источникам последние были лицами латинского, как правило, итальянского происхождения. Через них шло перераспределение продукции и доставка ее на международный рынок. Для местных производителей,

как представляется, завоеватели Кипра сохранили в общих чертах ту организацию, которая сложилась на острове в византийское время. Это не удивительно и не является спецификой Кипра. Такая же ситуация наблюдается и в других районах Латинской Романии. Если учесть, что на рынке Кипра с каждого продаваемого или покупаемого товара взимался строго определенный правом налог, что все товары проходили через королевский фондако, где они оценивались, взвешивались, где определялась сумма налога, то производство и продажа любой продукции так или иначе должны были находиться под контролем королевских чиновников и их организация диктовалась прежде всего интересами фиска. Фактов о непосредственном вмешательстве королевской власти в производственный процесс у нас нет. Таким образом, на Кипре имел место своего рода субстрат византийской и западноевропейской организации ремесла и торговли.

В целом, завоевание крестоносцев не предполагало проведения коренных изменений в укладе и образе жизни местного населения. Что же касается организации ремесленников латинского происхождения, то мы можем говорить о существовании некоей иерархии ремесленников одной профессии. Нотариальные акты упоминают мастеров (*magister*) и простых ремесленников (*faber*). Была широко распространена практика приема в мастерскую учеников. Период ученичества растягивался на несколько лет и специально оговаривался контрактом. Ученик жил в доме мастера, который брал на себя не только обязанность обучить своего подопечного мастерству, но и заботу об обеспечении его всем необходимым. Однако факт существования иерархии ремесленников сам по себе не доказывает наличие какого-либо постоянного объединения людей одной профессии, похожего на западноевропейский цех. Правовые источники также ничего не говорят о такого рода цехах или гильдиях. Молчание источников кажется весьма странным, ибо в случае их существования они должны были иметь какое-то представительство в Палате горожан, и отношения между ними не могли не отразиться в праве. Вероятнее всего, в Кипрском королевстве не было замкнутых и добровольных объединений ремесленников одной профессии по принципу европейского цеха. Наверное, правильнее предположить существование на Кипре “свободного ремесла”, так же, как это прослеживается в других районах Латинской Романии.

Основные этнические группы населения в городах крестоносцев, которые выделяют источники, – латиняне, греки и сирийцы. Особенно пестрая этническая и конфессиональная палитра характерна для Иерусалимского и Кипрского королевств. В целом, латинское население в Латинской Романии и в Сирии было преимущественно французского происхождения, за исключением районов, попавших под влияние Генуи или Венеции. Однако разнородную, многоликую массу европейцев на Востоке воспринимали как единое целое, независимо от происхождения, и, как правило, называли либо латинянами, либо франками. Провансальцы на протяжении XII в. воспринимались как отдельная этническая группа. После завоеваний Саладина в городах Сирии и Кипра про-

вансальский и французский элементы все более сливаются друг с другом, а также с итальянцами, численность которых постоянно возрастала, и с другими европейскими нациями, устремившимися в Святую Землю.

С самого начала, едва успев завоевать новые земли, будь то в Святой Земле, на Кипре, Морее, в Центральной или Северной Греции, или на островах Эгеиды, едва успев расселиться в только что созданных государствах, крестоносцы прежде всего приступали к приспособлению местных городов к своим нуждам и потребностям. Насколько им это удавалось, зависело от продолжительности их пребывания в той или иной области и территории, а также от их материальных возможностей, которые, как правило, были весьма скромны. При всех различиях ландшафта, природно-климатических условий, городского пейзажа и т.п. в городах крестоносцев есть ряд общих черт и явлений и во внешнем облике, и в образе жизни. Поскольку город давал государству основные средства существования и был неминуемо связан с международной средиземноморской торговлей, то развитие получали прежде всего портовые города с большой численностью населения и концентрацией в них иностранного купечества, особенно генуэзцев, венецианцев и пизанцев. Таковыми стали в Иерусалимском королевстве Акра, в Латинской империи Константинополь, на Кипре Фамагуста, в Морее Кларенца и Патры, на острове Эвбея Негропонт, на юго-западе Пелопоннеса Корон и Модон, на Крите Кандия, а также города Хиос и Родос, получившие свои названия от названий островов, на которых они расположены. Зачастую эти же города играли роль основных административных центров государства. Вторую категорию составляют портовые города, чуть меньшие по размерам и по объемам торговли, но также весьма важные для государства: Бейрут, Тир, Триполи, Тортоза в Иерусалимском королевстве, Лимассол на Кипре. Оборонительные функции были призваны выполнять города-крепости, которые чаще всего возводились на границах государства: Крак де Шевалье, Крак де Монфор, Маргат, Кастельруж, Бельвуар, Гибелин, Монреаль, Сканделион в сирийских землях, Кирения на севере Кипра, Клермон в Морее. Последний одновременно являлся резиденцией морейских князей, хотя официальной столицей Морейского княжества считалась Андравида. Несколько особняком в этом ряду стоит крепость Родос – самое уникальное фортификационное сооружение крестоносцев на Востоке. Одновременно этот город-крепость являлся столицей специфического государства, созданного в 1310 г. Орденом госпитальеров, резиденцией его Великого Магистра, местом сбора паломников и крестоносцев, направлявшихся в Святую Землю, а также крупным левантийским портом. Четвертую группу составляют города, не имевшие городских стен и, по существу, являвшиеся центрами сельской округи, хотя официально и имевшие статус столичных городов: Никосия, до конца XIII в. не защищенная городскими стенами, уже упомянутая нами Андравида. Однако вряд ли можно назвать города, которые выполняли только одну функцию, которые попадали бы только под одну категорию. Константино-

поль, Адрианополь, Фивы, Фессалоники, Акра, Родос, Фамагуста, Кандия, Хиос – крупнейшие административные, экономические, культурные региональные и общесредиземноморские центры. Наверное, правильнее и корректнее говорить о преобладании каких-то функций в определенных городах, чем давать жесткую типологию. Город по своей природе – сложный и многофункциональный организм. Таковым он был и на Латинском Востоке, отличаясь от городов Западной Европы только тем, что в большей степени был связан с внешним рынком и развивался в большей зависимости от его требований. Все города крестоносцев, за исключением городов Иерусалимского королевства, находились в подчинении центральной власти.

У современных исследователей довольно часто появляется желание назвать то или иное государство крестоносцев “Новой Францией”. Особенно это касается Иерусалимского королевства и княжества Морейского. Такое впечатление складывается главным образом при изучении права этих государств, действительно испытавшего на себе лишь косвенное и очень незначительное влияние восточного и византийского законодательства. Крестоносцы перенесли под небо Востока правовые нормы, феодальную иерархию, вассально-ленную систему Западной Европы. Однако при этом первые крестоносцы, будь то в Сирии, Морее, Константинополе или на Кипре, мало заботились о переустройстве или реконструкции завоеванных ими городов. Даже с течением времени города крестоносцев так и не приобрели западноевропейского облика, западноевропейского пейзажа, какое бы строительство ни предпринималось в них, и кто бы ни занимался их благоустройством: король или князь, большинство которых в государствах Латинского Востока были франкского происхождения, Великий Магистр ордена госпитальеров или одна из итальянских республик – Венеция или Генуя. В общих чертах город крестоносцев оставался скорее восточным. В целом латиняне сохраняли городской план, сложившийся задолго до их появления. Так, например, в Акре крестоносцам в наследство от прежних обладателей города достались узкие, неровные улицы, хаотичная застройка и отсутствие городского ядра, что характерно для любого восточного города. Такой облик Акра сохраняла и при крестоносцах. С 1192 г. и вплоть до конца XIII в. фактически не перестраивалась Фамагуста. После 1204 г. значительно сократился в размерах и пришел в запустение некогда великолепный Константинополь. Латиняне даже не пытались восстанавливать заброшенные здания. Их сил едва хватало на поддержание, но не на укрепление некогда великой крепости. В городах Морей (в Коринфе, Аргосе, Патрах, Каламите, Кадмее) франки наскоро укрепляли или возводили на сохранившихся старых фундаментах городские стены, не слишком заботясь об их прочности, долговечности и тем более эстетическом виде. Новыми городами-крепостями, построенными франками, стали Клермон и Кларенца, защищавшие подступы к столице княжества Андравида. Но и эти города были весьма оригинальным творением крестоносцев, аналогов которым нет ни на Востоке, ни в Западной Европе. В уже сло-

жившийся городской пейзаж франки вплетали новые постройки. Они спешно возводили латинские храмы, не отличавшиеся, за редким исключением, особой красотой и изысканностью. Чаще всего переустраивали для отправления католического богослужения бывшие мечети или православные церкви. На неровных, узких улицах восточных городов расположились фондако, бани, хлебопекарные печи, станции, наконец, жилища новых хозяев. Венецианская опись 1244 г. свидетельствует о том, что Акра была многоэтажным городом. Здания в 3–4 этажа были обычным, а не исключительным явлением. Такая же застройка города многоэтажными домами с приспособлением нижних этажей под хозяйственные нужды характерна и для Фамагусты, и для Родоса, и для Хиоса, и для других городов Латинского Востока. Это тоже признак прежде всего восточного города. Словом, первоначально завоеватели, равно как и крупные купеческие коммуны, утвердились и адаптировались в прежней схеме городов.

В равной степени континуитет проявлялся и в портовой части городов. Так, в Акре латиняне в течение двух веков своего присутствия продолжали поддерживать порт без внесения каких-либо серьезных изменений в его структуру, несмотря на увеличение числа прибывавших в гавань кораблей, увеличение тоннажа кораблей, несмотря на интенсификацию торговли. Вплоть до конца XIII в. никаких серьезных попыток по переустройству порта Фамагусты Лузиньяны на Кипре не предпринимали.

Заметные изменения в облике городов крестоносцев, особенно в их портовых районах, происходят с обустройством в них факторий крупных итальянских морских республик (особенно Пизы, Венеции и Генуи) и началом конкуренции между ними за рынки и за возможность влияния на политическую жизнь того или иного латинского государства на Востоке. Остановить процесс территориальной экспансии внутри городов, и как следствие этого – ограничить права экстерриториальности итальянских городов-коммун короли-крестоносцы всячески пытались. Однако далеко не всегда им это удавалось. Наиболее неудачный опыт имели в этом власти Иерусалимского королевства. Короли Кипра, напротив, более всех в этом преуспели.

К началу эпохи крестовых походов итальянцы не были новичками в военных предприятиях. Еще в XI в. венецианцы предоставляли корабли императору Византии для борьбы с норманнами. Генуэзцы защищали Тирренское море от арабских вторжений; боролись против мусульманских пиратов на Корсике. Приходилось им совершать рейды и к побережью Северной Африки. Крестоносцы лишь использовали большой военный опыт итальянцев на море и активно привлекали их на свою сторону. Они не скупились раздавать привилегии итальянским республикам в обмен на военную помощь. Первой из морских итальянских республик к крестоносцам присоединилась Генуя. Она приняла активное участие в осаде Иерусалима и стала первой обладательницей коммерческих привилегий в городе. Неоценима помощь Лигурийской республики во взятии Акры, Арсура, Кесарии и Бейрута. Понятно, что

во всех этих городах генуэзцы устраивали свои фактории. Следом за ними на Востоке появились пизанцы, руководимые их архиепископом Даимбертом. Последний стал патриархом и одновременно сеньором Яффы. В 1100 г. он пожаловал часть этого города своим соотечественникам, которые с энтузиазмом принялись за его восстановление и организацию своей фактории. Последними к крестоносцам присоединились венецианцы, которые поначалу занимали выжидательную позицию. Они согласились помочь Готфриду Бульонскому завоевать Акру в обмен на гарантии торговых и территориальных привилегий в городе. Однако выполнять обещания пришлось уже королю Балдуину I, которому венецианцы помогли завоевать не только Акру, но и Сидон и Триполи. В 1124 г. с их помощью Балдуину II сдался Тир. Согласно договоренности, Венеция во всех завоеванных с ее помощью городах получала площадь, церковь, улицу, баню, пекарню и мельницу. Самым главным завоеванием для всех республик становилось право экстерриториальности республики в том или ином городе, т.е. неподсудность королю.

Основным портом, соединявшим крестоносцев с Западной Европой, стала Акра. Неудивительно, что за территории и максимальные свободы именно в этом городе развернулась борьба между итальянскими республиками. Особенно сильные изменения произошли в Акре после отвоевания ее у арабов в 1191 г. Связаны эти перемены в большей степени с присутствием пизанцев, венецианцев и генуэзцев, нежели с деятельностью королевской власти. Прочность своих позиций и их неприкосновенность каждая из республик пыталась обеспечить путем фортификационного строительства внутри города. Следствием этого стало деление города на кварталы по этнической или конфессиональной принадлежности. Поквартальное деление в городах Латинского Востока традиционно, и само по себе не вызывает удивления. Исключение составляет лишь Фамагуста с ее смешанным, полиэтническим населением, расселившимся во всех районах города. Главная же особенность Акры состоит в том, что каждая из трех названных республик к середине XIII в. обнесла свой квартал мощными крепостными стенами с башнями и прочными воротами. Таким образом, внутри города реально появилось несколько крепостей, население которых постоянно враждовало между собой. Конфликты между кварталами-крепостями, прямые вооруженные столкновения и нападения друг на друга были нередки. Источники буквально пестрят подобными сообщениями. Так, в буллах папы Иннокентия III говорится, что в 1203 г. между Пизой и Генуей в Акре произошел вооруженный конфликт, в который он вынужден был вмешаться. В 1222 г. генуэзцы вторглись на пизанскую территорию и нанесли ей серьезный ущерб. В 1248 г., по данным "Анналов Святой Земли", столкновения между пизанцами и генуэзцами в Акре длились 21 день. При посредничестве Жана Ибелина, сеньора Арсура, между ними был заключен мир сроком на три года. Однако не успели еще высохнуть чернила после подписания мирного договора, как уже в следующем 1249 г. между ними вспыхнула новая война, про-

длившаяся 32 дня. В результате в городе было разрушено много домов, ибо стороны направили друг на друга метательные орудия и бросали друг в друга большие и маленькие камни, и погибло много людей. Самый же крупный конфликт произошел в городе в 1256 г. Он вылился в войну между Венецией и Генуей, известную под названием войны св. Саввы (1256–1258). Сначала преимущество в войне было на стороне Генуи. Примечательно, что Пиза, традиционная соперница Генуи, на этот раз выступила на ее стороне. Но, в конце концов, Венеция одержала победу, сильно разрушила генуэзский квартал, и генуэзцы были вынуждены ретироваться в Тир. С этого времени тон городской жизни задавала Венеция.

Похожая ситуация сложилась и в Тире, где итальянские морские республики также получили крупные концессии в городе, обеспечившие им экстерриториальность и позволившие диктовать свои условия на городских рынках. Королевская же власть, остро нуждавшаяся в их военной и финансовой помощи, не имела никакой реальной возможности остановить или пресечь внутригородскую экспансию иностранных государств. Наиболее прочные позиции в Тире к концу XII в. имела Пиза, хотя первыми концессии в нем еще в 1124 г. при Балдуине II получили венецианцы, поскольку сыграли первостепенную роль в его завоевании и присоединении к Иерусалимскому королевству. Тогда венецианцы получили третью часть города и его округа, а также треть доходов от налогов, собиравшихся в Тире, и 300 безантов из королевской доли доходов, поступавших от городского рынка. Наконец, республика св. Марка получила исключительные права собственной юрисдикции в венецианских кварталах города.

Однако с середины XII в. и до 1187 г. идет процесс постепенного забвения венецианцами Тира. Республика св. Марка к началу завоеваний Саладина потеряла почти все свои владения в Тире главным образом из-за их узурпации королем. Это была одна из основных причин пассивного отношения Венеции к защите города от Саладина, организованной Конрадом Монферратским. Старались держаться в стороне венецианцы и от борьбы, возникшей после Хаттинской битвы 1187 г. между двумя претендентами на Иерусалимский трон – Ги де Лузиньяном и Конрадом Монферратским. Пиза и Генуя, напротив, приняли активное участие в защите Тира. Военная поддержка Конрада Монферратского, будущего короля, обеспечила им крупные привилегии в городе. Первые привилегии в Тире пизанцы получили еще в 1156 и 1165 гг. Тогда их собственность ограничивалась пятью домами, небольшим участком земли поблизости от города и пизанским фондако. Сразу после Хаттинской битвы Пиза, без сомнения, оказалась самой решительной морской державой, и сыграла первостепенную роль в истории Иерусалимского королевства в конце XII в. В результате ее активных военных действий и благодаря ее гибкой политической позиции, когда она несколько раз меняла сторону в борьбе за королевский трон в зависимости от собственных интересов, Пиза завладела ценным районом, примыкавшим к городской стене и подходившим непосредствен-

но к порту. Ранее этот район принадлежал тамплиерам. К гавани прилегал площадь, также оказавшаяся в руках пизанцев. Свободного прохода через пизанскую площадь, соединяющую город с портом, не было. Таким образом, именно пизанцы получили возможность диктовать условия городской жизни, оказывать сильное давление и на короля, и на своих конкурентов, поскольку именно в ее руках оказался контроль над иностранной торговлей в Тире.

В связи с этим вполне понятно стремление Генуи создать свою колонию в Тире. В 1187–1190 гг. в городе впервые появляется довольно солидная генуэзская база. Впоследствии, после войны св. Саввы город становится одним из основных генуэзских центров на Леванте. Венеция же вспомнила о Тире только в 1191 г., когда к стенам Акры подошли французские войска Филиппа II Августа, сопровождавшие Конрада Монферратского, что значительно усилило перспективы быстрого отвоевания города у Саладина и обеспечивало преимущество Конрада над Ги де Лузиньяном, и когда на карту было поставлено будущее ее граждан в сирийских городах. Тогда Венеция сделала свой выбор и обратилась к Конраду с просьбой подтвердить ее привилегии 1123–1124 гг. как в Акре, так и в Тире. Однако тогда венецианцам удалось получить статус сторонников Конрада. Им еще предстояло решить, что они могут предложить в обмен на возвращение потерянной собственности и прав в Тире. Основные интересы Венеции по-прежнему оставались в Акре.

Короли Кипра, знавшие о печальном опыте раздела территорий иерусалимских городов, об установлении в них сфер влияния крупных итальянских республик, о постоянных столкновениях между ними, что реально ослабляло центральную власть и изымало у нее источники доходов, сразу же после прихода к власти на острове запретили какое бы то ни было фортификационное строительство в своем государстве. Право строительства крепостей принадлежало королю и – до начала XIV в. – тамплиерам. На Кипре не сложилось деления городов на кварталы по этническому или конфессиональному принципу, что также было одной из важнейших политических линий кипрских королей, старавшихся не допустить таким образом столкновения между людьми разных национальностей. Появление в кипрских городах замкнутых, а порой и обнесенных мощными крепостными стенами кварталов, как в Иерусалимском королевстве, было таким образом исключено. Третий принцип, проводимый кипрскими властями, заключался в поддержании баланса привилегий итальянских морских республик на острове, т.е. прослеживается явное стремление не допустить усиления экономического или политического влияния какой-либо республики на Кипре. Удерживать равновесие и баланс сил купеческих республик кипрским королям длительное время (1192–1373) помогал закон о запрете иностранцам и тем более иностранным государствам владеть на острове землей. Неспособность короля Пьера II Лузиньяна (1369–1382) следовать вышеперечисленным принципам во внутренней политике привела к усилению конкуренции между Венецией и Генуей на Кипре, стремлению каждой из них утвердить свой приоритет в королевстве, что в итоге

вылилось не только в кровавое столкновение между двумя коммунами в Фамагусте в 1372 г., но привело к тяжелейшей для Кипра войне с Генуей 1373–1374 гг. Ее следствием стала потеря Кипром части территорий на востоке королевства. Над Фамагустой вплоть до 1464 г. развевался генуэзский флаг. Король потерял не только важнейший левантский порт, приносящий его государству львиную долю доходов, но и вообще право контролировать иностранную коммерцию на его острове, поскольку весь поток торговли теперь мог проходить только через Фамагусту, минуя другие кипрские порты: Лимассол, Пафос, Кирению. Наследник и будущий король Жак I оказался заложником в Генуе, где родился его наследник, будущий король Янус. На выкуп короля и наследника ушли последние, имевшиеся в казне после войны деньги. Кроме того, кипрская сторона оказалась крупным должником прежде всего Лигурийской республики, а также других государств, особенно Венеции.

Итак, какова же роль итальянских республик в развитии государств крестоносцев? На приведенных примерах очень наглядно проявляются позитивные и негативные последствия итальянского присутствия и участия итальянцев в городской жизни государств крестоносцев. Итальянцев иногда обвиняют в том, что они, соперничая между собой, добываясь значительных экономических и юридических привилегий, способствовали ослаблению центральной власти; из-за своей разрушительной деятельности они были причиной внутренней слабости государств крестоносцев. Однако это не совсем верно. Без их участия невозможно было бы завоевание прибрежных городов в Сирии. Без их связей с Западом, без подкрепления, которое они постоянно посылали на Восток, без финансирования и военной поддержки, без их участия в охране завоеванных земель вряд ли было возможно длительное существование самих государств крестоносцев. Нельзя забывать, что итальянцы сыграли немаловажную роль в защите и государств крестоносцев, и своих собственных владений сначала от арабов, а затем от турок. Они всегда были активными участниками антитурецких лиг, они продолжали противостоять турецкому завоеванию, отстаивая свои экономические интересы в регионе даже ценой выплаты дани султану, в XV–XVI вв., когда все византийские территории давно уже находились в руках османов. Венецианский с 1489 г. Кипр оказался под властью турок лишь в 1570 г., венецианские города Навпакт – с 1499 г., Модон и Корон – в 1500 г., Монемвасия и Навплион – в 1540 г., остров Крит – в 1669 г., остров Корфу – в 1797 г. Генуэзский Хиос был сдан туркам только в 1566 г. С началом турецких завоеваний его города стали убежищем как для латинского, так и для греческого населения Романии. Путешественник XV в. Педро де Урдомалас, которому удалось бежать из Константинополя в 1453 г. на Хиос, свидетельствует, что жители острова, возможно, из-за близости к ним турецкого побережья и хорошего знания обстановки на Востоке никогда не колебались в том, чтобы дать приют кому бы то ни было, в том числе и беглым рабам, которых они принимали и размещали на острове (но не в городе Хиос), на

собственные деньги, а затем делали все возможное для отправки беженцев на Запад. Многие беженцы нашли приют также на Кипре.

Наконец, без итальянской торговли невозможно было формирование крупных международных рынков, обеспечивавших основной доход крестоносцам. Итальянская торговля реально привлекала и местных предпринимателей, давая возможность извлекать из нее выгоду и им самим, и государству, исправно получавшему торговые налоги. Допустить или не допустить местное население на международный рынок? На этот вопрос мог ответить только король. Все зависело от политики латинского правительства по отношению к местному населению, которая в свою очередь формировалась в период завоевания крестоносцами той или иной территории. Так, на Кипре греческое население долгое время было совершенно отстранено от участия в международной торговле. В XIV в. его место прочно заняло сирийское население Кипра (автохтонные жители Сирии, переселившиеся на Кипр после падения Латинского королевства Иерусалим в 1291 г.). Горожане-сирийцы довольно быстро набрали экономическую силу, пользовались поддержкой королей и сами не раз оказывали последним финансовые услуги. Во владениях генуэзцев и венецианцев, напротив, греческое население вполне допускалось к делам местного рынка. Греческие купцы выступали в качестве младших партнеров своих итальянских коллег. Не воспрещалось заключать торговые договоры и местным ремесленникам. Особенно “демократичны” в этом отношении были генуэзцы. Необходимо подчеркнуть, что после передачи Фамагусты под власть Генуи в 1383 г., в источниках сразу начали появляться имена греков-киприотов. Последние беспрепятственно могли вступать в торговые сделки с генуэзцами, заключать с ними договоры об аренде помещений под свои лавки, наконец, они принимались в качестве военных наемников на службу к новым хозяевам города.

Подобная ситуация характерна и для других латинских земель в конце XIII–XV вв. В целом, в государствах крестоносцев на Балканах, в Эгеиде греки продолжали, как и до завоевания, участвовать в местной и региональной континентальной торговле. Местные генуэзские и венецианские власти, как правило, не только не противодействовали, но и всячески поддерживали эту активность местного населения, делая его своим младшим партнером, а не врагом. В то же время итальянские купцы, несомненно, оттесняли на второй план местных предпринимателей, часто превосходили его численно, реально диктовали условия развития местного рынка и местного ремесла. В портовых городах крестоносцев в Сирии после отвоеваний их у Саладина и в Фамагусте на Кипре итальянские купцы составляли едва ли не большинство населения. О городах, принадлежащих венецианцам или генуэзцам: Хиосе, Пере, Кандии, Негропонте, Модоне, Короне, Навплионе и др. – тем более говорить не приходится.

Итак, выгодность присутствия итальянцев в городах крестоносцев зависела от политики королевской власти, от умения последней использовать их экономические возможности и военную мощь в интере-

сах своего государства. Следовательно, они одновременно могли действовать и силе страны и ее слабости, и ее подъему и ее закату. Их торговля могла составить основное богатство королевства и одновременно стать причиной не только экономической, но и политической его слабости. Развитие государства крестоносцев зависело от дальновидности и прозорливости прежде всего местной власти.

Жители городов крестоносцев, как и на Западе, были свободным населением. Однако в отличие от горожан в странах Западной Европы они имели возможность участвовать в общественной жизни города и в политической жизни королевства, часто наравне с рыцарями, через Палату горожан, через их собрания или ассамблеи. Так, в крупных городах Иерусалимского и Кипрского королевств (на Кипре действовали те же государственно-административные структуры и то же право, что в Иерусалимском королевстве) существовали Палаты горожан, во главе которых стояли виконты, назначаемые королем. На практике король часто согласовывал свою кандидатуру на должность виконта с горожанами, что избавляло его от возможного недовольства со стороны последних. Виконт отвечал перед королем за все городские дела, сочетал судебные, административные, казначейские функции, ибо ведал сбором королевских налогов в городе. Однако его власть была сильно ограничена Палатой горожан так же, как была ограничена власть короля Советом его баронов, составлявших Высшую палату. В палате горожан заседали двенадцать присяжных, избравшихся из наиболее состоятельных и именитых горожан как латинского, так и местного происхождения. Однако для отправления суда достаточно было присутствия по крайней мере двоих присяжных. Последние выносили судебный приговор, а виконту оставалось лишь его исполнение: “И когда суд окончит свои разыскания, расследования и совещания, – гласит гл. VII Ассиз Суда горожан – следует призвать виконта, и в присутствии его и тяжущихся сторон следует изложить все, что уже сделано, за исключением того, что суд обязан изложить только перед виконтом, а именно те факты, которые не касаются тяжущихся сторон. И тогда виконт начинает отправлять свою должность, в соответствии с тем, что было сделано и изложено, и должен он поступать согласно тому, что постановил суд, и согласно записи, которую должен вручить ему писец. А в этой записи сказано, что ему делать в суде и вне суда в течение дня”. Словом, ни виконт, ни даже король не имели возможности вмешиваться и влиять на решения суда присяжных. Более того, распоряжения короля относительно городских дел также далеко не всегда выполнялись без согласия горожан. Забавный случай произошел в Иерусалиме, когда король, не посоветовавшись с городским советом, издал указ всегонавсего о подметании улиц. Из-за невнимания короля к мнению горожан его приказ был признан незаконным. Вполне возможно, однако, что именно королю принадлежало право выбора присяжных. Во всяком случае, нам неизвестны факты избрания присяжных всем народом. А вот об отстранении королем присяжных от исполнения их обязанностей говорить можно. В одной из глав “Ассиз Суда горожан Кипра”

король говорит присяжным: “Идите прочь, и мы не желаем, чтобы вы были присяжными и пользовались бы правом судить”. За присяжными следовали чиновники более низкого ранга: писцы – секретари суда, старшие сержанты и сержанты, исполнявшие прежде всего полицейские функции.

Несмотря на достаточно высокий юридический и социальный статус, горожане имели не много возможностей подняться до уровня рыцарей и перейти, таким образом, в другую, более высокую социальную категорию. С юридической точки зрения великая пропасть отделяла городское население от рыцарства. У местного населения в связи с этим даже складывается впечатление, что у франков “одни только рыцари пользуются преимуществом и высоким положением. У них как бы нет людей, кроме рыцарей”. Действительно, горожане подчинялись собственному законодательству, представленному “Ассизами Суда горожан” Для них устанавливались гораздо более суровые наказания за преступления, чем для рыцарей. Так, если горожанин убьет рыцаря, то ему следует “отрубить кисть руки”. Если же рыцарь убьет горожанина, то за это он потеряет лишь свое вооружение. Согласно ордонансам кипрских королей, горожане не имели права жениться на дочерях рыцарей. Так же, как и в Западной Европе, горожане владели земельными участками, иногда довольно обширными, располагавшимися, как правило, в черте города или в пригороде. Однако эти владения никогда не рассматривались как лены. Пожалуй, единственной для горожанина законной и наиболее вероятной возможностью стать рыцарем было его участие в военных действиях, в ходе которых сам король посвящал его в рыцари. Шли на сей шаг короли весьма неохотно, чаще всего под давлением чрезвычайных обстоятельств. Например, чтобы пополнить изрядно пострадавшее и поредевшее во время Тиверийдской битвы 1187 г. рыцарское войско, Балиан Ибелин посвятил в рыцари сразу 60 жителей Иерусалима. В целом же, горожане всегда оставались на своей социальной ступени и не смешивались с аристократией. Однако благодаря развитому в государствах крестоносцев международному рынку, благодаря своей собственной предприимчивости и успешной деятельности на этом самом рынке, многим из них удавалось достичь того имущественного положения, которое мало чем отличало их от представителей господствующего класса. Красноречивое тому доказательство – история братьев несторианцев Лакка, богатейших купцов Фамагусты сирийского происхождения, крупных финансистов короля, состоятельности которых поражались современники. Они не раз оказывали королю Пьеру I Лузиньяну услуги и поддержку, устраивали в своем доме пышные празднества и приемы для него и его приближенных.

Невозможно не привести легенду, попавшую на страницы кипрской хроники, об их богатствах и щедрости. Однажды Франсуа Лакка пригласил в свой дом короля и рыцарей: “...из чувства большой щедрости и желая показать свои богатства, он бросил в огонь вместо простых бревен три или четыре вязанки дров из дерева алоэ, чтобы на них го-

товили еду². А когда король, бароны и другие сеньоры поужинали, они сели на пол и играли в кости. И он захотел показать всем часть своего богатства. Он приказал принести большое блюдо, которое поднимали четыре человека. Оно было наполнено крупным жемчугом и бесценными камнями, а среди них сияли четыре камня. Это были карбункулы³. А в углу своего дома он рассыпал сокровища и разбросал дукаты, как будто это было просто зерно. А в других углах раскидал гроссы и серафии⁴. Была зима, и в камине были поленья дерева алоэ и серебряные жаровни: и они грелись от дерева алоэ. Он положил 80 шелковых ковров. На которых из них они сидели. Теперь дукаты и монеты были прикрыты. Потом он приказал погасить факелы, поставить прямо посередине блюдо, открыть его, и свет от камней озарил помещение, словно раскаленные угли. И он подал напитки, а вместо еды в качестве подарков раздал жемчуг... Многие из рыцарей были алчны и бедны, и они потянули руки и каждый хватал то, что он предложил, и взяли у него многое. Но все, что они взяли, казалось ему пустяком” Кипрский хронист Леонтий Махера также подчеркивает, что приглашение сирийцами Фамагусты в свои дома рыцарей и короля было обычным и частым явлением. Некоторым сирийцам удалось подняться на более высокие ступени социальной лестницы и занять место среди кипрского рыцарства.

Интересной в данной связи является история сирийского рода Абуль’Фараж, известного на Кипре как Бельфараж. Эта фамилия хорошо известна из сирийских источников XII–XIII вв. Представителей этого рода мы находим среди епископов Кайссума и архиепископов яковитов. На Кипре в середине XIV в. – это очень известная и богатая фамилия. Так, Жан Бельфараж являлся знаменосцем королевства при Пьере I Лузиньяне. Его сын Тибальд был не только близок ко двору Пьера II, но, вероятно, являлся доверенным лицом короля. Ему не раз приходилось выполнять секретные и важные поручения кипрского монарха. Очень заметна личность Тибальда в период кипро-генуэзской войны 1373–1374 гг., когда “знатный рыцарь королевства Кипр” (“*nobilis milis de regno Cipro*”) за свои заслуги в борьбе против генуэзцев был даже удостоен права называться гражданином (*civis*) Венеции.

Итак, у горожанина в государствах крестоносцев всегда была возможность отличиться на поле боя, ибо он всегда жил в условиях военного противостояния сначала мамлюкам, а с середины XIV в. туркам. За счет службы королю они могли подняться по социальной лестнице. Однако, как представляется, не многие из горожан ставили перед собой такую задачу. Что касается службы королю, то свое предназначение

² Алоэ считалось специей и ценилось на рынке чрезвычайно дорого.

³ Эти камни производили на средневекового человека особенно сильное впечатление. Их сияние казалось загадочным, почти мистическим. Еще Исидор Севильский говорил, что эти камни сияют особым светом, “словно горящие угли”. О том же неповторимом, ослепительном, ярко красном сиянии этих камней пишет Жак де Витри.

⁴ Серафий – золотая монета. Имела хождение в Индии. На Кипр слово пришло через арабский язык и обозначало золотой динарий.

они видели в другом: оказание финансовой помощи королевским военным экспедициям против мусульман, в том случае, конечно, если считали его крестовые походы выгодными для себя. Так, например, во время крестовых походов кипрского короля Пьера I Лузиньяна 1361–1368 гг. купечество Фамагусты сначала активно поддерживало своего монарха, ибо было кровно заинтересовано в разрушении Александрии, Бейрута и других рынков мамлюкского Египта, которые оттягивали к себе капиталы европейских купцов, лишая тем самым Фамагусту и ее торговое население их посреднической миссии в левантийской коммерции. В середине XIV в. кипрское купечество, среди которого доминировали сирийцы, как раз находится на подъеме, переживает свой расцвет. Оно получает реальную поддержку королевской власти и чувствует реальные возможности занять ключевые позиции в региональной торговле. Экспедиции короля к берегам Малой Азии, завоевание им важных портовых городов Корхигоса и Атталии отвели турецкую угрозу и турецкое пиратство в водах Кипра, обеспечили безопасность на торговых путях в регионе. После взятия Александрии в 1365 г. Пьер I практически сразу выдвинул египетскому султану требования, призванные обеспечить кипрским купцам льготные условия торговли на рынках Египта, похожие на те, которыми обладали генуэзцы и венецианцы: судебно-административный иммунитет в землях султана, понижение коммеркиев в 2 раза, свобода передвижения по территории Египта, гарантии безопасности и оказание помощи в случае кораблекрушения. Однако когда все переговоры слишком затянулись, когда для достижения цели потребовались новые военные экспедиции против Египта, оказавшиеся также безрезультатными, но явно истощавшими государственную казну, повлекшие за собой повышение налогов, нарушавшие, кроме того, ритм региональной торговли, недовольство политикой короля стали выражать не только венецианцы и генуэзцы, но и купцы Фамагусты. Вместе со своими итальянскими коллегами они требуют от короля скорейшего заключения мира с султаном и восстановления традиционных торговых путей.

Даже один пример поведения горожан Фамагусты во время крестовых походов Пьера I Лузиньяна говорит об огромных изменениях в менталитете европейцев, поселившихся на Востоке, по сравнению с первыми крестоносцами, об их значительно более утилитарном отношении к крестовым походам. Теперь это отнюдь не колонизационное движение на Восток, не завоевательные войны, а необходимость обороны своего собственного государства от внешних врагов, которыми по-прежнему оставались неверные мусульмане, и отстаивание силой оружия своих экономических интересов в регионе. Не случайно уже в XII в. европейцы обвиняли поселившихся на Востоке крестоносцев в том, что они забыли свой долг воинов Христа, восприняли некоторые обычаи и быт ненавистных сарацин или изнеженных византийцев, сами стали ленивы и миролюбивы по отношению к неверным. Арабский автор XII в. Усама ибн Мункыз отмечает, что “все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на Восток, отличаются бо-

лее грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами”. Действительно, латиняне государств крестоносцев были значительно менее агрессивны и менее одержимы идеей борьбы с неверными и ненавистью к последним, чем их вновь прибывшие западноевропейские собратья. Они очень быстро поняли необходимость сосуществования с местным населением, были всегда готовы выступить в крестовый поход против своих мусульманских соседей, разрушить их порты и рынки, пресечь пиратские действия мусульман в прибрежных водах, но при этом они старались не допустить столкновений на этнической или конфессиональной почве внутри своего государства, причем как на бытовом, так и на общегосударственном уровне. Тот же Усама вполне спокойно говорит о некоторых франках, среди которых встречаются паломники, рыцари, братья ордена тамплиеров, и называет их своими друзьями. В повседневной жизни латиняне часто соприкасались с местным населением, сотрудничали на рынках, проявляя иногда удивительную веротерпимость. Их дома, торговые лавки или мастерские часто соседствовали с жилищами арабов, иудеев или греков. Никого не удивляло также соседство мечети или православного храма с храмом католическим. Латиняне совершенно спокойно взирали на исполнение мусульманского обряда, последние же весьма терпеливо относились к тому, во что верили и что делали франки. Любопытную историю рассказывает все тот же Усама. Однажды некий латинянин предложил эмиру посмотреть на Бога в младенческом возрасте. «"Хочешь ты увидеть Бога ребенком?" – спросил франк. “Да” – ответил эмир. Франк пошел впереди нас и показал нам изображение Марии, на коленях которой сидел маленький Мессия, да будет над ним мир. “Вот Бог, когда он был ребенком,” – сказал франк. Да будет превознесен великий Аллах над тем, что говорят нечестивые, на великую высоту!”».

Такого рода терпимость со стороны латинян Востока проявлялась не только по отношению к мусульманам, но и к другим местным этническим группам. Если в Европе, особенно в начале эпохи крестовых походов, мы видим многочисленные примеры враждебного отношения к еврейскому населению, когда имели место еврейские погромы в городах, то в государствах крестоносцев складывалась иная ситуация. Иудеи рассматривались как одна из многочисленных этнических и конфессиональных групп местного населения. Недаром в Фамагусте, куда иудеи мигрировали главным образом из сирийских земель, они заселили целый квартал. Иудеи часто встречаются в кипрских нотариальных актах, посредством которых они вступают в торговые сделки с итальянскими предпринимателями. В XV в. в Фамагусте появляется заметная группа иудеев, мигрировавших из Анконы. Очень сильной была еврейская община на Хиосе. Ее членами были главным образом переселенцы из Испании. Особенно многочисленной еврейская колония на Хиосе становится в XV в., и нам известно, что в самой крепости Хиос в этом столетии находился еврейский квартал. Однако еще в XII в. Бенджамин де Тудела говорил, что в городе Хиос проживало около 400 евреев.

Из греков в государствах крестоносцев в самом незавидном положении оказались греки-киприоты, к которым с самого начала латинские власти относились очень настороженно, постоянно опасаясь их выступлений. Именно этим объясняется длительное и ярко выраженное противостояние латинского и греческого населения на Кипре. Однако мы с уверенностью можем сказать, что с середины XIV в. греческая община на Кипре начала набирать силу. Некоторым грекам-киприотам удалось сконцентрировать в своих руках значительные капиталы. Доказательством тому может служить строительство православного собора св. Георгия в Фамагусте, который был возведен на деньги богатых греков, жителей города, и соперничал по своему великолепию и размерам с латинским собором св. Николая, самым большим и величественным латинским храмом во всей Латинской Романии. Следовательно, невозможно отрицать проникновения греков-киприотов на местный и международный рынок, который только и мог приносить быстрые и солидные доходы. С этого времени заметен также процесс симбиоза латинской и греческой культур. Завоеватели, особенно незнатного происхождения, все более воспринимают греческий язык, который в городской среде становится основным языком общения, свидетельством чего может служить перевод при Пьере I на кипрский диалект Ассиз Суда горожан. С середины XIV в. можно говорить об ассимиляции не только простых горожан, но и членов знатных франкских фамилий. В XV в. латиняне Кипра становятся более греками, чем франками. Они предпочитают греческий язык, многие хорошо знают греческую философию и литературу. Французский же часто воспринимался ими как иностранный. Кипрские латиняне XV в. часто прибегали к помощи переводчиков при общении с прибывшими из Западной Европы французами. Многие чиновники и священники также изучали греческий язык и вполне свободно им владели, что существенно облегчало им общение не только с местным, но и латинским по своему происхождению населением. Таким, например, был управляющий поместьями венецианской фамилии Корнаро на юге Кипра, в Пископи. Пьетро Казола, паломник середины XV в., свидетельствует, что этот человек был итальянцем, но очень хорошо говорил по-гречески. Другим примером может стать латинский священник из Мантуи, который служил в кафедральном соборе в Лимассоле. Он также прекрасно говорил по-гречески. Европейские путешественники и купцы XV в., встречавшие латинян-киприотов на Востоке, особенно отмечают, как те скверно владели французским языком. В этом столетии, особенно при короле Жане II (1432–1458) греческое влияние на Кипре стало столь значительным, что “остров словно вернулся под власть греков”. В течение названного столетия здесь складывается “левантийское” общество. Именно левантийцами, а иногда и просто греками, называли в XVI в. в Европе кипрских латинян. Многие из них стали преподавателями греческого языка в европейских университетах.

Нельзя однако отрицать попыток насильственного обращения местного населения в католицизм. Факты подобного рода касаются не

только первых десятилетий существования государств крестоносцев, но и значительно более позднего времени. Нам известны случаи обращения арабов на Кипре, относящиеся к середине XIV в. Так, во время переговоров Пьера I Лузиньяна с египетским султаном о заключении мира в 1367 г. в знак примирения на Кипре было объявлено об отправке “некрещеных сарацин” с Кипра в Египет. При этом хронист Леонтий Махера говорит и о существовании крещеных сарацин. Он пишет: “...те сарацины, которые были крещены, если это был их собственный выбор, и которые пожелают отправиться в Каир вместе с послами, могут идти. И некоторые пришедшие из Сирии и пожелавшие уйти, ушли” Конечно, обращает на себя внимание то, что подчеркнута добровольность крещения, что предполагает существование случаев принудительного обращения. Однако, как представляется, это касалось скорее пленных, нежели автохтонного населения острова. И такого рода факты встречались нечасто. Крестоносцы Кипра, так же как в других государствах Латинской Романии, предпочитали не обострять отношения с местным населением. Конфликтные ситуации внутри государств, как правило, провоцировали все те же вновь прибывшие на Восток европейцы, отличавшиеся агрессивностью, импульсивностью и воинственностью, в душе которых горело пламя крестоносцев, и которые желали получить все сразу, быстро и силой оружия, в том числе распространить власть Апостольского престола на местное население. Они приступали к реализации своих планов, не считаясь с реальной обстановкой.

На этом поприще в середине XIV в. особенно отличился папский легат св. Петр Томас Кентерберийский, снискавший себе славу святого именно как ревностный поборник крестовых походов против неверных. Так, едва вступив в кипрскую столицу Никосию, он задумал силой оружия приобщить к католической вере греческих священников. Махера пишет: “Он хотел сделать ромеев латинянами и хотел конфирмовать их. Из-за этого разразился большой скандал между ромеями и латинянами. Он послал за епископами и аббатами [священниками]⁵, и в один день они [все] пришли в св. Софию (кафедральный собор Никосии. – С.Б.). Епископы не знали о его намерениях. Когда они пришли в церковь, все двери были закрыты. Они конфирмовали одного священника по фамилии Мацас. Другие сопротивлялись, и франки принудили их силой. [И возникло большое волнение.] Народ услышал шум и прибежал, чтобы войти в св. Софию, но ему не разрешили, и они сами заперлись изнутри. Все пошли и принесли большую балку, чтобы сломать двери, а другие зажгли огонь [чтобы сжечь их]”. Только личное вмешательство короля, который встал на защиту своих подданных, разрядило обстановку. На Кипре всем было понятно, что столь непродуманный, а главное ненужный, шаг одного человека поставил две обшины: латинскую и греческую, – на грань войны.

⁵ Цитата приводится по Мюнхенской рукописи хроники. В квадратных скобках даются разночтения по Оксфордской рукописи.

Для латинян была и обратная сторона тесного сотрудничества и общения с местным населением. Существование латинян и греков, латинян и сирийцев в городских центрах, общие интересы, связанные с рынком, и схожая экономическая деятельность угрожали рассеять особый характер латинской общины. Местные власти, как могли, пытались препятствовать возможной ассимиляции латинян. На Крите Венеция даже пыталась провести своеобразную сегрегацию местного и латинского населения, распространяя ее прежде всего на средние и низшие социальные слои. В 1360–1370 гг. Венеция энергично пыталась предотвратить уход крестьянских женщин от вилланства посредством браков с латинянами. Однако ей так и не удалось полностью исключить смешанных браков. Латинские бюргеры, нотариусы и ремесленники уже на рубеже XIII–XIV вв. охотно женились на местных женщинах.

В своей повседневной жизни горожане должны были быть гарантированы от всяких неожиданностей. Эти гарантии, уверенность и спокойствие им давали городские стены, городская гвардия, а также мирное сосуществование и сотрудничество между членами различных этнических общин, проживавших в пределах одного города. Конечно, даже при наличии постоянной охраны в городе нельзя было полностью исключить криминальность. Однако в целом, как представляется, в левантийских городах криминальная обстановка была достаточно спокойной. Основная масса преступлений связана с торговлей и рынком – средоточием всей городской жизни в государствах крестоносцев.

Система жизни во всех левантийских городах была весьма размеренной, и вся активность горожан приходилась на световой день. С наступлением темноты ворота города закрывались до рассвета. Ночь воспринималась как время избавления от нормы, которая регулировала ритм повседневной жизни, соразмеренной со световым днем. Ночная тьма приводила человека в состояние бездействия и покоя, за исключением тех людей, которые занимались охраной города.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Пер. М.А. Салье. М., 1958.

Шпренгер Я., *Институторис Г* Молот ведьм. М., 1990.

Cessi R. *Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia*. Bologna, 1931–1950. Т. I–II.

Machairas L. *Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle* / Ed. R.M. Dawkins. Oxford, 1932. Vol. I–II.

Recueil des Historiens des Croisades: Historiens Occidentaux. P., 1844–1895. Т. I–V; Lois. P., 1841–1843. Т. I–II.

Annales de Terre Sainte / Ed. R. Rörich, G. Raynaud. P., 1884.

Близнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373). М., 1994.

Близнюк С.В. Этнокультурные отношения киприотов в XIII–XV вв. // Элита и этнос средневековья. М., 1995.

Ченцова В.Г. К вопросу о формах организации городского ремесла в Венецианской Романии в XIII–XV вв. // ВВ. 1990. Т. 51. С. 142–152.

Balard M. La Romanie Génois (XII-e–début du XV e siècle). Roma, Génova. 1978. T. I–II.

Bliznyuk S. I medici e la loro arte negli Stati crociati d'Oriente // Oriente e Occidente tra Medioevo ed Eta Moderna: Studi in onore di Geo Pistarino. Genova, 1997. P. 83–97.

Ilieva A. Frankish Morea (1205–1262): Socio-cultural Interaction between the Franks and the Local Population. Athens, 1991.

Jacoby D. L'évolution urbaine et la fonction méditerranéenne d'Acre à l'époque des croisades // Città portuali del Mediterraneo / Ed. E. Poleggi. Genova, 1989. P. 96–106.

Pistarino G. Genovesi d'Oriente. Genova, 1990.

Richard J. The Latin Kingdom of Jerusalem. Amsterdam, 1979. Vol. I–II.

ГОРОДА И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПРИБАЛТИЙСКИЕ ЗЕМЛИ

Первый крестовый поход на Балтике, возглавленный саксонским герцогом Генрихом Львом, маркграфом Бранденбурга Альбрехтом Медведем и королем Дании Свенем III, состоялся в 1147 г. и был направлен против полабских славян, упорно державшихся за своих языческих богов. Его продолжила длинная череда походов, которые предпринимали, в стремлении подчинить их своей власти, франкские и саксонские государи в IX – начале XII в. Крещение и покорение славян завершилось в 1185 г., с признанием поморскими князьями своей зависимости от датского короля Кнута VI.

С 1155 или 1157 г. начинаются на Балтике крестовые походы правителей Швеции. Свою “просветительскую” миссию они выполняли на другом конце Балтийского моря – на финских землях, у племен сумь, емь, и, отчасти, среди карелов. Подчинение будущей Финляндии шведской короне в основном закончилось к концу XIII в. Начиная с 1240 г., шведы не оставляли также попыток обратить в латинскую веру и православных русских, которых считали “схизматиками”, правда, всегда безуспешно. Последний шведский крестовый поход в русские земли был совершен королем Магнусом Эрикссоном в 1348 г.

С 1198 г. начинаются немецкие и датские крестовые походы в Ливонию, население которой составляли племена ливов, леттов, семигалов, куров и эстов. Завоевание крестоносцами Ливонии продлилось почти столетие; его окончание обычно связывают с подавлением восстания семигалов в 1290 г. Меньшая часть ливонских земель (Северная Эстония) с 1219 г. (окончательно с 1238 г.) составила владение датской короны; в 1346 г. король Вальдемар IV продал ее Тевтонскому ордену. Большая же часть Ливонии была поделена между немецкими духовными властителями: Орденом меченосцев, который после слияния в 1237 г. с Тевтонским орденом превратился в ливонскую провинцию последнего; архиепископством Рижским, епископствами Дерптским, Эзельским и Курляндским, а также городом Ригой.

В разгар борьбы крестоносцев за Ливонию, в 1217 г., папа Гонорий III провозгласил крестовый поход против еще одного прибалтий-

ского народа – пруссов, незадолго перед тем (1215) выгнавших из своей земли католических проповедников. Однако первый поход крестоносцев в Пруссию смог быть организован только после того, как за дело “просвещения” пруссов взялись братья Тевтонского ордена и лично их великий магистр Герман фон Зальца. В 1226 г. он добился от короля Фридриха II, чтобы Пруссия была передана его Ордену в качестве имперского лена. Крещение пруссов Орден начал в 1230 г. и завершил его к 1283 г., но таким образом, что коренных обитателей Пруссии сохранилось очень мало: они или были перебиты, или бежали в Литву, оставив по себе лишь память в названии страны.

С первых своих шагов в Ливонии, а затем и в Пруссии крестоносцы столкнулись с двумя сильными и упорными противниками – язычниками литовцами и православными христианами русскими. С ними им пришлось вести на протяжении нескольких столетий почти непрерывные войны.

Литовские племена долго упорствовали в язычестве: большая часть их крестилась только в 1387 г., а жители Жемайтии сделали это еще позднее – в 1413 г. При таких обстоятельствах Тевтонский орден получал хороший повод вести с Литвой войны под знаменем Христа, организуя против нее крестовые походы, в которых участвовали крестоносцы из многих европейских стран – Германии, Англии, Франции, Чехии, Дании. Первый крестовый поход против литовцев был объявлен папой Гонорием III тогда же, когда и против пруссов, в 1217 г.; последний состоялся в 1390–1391 гг., хотя противостояние Литвы (и союзной ей Польши) с Тевтонским орденом продолжилось и в XV в. Во всяком случае, крестоносцы на помощь Ордену прибывали до 1423 г.

Если в литовцах крестоносцы видели язычников, то на русских они смотрели как на еретиков, которых, впрочем, так же, как и язычников, следовало или обратить в истинную веру, или уничтожить. Кроме моментов чисто религиозных, к военным действиям против русских вождей крестоносцев толкали и вполне земные интересы. В лице русских князей, издревле собиравших дань с ливов, летов и эстов как со своих подданных, они увидели конкурентов. Противоборство русских и “ливонских немцев” продолжалось с самого начала XIII в. до Ливонской войны (1558–1583), когда войска царя Иоанна Грозного разгромили и уничтожили последнее государственное образование крестоносцев на Балтике.

Таким образом, эпоха крестовых походов в Прибалтике охватывает время с 1147 г. до середины XVI в. Фактически же, если не принимать во внимание русско-ливонские отношения, движение крестоносцев в Прибалтику сходит на нет в начале XV в. Поэтому в дальнейшем речь пойдет в основном о времени с середины XII по конец XIV в.

* * *

Данные источников, хотя и весьма скудные, свидетельствуют о том, что городское население с самого начала было вовлечено в крестовое движение в Прибалтику. Датский историк Саксон Грамматик

(ум. ок. 1220 г.) сообщает, что во время крестового похода 1147 г. войско короля Свена III состояло преимущественно из жителей г. Шлезвиг. Известно, что в морском сражении со славянами участвовал купеческий челн (*mercatorium cymba*). Деятельную помощь крестоносцам в 1147 г. и впоследствии при покорении славян Прибалтики оказывали купцы саксонских городов, а также Любека, восстановленного и заселенного в 1143 г. графом Гольштейна Адольфом II. Об этом был несомненно осведомлен князь бодричей (ободритов) Никлот, который, по рассказу немецкого хрониста Гельмольда, при нападении в 1147 г. на Любек обрушил свой гнев именно против купцов, уничтожив их “корабли, груженные товарами”

В IX–XII вв. католические миссионеры обычно пробирались в прибалтийские земли путями, ранее разведанными купцами; по следам купцов и миссионеров шли войска немецких князей. Именно дорогой Оттона Бамбергского, в 1124 г. проповедовавшего христианство в славянских землях, в 1147 г. армия крестоносцев направлялась в Поморье, возможно, имея проводниками кого-то из купцов. По свидетельству хронистов начала XIII в. (Арнольд Любекский, Генрих Латвийский), Ливонию для немцев открыли купцы из Бремена, в середине XII в. заброшенные во время жестокой бури в гавань близ устья Западной Двины. Бременские или любекские купцы доставили туда в 1184 г. и первого католического проповедника Мейнарда, а затем и его последователя епископа Бертольда. Последний, после провала своей миссии, по благословению папы Целестина III возглавил в 1198 г. первый отряд крестоносцев, прибывший в Ливонию морем, возможно, также на купеческих кораблях. В том же году новый ливонский епископ, Альберт фон Буксгевден, направился на Готланд и набрал там, отчасти, возможно, из немецких поселенцев в городе Висбю, “пятьсот человек для крестового похода в Ливонию”. Генрих Латвийский свидетельствует, что и в дальнейшем, при завоевании Ливонии, немецкие купцы (*mercatores*) неоднократно принимали участие в походах крестоносцев: в 1207 г. они вместе с рыцарями сражались с язычниками у Астрадэ, в 1208, 1214, 1223 и 1224 гг. вместе с крестоносцами приводили к покорности эстов, а в 1230 г. – обитателей Куронии и Семигалии; в 1208 и 1212 гг. встречаем их среди защитников Риги. Из источников XIII в. следует, что купцы, воевавшие в Ливонии, были почти исключительно выходцами из северо-германских городов и особенно часто из Любека. Его жители, откликаясь на призывы пап, сами иногда возлагали на себя крест с тем, чтобы помочь рыцарям крестить ливонских язычников. В документах XIII в. упоминаются также отряды немецких бюргеров, находившихся в войсках крестоносцев во время их походов в Пруссию. Участвовали жители немецких городов, в первую очередь купечество, в крестовых походах на Балтике и своими капиталами, жертвуя значительные суммы на наем ландскнехтов для отправки в Ливонию.

Подобно первым немецким бюргерам Любека, помогавшим крестоносцам завоевывать славянские земли, их соплеменники, составлявшие большинство населения во вновь возникших городах Ливонии и

Пруссии, имели самую тесную связь с крестоносцами. Весьма деятельную поддержку покорителям ливонских областей оказывали рижские бюргеры. Они обороняли свой город от ливов, литовцев и русских, ходили вместе с рыцарями в походы на Эзель (1214), в Виронию (1215), Роталию (1216), Ревельскую землю (1217), Гарию (1223), Курляндию и Семигалию (1230, 1288). При этом в войске крестоносцев они составляли отдельное ополчение, со своим знаменем. Известно также, что в 1268 г. рижане участвовали в осаде орденовыми войсками Пскова. В 1226 г. папа через своего легата епископа Вильгельма Моденского дозволил Риге брать крестоносцев себе на службу. В “Ливонской рифмованной хронике” (конец XIII в.) упоминаются “паломники” из Риги (pelgerin von riga). Торгово-ремесленные слои других ливонских городов (Ревеля, Дерпта, Нарвы и др.) в XIII–XIV вв. также неоднократно помогали вассалам датских королей и орденовым братьям в войнах с туземным населением, литовцами и русскими, особенно при защите своих очагов. В “Хронике земли Прусской” Петра из Дусбурга (первая треть XIV в.) находим рассказы об участии горожан из Эльбинга, Кульма, Кёнигсберга, Брунсберга, Христбурга, Мариенвердера, Фогельзанга, Редина и Кульмензе в сражениях 30–80-х годов XIII в. с пруссами и литовцами.

Со времени первых балтийских крестовых походов замки и города, в том числе основанные в завоеванных землях, служили местом сбора войск крестоносцев, базами, в которых они получали продовольствие, снаряжение, где они отдыхали и укрывались от врагов, пополняли свои ряды и откуда вновь затем отправлялись совершать “подвиги во славу Божию” Так, в 1147 г. армия крестоносцев выступила в поход из Магдебурга; тогда же один из отрядов датчан прибыл из Шлезвига. Вендские города (Любек, Росток, Висмар, Штральзунд и др.), заселенные в основном немцами, стали надежной опорой для немецких и датских государей в удержании в покорности недавно крещеных славян. Эти же города, прежде всего Любек, приобрели важное значение в XIII в. в деле доставки войск в Ригу, являвшуюся в продолжение многих лет главной базой крестоносцев в Ливонии. Немецкий хронист начала XIII в. Арнольд Любекский свидетельствует, что “паломники”, состоявшие “из прелатов, клириков, рыцарей, купцов (negotiatorum), бедных и богатых”, собирались в Любеке, откуда, “снабженные кораблями, оружием и продовольствием, направлялись в Ливонию” Чтобы земные устремления датских и немецких государей, с конца XII в. порой враждовавших с Любеком, не мешали “Божьему делу”, папы в XIII в. неоднократно брали под свою защиту любекский порт, а также крестоносцев и “мореходов, которые везут их на своих кораблях” Генрих Латвийский и другие источники XIII–XIV вв. говорят о том, что крестоносцы переправлялись в Ливонию на коггах (coggones), являвшихся основными судами ганзейских купцов. В первой половине XIV в., помимо экипажа, когги могли вмещать до ста воинов и еще двадцать лошадей. Плавание от Любека до Риги, в зависимости от погодных условий, могло продлиться до нескольких недель. В пути корабли с крестоносцами, как и купеческие караваны, часто заходили на Готланд, в Висбю.

Также морем крестовые походы совершались из Дании в земли балтийских славян и эстов и из Швеции – в Финляндию и на Русь. К сожалению, источники почти ничего не сообщают о тех городских гаванях, которые служили сборными пунктами для датских и шведских крестоносцев. В Дании таким местом, скорее всего, были порт Шлезвига, а также весьма удобная бухта зеландского города Роскилле, где находилась епископская кафедра, которую во второй половине XII в. занимал Абсалон – один из организаторов и непререкаемых участников крестовых походов датчан в Прибалтику. По пути в Эстонию датские “паломники” заходили на Готланд, а иногда и в Ригу. Главной базой крестоносцев в землях эстов с самого начала стал замок и город Ревель (Кольвань, Таллин). В свой первый крестовый поход (так называемый “поход святого короля Эрика”) шведы отправились, вероятно, из Сигтуны, в то время (1155–1157) едва ли не единственного торгово-ремесленного поселения на шведском побережье, располагавшего хорошей гаванью и к тому же находившегося вблизи от политического и религиозного центра Швеции – города Уппсалы. После того как в 1187 г. Сигтуну сожгли карелы и, по словам неизвестного автора “Рифмованной хроники Эрика” (20-е годы XIV в.), “город с тех пор так и не возродили”, его экономическое и стратегическое значение перешло к основанному вскоре поближе к морю Стокгольму. Последний в XIII–XIV вв., между прочим, уже и как политический центр Швеции стал основным местом подготовки крестовых походов и вообще военных предприятий шведов в северной части Балтийского моря. Главным шведским опорным пунктом в Финляндии с середины XII в. был замок, а потом город Або (Турку); в Карелии с 1293 г. эту задачу выполнял Выборг (см. ниже).

Итак, доля участия городов и горожан, особенно купечества, в подготовке и проведении балтийских крестовых походов весьма велика. Сами современники придавали большое значение роли города и его обитателей в деле крещения и покорения прибалтийских земель, а один из них, архиепископ Рижский Иоганн I Линен (1274–1285), в одной из своих грамот даже заметил, что Ливония и Пруссия “обращены к католической вере, после Бога, главным образом с помощью купцов” (добавим – немецких купцов).

* * *

Адам Бременский и другие источники свидетельствуют, что в XI в. торговля на Балтике имела международный характер; ее деятельными участниками были представители различных народов: славян, скандинавов, немцев, фризов, даже греков; но немецкие купцы тогда на Балтийском побережье не имели своих особых поселений. Последние начинают там появляться в ходе немецкой колонизации, ставшей возможной после присоединения в 1142 г. к графству Гольштейн Вагрии и в результате успешных действий крестоносцев за Лабой (Эльбой) во второй половине XII в. Основанные там при покровительстве крестителей славян в качестве торговых колоний-факторий саксонского ку-

печества, Любек и другие впоследствии знаменитые вендские города обязаны были своим экономическим развитием и материальным процветанием именно предпринимательской деятельности купцов. Их торговые интересы надолго стали интересами их городов, в которых они заняли с самого начала руководящее положение. Участие с начала XIII в. вендских городов, самых деятельных членов известной Ганзы в политической жизни Северной Европы, Германии и всего Балтийского региона также было обусловлено в первую очередь заботой о получении, расширении или сохранении для своих предприимчивых жителей торговых выгод и преимуществ, заботой о том, чтобы обеспечить им условия, благоприятные для получения наибольшей прибыли. Решительная поддержка, оказанная немецким купечеством крестовым походам в Ливонию и Пруссию, была как раз вызвана желанием достичь таких условий в прибалтийских землях.

Балтийская торговля немецкого купечества начала быстро развиваться с середины XII в., после того как оно получило свою гавань на Балтике (в Любеке). Пользуясь поддержкой герцога Генриха Льва, бременские и любекские купцы сумели в начале 60-х годов XII в. обосноваться на Готланде, в Висбю (договор с готландцами 1163 г.). Приблизительно в это же время они открывают для себя устье Западной Двины, а в конце столетия появляются в Новгороде. Следовательно, перед самым началом крестовых походов в Ливонию торговые выгоды немецкого купечества уже были связаны с балтийским Востоком.

Помогая крестоносцам, Любек неоднократно давал понять им, что он делает это в целях расширения своего торгового ареала и что новые властители Ливонии и Пруссии должны ему в этом помогать. Например, в 1242 г. городской совет Любека, состоявший исключительно из представителей купеческих семей, настойчиво добивался от Тевтонского ордена права основать свой торговый порт на побережье недавно завоеванного Самланда. При этом любекцы желали, чтобы новому поселению было даровано городское право метрополии, что привело бы к почти полному изъятию его из-под власти Ордена. Этого последний не желал допустить, а потому оставил проект Любека без последствий, чем вызвал крайнее неудовольствие этого влиятельного города. А между тем Тевтонский орден был весьма заинтересован в сохранении дружественных отношений с Любеком и его торговыми партнерами, ценил их помощь и не оставлял без своих милостей, наделяя купцов различными вольностями в своих владениях. Так, в самой знаменитой привилегии, которую Любек получил от Ордена в 1299 г. и которая оставалась в силе в XIV в., сказано: “Если между нами, нашими друзьями и союзниками, с одной стороны, и русскими, язычниками (т.е. литовцами) и их союзниками – с другой, вместе или порознь произойдет столкновение, то любекские горожане, тем не менее, спокойно будут ездить по всей нашей стране под нашим покровительством, а на свой страх они могут ездить и за наши пределы, куда и как сами захотят. Все привезенное или присланное ими в пределы наших теперешних или будущих владений они могут свободно продавать и увозить” Купцы Любе-

ка получили также право все свободно покупать и вывозить наравне с орденскими рыцарями.

Уже при первом епископе Рижском Альберте фон Буксгевдене (1199–1229) немецкие купцы получили льготы, освобождавшие их во владениях рижской кафедры от берегового права и уплаты пошлин. При преемнике Альберта I, епископе Николае (1229–1253), Любек добился права устроить в Риге факторию для своих купцов (1231). После завоевания Курляндии и учреждения там епархиального управления (1254) Любек немедленно испрашивает себе у местного епископа Генриха различные льготы, прежде всего отмену берегового права. В 1256 г. епископ Эзельский, через владения которого проходил торговый путь в Новгород, также изъяс немецких купцов из-под действия норм берегового права и освободил их от всяческих поборов, а кроме того дозволил рубить в своих землях лес для починки кораблей. В том же году папский легат архиепископ Рижский Альберт II (1254–1274) под угрозой интердикта раз и навсегда запретил использовать береговое право уже во всех ливонских и прусских землях. Следующий рижский архиепископ, Иоганн I (1274–1285), отмечая заслуги немецких купцов в крещении прибалтийских народов и желая за это “их вознаграждать достойным образом”, постановил в 1276 г., “чтобы все гости во всем городе (т.е. Риге) и стране на вечные времена были свободны от всяких поборов, пошлин и подорожных [поборов]”, а также “дозволил гостям рубить на берегу лес на дрова и на починку судов”, предоставил им “свободный доступ во все наши гавани, право складывать на берегу товары”.

Не скупилась на милости немецким купцам и датские короли (Вальдемар II и его преемники) как собственно в Дании, особенно в Сконе, так и в своих заморских владениях – в герцогстве Эстонском, вдоль побережья которого, по Финскому заливу, к устью Невы и Наровы пролегал путь в Новгород. Как и прочие властители Ливонии, короли Дании отменили на эстонском побережье береговое право, хотя их вассалы из области Вирония вопреки запретам своих государей иногда в XIII–XIV вв. продолжали им пользоваться.

Закрепившись в 1163 г. на Готланде, любекские купцы вскоре оттуда проникли в самую Швецию. При короле Кнуте Сверкерссоне (1168–1195) они уже имели там значительные льготы, в 1251 г. подтвержденные в грамоте ярла Биргера. Последний, между прочим, повелел, “чтобы горожане Любека, приезжающие в наше королевство с товарами, были свободны и изъяс от всех пошлин и поборов. Если кто из вашего города захочет поселиться в наших владениях, пусть он живет и судится по законам нашей страны и считается за шведа” Текст грамоты герцога Биргера затем был почти дословно приведен в привилегиях Любеку королей Биргера Магнуссона (1292) и Магнуса Эрикссона (1336). Поскольку правители Швеции предоставляли немецким купцам торговые льготы в пределах всего своего королевства, то это означало, что они их получали и в Финляндии, которая была присоединена к шведской короне в ходе крестовых походов.

Исключительные привилегии, дарованные немецким купцам в течение второй половины XII–XIII вв. правителями Померании, Скандинавских стран, Ливонии и Пруссии, помогли им достичь такой материальной мощи, которой уже не могли противостоять торговцы других балтийских народов. Немецкие купцы, поддержав крестоносцев, получили от их вождей такие выгоды и преимущества, которые сделали их фактически торговыми монополистами в прибалтийских землях. Два важнейших пути, по Западной Двине и через Финский залив, соединявших русские земли с Балтийским морем, оказались во власти крестоносцев, а значит, и в руках их сподвижников и в основном соплеменников – купцов из Любека и других городов Северной Германии.

Впрочем, интересы властителей земель, завоеванных в ходе крестовых походов в Прибалтике, не всегда совпадали с интересами купцов. Для последних на первом месте стояли их торговые выгоды, вожди же крестоносцев больше заботились о решении вопросов политических и религиозных. Войны, которые в XIII–XV вв. завоеватели Финляндии, Ливонии, Пруссии часто вели с северорусскими землями и Литвой, нарушали мирный ход торговли в крае. Папы, Тевтонский орден, правители Ливонии, Дании и Швеции в военное время открыто (хотя и не вполне успешно) препятствовали немецким купцам торговать со своими соперниками – новгородцами, чем хотели нанести им экономический урон. Так, в 1229 г. папа Григорий IX приказал прекратить торговлю с русскими под тем предлогом, что они являлись врагами католической веры и препятствовали ее распространению в Финляндии; перед рижским епископом ставилась задача убедить купцов, под угрозой церковных кар, не ездить в русские земли. В 1278 г. немецкие купцы вынуждены были на время отказаться от торговли с Новгородом под нажимом архиепископа Рижского Иоганна I и магистра. В 1295 г. шведский король Биргер Магнуссон в своем послании к горожанам Любека откровенно сообщал, что для него невыгодна русская торговля немцев, ибо она помогает усилиться его врагам – новгородцам; он позволяет все же ее вести, но с условием, что любекцы не будут возить к русским оружие из Швеции и железо, т.е. товары, имевшие стратегическое значение. В 1303 г. Биргер это постановление повторил. Его преемник, король Магнус Эрикссон, перед крестовым походом в Русскую землю в 1348 г. вовсе запретил немецким купцам торговать с ней шведскими товарами. За отказ подчиниться этому приказу король в том же году велел арестовать и заточить в тюрьму некоторых немецких купцов, что привело к открытому столкновению между Швецией и Любеком. Главный ганзейский город Ливонии – Рига – во время своей распри с Орденом (1297–1330), как возмущенно свидетельствует одна орденская грамота, вообще состоял в союзнических отношениях “с литовскими сарацинами” (*cum Lituinis Sarracenis*). В 1414 г. власти Ливонии принудили свои города не продавать новгородцам и псковичам лошадей. В 1442 г., с началом очередной ливонско-новгородской войны, торговые сношения Ганзы с Русью были прерваны почти на шесть лет.

Таким образом, запреты вождей крестоносцев далеко не всегда находили благожелательный отклик в предприимчивых душах ганзейцев; в “заповедные годы” они продолжали на свой страх и риск вести торговлю в русских и прибалтийских землях, из-за чего у них возникали распри с королями Швеции и орденскими властями.

Немецкие купцы с первых своих шагов по освоению балтийского рынка старались действовать совместно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в XIII вв. вожди крестоносцев, особенно власти Ливонии и Пруссии, смотрели на них как на некую общность и часто выдавали льготные грамоты купцам не одного какого-либо города, а разом *universitas communie mercatorum*, под которой имелась в виду Ганза в целом. И даже выгоды и преимущества, полученные в прибалтийских землях первоначально одним городом, например, Любеком, затем становились достоянием прочих северо-германских городов.

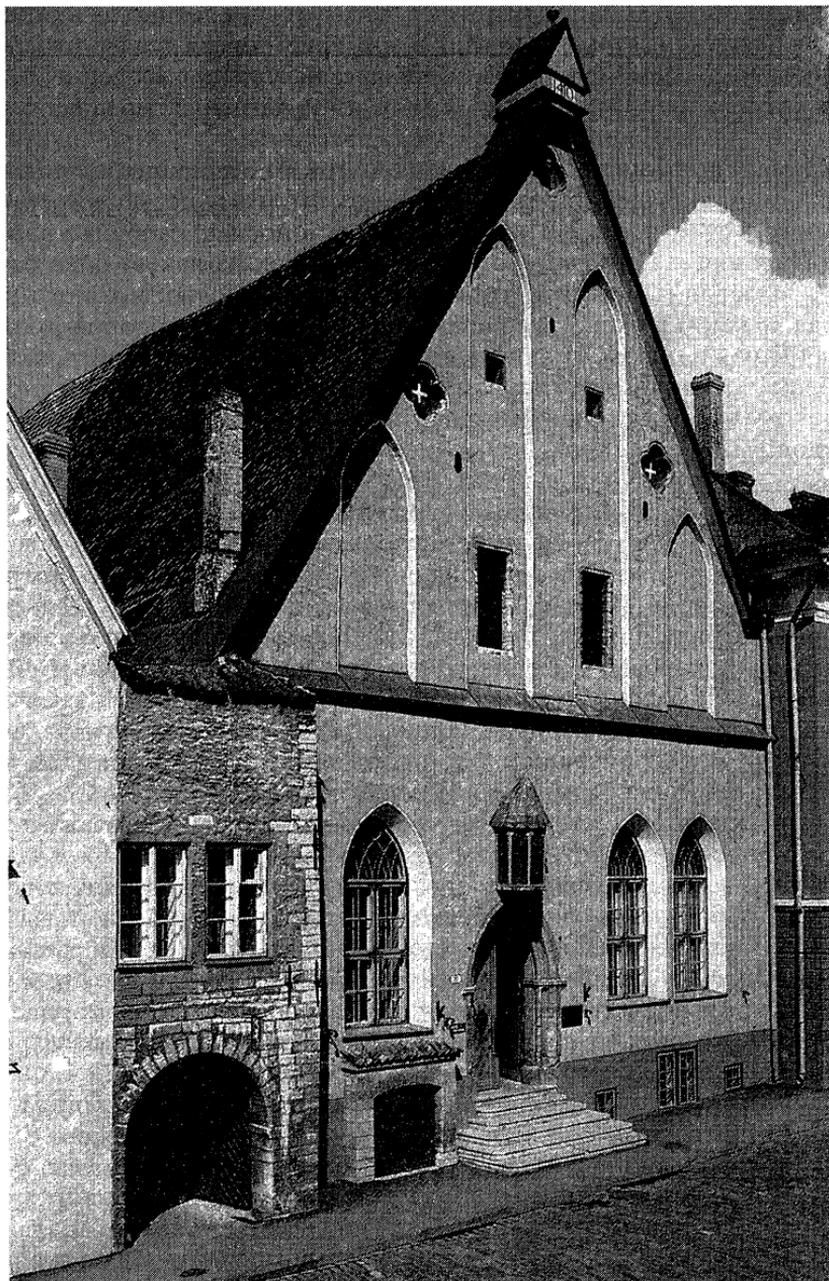
Как известно, торговые интересы ганзейцев распространялись на всю северную часть Европы, но свои главные прибыли они извлекали из торговли именно на Балтике, используя здесь свое положение посредников-монополистов в отношении в первую очередь русских рынков – в Новгороде, Пскове, Полоцке, Витебске, Смоленске. Значительную роль играли при этом города, возникшие в Прибалтике во время крестовых походов: в Ливонии – Рига, Ревель, Дерпт, Пернов, Венден, Вольмар; в Пруссии – Эльбинг, Кульм, Торн, Кёнигсберг, Мемель; завоеванный у Польши в 1308 г. Данцинг – Гданьск. С самого начала они выполняли роль проводников торговой политики городов Северной Германии, вступали с ними в союзнические отношения и с образованием Ганзы стали ее деятельными членами, образовав так называемую прусско-ливонскую треть союза.

Итак, очевидно совпадение: эпоха зарождения, становления и возвышения Ганзы являлась одновременно и эпохой проведения крестовых походов на Балтике. Это совпадение, конечно, не случайно. Образование Ганзы явилось следствием развития балтийской торговли немецких купцов и, как результат, роста экономического и политического могущества их городов. Условия же для этого во многом были созданы благодаря успешным действиям крестоносцев в прибалтийских землях.

Походы крестоносцев на Балтике начались в то время, когда города там насчитывались единицами. На момент же фактического завершения походов, в конце XIV в., прибалтийские земли были уже краем довольно урбанизированным.

Крестовые походы на Балтике совершались и в те земли, где градообразование уже имело давнюю традицию (славянское Поморье, восточная часть Ливонии, Русь), и туда, где эта традиция едва-едва зарождалась (большая часть Ливонии, Пруссия, Юго-Западная Финляндия, Литва). В обоих случаях их влияние на процесс развития городской жизни в крае трудно переоценить.

Возникновение и становление вендских городов, составивших впоследствии костяк знаменитой Ганзы, теснейшим образом связано с

Таллин. Здание Большой гильдии. 1407–1410 гг.

политикой покровительства, которая была им оказана со стороны крестителей Прибалтики: графов Гольштейна, герцогов Саксонии, королей Дании, принявших католичество славянских князей Мекленбурга и Померании (Поморья), духовных властей. Будущий глава Ганзы – Любек обязан своим возрождением графу Гольштейна Адольфу II и герцогу Саксонии Генриху Льву: первый основал в 1143 г. возле бывшего славянского города Любицы, уничтоженного в начале 1130-х гг. рюгенским князем Рачей, торговый пункт (fogum), где поселил немецких купцов; второй перенес в 1158 г. это поселение на соседний холм и даровал ему вместе со статусом civitas различные льготы. Другой славный ганзейский город – Росток, являвшийся прежде славянским поселением, был восстановлен в 1171 г. одним из ревнителей христианства в Прибалтике князем Прибиславом Мекленбургским. Основателями Грейфсвальда как торгового местечка стали монахи из цистерцианского монастыря в Эльдоне; в первый раз он упоминается в источниках в 1248 г.

В рифмованной “Хронике Эрика” говорится, что шведские крестоносцы заложили во время своего первого похода в Финляндию (1155 или 1157) замок Або (Турку), ставший надолго центром политической власти шведов в финских землях. Второй по значению замок в Финляндии – Выборг был построен в 1293 г. по приказу предводителя шведского войска маршала Торгильса Кнутссона.

Основателем Риги (1201) источники называют главного организатора крестовых походов в Ливонию епископа Альберта фон Буксгевдена. Первых же горожан для Риги, по сообщению Генриха Латвийского, в 1202 г. привез на кораблях брат Альберта, Энгельберт. Вторым по значению город Ливонии – Ревель заложил вождь датских крестоносцев король Вальдемар II (1219); как город он первый раз упоминается в 1238 г.

Будущая знаменитая столица Восточной Пруссии Кёнигсберг был основан в 1255 г. венценосным крестоносцем, королем Чехии Пршемыслом Отакаром II.

Прочие города Ливонии и Пруссии также обязаны своим зарождением и становлением по большей части крестоносцам, что засвидетельствовали местные хронисты XIII–XIV вв. (Генрих Латвийский, Петр из Дусбурга и др.).

За исключением, вероятно, Грейфсвальда, все крупные вендские города – Любек, Росток, Висмар, Штральзунд (Штралов) – возникли на месте или непосредственно вблизи старых славянских городов и селений, ранее запустевших. Важной особенностью этих городов было то, что они изначально являлись торговыми, а не только военными пунктами. Это значение вендских городов в хозяйственной жизни Прибалтики высоко ценили и всячески поддерживали, конечно, имея в виду при этом свою материальную выгоду, их немецкие, датские и славянские государи.

В других землях, завоеванных крестоносцами на Балтике, некоторые из возникших там в XIII–XIV вв. городов также имели своими

предшественниками какие-то поселения туземцев, причем иногда с торговым значением. Данные археологических раскопок и скупые свидетельства письменных источников указывают в их числе города Або и Выборг; ливонские – Ригу, Ревель, Дерпт, (современный Тарту, прежде город Юрьев, основанный в 1030 г. великим князем Ярославом-Георгием Мудрым), Кокенгузен (Кокнесе, ранее русская крепость Кукенойс); прусские – Эльбинг (Эльблонг, возможно, основан на месте торгового местечка Трусо), Рисенбург (Прабуты), Велау (Вилов), Лебау (Любава), Грауденц (Грудзёндз). Однако в отличие от большинства вендских городов у истоков всех городов Финляндии, Ливонии и Пруссии стояли замки крестоносцев. В XIII–XIV вв. этих замков, служивших опорными пунктами для новой власти, там возникло великое множество – более двухсот. Возле некоторых из них постепенно выросли торгово-ремесленные посады, или по-немецки *Nakelwerken*, со временем получившие городское право. Так появились, кроме вышеназванных, города: в Ливонии – Нарва, Везенберг (Раковор), Венден (Цесис), Вольмар (Валмиера), Лемзаль (Лимбажи), Виндава (Вентепилс), Гольдинген (Кулдига), Рооп (Страупе), Пернов (Пярну) и др.; в Пруссии – Торн (Торунь), Кульм (Хелмно), Мариенвердер (Квидзин), Мемель (Клайпеда) и др. К началу XV в. в Ливонии насчитывалось 18 городов, в Пруссии – 93, в Финляндии – 6; правда, за исключением Риги и Ревеля, они были весьма невелики, а их население малочисленно.

Хотя в крестовых походах на Балтике принимали участие представители различных народов Европы, все же основную массу крестоносцев и их служителей составляли выходцы из Германии, так что само предприятие по крещению язычников в конце концов переросло в колониционное движение немцев в восточные земли. В результате, сельское население Поморья и Пруссии в XIV в. стало преимущественно, а городское – практически полностью немецким; в Ливонии же немецкие колонисты в XIII–XIV вв. селились почти исключительно в городах и замках. Из “Славянской хроники” Гельмольда и других источников XII–XIV вв. следует, что вендские города заселяли выходцы из западной части Саксонии (Вестфалии) и частично из Нидерландов, будучи приглашены на новые места графами Гольштейна, герцогами Саксонии, князьями Мекленбурга. Из Саксонии, а также уже из самих вендских городов немецкие колонисты затем переезжали в ливонские и прусские города. Известно, что в Риге первыми поселенцами были бременские и любекские купцы. В Ревеле в XIV в. большая часть лучших семейств города, из которых выбирали ратманов, происходила из Вестфалии и Любека. Во внутренних городах Пруссии проживали в основном выходцы из Средней Германии. В финляндских городах в позднее средневековье и, вероятно, в более раннее время руководящее положение занимали немцы и шведы.

Господствующим городским правом в Прибалтике в XIII–XIV вв. стало право первого “купца” на Балтике – Любека. В Пруссии, однако, с XIII в. получило широкое распространение право города Кульма – одного из первых опорных пунктов Тевтонского ордена в земле пруссов.

В отличие от Любекского Кульмское право ставило город в большую зависимость от его сеньора; это выражалось прежде всего в том, что прусские города обязаны были принимать участие в войнах Тевтонского ордена – что не в последнюю очередь было следствием суровой необходимости, долгие годы заставлявшей немецких колонистов Пруссии, в условиях враждебного славянского и пруссо-литовского окружения, бороться за свое выживание.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938.
- Хроника Эрика / Пер. со швед. А.Ю. Желтухина. Отв. ред. А.А. Сванидзе. Выборг, 1994.
- Фортинский Ф.Я.* Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года. Киев, 1877.
- Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.
- Arnoldi Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868.
- Saxonis Gesta Danorum. København, 1931.
- Urkundenbuch der Stadt Lübeck. Lübeck, 1843. Bd. I.
- Christiansen E.* The Northern Crusade: The Baltic and the Catholic Frontier, 1100–1525. L., 1980.
- Edgren T., Törnblom L.* Finlands Historia. Helsingfors, 1993. Bd. I.
- Brandt A. von.* Lübeck, Hanse, Nordeuropa. Köln; Wien, 1979.
- Friedland K.* Die Hanse. Stuttgart, 1991.
- Die Hanse und der Deutsche Osten / Hrsgb. N. Angermann. Lüneburg, 1989.
- Gnegel-Waitschies G.* Bischof Albert von Riga: Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten. Hamburg, 1968.
- Urban W.* The Baltic Crusade. Illinois, 1975.
- Wernicke H.* Die Städtehanse 1280–1418: Genesis – Strukturen – Funktionen. Weimar, 1983.

ОТ КРЕПОСТИ КРЕСТОНОСЦЕВ К ГОРОДУ: ВЫБОРГ

Немало городов средневековой Европы выросло вокруг крепостей – укреплений, позволявших населению спастись в то чреватое войнами и набегами время. Особое место занимали пограничные крепости. Часть из них возводилась для обороны границ страны или района от набегов беспокойных соседей. Но известен и достаточно широко распространен был и другой тип пограничных крепостей, которые сооружались на завоевываемой или уже покоренной территории для ее удержания и как опорный военный пункт для новых захватов. Именно к такому, “захватническому” типу крепости принадлежал Выборг, впоследствии ставший городом.

Связанная с ним история разворачивалась на территории современной Финляндии, издревле населенной редкими финно-угорскими племенами: будущими финнами – суоми (рус. сумь) и хяме (рус. емь), а

также карелами. И шведы, и русичи, особенно новгородцы, хорошо знали эти земли, богатые рыбой и драгоценными мехами, заселенные доверчивым и спокойным народом. И те, и другие совершали на эти земли набеги, устраивали там какие-то постоянные или временные пункты для сбора дани. Русичи обычно не строили на этих землях укреплений, не вводили какие-то новые формы организации местного населения, не принуждали его к принятию христианства. Иные методы применяли шведы, начавшие походы в Фенно-Скандию под знаком креста уже в XIII в. Швеция вела свои захваты здесь планомерно и стратегически продуманно. Население всеми мерами обращалось в католичество, вводилась шведская административно-правовая и фискальная система, церковное устройство. Важнейшим методом удержания занятых земель стало устройство там укрепленных пунктов и постройка крепостей.

Дело в том, что активной военной силой этих походов стали немецкие воины, которые в качестве обычных участников военных действий либо наемных командиров и солдат составили профессиональное ядро шведских ополчений. Большинство немецких рыцарей, регулярно ходивших на балтийский север и восток (в том числе и на Русь в 1240 и 1242 гг.), уже прошли тяжелую школу крестовых походов против мусульман на Ближнем Востоке, ради освобождения Гроба Господня, многие из них являлись членами возникших там духовно-рыцарских орденов. Полученный в восточных походах военный опыт был обширен и многообразен. Одним из основных его уроков была практика закрепления на захваченных территориях путем возведения мощных крепостей. Известно, что опыт сооружения таких бастионов был использован затем крестоносцами, особенно рыцарскими орденами, в Западной Европе. Эту практику, помимо прочих воинских навыков, привнесли немецкие рыцари в завоевательные походы скандинавов, в том числе шведские походы на финно-карельские земли, которые рано приняли статус военно-государственных предприятий.

На очередном завоевательном этапе, готовясь к новому походу в конце XIII в., северные крестоносцы заблаговременно приступили к сооружению на карельской земле могучего замка-крепости из камня, который назвали Выборг (шведск. Viborg, “Виборг”, буквально – “поселение у залива”) и который разместили в месте впадения реки Вуоксы в Финский залив. Выборг должен был закрепить за крестоносцами уже захваченные территории и послужить форпостом для дальнейших наступательных операций.

Уникальные сведения о сооружении замка и его последующей истории содержатся в известном рыцарском стихотворном романе “Хроника Эрика”, записанном в 20–30-е годы XIV в. и отражающем политическую историю Швеции с середины XIII в. Анонимный автор хроники свидетельствует, что крепость была сооружена в течение лета 1293 г. (“В камень одели крепости стены”), и осенью часть военного отряда отправилась домой. В крепости же остался суровый наместник Сигурд Локке, который разделил территорию вокруг нее на 14 “больших и ма-

лых” округов, т.е. ввел шведское административное деление. В 1295 г. он совершил из крепости вылазку – поход на русское укрепление Кексхольм, разграбил его и остался там с частью своих воинов, чтобы прочнее закрепиться на прилегающем побережье Финского залива. Воспользовавшись этим, русские внезапно осадили Выборг – в момент, когда его гарнизон еще не успел запастись продуктами питания, и в течение шести дней атаковали его “день и ночь”. Голодные шведские воины устроили вылазку, чтобы прорвать блокаду, но были побеждены. Русские взяли бастион, укрепили его и “оставили в крепости мудрых людей”, чтобы оборонять ее от шведов.

Юго-восточнее Выборга располагался остров Березовый (финск. Koivisto, шведск. Björkö), который упоминается в торговых договорах между Великим Новгородом и Ганзой как Verkö: там идущие по воде к Новгороду купцы должны были платить торговую пошлину городским властям. Таким образом, месторасположение Выборга было важным не только в стратегическом, но и в торговом отношении. Вокруг крепости стало складываться торгово-промышленное и ремесленное поселение. Вскоре после описываемых событий оно было выкуплено шведами у русских и уже в XIV в. превратилось в заметный шведский город. В 1403 г. Выборг получил статус полноправного “торгового города”. Да и крепость Выборга долго оставалась очень сильной и важной; для противостояния ей был заложен русский Орешек.

В сегодняшнем русском городе Выборге еще сохраняются весьма зримые остатки той, первой крепости. Сейчас в этом помещении располагается музей городской истории.

ЛИТЕРАТУРА

Хроника Эрика. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., ответств. ред. и ред. перевода А.А. Сванидзе; Пер. со швед. А.Ю. Желтухина; Комментар. А.Ю. Желтухина и А.А. Сванидзе. М., 1999.

Расула В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996.

Lind J. Early Russian–Svedish Rivalry // *Skandinavian Journal of History*. 1991. № 4.

РЕКОНКИСТА И ПИРЕНЕЙСКИЙ ГОРОД

Многообразие функций средневекового города делало его, как мы уже видели, и активным, и “страдательным” участником любого крупного события или движения – будь то ересь, военные действия, миграционные движения или крестьянские восстания.

Для Пиренейского полуострова эпохи средневековья крупнейшим таким событием была Реконкиста. Как известно, термин “Реконкиста” многозначен и покрывает собою большое число разнообразных явлений: это и военно-политическое противостояние мусульманских и христианских королевств на Пиренейском полуострове, и освоение от-

воеванных земель, и культурное взаимодействие разных этнических и конфессиональных элементов. Первые два явления включали в себя сопротивление очагов христианской государственности после мусульманского завоевания и более поздние процессы расселения североиспанских племен, феодальной экспансии, городской и крестьянской колонизации новых территорий. На фоне и в ходе Реконкисты складываются первые средневековые королевства христианской Испании; их централизация началась в XIII столетии, в самый разгар Реконкисты, и это тоже, конечно, нельзя считать случайным. На время Реконкисты приходится и оформление тенденций и особенностей социального развития полуострова, и складывание основных социальных групп, и становление городского строя.

Движение Реконкисты никогда не было однонаправленным во всех смыслах этого слова. Граница между исламскими и христианскими владениями то резко отодвигалась на юг, то откатывалась на север, как это произошло, например, под давлением альморавидского и альмохадского завоеваний. Христианские и мусульманские правители были абсолютно непоследовательны в своих дипломатических пристрастиях, заключая мир с неверными и воюя с единоверцами. Момент наибольшего культурного взаимодействия – конец XIII – начало XIV в. – был в каком-то смысле одновременно и началом сознательного отторжения христианством мусульманской культуры. Перечень подобных “противоречий” можно было бы продолжить, в том числе и в том, что имеет отношение к городам.

Если же говорить о городах, нужно иметь в виду несколько моментов. Прежде всего, надо учитывать, что движение “фронта” Реконкисты, с одной стороны, включало в сферу ее воздействия все новые города, а с другой – постепенно лишало этого воздействия города, оказавшиеся удаленными от границы. Второе, что должно обратить на себя внимание, – с каждым новым завоеванием в руки христиан попадают города, все в большей степени испытывавшие влияние исламской культуры; в то же время и завоеватели оказываются раз от разу все более с нею знакомы: легко представить, насколько отличался в этом смысле от Альфонсо I (739–757), истинного потомка вестготских предков, основателя Овьедо, Альфонсо VI (1065–1109) – покоритель древней столицы вестготов Толедо, который в юные годы, оказавшись в изгнании, нашел кров и защиту и провел несколько лет со своими приближенными при дворе толедского мусульманского правителя Аль-Мамуна.

Наконец, необходимо помнить о непрерывном существовании города – городской культуры и городской экономики – на землях мусульманской Испании.

Все сказанное выше, полагаю, достаточно ясно показывает как сложность воздействия Реконкисты на город, так и сложность анализа этих перекрещивающихся и накладывающихся друг на друга процессов. Поэтому представляется целесообразным различать итоги трех взаимосвязанных, но тем не менее самостоятельных “потоков” воздей-

ствия: во-первых, последствия самого мусульманского завоевания, т.е. существование рядом или, как говорят испанские исследователи, сосуществование (*convivencia*) разных культур и традиций (двух, если иметь в виду христианско-европейскую и восточную, или трех, если говорить о христианской, мусульманской и иудейской), во-вторых, результаты военно-политического противостояния и длительных постоянных военных действий, и, в-третьих, освоение отвоеванных земель. Первые стали последствием не столько Реконкисты, сколько конкисты – завоевания и были рассмотрены в какой-то степени в соответствующем разделе первого тома нашего издания. Обратимся к тем, что более непосредственно связаны с Реконкистой.

* * *

Север полуострова, откуда и началась Реконкиста, был небогат городами. Небольшие укрепленные места, епископские резиденции, позже королевские города, – в первые века Реконкисты они прежде всего играли роль объединяющих, консолидирующих центров, как это хорошо видно на примере Овьедо. Это значение городов было рано осознано королевской властью, которая по мере продвижения границ христианских королевств на юг заботилась об учреждении в них новых епископских кафедр, а наиболее важные из них делала местами пребывания королевского двора. Первые известные нам сражения и кампании не были привязаны непременно к городам (скажем, битвы при Клавихо, при Ковадонге и т.д.), да и потом в течение долгого времени они представляли собой чаще всего рейды вглубь земель противника. Тем не менее в хрониках IX–X в. все чаще описываются сражения именно из-за городских поселений и подчеркивается их значение и как крепостей, и как средоточия человеческих ресурсов, и как богатой добычи.

С XI в. Реконкиста утратила свой во многом спонтанный характер. Она приобретает отчетливый вид королевских кампаний, за которыми следует заселение отвоеванных земель по решению или поручению короля. Обширные территории к югу от Дуэро требовали и постоянной защиты, и освоения земель, т.е. организации пространства и включения его в социальную среду христианских королевств; именно в это время восточно- и североиспанские государственные образования переживали период междоусобиц и не имели достаточно сил для того, чтобы взять эти функции на себя. Они были переданы королевской властью возникавшим здесь поселениям городского типа, так называемым консехо/конселью, получившим значительные права автономии и огромные территории округи в свое распоряжение. Эта зона классического испанского города простиралась до Тахо; к югу же от него Реконкиста разворачивалась уже в XII в., в эпоху усиления мусульман в результате включения в государство альмохадов, с одной стороны, и некоторой стабилизации внутреннего положения в христианских королевствах – с другой; не стоит забывать также и о подъеме крестовых настроений в Европе. В результате этих и других причин Реконки-

ста к югу от Тахо осуществлялась по королевской санкции духовно-рыцарскими орденами, а заселение – по их инициативе или с помощью епископских кафедр. Это привело к тому, что в регионе не возникло крупных территориальных единиц с городом во главе; основой деятельности орденов здесь оставалось сельское хозяйство, преимущественно перегонное скотоводство. Функцию защиты населения здесь выполняли не города, а во множестве возникшие замки. То же можно сказать и об арагонских землях, отвоеванных в это время. Более того, иногда орденские владения были помехой для города, как это произошло с португальским городом Бежа, который, будучи окружен землями орденов, не имел возможности для роста до начала XIV в., времени, когда корона смогла в большей степени контролировать ордены.

Совершенно иная ситуация сложилась в Андалусии. Наиболее исламизированная страна Испании, она обладала большим числом крупных не только по пиренейским масштабам городов – Севилья, Кордова, Хаэн, Кадис и др.; к ним необходимо добавить города востока побережья – Валенсию, Мурсию, Аликанте и др. Все они были захвачены в XIII в. королями Кастилии и Арагона и включены в состав королевских владений на тех же принципах, что уже существовали в отношениях короля и городов Центральной Испании. Для дальнейшего развития отвоеванных у мусульман городов играла роль сама форма военных действий. Так, Фернандо III большую часть мелких городов и местечек получил по мирным договорам, и соответственно эти города и как поселение, и как совокупность жителей, сохраняли свою целостность. Большинство же крупных городов оказывали христианам сопротивление, и тогда их судьба зависела от того, брали ли их христиане штурмом или они подписывали капитуляции.

В эти решающие для Реконкисты – XI–XIII – столетия ценность городов и осознание ее королевской властью не подлежат сомнению. Недаром Фернандо I, разделив свои владения на три королевства для своих сыновей, любимой дочери выделил город Самору – неприступную крепость, которую современники считали оплотом борьбы христиан против неверных; хорошо понимая ее значение, один из сыновей Фернандо, Санчо, предлагал сестре в обмен несколько городов, правда, похуже, а после ее отказа в течение нескольких лет осаждал Самору. Точно так же при пожалованиях членам королевской семьи “единицей” дарения выступает именно город, и получение более важного или более богатого города нередко вызывает зависть родственников.

Понимание королевской властью ценности городов подтверждается и тем, что – захваченные или заново основанные – они в отличие от предшествующей и последующей эпох, почти всегда остаются в составе королевских владений. И сложить к ногам короля отвоеванный у мусульман город, как это сделали Сид или Жералду Бесстрашный, – лучший способ примириться с государем. Не в последнюю очередь это объяснялось и тем, что успехи Реконкисты совпали, как известно, с распадом халифата на тайфы, которые являли собой не что иное, как город с большой округой, либо маленькое государство с крупным го-

родом во главе. Таковы “королевства” Толедо, Валенсия, Бадахос и др. Взять этот центральный город означало покорить и все королевство. Эта традиция надолго сохранилась в отношениях королевской власти и отдельных земель и отразилась в титулатуре, существовавшей еще в XVI в: Карл V именовал себя королем Кастилии, Арагона, Толедо, Севильи, Кордовы, Хаэна, Гранады, и название города в этом случае обозначало не только город как таковой, но и землю в целом.

Особую роль в эпоху Реконкисты играли города пограничных областей, и потому, естественно, они привлекают особое внимание: именно они во многом сформировали специфику пиренейского города в целом. Разумеется, поселения подобного рода известны и в других регионах Западной Европы – например, бастиды во Франции. Однако испанские историки, настаивающие на особой их роли в испанской истории, имеют для этого резоны, ибо долгое наступление Реконкисты не только длило существование такого рода городков, но и постоянно множило их, вслед за смещением границ на юг, гораздо дольше, чем в иных европейских областях.

Пиренейские “бастиды”, как правило, были невелики по размеру и достаточно хорошо укреплены. Они начали возникать в конце XI в. для заселения и защиты территорий между Дуэро и Гвадаррамой – тех земель, которые получили название Эстремадуры. Из таких бастид выросли Авила, Саламанка, Сеговия, Сепульведа и многие другие города. В XI–XII вв. по этому типу стали возникать поселения и в Арагоне. Мусульманская граница здесь, естественным образом, опиралась на города – Уэску, Туделу, Лериду; напротив них арагонские короли начали возводить замки, стремясь контролировать подходы и дороги в прилегающих землях. Нередко вокруг них впоследствии вырастали кварталы, заселенные пришельцами из внутренних областей Арагона и иных мест.

Основной функцией таких городов была, конечно, защита населения и окружающей территории. Она выражалась в обязанности горожан оборонять свой город и землю и следить за городскими укреплениями. Они должны были поддерживать их в должном состоянии, при необходимости сооружать новые. Привилегированные слои не освобождались от участия в этом необходимом городу деле, но могли заменять личный труд денежными взносами. Город как общность, в лице городского совета, вкладывал в строительство часть городских средств, помогали в этом и деревни округи. При необходимости, которая возникала достаточно часто, ибо работы по сооружению стен и укреплений были весьма масштабны, корона выделяла дополнительные средства или права на их получение для завершения работ.

Возведенные стены и укрепления требовали неусыпных забот, ибо они подвергались постоянным разрушениям. Так, в ходе военных действий между христианами и мусульманами Браганса пострадала так сильно, что в XII в. ее пришлось восстанавливать практически на пустом месте. Саморе войска Альмансура нанесли столь значительный ущерб, что по повелению Фернандо I ее укрепления были отстроены

Авила. Крепостная стена и башни

заново. Военный, пограничный характер жизни даже давно существовавших поселений такого рода обуславливал во многом их небольшие размеры и по большей части отсутствие развитых посадов. Именно поэтому в XI–XII вв. города довольствовались, как правило, одним кольцом стен, нередко возведенных достаточно давно. Новые города, особенно в Эстремадуре, сознательно формировались вокруг цитадели – алькасара, в котором укрывались жители при угрозе нападения. Остальная площадь города застраивалась довольно беспорядочно: дома “земляков” группировались вместе, образуя несколько ядер со своими центрами – церквями или площадями.

В таких городах, как Авила, Селульведа, городские власти озаботились строительством стены вокруг всего городского пространства, причем в некоторых городах, например, в Сеговии, Сории, Авиле, стеной обносили столь большую территорию, что она охватывала и ряд собственно пригородных поселений.

Примером другого формирования городских укреплений может служить Саламанка. В первой половине XII в. здесь из древних разобраных стен было возведено кольцо защитных укреплений вокруг ядра города; однако именно с этого времени Саламанка начала бурно расти, и новые поселения посада, *pueblos*, пришлось обнести второй стеной, завершенной около 1200 г.

Города центра полуострова и Андалусии, такие как Толедо, Кордова, Мурсия и др., унаследовавшие римскую традицию, подкрепленную мусульманской, обладали, как правило, и стенами, и цитаделями, и зам-

ками. С XII в. стены городов Эстремадуры и юга укрепляются барбаканами; в конце XI–XII в. повсюду появляются предмостные укрепления, как, например, у толедского моста Алькантара. В конце XII в. начинают строить и альбараны – укрепленные башни, нередко вынесенные перед стенами и соединенные с ними переходом. Особенно знаменита своими альбаранами Талавера, стены которой насчитывают 17 подобных сооружений.

* * *

Привилегии, жалованные таким городам центральной властью, должны были привлечь и привлекали сюда переселенцев. А состав их, несмотря на то, что первоначальное их ядро группировалось вокруг графа или магната, которому король вверял заселение земель, был достаточно пестрым этнически. Так, в Авиле селились кастильцы, баски, наваррцы, зафиксировано присутствие франков; в Саламанке – мосарабы, галисийцы, португальцы, кастильцы и франки. В арагонских городах нередко встречались наваррцы и гасконцы. Медина, Сепульведа, Ольмедо заселялись пришельцами с севера Кастилии.

Всем пришедшим и “тем, кто еще придет на эти земли”, прежде всего даровалась свобода – жители освобождались от любых платежей сеньориального характера. Наиболее часто в ранних фуэро встречается отмена маньерии – посмертного сбора, непреложно указывавшего на несвободный статус человека. Кроме того, очень важным условием существования городков такого типа было наличие собственного суда. Основные нормы этих привилегий были зафиксированы в фуэро Сепульведы; в XI–XII вв. по его образцу стали составляться грамоты и другим подобным поселениям.

Специфические функции “бастид” обуславливали и особый образ жизни тех, кто их населял, и, соответственно, отличия в половозрастном составе. Первоначально в них ощущалась решительная нехватка женщин. Это отразилось и в том, что некоторые фуэро полагают нужным оговорить приглашение в качестве поселенцев “мужчин и женщин, клириков и вдов”; и в том, какую роль приобрела женщина в этих поселениях; и в брачном праве. С другой стороны, эта ситуация способствовала формированию достаточно высокой правомочности женщин в городах Реконкисты.

Согласно многим поселенным грамотам женщина воспринималась как вполне равноправный житель города и в зависимости от отношения к собственности именовалась *moradora* или *vecina*; она распоряжалась имуществом – продавала, завещала, – наследовала наравне с потомками мужского пола. Эти и другие документы рисуют картину весьма благоприятного брачного режима: были широко распространены повторные браки, женщина могла считать себя свободной, если муж отсутствовал определенное время (в разных городах по-разному – полгода, год и т.д.), после смерти мужа вдова получала половину нажитого совместно имущества. Еще показательнее с этой точки зрения вы-

глядит отразившаяся в фуэро (Дароки, Кории, Алькала, Гвадалахары и др.) зависимость горожанина-мужчины от его семейного положения: во многих городах, чтобы быть избранным на какую-либо должность, горожанин должен был быть женат на жительнице города, что означало привязанность его к данному месту и “солидность”. Таким образом, присутствие женщин в поселении как бы превращало его из укрепленного военного пункта в город.

Особого внимания заслуживает практика заселения городов пограничных земель людьми, нарушившими разного рода установления. Такая возможность учитывается уже фуэро Сепульведы, а затем эта привилегия неоднократно воспроизводится другими фуэро и форалами, будучи, однако, не цитированием текста, а повторением и продолжением королевской политики как отношения к повторяющейся ситуации. Это касается прежде всего беглых зависимых, имевших право свободно и в безопасности жить в этих городах, если не будут опознаны сеньором, который докажет их зависимое от него состояние. Но не только беглые, а и лица, совершившие уголовные преступления, пополняли их население. В число преступлений, которые изымались из действия правосудия на новых территориях, входили убийства и насилия всякого рода; только измена и предательство преследовались безоговорочно и всюду.

Эта практика, возникшая в Эстремадуре, позднее была распространена на пограничные земли вообще, независимо от типа границы и характера отношений с соседом. В Португалии в конце XIII–XV вв., т.е. практически уже после Реконкисты, королями для защиты границ регулярно создавались округа, обладавшие такой привилегией. Число их колебалось в разное время. Преступники, укрывавшиеся здесь, имели право перевезти сюда семью, владеть землей, а иногда по охранной грамоте и покинуть пределы округа. В XV в. этот опыт был приложен к заморским землям: теперь преступники присуждались к переселению туда из метрополии.

Понятно, что введение такой нормы в законодательные акты было вызвано прежде всего нехваткой людей, а также – осознанно или нет – пониманием того, что поселенцы на таких условиях будут привязаны к месту и не покинут его при первой опасности. Если же говорить о его последствиях, то они сказывались в первую очередь, видимо, на морально-правовом климате в городе (формируя, как можно себе представить, большую свободу отношения к норме как таковой), а затем – на степени автономии города в целом. Не случайно в фуэро Сепульведы это установление соседствует с иной, не менее важной привилегией: горожанин, виновный в убийстве мэрино, т.е. королевского должностного лица, не выдавался на суд из города, а лишь уплачивал вергельд.

Эти и другие права, жалованные королем, о которых мы уже говорили, составили основу автономии, которая была необходима и для привлечения сюда поселенцев, и для возможности решения сложных и подчас неожиданных задач пограничного города. Разумеется, возник-

новение этой автономии нельзя связывать исключительно с защитными функциями поселений. Многие испанские историки видят в ней проявление кто римских традиций, кто естественной логики развития городов, кто форму экономической организации. В то же время было бы неверным преуменьшать влияние Реконкисты, которое выражалось не только в прямых привилегиях центральной власти пограничным городам, но и в опосредованном воздействии самого факта существования широкой автономии на статус поселений в других регионах. Так или иначе, в городах, приобретших ее, вопросы повседневной жизни решались советом или собранием горожан, обозначавшимся в латиноязычной документации как *consilium*; от этого слова происходят в новых пиренейских языках термины для обозначения и этого совета, и города такого типа в целом – *consejo*, *concelho*. Состав совета мог быть различным, особенно в начале его существования – в него входили то все домовладельцы, то все мужчины с определенного возраста, то просто все жители поселения, без различия пола, возраста и социального положения. Сходились обычно в воскресенье после мессы и решали дела, связанные с заключением сделок, снабжением продовольствием, организацией рынка, распоряжением угодьями, обороной города. Во главе города первоначально мог стоять представитель центральной власти, особенно в том случае, если город заселялся с санкции или по поручению короля. Постепенно, однако, дела все чаще решались консехо во главе с выборным должностным лицом, нередко именовавшимся *iudex* – судья, позже – алькальд, который соединял в одном лице военные, административные и судебные функции. Обращает на себя внимание аналогия с организацией мосарабских общин, находившихся под властью мусульман; многие испанские исследователи видят в этом и опосредованное, и непосредственное, в итоге завоевания или переселения в христианские земли, влияние мосарабов на формирование городского строя. Для повседневного ведения дел стали избираться и другие должностные лица, совокупность которых также называлась консехо. Оформление города как единой самостоятельной общности подкреплялось появлением городских печатей, для хранения которых избирались двое “добрых людей”.

Наряду с “судьей” в городе пребывал и королевский представитель – *dominus villae*, *senior de villa*, *alcaide de fortaleza*, *maiorinus/merino* и т.д. Он должен был осуществлять контроль от лица короля и помощь городу, в том числе военную; он же командовал обороной замка-алькасаара и городских ворот. В то же время он должен был вносить залог в качестве гарантии от возможных злоупотреблений.

Сохранение позиций королевской власти при достаточно широкой, как мы видели, автономии воплощалось и вполне материально – в алькасаарах, замках-цитаделях, которые одновременно служили резиденцией королевского представителя и местом пребывания короля во время посещений города.

Первоначально, очевидно, и правосудие находилось в его ведении. Видимо, от этого отталкивается фуэро Сепульведы, настаивая на при-

вилегии города иметь свой собственный суд, в котором жители города должны отвечать даже по делам-искам сеньора города. Тяжба рассматривалась либо судьей и его помощниками, либо консехо, который выделял своих представителей (число их колебалось и могло составлять четыре-пять человек), – как правило, лиц привилегированного статуса – кабальеро, уважаемых и сведущих в законах. Члены консехо присутствовали при поединках, клятвах, обвинениях. Консехо же принимал апелляции. В фуэро и форалах, несмотря на отчетливые следы присутствия королевского права, пласт обычного права насыщен такими нормами, как судебный поединок или ордалии, очистительные клятвы, объявление вне закона и т.д. Представляется, что все, сказанное о судебных нормах, как и наличие общего схода населения, свидетельствует о существовании некоторых “демократических” и архаических черт в управлении и судопроизводстве в пиренейском городе эпохи Реконкисты, объяснявшимися, возможно, существованием в условиях постоянной военной опасности.

Судебные заседания, как правило, происходили в значимых для города местах: перед собором или главной церковью (Самора, Севилья), у городских ворот или в надвратной башне (Бургос), или просто в одной из башен кольца стен (Саламанка, Касерес, Талавера) и т.п.

Однако для успешного включения земель в состав христианских королевств их было необходимо не только завоевать, не только защищать, но и осваивать. Именно поэтому городу придавалась округа, границы которой тщательно фиксировались городскими хартиями. Округа была необходима городу для физического выживания; ее наличие привлекало и в город, и в деревни округи переселенцев. Она одновременно обеспечивала экономическую автономию и основу защиты города.

На округу распространялась юрисдикция города, права и обязанности жителей ее фиксировались в городском праве. Характерно, что в определенном смысле – как подчиненные одной юрисдикции – жители городов и округи осознавались фуэро и форалами как единый организм. Казалось бы, мы не сообщаем ничего необычного – все это типично и для других регионов Западной Европы. Однако надо учитывать два обстоятельства: во-первых, на территории округи консехо как правило (по крайней мере изначально) не существовало владений более или менее крупных сеньорий. Земля в их пределах принадлежала горожанам, жителям деревень, которые часто по статусу были кабальеро-вильяно. Нередко земли в округе находились в руках группы городских кабальеро, городского совета. В любом случае всякое владение было включено, подчинено, обусловлено городской юрисдикцией. Во-вторых, округи консехо Эстремадуры могли составлять тысячи кв. км. Таким образом, распространение системы консехо как симбиоза города и округи создало значительные территории, изъятые из системы традиционного феодального землевладения. В этих зонах именно города становились центрами территориально-административных единиц и играли организующую роль по отношению к сельской местности. Это выражалось в контроле городских советов за использованием угодьями

на всем пространстве округа, за поддержанием жителями деревень в надлежащем порядке оросительной системы и пахотных наделов; за безопасностью дорог и удаленных от жилья владений и промыслов (пассек, солеварен и пр), за мерами и весами. Наконец, население деревень округа в некоторых случаях подчинялось городским властям в военном плане, как мы можем предположить по фуэро Сепульведы, были обязаны не только ремонтировать, но и охранять стены города (фуэро Леопа).

Разумеется, отношения города с уже существовавшими в пределах будущей округа или возникавшими там впоследствии деревнями не всегда были простыми и мирными. Не говоря уже о конфликтах из-за земель и пользования угодьями, которые иногда доходили до стычек между жителями города и деревень, недовольство городских советов вызывало желание выросших местечек обрести статус виллы и выйти из подчинения бывшему центру округа, естественно, вместе с частью территории, что было логичным следствием процесса городского роста в XII–XIII вв.

Большое значение военной функции консехо как форпоста Реконкисы отразилось и впрямую, и опосредованно. Жители города согласно фуэро должны были участвовать в защите его стен, в королевских походах. Кроме того, в городе существовало собственное воинство, которое могло действовать вполне самостоятельно; документальные свидетельства этого дали основание испанским историкам говорить о том, что именно оно отстояло границы Кастилии в конце XI – первой половине XII в., когда на Пиренейский полуостров вторглись войска альморавидов и альмохадов. В это время возникло и знаменитое братство Бельчите, о котором надо сказать несколько слов особо.

Братства в пограничных городах существовали и ранее. Они нередко вырастали из объединений, сформировавшихся в момент острой военной опасности и продолжавших действовать и позже. Кроме естественного стремления защитить город и единоверцев, с XII в. дополнительным стимулом участия в них стала крестоносная идея. Защитники городов бросали клич по разным землям и, опираясь на церковь, обещали, как это было в Барбастро, тем, кто пожелает помочь им, отпущение грехов. Похожее объединение в 1122 г. возникло в Бельчите под покровительством Альфонсо I Арагонского, а в 1136 г. получило значительные привилегии. Его особенностью было то, что в нем можно было служить и пребывать временно: можно было по дороге в Сантьяго де Компостела задержаться на несколько дней; можно было отслужить целый год или в течение года каждую пятницу выезжать в поле или оборонять стены; можно было вступить в братство пожизненно, приняв монашеский обет. В зависимости от участия в деятельности братства его член получал и награду – год служения приравнивался к поездке в Иерусалим, пожизненная служба снимала с воина все грехи. Эта связь в представлениях членов братства военной службы и небесного воздаяния роднит его с духовно-рыцарскими орденами, которые возникли через несколько десятилетий на Пиренейском полуострове,

хотя само братство Бельчите не переросло в орден, довольно быстро после основания прекратив свою деятельность.

Однако братства все же не были главной военной силой городов. Основу ее составляли жители города – пехотинцы и те, кто мог обеспечить себя конем и оружием; последние, участвуя в королевских походах, получали освобождение от ряда податей и имели статус кабальеро, кавалейру (*milites* в латинских памятниках), который могли передавать детям, если те были готовы служить королю конно.

Обязанность идти в поход с королем, как правило, ограничивалась одним разом в году. В походе кабальеро имели право на двойную долю довольствия и добычи. Эти естественные военные привилегии постепенно приводили к складыванию рыцарства как особого слоя, наиболее зажиточного и уважаемого, представители которого участвовали в осуществлении контроля над округой, получении штрафов, в управлении консехо в целом. Мы можем проследить наличие этого слоя уже в фэуро и форалах XI–XII вв. Некоторое время статус кабальеро оставался обратимым – многие городские законодательства фиксируют возможность утраты статуса при гибели коня и неспособности возобновить участие в походах в течение нескольких лет. В то же время всякий, кто имеет коня и снаряжение, мог “жить по праву кабальеро”. Характерно, что некоторые документы сблизжают термины кабальеро и *homines boni*, что лишний раз свидетельствует, с одной стороны, о долгом сохранении открытости слоя кабальеро, с другой – о восприятии современниками присутствия в городе и принадлежности к горожанам привилегированных, “рыцарских” слоев как нормального явления.

В период Реконкисты XIII в. кабальеро получили от королевской власти целый ряд новых привилегий. Особую роль сыграла привилегия короля Альфонсо X 1264 г., резко повысившая социальный статус кабальеро. Почти одновременно Альфонсо X издал указ и об особой роли кабальеро в городском управлении (см. т. I). И хотя главные сражения Реконкисты были позади, несомненно непосредственная связь с нею и ее влияние на положение кабальеро в городах к концу XIII в. Их изначальное и постоянное присутствие в повседневной жизни города и неполная отчлененность от других городских слоев, осознанная и на законодательном уровне, создавала особый климат в городе, способствовала сохранению и культивации определенных моделей поведения, типичных для привилегированных слоев общества, при слабом противопоставлении им моделей поведения лиц сугубо так называемых городских занятий. В этом контексте нас уже не удивит, что позже, в XIV в., в португальских городах существовали такие категории, как купец-кавалейру и кавалейру-купец.

* * *

Несколько иного рода явление, но тоже связанное с Реконкистой, – увеличение числа епископских кафедр. Реконкиста, продвигаясь на юг, включала в христианские королевства территории, население которых

в церковном отношении традиционно подчинялось всего лишь нескольким кафедрам, сохранявшимся на протяжении столетий мусульманского господства. Освоение новых территорий подразумевало не только изменение “принадлежности” земли, но и превращение ее населения, ныне подданных христианского короля, в “своих” и с конфессиональной точки зрения. Независимо от того, происходили такие изменения за счет миграций или в результате обращения мусульман в христианскую веру, они требовали усиления церковных структур и в организационном, и в количественном отношении. Поэтому во многих городах отвоеванных территорий учреждались епископские кафедры (в XI–XII вв. их число выросло вдвое, что, не говоря о том, каков был результат этого непосредственно в конфессиональной сфере, влияло и на положение городов: как правило, города с епископскими кафедрами получали документально оформленный или “по обычаю” статус “*civitas*” (см. т. I); центр епархии привлекал к себе такие слои населения, как клир, рыцарство, знать, естественно, в большей степени, чем другие поселения; соответственно повышалась роль занятий и ремесел, связанных со сферой обслуживания и повседневным спросом. В то же время в городской округе складываются владения кафедры, а нередко и сам город-резиденция епископа переходит под его юрисдикцию.

* * *

Многие из указанных выше черт городского развития продолжали еще долгое время сохраняться и тогда, когда Реконкиста откатилась к югу, и уже бывшие мусульманские города попадали в орбиту ее воздействия. К ее результатам надо в первую очередь отнести изменения в этноконфессиональном составе.

Сохранившемуся в городах мусульманскому населению предоставлялось для обитания место, как правило, за стенами города; в Сарагосе, например, мусульмане должны были переселиться туда в течение года после завоевания; позднее, когда рос и город, и мусульманский квартал – морерия, мурария, аррабалде – и последний оказывался внутри кольца стен, нередко возникали новые кварталы с преимущественно мусульманским населением. Так возникли старый и новый аррабалде в Сарагосе, старая и новая мурария в Лиссабоне и т.п.

Так называемые ограничительные законы, с XIII в. издававшиеся христианскими королями, подразумевали довольно сильные изменения в повседневной жизни города: иудеям и мусульманам запрещались любые публичные проявления религиозного культа, многие профессии стали для них запретными, им предписывалась более скромная одежда и многое другое. И хотя, разумеется, отступлений от этих норм было достаточно много, медленно, но верно они оказывали свое воздействие, хотя бы самим фактом своего существования, на внутригородские отношения.

Когда города и их округа переходили в руки христиан, земельные владения на их территории подвергались разделу между теми, кто участвовал в завоевании и пришел на поселение. Так, в Севилье в середине XIII в. го-

родские хозяева – кабальеро получали в наследственное владение по 8 арансар, пеоны – по 4, на условии неотчуждаемости в течение пяти лет, чем обеспечивалось освоение христианами завоеванных земель.

Эти разделы сказались в разных областях жизни. Во-первых, в городах появились выходцы из северных районов: так, Сарагосу, отвоеванную христианами еще в начале XII в., поделили между беарнцами и арагонцами при слабом участии кастильцев и переселенцев из Риохи; среди тех, кто заселил примерно в это же время Лиссабон, было много англичан и “франков”; в Валенсии появились арагонцы, каталонцы, кастильцы, в Севилье – переселенцы из Кастилии, Астурии, Леона, Галисии. Во-вторых, значительные владения в результате разделов отошли лицам привилегированного статуса – знати, которая раздавала их своим вассалам, и кабальеро – и орденам и королю. Таким образом, владельцы земли сменились не просто физически; сменился и преобладающий тип собственности на городских землях.

После завоевания изменения коснулись и внешнего вида городов, их топографии. Планировка улиц становится более регулярной, а сами они делаются шире, появляются площади. Новые дома строятся соответственно привычкам новых хозяев, как бы поворачивая их “лицом” к улице; да и фасады старых зданий нередко прорезают окнами.

Центральным сооружением города теперь был собор, но топографически центр поселения мог и не сдвигаться: чаще всего собор возводили на месте прежней главной мечети города, как это было, скажем, в Севилье, или просто использовали под него ее здание (Кордова). Мечети и синагоги сохранялись в иудейских и мусульманских кварталах, а в христианских появилось значительно больше, чем раньше, церквей, некоторые – тоже в бывших мусульманских или иудейских храмах, примерами чего могут служить церковь Санта Мария ла Бланка или церковь де Ла Лус в Толедо.

Завоевания XII в. не были столь масштабны, как Великая Реконкиста XIII в. Поэтому, хотя тенденции, воплотившиеся в Аль-Андалусе, прослеживались уже в городах Центральной Испании (в Сарагосе после отвоевания наблюдается аграризация городской жизни, в Лиссабоне, крупнейшем городе мусульманского атлантического побережья, в XIII в. начитывалось всего 12 кузнецов, 30 башмачников), последствия завоевания все же не были здесь так заметны. В андалусийских же городах экономические последствия Реконкисты выразились прежде всего в том, что с эмиграцией мусульманского населения, единовременной или постепенной, в значительной степени были утрачены традиции ремесленных навыков и технологий. Христианских переселенцев на первых порах не хватало, а многие из пришедших с севера и не занимались раньше ни ремеслом, ни торговлей. В итоге андалусийский город во многом утратил свой ремесленный и торговый характер; горожане существовали в основном за счет аграрной деятельности. Кроме того, недостаток опыта и нехватка рук в аграрной сфере снижали эффективность использования земель округи. Уровень жизни городов юга полуострова после Реконкисты снизился по сравнению с мусульманским периодом.

Совершенно очевидно, что Реконкиста, доминирующий фактор пиренейского средневековья, имела огромное значение для градообразовательного процесса и внутреннего городского развития пиренейских земель. В то же время ее воздействие, как мы могли видеть, постоянно усиливало военные и административные функции города в ущерб экономическим. Так было в Центральной Испании, так происходило и в Аль-Андалусе. Это явление сыграло свою роль и позже, во времена великих географических открытий, и в истории Испании и Португалии нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Варьяш О.И.* Брачное право в Португалии XII в. // Женщина, брак, семья до начала нового времени. М., 1993.
- Россия и Испания: Историческая ретроспектива. М., 1987.
- Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985.
- Становление капитализма в Европе. М., 1987.
- Baquero Moreno H.C.* Os municípios portugueses nos séc. XIII–XVI. Lisboa, 1986.
- Carvalho S.L.* Cidades medievais portuguesas. Lisboa, 1989.
- La ciudad hispánica medieval en los siglos XIII–XVI. Madrid, 1985–1987. Vol. 1–3.
- Coelho M.H. da Cruz, Magalhães J.R.* O poder concelhio: Da origens as Cortes Constituintes. Coimbra, 1986.
- Dillard H.* Daughters of the Reconquest: Women in Castilian Town Society (1100–1300). Oxford, 1989.
- Garcia J.C.* O espaço medieval da Reconquista. Lisboa, 1986.
- Oliviera Marques A.H.* Novos ensaios de história medieval portuguesa. Lisboa, 1988.
- Ladero Quesada M.A.* Las ciudades de Andalucía occidental en la Baja Edad Media // Jornadas de Historia medieval andaluza. Jaen, 1984.
- Ladero Quesada M.A.* Les fortifications urbaines en Castille aux XI–XV siècles: Problematique, financement, aspects sociaux // Fortifications, portes de villes, places publiques, dans le monde Méditerranéen. P., 1985.
- Ladero Quesada M.A.* Granada: Historia de un país islámico (1232–1571). Madrid, 1989.
- Medievo Hispano: Estudios in memoriam del Prof. Dereck W. Lomax. Madrid, 1995.
- Moxo S de.* Repoblación y sociedad en la España cristiana medieval. Madrid, 1979.
- Punãl Fernández T.* Ritos y símbolos socioeconómicos de una comunidad medieval // Medievalismo. Madrid, 1997. № 7.
- Quintanilla Raso M.C.* El protagonismo nobiliario en la Castilla Bajomedieval // Medievalismo. Madrid, 1997. № 7.
- Reconquista y repoblación del país. Zaragoza, 1951.
- Torres Balbas L.* Ciudades hispánomusulmanas. Madrid, 1971. 2 t.

ГОРОДА В СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Война 1337–1453 гг., именуемая в исторической традиции “Столетней”, была самым длительным военным конфликтом в истории западноевропейского средневековья. Несколько поколений людей по обе стороны Ла-Манша рождались, жили и умирали, а война все продолжалась. И дата ее окончания весьма условна: для некоторых частей Франции она закончилась раньше, для других – продолжалась и после 1453 г., а Кале еще сто лет принадлежал Англии, воспринимавшей его как опорный пункт своей политики на континенте. Это была очень странная война, несмотря на все привычные атрибуты – сражения, перемирия, договоры о мире. Главные ее участницы – Англия и Франция – действовали на законных основаниях, и обе выиграли войну, представлявшую собой на деле процесс размежевания, разделения двух связанных династически, политически и экономически государств. Итогом войны явилось оформление централизованных национальных монархий в обеих странах и установление в каждой нового диалога короны и сословий. В силу этого Столетняя война не была делом только королей и их армий: она изменила облик обеих стран и затронула все сословия. В ходе нее впервые города заявили о себе как о самостоятельной экономической, политической и военной силе, и успехи королей по обе стороны Ла-Манша обеспечивались поддержкой городов. Хотя многое из того, о чем будет идти речь, известно в литературе, здесь впервые специально ставится проблема: Столетняя война и город; и в таком контексте даже общеизвестные факты приобретают новые грани смысла.

Во французских источниках неизменным рефреном звучит осуждение войны как бедствия для всех, как катастрофы, в условиях которой приходится жить и выживать людям; в Англии такие настроения относятся к концу войны. Но так ли однозначно воздействие этой войны на общество? Здесь стоит разобраться, поскольку словесная риторика зачастую заслоняет факты. Попытаемся рассмотреть, как Столетняя война повлияла на развитие города и как город повлиял на ход и итоги Столетней войны. Предварительно оговоримся: речь идет преимущественно о французских городах, и это естественно – ведь война велась во Франции; кроме того, отмечая изменения в жизни городов в ходе Столетней войны, следует иметь в виду, что это в значительной степени были не чисто “городские” победы, но и завоевания всего “неблагородного” сословия.

НОВЫЙ ОБЛИК ГОРОДОВ

Города – это то, что едва ли не сильнее всего поразило воображение английских войск во Франции. Число городов, их богатство, их сила и мощь стали для англичан подлинным открытием. После взятия Кана (1346) приближенный Эдуарда III писал: “В городе было найдено неисчислимое количество вина, одежды и других ценностей. Этот го-

род больше любого в Англии, кроме Лондона”. Радость завоевателей была тем большей, что города Франции к началу войны представляли собой легкую добычу. Почти повсеместно старые укрепления и городские стены пришли в упадок, а рост городского населения привел к “выходу” его за старые городские стены. Города растеклись по округе, присоединили новые территории, и об их укреплении не успели позаботиться.

Столетняя война изменила внешний облик городов Франции: страна превратилась в большую строительную площадку. Фортификационный феномен французских городов середины XIV в. определили одновременность этого процесса, его размах и новую роль самих городов в нем. Разрешение всегда исходило от короля: только он давал право на строительство укреплений, определял механизм сбора средств, права городской администрации и, в целом, новую роль городов как опорных укрепленных мест. Города и прежде были убежищем, в том числе и для жителей округи; но в результате Столетней войны города превратились в неприступные крепости, не только в твердыни власти государства, но и в символ мощи горожан. Вынужденная санкционировать и поощрять размах строительства, корона во Франции стимулировала новую экономическую и политическую силу городов, разбудив в них соревновательность. Каждый город хотел превзойти других своими укреплениями, ведь город был не только местом проживания, но и предметом гордости его жителей. Главная причина небывалого размаха строительства – в инициативе самих горожан в этом процессе, увидевших далеко идущие последствия его для положения городов. Показательна в этой связи отмечаемая в источниках стойкая тенденция: налоги на укрепление города не встречали такого сопротивления, как королевские налоги. Принято ее объяснять тем, что города в данном случае видели, куда реально тратятся их деньги. В результате этих работ город стал символом сопротивления любой армии и власти извне. Лишь в такой перспективе понятна активность городов в сборе налогов, в разработке и осуществлении строительных работ. Многие видят в этих работах также выгодное вложение денег. Выгода была не только экономическая, но и политическая. Города получили неприступные стены, средства обороны, свои гарнизоны. Став неприступным, город отныне сам решает, кому открывать ворота. Бывало, что даже королевские войска не могли пройти через “дружелюбный” город, и приходилось либо его обходить, либо продвигаться малыми группами, в сопровождении вооруженных горожан.

В различных источниках постоянно присутствует тема огромных жертв, на которые приходилось идти горожанам ради укрепления городов. Но нельзя не видеть и энтузиазма, с которым они взялись за эту работу. Так, 30 марта 1356 г. король Иоанн II в письме подтвердил право города Тура на строительство новых укреплений, однако город фактически уже начал эти работы и просил разрешения лишь на вынужденный снос ряда зданий. Обвинения современников в адрес властей по поводу беззащитности страны и ее городов не слишком справедливы:

собрать сильное войско и рейдом провести его по стране было намного проще и дешевле, чем укреплять сотни городов, до которых армия может и не дойти. В 1371 г. содержание гарнизона в Кале стоило англичанам одной шестой части доходов страны, а у Франции таких городов были сотни. И в будущем английский король Генрих VI узнает цену завоевания, когда ему придется за счет английских налогоплательщиков защищать треть Франции от продвижения войск Карла VII. Поэтому союз короны и городов Франции в деле укрепления страны явился решающим фактором, определившим успех начинания. Власти французских городов взяли на себя тяжкое бремя, и помощь короны была вовсе не лишней. Ведь “*utilitas publica*” потребовала больших жертв от тех, кто жил в черте города. Прежде всего это выразилось в широкомасштабном сносе зданий, мешающих строительству новых укреплений. Здесь интересы города столкнулись с интересами владельцев домов, прежде всего сеньоров и церкви, и помощь короны была очень важна.

С 1340 г. была выработана королевская политика укрепления городов. Все города получили приказ возвести укрепления. Ордонансом 14 мая 1358 г. регент Карл решает взять под свой контроль все крепости страны. Ордонансом 19 июля 1367 г. Карл V отдал приказ всем городам обновить свои укрепления. Города получили право выбора: включить или отсечь пригороды новыми укреплениями. В любом случае конфликт с владельцами земли и домов был неизбежен. Помощь сеньоров была минимальной: они ограничивались малыми суммами или шли на некоторые сокращения налогов. Имели место и добровольные передачи земли и недвижимости. Администрация города платила за это, ведь по ордонансу 26 июля 1358 г. весь такой ущерб должен был возмещаться. Однако компенсации запаздывали, да и платились они далеко не всегда и не всем. Поэтому размах строительства вызвал вскоре столкновения, которые помогало разрешить только вмешательство короля. Так, в Туре столкновение с церковью из-за сноса нескольких храмов было преодолено прямым вмешательством Карла V, который дважды, в 1359 и 1360 гг., приходил на помощь городу.

Укрепление городов было не только самой тяжелой повинностью для горожан, но оно сопровождалось и другими жертвами. Жан де Венет так писал об обстоятельствах укрепления Парижа: “Многие прекрасные дома снаружи и внутри стен были приговорены к полному разрушению, так как там должен был пройти ров”. Но в результате города Франции сделались практически неприступными. Только длительная осада и истощение продовольствия могли вынудить город сдаться. И каждая такая победа все дороже обходилась противнику. Способствуя превращению городов в центры сопротивления, французская корона получила в их лице не только защитника своей власти, но и возможного сильного противника.

Несколько иначе, но тоже разительно изменились города в Англии. Первые рейды войск Эдуарда III во Франции сопровождались разграблением городов. Английский хронист Капгрейв писал в 1340 г., что

на северо-востоке Франции “были разграблены триста больших и малых городов”. В хронике Найтона с возмущением описаны участники рейдов Карла Злого и Роберта Нола, ставшие “столь богатыми, что имели вид скорее сеньоров, чем наемников”; “многие, уехав слугами и конюхами, вернулись рыцарями, очень богатыми и могущественными”. Согласно Уолсингему, “в Англии не было женщины, не имевшей одежды, мехов, обуви, других вещей из Франции”. Драгоценности, одежда, деньги наводнили страну, в каждом доме можно было найти скатерти, серебряную посуду из Франции. Зная состав войск Эдуарда III, включавших не только рыцарей, но и лучников, можно оценить масштаб изменений и распознать в хоре сторонников продолжения войны голос горожан: “И возникло тогда некое общее мнение народа, – пишет хронист Т. Бертон, – что пока английский король будет завоевывать французское королевство, они будут процветать. В противном случае их положение сделается плохим”.

Так по обе стороны Ла-Манша горожане по-своему ощутили первые последствия и извлекли свои выводы от начавшейся войны.

РОЖДЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА

Война в значительной степени была вопросом денег. И укрепление городов совершило переворот в городских финансах и администрации: появились финансовые должности и собственный бюджет. Благодаря Столетней войне города во Франции получили в управление такие суммы, о которых прежде не смели мечтать. Консул Сен-Флура не ошибся, назвав датой финансовой свободы города период возведения укреплений (“*ad erectionem murorum*”). С санкции короля города оставляли часть государственных налогов себе, длительность войны сделала эти отчисления постоянными, и сборщики налогов превратились в финансовых чиновников городской администрации. В этом процессе существенны, во-первых, передача в городское управление огромных сумм денег и, следовательно, появление собственных городских бюджетов; во-вторых, появление финансовой администрации и новых технологий в сборе и распределении налогов. Центральная власть требовала, чтобы суммы на оборону отделялись от основного бюджета и находились в управлении специальных людей – сборщиков налогов на строительство. Но города сразу же увидели далеко идущие выгоды этого процесса: вынужденные сами себя защищать, они добились финансовой автономии и тратили деньги по своему усмотрению. Поэтому исследователи столкнулись с устойчивой тенденцией: в финансовых документах городов отражена процедура сбора налогов, но невозможно определить, какая их часть тратилась на укрепления.

Домениальные доходы в середине XIV в. еще очень малы, и отчисления на них не могли покрыть нужды городов. В ходе войны корона и города вместе изыскивают новые налоги. С 1340 г. упор делается на прямые налоги, при этом город сдает внаем все, что “без ущерба могло находиться в свободном пользовании”. Шли отчисления и от коро-

левских налогов: так, Перигор в 1347 г. получил от Филиппа VI 2000 ливров (половина должна была быть затрачена на укрепления), с 1356 г. он получал ежемесячно 500 ливров, с 1380 г. – 400 ливров. Карл V дал магистратам право ежегодно в течение 15 лет брать из королевских налогов по 200 ливров на нужды города. В 1404 г. Руану разрешили взять 6000 ливров из собранной для казны суммы. Ордонанс 19 июля 1367 г. дает всем укрепленным городам 1/4 часть королевских налогов для обороны. Карл V дал в 1373 г. 2000 ливров Шалону-на-Марне, Карл VI в 1382 г. – 2000 ливров Шартру. Корона передавала и иные средства в пользу городов. Так, Тур в 1360–1361 гг. получал 1/4 часть доходов короны от чеканки монеты. Итогом этой политики короны явилось стремление горожан Лангедока, Оверни, Нормандии, Дофине при посредничестве Штатов установить правило: часть доходов от королевских налогов должна оставаться у налогоплательщиков для обороны области и городов.

Церковь также вначале добровольно участвовала в укреплении городов, даже папа в Авиньоне давал деньги из своей казны на строительство их стен. В 1338 г. аббатство Сен-Вааст уплатило Аррасу 100 ливров для укреплений. В Реймсе отчисления церкви составляли 38% всех налогов с города. Епископ Родеза в 1358 г. на три года передал городу средства из налога от продажи вина. Светские сеньоры обычно реже помогали, ограничиваясь разрешением рубить лес в своих владениях.

Помимо даров и прямых отчислений из казны, города искали средства и в иных формах. Так, они получили разрешение разводить во рвах укреплений рыбу, пользуясь правом ловить ее и продавать (Труа, Тур) или передавая его (Нант). Консулы Безье решили использовать для строительства укреплений доходы от мельницы. В Руане и Дижоне башни, ворота и другие части укреплений сдавались в аренду: таким образом укрепления как бы “сами себя обеспечивали”. Финансирование строительства шло и за счет материалов от разрушаемых старых стен. Так, в Орлеане в 1358 г. разрушили пригород Сент-Эльян и использовали его материалы для новых укреплений. В 1386 г. герцог Бургундский вступил в конфликт с эшевенами Дижона, взявшими себе камни от старых стен *Castrum Romanum*. Имела место и продажа старых материалов: в Родезе и Туре в 1368 г. продают дерево от старых стен, а вырубку используют для возведения новых. Некоторые суммы город получал и от осуществления судебной власти. Однако все это давало лишь 1/5 часть бюджета.

Львиную долю доходов город получал все же от косвенных налогов: налог на куплю-продажу (12 денье с ливра), налог на соль, вино, зерно. По меткому замечанию Б. Шевалье, города Франции так укрепились потому, что горожане много пили, ибо налог на вино превалирует над остальными: от 22,5 до 72% всех налогов, в зависимости от года.

Прибегал город и к натуральным поборам: поставка материалов, продуктов, обмундирования – или в виде службы: так, в 1355 г. консулы Нарбонна решили, что каменщики, кузнецы и некоторые другие

ремесленники должны в течение двух лет участвовать в общественных работах.

Чтобы представить себе, какими суммами в итоге оперировал город, приведем лишь один пример: Тур с 1358 по 1418 г. для строительства укреплений определил необходимую сумму в 2300 турецких ливров ежегодно, с 1425 г. она увеличилась до 5700 турецких ливров, хотя надо учесть и инфляцию.

Для управления такими суммами, их сбора и распределения необходимы были специальные чиновники-профессионалы. В Марселе в городской администрации именно финансами занимаются с 1349 г. 12, а с 1382 г. – 18 чиновников. В Дижоне во главе всей финансовой деятельности стоял главный сборщик налогов на укрепления (*receveur général des deniers de la fortification de la ville*), которого назначали и контролировали мэры и эшеваны. Эти чиновники устанавливали очередность и порядок выплат, контроль за исполнением работ. В становлении этой администрации на раннем этапе значительную роль играли цехи, имевшие опыт раскладки и сбора налогов в казну. Главной задачей финансовой администрации было заставить весь город участвовать в уплате налогов; мэры, эшеваны, консулы были наделены достаточной для этого властью от короны. Важным моментом становления финансовой администрации явилось преобладание горожан на этих должностях. Более того, некоторые должности могли занимать только непривлеклированные лица: сборщики талей, откупщики – сборщики эд.

Именно задачи военного укрепления городов способствовали оформлению муниципальных учреждений (Амбуаз, Анжер, Блуа, Шато-дён); сбор налогов возродил практику выборных лиц (ордонанс 30 марта 1356 г.). Оживление городской администрации, вызванное необходимостью города самому позаботиться о себе, сопровождалось активизацией и общественной жизни в городе. Так, если раньше горожане редко отрывались от работы ради созываемых собраний и даже штрафы, налагаемые на отсутствующих, не помогали (Санлис), то с начала XV в. возникает устойчивый интерес горожан к жизни города и чувство ответственности за его судьбу.

В результате по окончании Столетней войны каждый “добрый город” имел муниципальную администрацию, подчиненную комиссии из выборных лиц (*élus*) и “почтенных граждан” (*prud’hommes*) и получившую мандат от общего собрания жителей города. Администрация, формально имевшая органические полномочия, на деле взяла на себя ответственность за сохранение и выживание города.

ВОЙНА И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

Воздействие войны на социально-экономическую жизнь городов известно, как это ни парадоксально, меньше, чем на жизнь деревни. Если безоговорочно доверять словам современников, города буквально обезлюдели и разорились. Правда, давно возникли предположения, что подобная риторика была вполне утилитарна: имела целью снижение

налогов с города. Наряду с потерями от войны (разграбление, иногда полное уничтожение, расправа над жителями) и эпидемий, прежде всего “Черной смерти” 1348 г., в городе происходили и иные процессы, не столь однозначно негативные.

Война весьма существенно затронула интересы городов. Прежде всего боевые действия, разгул бандитов и общая нестабильность парализуют торговлю. Купцы ищут новые дороги в обход очагов войны. Даже путь в Авиньон, к папе, проходил не по внутренним дорогам Франции. Сказалось и то, что с 1320 г. морские пути оказались в руках англичан и итальянцев. Бордо вывозит свое вино на английских кораблях. Ярмарки перемещаются из Франции на восток – в Германию, Швейцарию; ярмарки Шампани приходят в упадок. Столетнюю войну нередко называют войной шерсти: желая заставить фламандские города “вернуться” к Англии, Эдуард III запретил с 1336 г. экспорт английской шерсти во Фландрию, дав в 1337 г. большие привилегии иностранным работникам, приезжающим в английские города. Жесткая позиция Англии поставила Фландрию перед трагической дилеммой: либо поставщики сырья, либо покупатели готовой продукции. Удар был сильным не только для Брюгге, Ипра, Гента, но и Дуэ, Сент-Омера, Руана. Аррас перешел на производство гобеленов. Сукноделие в Париже полностью и окончательно исчезло: постепенно ткачи переселяются из Парижа в округу, где находят рынок сбыта. Таким образом, серьезный индустриальный кризис разразился в наиболее процветающей и иерархизированной отрасли – сукноделии, сконцентрированном в больших городах – Аррасе, Руане, Париже, что сопровождалось развитием менее организованного, но дешевого производства легкого сукна в малых городах и сельских мастерских. Одновременно происходит коренное изменение моды: вместо тяжелых одежд – легкие и облегающие; настало время первых камзолов, коротких штанов, жакетов. Место сукна занимает шелк с элементами вышивки.

Началась борьба за новые рынки сбыта внутри страны. Она во многом определила и политическую ориентацию того или иного города. Так, главные торговые интересы Парижа сосредоточились на севере страны, в Пикардии, Артуа, Фландрии. Дороги в Аррас и Лилль значили для процветания столицы больше, чем в Лион и в Бордо, ибо это были дороги сукна, вина, пастели. На ярмарках Ланди не было товаров из Орлеана или Осера. Поэтому парижан не очень волновали англичане в Гиени, пока лодки с вином и деревом спускались вниз по Сене, а вверх шли с зерном, солью, фруктами. Политическая позиция парижской корпорации “купцов на водах” достаточно прозрачна. Не случайно в первых рядах королевской армии в июле 1355 г. против крепости Бретей-сюр-Итон в Нормандии были отряды парижан и руанцев. И когда в ноябре 1355 г. Этьен Марсель вел в Пикардию отряды парижан, чтобы влиться в ряды королевского ополчения, он служил интересам “купцов на водах”, олицетворяющих выгоду, извлекаемую парижанами от монопольного контроля над всем речным путем Парижского района.

К числу явных потерь от войны следует отнести и снижение финансовой роли крупных городов. Так, в начале XIV в. Париж был центром финансов королевства. Однако снижение деловой активности в сочетании с обострившейся ксенофобией (пики в 1413 и 1418 гг.) спровоцировали отъезд ростовщиков-иностранцев (Спифамы, Рапонди) и потерю столицей финансового веса. Часть ростовщиков вкладывает капиталы в землю (Бартелеми Бони).

Удар был нанесен войной не только по бедным, но и по наиболее богатым, привилегированным и, следовательно, допущенным к власти в городе слоям. Именно их голос слышен во всех жалобах на бедствия войны, и это справедливо: в результате Столетней войны почти повсеместно теряет власть патрициат, именно он не выжил в новые времена. И большинство восстаний в городах были отчаянной попыткой “лоррисов” и “марселей” вернуть ускользающую власть и благополучие.

Но значит ли это, что обнищание было всеобщим? Видимо, нет. Хотя эту проблему следует признать наименее изученной, все же некоторые предположения можно сделать уже сейчас. Прежде всего, под “всеобщим обнищанием” скрывается на деле перераспределение доходов. Те профессии, которые процветали в мирное время, особенно производители предметов роскоши – ювелиры, суконщики, меховщики, галантерейщики, державшие в своих руках финансы и власть, скажем, в Париже, в условиях войны потеряли ведущую роль в экономике города. Напротив, все поставщики товаров первой необходимости оказались главными. Автор “Нормандской хроники” недвусмысленно отмечает этот факт: “Образ жизни был таков, что те, кто привык быть богатыми, стали бедными, а бедные – богатыми: все эти кабатчики, булочники, мясники, торговцы яйцами и сыром”. Этому способствовал и приток населения из деревень. Не случайно поэтому во главе восстания кабошьенов в Париже в 1413 г. стояли мясники Большой бойни, прежде столь “низкой” профессии. (Какой контраст с движением 1356–1358 гг., где во главе стоял выходец из семьи потомственных суконщиков Этьен Марсель!) Снабжение продуктами питания населения и воюющих армий стало самым выгодным промыслом, и корона была вынуждена с этим смириться: словив сопротивление Кана и выдавая ему общую амнистию в 1450 г., Карл VII распространил ее и на купцов, снабжавших англичан продуктами.

Определяющим фактором внутригородской жизни стало усиление позиций “мелкого люда” (*menu peuple*), задававшего нередко тон в городе. Этому способствовала и возрастающая значимость налогов. Как сказано в одном из ордонансов, в некоторых городах “богатые и влиятельные люди имели такую власть и манеру себя держать”, что их не облагали налогами. Но установка наиболее богатых и влиятельных цехов и семей платить меньше своих реальных доходов имела неожиданный эффект и сыграла с ними роковую шутку. Перекладывание основной тяжести налогов на средние и мелкие слои привело не только к их обнищанию, но и к повышению их роли в обществе. Вместе с тем, налоговые исключения вышли в начале XV в. за рамки привилегирован-

ных сословий и распространялись на отдельных лиц, группы или профессии.

Не менее важным для роли “мелкого люда” был наплыв населения из деревень в города, где они сломали устоявшееся соотношение сил. Сокращение рабочих рук в городе после эпидемий чумы привело к увеличению оплаты всех видов ремесленной и обслуживающей деятельности. Впервые в городской истории условия диктовал наемный работник. Так, в середине XIV в. за три года оплата каменщиков и кровельщиков увеличилась в три раза. Напрасно Иоанн II в 1351 и 1354 гг. пытался регламентацией остановить этот поток из деревень в город. Власти также регламентируют максимум оплаты, пытаясь остановить инфляцию и контролировать рынок: ордонансы предписывали максимум оплаты в 32 денье, но мастера давали до 92 денье.

Дороговизна рабочих рук способствовала и повышению цен на готовую продукцию, что делало иллюзорным “благополучие” работника. Квалифицированные работники извлекали выгоду, остальные быстро разорялись. К середине XV в. в центре Парижа каждая вторая лавка была пустой. Вводятся столь же безуспешные запреты на безделье, пьянство, попрошайничество. По свидетельству современников, во время богослужения в соборе Нотр-Дам в Париже голоса священников заглушались воплями нищих. Парижский горожанин пишет около 1421 г., что на улицах Парижа нищенствующих было больше, чем всех остальных жителей. Пришедшие из деревень люди были мало пригодны к городской жизни и пополняли ряды нищих, воров и поденщиков.

Новую роль мелкого люда в городах Франции отмечают и англичане. Уолсингем пишет о “распущенной черни”, задававшей тон в антианглийском восстании 1370 г. в Лиможе. В “Хронике первых четырех Валуа” отмечается ведущая роль “простых людей” в освобождении Ла-Рошели в 1372 г.

В перераспределении доходов сыграло роль и введение ряда запретов на торговлю товарами, нужными для армии (железо, лошади). Освобождение от ряда налогов тех, кто снабжает армию, стимулировало мошенничество: в итоге все заявляли, что их товары предназначались для армии. Не следует забывать, что и в оккупированных англичанами городах ремесленники и купцы обслуживали армию и наживались на этом. К тому же, не имея возможности копить деньги, французские короли накапливали оружие, создавая арсеналы в Лувре, Венсене, Бастилии, чем стимулировали это производство. Реформа армии в конце войны сопровождалась обеспечением ее хорошим оружием, лошадьми. Центрами производства вооружения стали Бурж, Тур, Орлеан. Перераспределению доходов между городами способствовала и децентрализация власти: двор дофина Карла и Палата счетов превратили Бурж в более значительный рынок продуктов, чем прежде. Пуатье также выиграл от открытия там парламента и университета.

Одни города беднели, другие богатели – такова была реальность. Столетняя война привела, таким образом, к перераспределению доходов как внутри города, так и между городами. Прежние экономические

и политические гиганты уступают место региональным центрам, что в области политической было основой для партикуляризма и консолидации сословия на региональном уровне.

“ДОБРЫЕ ГОРОДА”

Важным последствием Столетней войны явилась консолидация города как общности всех людей, проживающих внутри его стен. Как говорилось выше, процесс строительства укреплений побудил городские власти к включению ранее привилегированных сословий в число облагаемых в пользу города. При этом городские власти ссылались на текст коммунальных хартий, где оговаривалось, что все жители обязаны участвовать в поддержании укреплений города. На этом основании с 1340 г. в городах возобновилась своего рода “барщина”, но в роли сеньора теперь выступал город. За строительство укреплений платят теперь все, кого они охраняют: и духовенство, и дворяне. Поэтому, скажем, в Дижоне комиссия, ведающая деньгами на строительство, включала представителей герцога, коммуны и церкви. В этом смысле произошла известная нивелировка всех живущих внутри городских стен. Для дворян это было меньшей проблемой, чем для церкви, ибо с XIV в. они покидают города, особенно на севере Франции. Но, например, в Родезе их было много, и они платили свою долю на строительство укреплений, правда, договариваясь об общей сумме и самостоятельно ее распределяя. Дворяне, имеющие имущество внутри города, обязываются помогать не только в строительстве укреплений, но и в защите города. Духовенство также платило, однако вначале клирики решали сами, о какой сумме идет речь, и распределяли ее между собой. Вскоре их взнос фиксируется как постоянный в бюджете города, и в итоге на это стали ссылаться, как на правило: в Туре в 1428 г. при раскладке налога на приходы с духовенством даже не советуется (“*quil est acostumé*”).

Принуждались к участию в расходах города и чужеземцы (*fo gains*), и временно живущие, и вовсе не живущие, но имеющие в городе собственность. Все жители были заинтересованы в надежности укреплений, но хотели, чтобы платил сосед: источники фиксируют бесконечные споры, которые со временем становятся все менее актуальными, когда главную опеку над страной и ее военными интересами взял на себя король.

Столетняя война принципиально изменила взаимоотношения города и округа, той “равнины” (*plat pays*), что окружала укрепленный город и видела в нем реальную защиту. В невиданном прежде масштабе осуществляя защиту округа, город начинает самостоятельно определять форму ее участия в строительстве укреплений. Чаще всего это натуральная повинность: жители деревни участвуют в строительстве стен. Как правило, такие работы не возмещались. Однако труд крепостных крестьян для города был мало эффективным, и его все активнее заменяют денежным эквивалентом.

В этом процессе город не только еще сильнее подчиняет округу, но и уточняет ее границы, сферу своего влияния, ибо он заботился лишь о

“своей” округе. “Короткая политика”, на ближнюю округу, была и более эффективной. Так, для Тура в 1373 г. область распространения власти города – 4 лье (40 сельских коммун), для Нанта – 3 лье.

Подобная консолидация всех живущих внутри стен и ближайшей округи определяла позицию депутатов третьего сословия на собраниях штатов, ибо они представляли город и его округу в главном вопросе – о налогах.

Сходство процессов, происходивших в городах под влиянием Столетней войны, нашло выражение в явлении “добрых городов” (*bonnes villes*), подготовленном предшествующим ослаблением коммун в середине XIII – начале XIV в. Объявление себя суверенами всех городов королевства дало королям Франции юридическую основу как для унификации городов, так и для ликвидации части коммун. В ходе Столетней войны наблюдается, казалось бы, обратный процесс – дарование короной городам права коммуны в качестве благодарности за помощь в войне. Так, Сент в 1347 г. получил коммунальную хартию “за верность его жителей и убытки и расходы, принесенные им войной”. Давно отмененные коммуны возрождались в Коньяке, Ангулеме. В письме последнему Карла V от 1373 г. сказано, что он восстанавливает коммуну в Ангулеме, чтобы иметь укрепленное место, способное сопротивляться врагам. Ясно, что суть этих коммун уже иная. Новые коммуны, как и иные права городов, должны были служить интересам защиты страны. Многие города сами отказываются от права коммуны ради более скромных прав, но под покровительством короля. К XV в. для города было важно иметь работоспособный муниципалитет, чтобы противостоять захватам англичан и грабежам банд, все равно – с коммунальной хартией или без нее. Так Столетняя война, поставив города в одинаковое положение, уравнила их и заставила в равной мере себя защищать, укреплять, платить налоги, посылать депутатов на собрания штатов.

ДИАЛОГ ГОРОДОВ И КОРОНЫ

Столетняя война придала городам новую значимость и изменила их отношения с центральной властью, ибо только города были источником быстрого получения денег для ведения войны. Разумеется, король Франции в этом отношении был богаче английского: соотношение населения воюющих стран было 1:5 (3 млн англичан и 15 млн французов). Однако государство в своих нуждах к началу войны обязано было ограничиваться домениальными доходами, а требовать новых налогов только в экстренных случаях. Таким столетним “экстренным” случаем и явилась война, которая способствовала оформлению постоянных налогов в государстве и укрепила место городов в нем. Необходимость согласия подданных на сбор налогов стала, как известно, основой довольно регулярного созыва в этот период Генеральных и провинциальных штатов, в которых ведущую роль играли депутаты третьего сословия. Через эти собрания общество регулировало также формы налогов. Прямые и косвенные налоги сменяют друг друга, при

Карле V сосуществуют. При этом корона борется с сеньориальными налогами, заботясь о своих интересах, и тут горожане ее поддерживают. Города стремятся заменить косвенные налоги на выкупные суммы, которые фиксируются по договоренности с государством. Но главная забота депутатов-горожан – отменить косвенные и поочаговый налоги, заменив их прямым подоходным, собираемым и с привилегированных сословий: такова тенденция на Генеральных штатах 1355 г. и ее апогей в 1356–1358 гг.

Причина неприятия горожанами косвенных налогов в том, что они ставили их в невыгодное положение даже по сравнению с крестьянами. Так, косвенные налоги с продажи платили в основном горожане, ведь они неизбежно должны были продавать всю произведенную продукцию, а не ее небольшую часть, как крестьяне.

Корона оказалась вынужденной в ходе Столетней войны учитывать мнение горожан ради получения от них денег, предпочитая даже выкуп горожанами службы в ополчении (арьер-бан). Потребности государственного аппарата росли, а перемирия делали сбор налогов незаконным, хотя к содержанию армии добавлялась необходимость держать гарнизоны в городах. Так вопрос денег стал мощным рычагом давления горожан на королевскую власть. Все трудности продолжения войны и поиска средств на нее отныне разрешали король и города. Отдавая защиту города в руки самих горожан, король вступал с ними в прямой союз. “Звездный час” сословных собраний стал и апогеем власти городов: на Генеральных штатах после поражения при Пуатье в октябре 1356 г. из 800 депутатов 400 были от третьего сословия. И налоговая политика велась под их давлением и с учетом интересов горожан. После договора в Труа 1420 г. власти и в “английской Франции”, и в “буржском королевстве” опирались на города; именно городские депутаты собирались на все провинциальные собрания, заслушивали короля или канцлера о положении дел. В период 1421–1440 гг. Карл собирал штаты 22 раза! Диалог городов с короной быстро прошел эволюцию от разговора на равных, через первые открытые упреки после Креси, к договорам с приниженными властями, наконец, к тирании городов в 1357–1358 гг.

Не следует слишком доверять жалобам горожан на тяжесть налогов: на деле они не только платили их, но и были кровно в них заинтересованы, ибо только налоги могли заставить корону по-настоящему считаться с мнением городов. И города в полной мере использовали трудности короны в своих интересах. Налоги стали предметом торга городов с властью, и амбиции горожан доросли до намерения поставить корону под контроль выборной от штатов комиссии (в 1356 г. в комиссию из 36 депутатов, по 12 от каждого сословия, на деле входили 6 дворян, 12 прелатов и 18 горожан) и даже сменить династию (поддержка притязаний Карла Злого). Военные неудачи лишь усиливали власть горожан. Так, именно пленение Иоанна II Доброго дало городам неотразимое преимущество над дофином Карлом. Необходимость выплаты выкупа за короля вынуждала Карла даже в самый разгар от-

Убийство Этьена Марселя 31 июля 1358 г.

Французская миниатюра XV в.

крытой войны с городами идти на уступки. Все собрания штатов после сентября 1356 г. имели целью получить средства для выкупа короля, однако депутаты не спешили расставаться с полученной властью, требуя отмены ненавистных косвенных налогов и ослабленной монеты, реформы государственного аппарата и отстранения чиновников. Уже отчаявшись что-то получить от штатов и покинув Париж, дофин Карл весной 1358 г. блокировал город и предлагал снять осаду, если они согласятся заплатить выкуп за короля, на что парижане ответили, что “не дадут ни денье”. Попытка штатов контролировать налоги привела к стремлению распоряжаться и средствами, т.е. тратить их лишь на нужды войны, лишая короля свободных денег. Впервые возникает реальная возможность ограниченной штатами монархии.

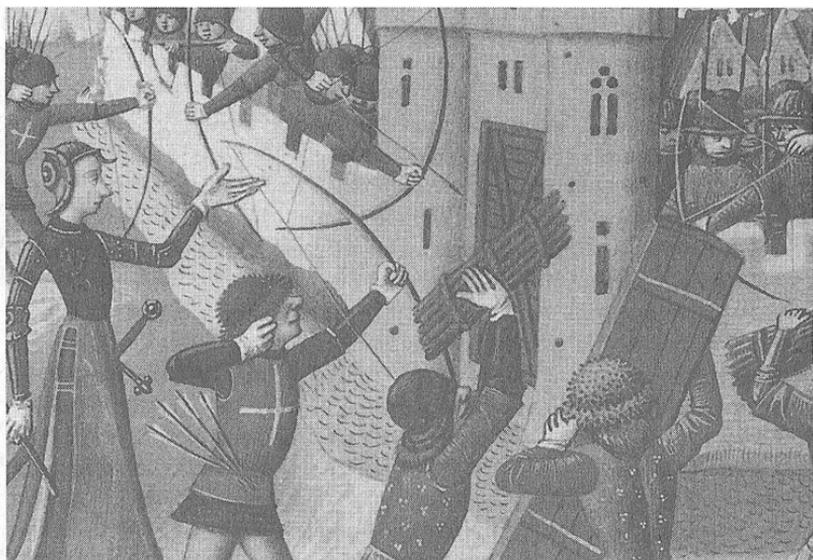
В Англии в силу заинтересованности общества в войне Парламент вначале вотирует налоги, если они не слишком велики. Король Англии

также находил займы у частных лиц, у богатых горожан, снаряжавших даже на свои средства корабли. Но с 1369 г. в Англии именно горожане были разочарованы в ходе и результатах войны, считая ее ход унижением для английского короля. А первые поражения англичан в 70-е гг. привели к конфликту горожан с дворянами, и города начали ограничивать короля в средствах. Возобновляя войну в 1415 г., Генрих V заручился прежде всего поддержкой лондонцев, которые отвергли “мирные предложения” французского двора. Таким образом, и в Англии война стимулировала не конфронтацию, а торг короля и Палаты общин о цене, которую общество согласно было заплатить за войну.

Цена войны во Франции была выше, чем в Англии, и потому торг здесь был более жестким. Королевская власть стояла перед угрозой превращения в тень былого всеилия, попав в зависимость от сословных собраний и преобладавшего в них третьего сословия. Символом этого драматического периода явился акт купеческого прево Этьена Марселя 22 февраля 1358 г., когда в королевский дворец ворвалась толпа вооруженных горожан, были убиты на глазах запуганного дофина Карла двое маршалов Франции, а затем на голову ему, особе королевского дома, нахлобучили сине-красную шапку (цвета Парижа), как знак его подчинения воле горожан. Подобное во французской истории повторилось только однажды, и это было концом французской монархии: 17 июля 1789 г. Людовику XVI также прикололи сине-красную кокарду революционного Парижа.

Столетняя война была, как известно, эпохой самых крупных в средневековой Западной Европе городских и крестьянских восстаний. Их причину следует искать, конечно, прежде всего в бедствиях войны, от которых страдало все население. Но в том, что касается городов, надо иметь в виду и новую политическую роль горожан в обществе. Вовсе не случайно поэтому власти после каждого нового восстания, наказав зачинщиков, дают письма-помилования мятежным городам (Парижу, Амьену, Руану): город слишком нужен короне, чтобы она могла позволить себе роскошь долго “держаться обиду”.

Осознание горожанами своей силы точнее всех выразил Этьен Марсель в письме к регенту Карлу 18 апреля 1358 г. В таком тоне с монархией в тот период не говорили нигде. Угрозы, требования вернуться в Париж, снять осаду, сдержать обещание реформ – все это сопровождается выражениями гордости за горожан, “которые вовсе не чернь, а верные и честные горожане, считающие подлыми тех, кто совершает подлости (*ne se tiennent pas pour villains... tuit cil sont villains qui font les villainies*)”. Здесь же явно выражена идея договорной основы королевской власти, столь близкая сердцам горожан: король обязан оказывать народу покровительство и защиту, а тот, в свою очередь, подчинение, и “то, что требуется от одного, не обязан делать другой (*et qui leur faut de l'un ne sont tenus en l'autre*)”. Именно в этом контексте следует рассматривать и знаменитое письмо Жанны д'Арк герцогу Бедфорду от 22 марта 1429 г.: в какой мере оно выражало интересы крестьянства, до сих пор не решено, а вот то, что его тон выдержан в соответствии с

*Осада Парижа Жанной Д'Арк. Сентябрь 1429 г.
Французская миниатюра середины XV в.*

манерой, взятой в эпоху Столетней войны “неблагородным сословием” в отношении власть имущих, не подлежит сомнению.

О новом месте городов в политической жизни свидетельствует и неизвестная до Столетней войны широкая практика писем-обращений королей к городам. В них короли сообщали “добрым городам” об одержанных победах, о переговорах. Так, Эдуард III в письмах к городам пропагандировал свои победы, рекомендуя устраивать в их честь праздники. Начиная борьбу за пересмотр договора в Бретиньи, Карл V рассылает обращения к городам. В “Хронике первых четырех Валуа” прямо говорится, что Карл V возобновил войну с англичанами с согласия баронов, прелатов и добрых городов. После убийства в 1419 г. в Монтеро герцога Бургундского дофин Карл вынужден оправдываться перед городами и мотивировать свой поступок намеками на предательство Жана Бесстрашного.

Такая форма диалога оказалась вполне жизнеспособной и оправдала себя уже в период Прагерии: обращение Карла VII именно к “добрым городам” охладило наиболее разгоряченные головы. Город, всегда предпочитавший короля сеньору, и здесь был готов от нейтралитета перейти к прямой поддержке Карла VII. Верность короне Тура была столь незыблема, что Карл доверил городу королеву и дофина и даже не оставил гарнизона. Подтверждением тому, что война и нужда в деньгах были основой столь лестного внимания короны к городам, является резкая смена тона писем к городам после 1453 г.: в них лишь приказы, требования без всяких объяснений. А в период войны каждое ухудшение положения вынуждало корону снова обращаться к городам,

причем не столько к верхушке города, сколько к тому низу, “мелкому люду”, что мощно заявил о себе в годы Столетней войны. Достаточно вспомнить те словесные баталии, что разыгрались на Пре-о-Клер в Париже в 1356–1358 гг., где главным участником, ради которого приходили сюда важные особы, был простой люд Парижа, те, кого Этьен Марсель вооружал, чтобы запугать корону и сделать ее уступчивой. После освобождения из тюрьмы и прибытия в Париж Карл Наваррский 30 ноября 1357 г. обращался с речами к парижанам, собравшимся на Пре-о-Клер, обеляя себя и намекая на свои права на престол. Вскоре, 11 января 1358 г., сам дофин Карл выносит на суд толп парижан свои разногласия с главами восстания; на следующий день эшевен Шарль Туссак и затем Этьен Марсель выступают перед той же толпой. Словесная дуэль продолжалась два дня! И победителем ее можно счесть зрителей, тех “простых” горожан, за чью поддержку боролись сильные мира сего.

Такая же ситуация была и в других городах страны. Так, из помилования Кану узнаем, что один из участников беспорядков – Пьер де Монфор – “подстрекал народ коммуны... с целью посеять рознь между богатыми и бедными горожанами”. В Абвиле некто Жан де ла Мар выступал за уравнивание всех, богатых и бедных; в Руане освобождение Карла Наваррского сопровождалось попытками горожан решить и свои, местные проблемы – изменить состав городского управления; в Аррасе бунт сопровождался убийством двух эшевен и пятнадцати богатых горожан. Короне приходилось считаться с появлением новой политической силы в своих отношениях с городами.

Политическая активность городского сословия в период Столетней войны была вполне прагматична и даже узко утилитарна: города охотно посылали депутатов на собрания штатов, но интересовались прежде всего налогами и лишь в связи с этим – общеполитическими вопросами. Так, Тур с 1420 по 1446 г. участвовал в 28 штатах, где интересовался общей суммой налога, формой его сбора и полномочиями в раскладке, но с трудом давал советы о политических событиях, которые его не касались. Выступая как защитники интересов жителей своей области, депутаты отстаивают исключительно локальные интересы. Даже в уплате налогов город исходил из узко практических целей: если была реальная угроза нападения, город платил на оборону, не считаясь с квотами. Нередко город платил налог за счет добровольных пожертвований наиболее богатых горожан, когда низы и округа отказывались платить. В то же время документы, в том числе регистры Парижского парламента, отмечают множество случаев обращений городов, не желающих платить за гарнизоны в других городах, от которых им “ни тепло, ни холодно” Каждый город стремился платить в зависимости от того, насколько он был заинтересован в обороне.

Все это, разумеется, не способствовало общегосударственным акциям горожан. Но снижало ли это обстоятельство степень влияния городов на королевскую политику? Думается, что нет. В общегосударственном масштабе не сформировались еще единые интересы городов, но они были и успешно решались на локальном уровне. Уже дофин

Карл в 1358 г. использовал это обстоятельство в интересах короны, когда уехал из мятежного Парижа и собирал штаты отдельных областей и с ними договаривался (в марте в Санлисе – штаты Пикардии и Бове-зи, в апреле – штаты Шампани в Провене, затем Вермандуа). Переоценив степень поддержки городами страны действий парижан и не учтя “локальную” ревность, Этьен Марсель в то же время помог городам добиться осуществления своих требований, сделав корону более сговорчивой. Именно превышение реальных сил участниками движения заставило корону эти силы заметить. В итоге города выиграли от этого “дробления акций”, так как каждый город добился желаемого и, главное, сумел установить диалог с властью, что повысило их общий престиж в обществе и в собственных глазах. И поэтому когда Карл в 1358 г. обратился к “добрым городам”, по словам Фруассара, “они были рады дать ему требуемых вооруженных людей”.

Столетняя война способствовала расширению области диалога городов с короной, стимулируя поиск взаимных интересов и компромиссов. Итогом этого сближения явилась поддержка городами дома Валуа в споре с английскими конкурентами.

“ГОРОД ВОИНСТВЕННЫЙ”

Столетняя война научила города воевать, защищать себя, вести переговоры и объединяться ради выживания. Прежде несвойственная городам военная деятельность стала едва ли не важнейшей. Стимулировала ее политика англичан, проводимая с самого начала войны, ибо целью ее в отношении городов был, помимо прочего, грабеж. Упомянувшееся выше высказывание английского хрониста о хлынувшем в Англию потоке вещей из Франции ясно дает понять последствия первых рейдов Эдуарда III и Черного принца. В 1355 г. отряды англичан огнем и мечом прошли по Аквитании, где были сожжены Каркассон и Нарбонн. Обосновавшись в Бордо, английские отряды систематически опустошали города за Луарой. Именно такое отношение к городам Франции как к законной “награде” победителю, как к чужой, разграбляемой территории, спровоцировало повсеместное сопротивление горожан. Французское дворянство шло на сговор с англичанами, горожане – почти никогда. Защита собственных интересов, жизни и имущества превратили города в серьезную военную и политическую силу, повлиявшую на ход войны.

Так, при взятии Кана (1346) вместе с гарнизоном сражались и горожане; последние защитники города укрепились в цитадели и отказались сдать даже на приемлемых условиях. Едва ли не самая знаменитая страница начала Столетней войны – осада Кале – также явила пример невиданного доселе героизма горожан: выселение всех жителей после взятия города было вызвано не только военными целями (превращение города в плацдарм для английских войск), но и непреклонностью жителей, выдержавших целый год осады. Не менее ожесточенной была борьба за Каркассон (1355): войска Черного принца были вы-

нуждены брать улицу за улицей, каждый дом; после падения нижнего города укрепленный на холме ситэ держался два дня в условиях не прекращавшейся атаки.

Города вскоре переходят к активной наступательной политике и включаются в военные действия, помогая друг другу. В 1358–1360 гг. города помогали освобождать Север Франции. При осаде Сен-Валери участвуют отряды милиции Амьена, Арраса, Абвиля, Булони, Руана и Турне. Горожане Руана сыграли решающую роль во взятии Лонгвиля, горожане Кана – в очистке деревень округи. Только благодаря сопротивлению горожан был сорван план коронации Эдуарда III: реймсцы, отстранив колеблющегося архиепископа Жана де Крана, взялись за оборону города. Реймс, Шалон создали целую сеть защиты. В 1432 г. оставленные на произвол судьбы жители Бове организуют встречу в Санлисе с его жителями и представителями Компьеня, городов других областей для организации малых экспедиций по изгнанию англичан, банд наемников и грабителей. Напомним, что накануне битвы при Пуатье (1356) в королевское войско добровольно и по своей инициативе пришло ополчение городов. Король Иоанн II, намереваясь превратить битву в триумф французского рыцарства, отказался от их помощи, что автор “Хроники первых четырех Валуа” назвал “безумием” и “следствием дурных советов”. Вместе с рыцарями под руководством графа Луи д’Аркура около 6 тысяч горожан Нормандии и Пикардии приняли участие в набеге на южноанглийское побережье (1360). За заявлениями о “страстном желании освободить из заключения своего сеньора короля Франции” скрывалось и желание отомстить за разграбление своих областей, и получить добычу, и вмешаться в военные действия. Несмотря на финансовые трудности, города всегда находили средства, чтобы набирать и содержать гарнизоны и защищать округу. Так, Тур принял на себя заботу об охране округи, поддерживал связь с ее населением и даже пытался освободить область ценой переговоров и денег (1359). Накануне мира в Бретиньи горожане Нормандии создали ополчение и сами вели боевые действия.

Во время перемирий продолжалась борьба с бандами наемников, солдат, живших грабежом. Особую активность проявляли города Нормандии, где сильнее чувствовались тяготы войны: города ведут свою внешнюю политику, договариваются о перемириях, заключают с отрядами “пакты”, создают оборонительные лиги, нанимают на службу капитанов из дворян.

Когда Карл V объявил войну англичанам, ему на помощь пришли города, откликнувшиеся на его письма. Возобновление англичанами боевых действий привело к срыву их планов молниеносной войны из-за успешных действий городских ополчений. Сопротивление на территории от Кале до Бордо, где рейдом проходил герцог Ланкастерский, не дало англичанам возможности захватить ни один город; более того, ими были потеряны все прежде захваченные города (кроме Бордо и Байонны). В 1370 г. вспыхнули антианглийские восстания в городах Аквитании, самое сильное среди которых произошло в Лиможе. Были

отправлены послы увещевать город, но “распущенная чернь никого не хотела слушать, отвернулась от послов”, – писал Уолсингем. На осаду города были брошены колоссальные силы; расправа над горожанами была страшной: их перебили, дома полностью разорили, снесли даже укрепления. Все это должно было служить примером для устрашения, однако расправа имела обратный эффект – усилила ненависть к англичанам. Города начали добровольно сдаваться армии короля Франции: Родез и Перигё сдались без боя, в Кагоре этому предшествовала проповедь архиепископа Тулузы. При взятии Пуатье, Сентонжа, Ла-Рошели горожане помогали французской армии. В “Хронике Дю Геклена” говорится, что он “вступал в тайные соглашения с горожанами”, сдававшими ему город. Нередко город извлекал из этого экономические выгоды, сдаваясь на определенных условиях.

В период с 1415 г. роль городов в войне стала определяющей, прежде всего из-за изменения планов англичан: вместо опустошительных рейдов они поставили целью завоевание и освоение территорий. Так, на последнем этапе борьбы в Нормандии объектом главных притязаний стали города Руан, Жизор, Вернон, Турне, Невшатель, Дьепп. Именно города представляли собой единственное серьезное препятствие для планов Генриха V, ибо они не сдавались и держались до последнего. Более того, они становятся центрами сопротивления.

При взятии первого же города – Арфлера, которому была уготована участь Кале, – английская армия сражалась не только с гарнизоном, но и с жителями, которые отчаянно сопротивлялись и “убили из арбалетов многих англичан”. Арфлер был ключом к навигации по Сене и снабжению Парижа и Руана. Хотя город был почти полностью разрушен английской артиллерией, но и армия осаждающих несла большой ущерб; к тому же в их лагере начались болезни. Арфлер был плохо укреплен, помощи от короля не ожидалось, и через полтора месяца город запросил у Генриха V его условия. Условия были жесткими: оставшиеся в живых горожане обязаны покинуть город, все их имущество конфискуется, а город заселяется англичанами.

Но устрашение вновь не сработало: практически ни один город не подчинился Генриху V добровольно: капитулировали только после долгой осады, из-за голода. В Руане, Мелёне, Сансе, Мо осажденные горожане ели конину, кошек, крыс, но продолжали сопротивляться. Все это приводило в бешенство англичан, которым приходилось у каждого укрепленного местечка терять месяцы. После взятия Кана Генрих V приказал убить всех его защитников. Шербур сдался только после 10 месяцев осады, да еще потребовался выкуп. Осада Руана призвана была стать примером для остальных городов, сопротивляющихся “законному королю Франции”. В городе была артиллерия, сильный гарнизон, которому помогал присланный парижанами военный контингент. Но время было против Руана; город жил в кошмаре, голод достигал такой степени, что продавали мышей. Защитники решили избавиться от лишних ртов и выпустили за ворота женщин, детей и стариков в надежде, что осаждающие их пропустят. Но Генрих V отказался

их принять, и большинство их умерло во рву укрепления от голода и холода. С января нотабли запросили условия сдачи, но получили отказ. Среди горожан высказывались предложения всем покинуть город и поджечь его. Узнав об этом, Генрих испугался, так как ему был нужен город, а не пепелище. Переговоры шли четыре дня и ночи, и 19 января 1419 г. город капитулировал, обещая уплатить англичанам 300 тысяч экю, которые горожане собирали потом в течение 10 лет. Капитан города был повешен за организацию обороны, жители же “всего лишь” ограблены.

В Париже с первых же недель этого этапа войны (1415) слышны были призывы “прекратить усобицы и укрепить город”. Когда в битве при Азенкуре командование вновь отвергло шеститысячный отряд хорошо вооруженных людей, присланный парижанами, в стране поднялась волна гнева. Даже после договора в Труа (1420) города продолжают сопротивляться, хотя теперь их объявляют “восставшими против регента и наследника французской короны”. Жители осажденного Седана (1424) заявили, что “они не желают сделаться англичанами и предпочитают лучше умереть, чем подчиниться им”. В итоге город был сожжен, а все его защитники убиты.

Во время осады Мелёна Генрих V даже привез защитникам города короля Карла VI, демонстрируя законность своих притязаний, но горожане заявили, что “английский король – давний смертельный враг Франции”. При этом в городе царил голод, ели кошек, конину, а гарнизон во главе с Гийомом Барбазаном продолжал его удерживать. Все это поразило воображение англичан, которые были потрясены борьбой маленького города против целой армии. Осада длилась 18 месяцев! И жестокая расправа с гарнизоном и его комендантом (Барбазан был посажен в железную клетку) продемонстрировала лишь ярость англичан. Осада Мо (1421–1422), естественной защитой которого была река, а сопротивление жителей и гарнизона усиливало шансы города, сопровождалось болезнями в английском войске, усугубленными зимними холодами. Осада длилась 8 месяцев, и хотя город сдался, но Генрих V получил нервное расстройство, был подавлен и болен, встретив столь мощное сопротивление своим планам быстрого продвижения вглубь страны.

Главным центром борьбы в этот период была Нормандия, объявленная Генрихом V извечно принадлежащей Англии. Партизанская война шла здесь 10 лет (1417–1427), множились заговоры в городах. В 1428 г. для борьбы с ними прибыл граф Уорик, раскрывший во многих городах и крепостях заговоры и казнивший их участников. О знаменитой осаде Орлеана заметим только, что горожане активно помогали гарнизону; приходила помощь и из других городов.

После коронации в Реймсе города стали добровольно сдаваться Карлу VII; при этом они сами нередко посылают к нему делегации с сообщением об этом. Начиная борьбу за освобождение города и области, горожане действуют по своей инициативе, собирают налог на оборону, нанимают капитана и гарнизон, покупают оружие на свои деньги. Ка-

питана выбирают обычно из местных дворян с хорошей репутацией. Города сдаются тому, кого считают своим законным королем, – такое право они завоевали в Столетней войне. Его выразила и новая церемония – передача ключей от города, впервые примененная 12 ноября 1437 г. при въезде Карла VII в Париж. Тогда у ворот Сен-Дени купеческий прево Мишель де Лалье передал королю ключи от города как знак того, что город не был взят, а добровольно открыл ворота. Король вошел в освобожденный, а не завоеванный город, в качестве его законного сеньора. Во время наступления французских войск в Нормандии с 1449 г. горожане перешли к партизанским действиям; на подступах к Руану с помощью горожан были взяты важные пункты – Верней и Понт-дель-Арт. В последнем повозка некоего торговца сыграла роль “тroyанского коня”, а в Вернее мельник уговорил английских часовых покинуть пост, позаботился сбросить со стены наружу лестницу и тем самым помог войти французским отрядам, а во время штурма спустил часть воды из рва. Жители города ударили в набат, построили баррикады на улицах. По словам Т. Базена, “англичанам оставалось только погибнуть”. Гарнизон во главе с главнокомандующим Тальботом был вынужден капитулировать, и Карл VII заявил ему, что не они сдали город, а жители сами открыли ворота.

Почему же города так упорно и ожесточенно сопротивлялись? Вопрос далеко не праздный, а ответ не столь очевиден, как кажется. Первым приходит на ум такое объяснение: города защищают свое имущество и жизнь. Это, безусловно, так: даже армия Генриха V, пытавшегося предстать законным наследником старых герцогов Нормандии, вела себя во Франции с самого начала, как в завоеванной, чужой стране. И сопротивление всегда было направлено прежде всего “против англичан”, и лишь потом “за Францию”. Но как объяснить в таком случае сопротивление городов в период, когда добровольно сдавшемуся городу обещали мир и неприкосновенность, а в случае сопротивления – полное уничтожение? Тем более, что неподчинение города договорам о мире (в Бретињи, в Труа) делало их “мятежными” и наказуемыми по всем законам любого государства.

Здесь мы сталкиваемся с одной из фундаментальных черт города, остро проявившей себя в годы Столетней войны. Город по своей природе – место сопротивления. Отгороженный и защищенный от округи и всего мира стенами, объединяющими тех, кто внутри, особыми правами и общностью, он противостоит любой власти. В то же время, стенами и правами он отделен от окружающего населения. Не случайно участие горожан в партизанских отрядах вне стен города было практически минимальным, даже в Нормандии, в период повсеместного сопротивления англичанам. Так, Р. Жуэ приводит цифру: из 165 казненных партизан лишь 7 были выходцами из городов. Горожане защищали свой город, потом уже ближайшую округу, иногда другой город, а в итоге получилось, что страну в целом. “Короткая политика”, но зато эффективная, ибо город защищен стенами, в отличие от деревни – этой равнины, “плоской земли” (*plat pays*), открытой всем ветрам и легкой

добычи для любого отряда наемников или грабителей. Наконец, город, в отличие от деревни, имел деньги. Поэтому город получил возможность выбирать себе сеньора, решать, кому из королей открывать ворота, а кому – нет. И торговаться. Города всегда имели в виду собственный, зачастую экономический интерес, определяя свою политическую позицию. Так, эмиссар Карла V в Лиможе добился “ненависти к англичанам” ценой обещания основать здесь две ежегодные ярмарки. Тур, где жили участники переговоров о мире в Бретиньи, оговорил себе свободу торговли по Луаре. Наконец, общеизвестны успехи Дю Геклена по освобождению страны ценой подкупа городов или ущемления их экономических интересов. Самой знаменательной в этой цепи была позиция городов Гиени, чье экономическое процветание напрямую зависело от Англии. Здесь французская армия могла рассчитывать только на дворян и крестьян. Бордо держался дольше всех. Первые условия, на которых город переходил под власть Карла VII, содержали обещания не вводить налоги и не ставить гарнизон (ибо горожане сами хотели себя защищать) – наряду с амнистией, правом покинуть город, чеканить монету и даже основать парламент. Нарушив обещание о налогах, Карл VII достиг того, что депутация Бордо отправилась в 1452 г. в Англию, обещая ей поддержку в случае войны с Францией. Новые условия сдачи долго сопротивлявшегося Бордо были уже более жесткими: уплата в казну 100 тыс. экю, отмена всех привилегий, но свобода покинуть город всем сопротивляющимся. Не случайно, увидев флаг с лилиями над городом, Карл VII не пожелал там оставаться, а поехал в Лузиньян: так неприятен ему был этот “расчетливый и предательский город”.

Корона с подозрением относилась не только к городам проанглийским, но вообще к сопротивляющимся городам. Здесь разница подходов города и короля предстает особенно выпукло. Заметим, сопротивление городов было их собственной инициативой, лишь впоследствии использованной короной. Они вмешивались в ход военных действий, нередко путая карты военачальников. Принято считать, что горожан Кале король оставил на произвол судьбы. Но дело в том, что в планы армии не входило защищать этот город, да и не было в тот момент сил на это. Тем не менее город силой своего сопротивления привлек внимание короны, навязывая ей свои интересы. Так города Франции своим сопротивлением и партикуляризмом изменили тактику ведения войны, заставив армию отказаться от идеи красивой победы в грандиозном сражении и навязав ей путь постепенного освобождения городов и территорий. Король в начале войны не уполномочивал города держать осаду и не сдаваться и поэтому не нес ответственности за потери городов. Затем он был вынужден считаться с этой силой, заявившей о себе в ходе войны. Но подозрение осталось. Не случайно поэтому имела место широкая практика раздачи писем-помимолюбаний городам и отдельным участникам акций сопротивления. Да, они получали в итоге письма прощения от короля, но они – все и каждый – должны были его просить об этом, ибо акты вооруженного неповиновения считались незаконными и опасными для государственной власти; беря на себя иници-

циативу сопротивления и борьбы, города превышали свои полномочия. Это пугало корону и в “английской Франции”, и в “буржском королевстве” В землях Карла VII всех сопротивляющихся называли “англичанами” Для “соединенного королевства” с 1420 г. все партизаны были бандитами (brigands). Англичане использовали уже известное определение в политическом смысле, называя “бандитами” всех, кто был на стороне Карла (в письмах помилования бандиты и Арманьяки – синонимы: “estre armignaz ou brigans”, “estre brigans armignaz”). Не стоит забывать, что были и настоящие преступники, воры и насильники, прикрывавшие свои действия разговорами о патриотизме. Карл VII выдавал множество писем-помилований, в каждом случае разбираясь в истинных мотивах поведения адресата. Но и Генрих V старался либеральной политикой снизить накал сопротивления, ибо был поражен размахом неповиновения городов тому, что решали власть предержавшие переговорами и договорами о мире. Он даже объявил общее прощение тем, кто вернется из лесов домой и изменит образ жизни, но напрасно. А ведь после 1420 г. все завоевания Генриха V делались в пользу “соединенного королевства Франции и Англии”. И все же города смели заявлять о своей особой позиции, как упоминавшийся Мелён, с его риторикой о враждебности короля Англии, хотя перед ним находился специально привезенный законный король Франции Карл VI.

Все это свидетельствует о том, что желание непосредственно убедить свое имущество от грабежа было не определяющим мотивом поведения городов в Столетней войне: экономические интересы в целом, стремление заявить о себе как политической и военной силе, политизация сознания и зарождающийся патриотизм определили в целом форму и степень участия городов в войне. Города выработали свою позицию и заставили короля считаться со своим особым мнением.

Такой же переход к инициативному поведению у горожан наблюдается и в Англии. По свидетельству Уолсингема, богатый лондонский горожанин Джон Филпот, “видя, до какого бедственного положения доведена родина”, снарядил на свои средства и по своей инициативе тысячу воинов на кораблях для защиты английских берегов. Это вызвало триумф в Лондоне и осуждение со стороны дворян, с которыми “не посоветовались”. В середине 80-х годов XIV в. горожане Портсмута и Дартмута в упрек медлившему с защитой Англии адмиралу на свой страх и риск устремились к французским берегам. Все это, однако, происходило в период, когда война была еще популярна в Англии. К 20-м годам XV в. произошла обратная реакция: выделяя через Парламент средства на ведение войны, горожане все активнее подчеркивают ее провалы, а с 40-х гг. уже отрицательно относятся к ней. Здесь экономические интересы сочетались также с собственной позицией: городам надоело давать деньги на бесконечную авантюру, принесшую восстания, войну в Шотландии, упадок южных портов, ослабление торгового флота, закрытие фламандского рынка, и все это ради утопичных планов короны и личных интересов аристократических кланов.

Столетняя война научила города по обе стороны Ла-Манша воевать и влиять на чисто дворянскую прежде область – войну, формулировать свою позицию в политической жизни страны и заставлять с ней считаться. Политика французской короны по отношению к городам после окончания Столетней войны ясно показывает, что ее протекционизм был основан на уроках войны. И не случайно, что именно взятие города Бордо 19 октября 1453 г. считается формально датой окончания Столетней войны: город вышел на “первое место” в войне.

ПОБЕДА БЮРГЕРСКОГО ПРАГМАТИЗМА

Столетняя война была начата и велась в интересах короны и дворянства, не только английского, но и французского. Достаточно перечислить, сколько экспедиций снарядили французские дворяне к берегам Англии за эти годы (1346, 1355, 1359, 1377, 1378–1379, 1384–1385, 1396, 1405, 1424 гг.) И, соответственно, общим итогом войны по обе стороны Ла-Манша явилось поражение и моральный упадок дворянства. Чье-то поражение всегда означает и чью-то победу. В Столетней войне такими соперниками были дворянство и города, и победа последних стала одним из неожиданных итогов этой войны.

К началу войны в обществе превалирует презрение к военным способностям городов, хотя уже тогда традиционный “мирный, тихий горожанин, занятый своим ремеслом”, был в известной мере мифом. В городах нередко были войны, вооруженная борьба и с сеньором, и друг с другом. И в армию всегда входили пешие воины от городов, чья роль выросла с введением артиллерии, требовавшей специальных земляных работ и обслуживания. К тому же тактика осады нуждалась в работах по укреплению и рытью окопов, чего не делали дворяне. В начале войны корона отдает предпочтение живой силе горожан и, в целом, ротюрье, – в качестве пехоты, чья численность превышала состав кавалерии: в 1339 г. на 10 тыс. конных воинов приходилось 40 тыс. пеших. Впоследствии их использовали как арбалетчиков, обозников. И все же дворяне с презрением относились к “непрофессионалам”, потешаясь над их “трусостью”, неумением обращаться с луком и арбалетом. Фруассар и Монстреле писали о них, как о “балласте”, который даже не используют в битвах. Однако первые же поражения от англичан, прежде всего от их пехоты и лучников, заставили французских дворян учиться договариваться с пехотой и с толком использовать ее. После Пуатье (1356) корона даже поощряет создание компаний арбалетчиков и лучников для регулярной армии, организует профессиональное военное обучение горожан.

И все же главным мотивом отношения короны и дворян к “неблагородным” была боязнь вооружать народ, который мог повернуть это оружие против них. Поэтому их не слишком обучают и не стараются использовать в битвах, предпочитая наемников. Даже Кристина Пизанская, которую трудно заподозрить в прославлении рыцарства, писала в “Книге мира” об “опасности давать мелкому люду больше власти,

чем ему положено”, считая, что “нет большего безумия для государя, который желает пользоваться властью свободно и в мире, чем дать право мелкому люду вооружиться”. В ходе Столетней войны города, как было показано, не очень спрашивали на это разрешения, и корона была вынуждена в итоге позволить горожанам вооружаться.

Города добились и большего: они, как отмечалось, изменили методы ведения войны, и новая тактика оказалась более успешной, чем крупные сражения; а освобождение территорий с помощью самих освобождаемых снизило вес дворянства в победе Франции. Тактика отказа от крупных сражений, партизанщина (засады, нападения, сделки) были, как известно, связаны с именем Бертрана дю Геклена, выходца из мелкого дворянского рода “дикой” Бретани, что стало еще одним ударом по престижу знати Франции. Не менее существенным ударом по рыцарским правилам ведения войны стал отказ горожан от пленных с целью выкупа и навязывание этой тактики обществу. По свидетельству хроник, именно горожане начали требовать, чтобы пленных англичан казнили. Без жалости казнили они и тех, кто сотрудничал с англичанами. Под влиянием горожан эту практику перенимает и Дю Геклен, разрешая в освобожденных городах казнить всех захваченных англичан. В общественном мнении это получает все больше оправдания. В “Хронике первых четырех Валуа” сказано, что таков “был единственный способ покончить с ними и избавить королевство от их присутствия”. Оправдывая расправы бригаднов, без жалости казнивших англичан, Базен рассказывает о некоем священнике, который говорил, что только так можно заставить англичан покинуть Францию и вернуться на свою родину. Кстати, крестьяне тоже не брали пленных, хотя могли получить выкуп за них. Подобная непримиримость оказалась заразной, о чем свидетельствует не имеющее аналогов решение Генриха V после победы при Азенкуре: когда число пленных дворян превысило число охраны, он, вопреки сильному недовольству армии, приказал убить пленных, кроме тех, за которых сам хотел получить выкуп, – герцогов Орлеанского и Бурбонского.

Непримиримая ненависть к захватчикам и их пособникам доходила у горожан до такой степени, что в ответ на карательные действия Генриха V они лишь сильнее упорствовали. Так, жители города Тури (близ Орлеана) сожгли его, чтобы он не достался врагу.

Победа в ходе военных действий бюргерского прагматизма над рыцарской этикой оказала влияние на отношение общества к войне в целом. Провозглашение Карлом V “справедливой войны” – впервые не против неверных, а против христианского государства, зло которого заключено в опустошении земли и разорении подданных, что было так понятно сердцам невоенных людей, – привело общество к пониманию войны как бедствия для всех. Раз война объявлена общим злом, то ведение ее – дело всего королевства. Эта идея, а также запреты турниров (кроме тех, что служат для тренировки стрелков и арбалетчиков), частных войн, отъезда из королевства имели антидворянскую направленность и в конечном счете привели к лишению дворян их значимости в

обществе. В известной мере антидворянскими были и законы против роскоши, знаменующие победу горожан. Кстати, решения штатов Лангедока после поражения при Пуатье (1356), которые принято считать менее прогородскими, содержат указания носить траур по плененному королю, отказаться от праздников, пышных одежд, украшений, что в иной, чем на штатах Лангедоля, форме говорит о победе в этом отношении бюргерского утилитаризма.

Откровенный прагматизм постепенно был воспринят и короной, и Карл V вовсе не случайно заслужил впоследствии прозвание Мудрого (разумного, расчетливого) – в отличие от Иоанна II Доброго (“правильного”, рыцарского короля): он не участвовал в битвах и турнирах, из единственного сражения – при Пуатье – попросту сбежал. В пропагандистской литературе всячески прославлялся подобный прагматизм: Жан де Монтрей считал правильным нарушение рыцарского кодекса и приветствовал Филиппа VI за бегство с поля битвы при Креси, упрекая Иоанна II за неуместное рыцарство при Пуатье.

Антирыцарская риторика, как и общественное осуждение за неудачи в войне дворян по обе стороны Ла-Манша, были не совсем справедливыми. Дворяне больше других сословий участвовали и теряли в войне, прежде всего, платили собственной жизнью: Достаточно только представить те горы обнаженных трупов (убитых разрешено было грабить) людей, при жизни составлявших “цвет” французского дворянства, что возвели англичане после Азенкура. Стоит также посмотреть, сколько дворянских родов прекратились после этой даты, т.е. в одном только 1415 г.: из 10 тыс. участвовавших дворян погибло 8 тыс. Все эти и многие другие факты позволяют заключить, насколько общественный гнев против дворян был неуместен. Вспомним и высказывание Джона Филпота: в ответ на недоумение дворян, с которыми не посоветовались, отправляя военные корабли на защиту английского побережья, он заявил, что “никто из знатных не протянул родине руку помощи”. Однако именно такое мнение имело общественный вес и усиливало позиции горожан.

О повышении престижа горожан свидетельствует и важное новшество: их берут в заложники наравне с дворянами в надежде на выкуп. Так, после осады Арфлера Генрих V, желая наказать город, отправил в Англию всех дворян и самых богатых горожан для получения выкупа. Кстати, в числе заложников, которые обеспечивали соблюдение договора о мире в Бретињи, также были горожане: по два от 18 самых крупных городов (Сент-Омер, Аррас, Амьен, Бове, Лилль, Дуэ, Турне, Реймс, Шалон, Труа, Шартр, Тулуза, Лион, Орлеан, Компьень, Руан, Кан и Тур) и четыре от Парижа.

Моральный престиж горожан повышался и по мере распространения в их среде ряда прежде сугубо дворянских норм поведения и образа мыслей. Так, знаменитая история о шести гражданах Кале стала символом благородного поведения горожан, что подняло престиж сословия в целом.

Общеизвестно, что патриотизм зародился раньше всего именно в среде горожан. Уже в 70-е годы XIV в. источники отмечают торжест-

венные встречи войск Дю Геклена как “освободителей” криками “Монжуа”. Равно как и в Англии именно унижение английского короля от поражений в войне с Францией, наряду с уменьшением выгод от войны, стало основой отхода горожан от поддержки континентальной авантюры. В XV в. Жан Шартье писал прямо, что “дозволено и похвально сражаться за свою родину”. При этом горожане искренне считают свои интересы самыми полезными для короля и государства.

Одновременно во Франции он сопровождался презрением к англичанам, которых не считали за людей и приписывали им даже преступления, совершенные французами; насмешки друг над другом обнажали зарождающийся и во Франции, и в Англии национализм. Подобный “бюргерский” патриотизм, в конечном счете, был схож с правами и привилегиями одного цеха, корпорации, вышедшими за границы городских стен и объединяющими все население данного королевства.

Столетняя война закончилась победой обоих централизованных государств, разорвавших мешавшие им династические узы, и “неблагородного сословия”, прежде всего городов, заявивших о себе как о самостоятельной и значительной общественной силе, сумевшей повлиять на ход событий.

ЛИТЕРАТУРА

Басовская Н.И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // *Вопр. истории.* 1987. № 1. С. 48–66.

Басовская Н.И. Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность // *СВ. М., 1991. Вып. 54. С. 23–34.*

Басовская Н.И. Столетняя война и рост социально-политической активности городского сословия // *Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 220–238.*

Басовская Н.И. Столетняя война 1337–1453 гг. М., 1985.

Богодарова Н.А. Городские мотивы в английской политической поэзии XIV – начала XV вв. // *СВ. М., 1982. Вып. 45. С. 81–103.*

Малинин Ю.П. Патриотические идеи Алена Шартье и итальянская гуманистическая мысль // *Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 215–230.*

Малинин Ю.П. Рыцарская этика в позднесредневековой Франции (XIV–XV вв.) // *СВ. М., 1992. Вып. 55. С. 195–213.*

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.

Allmand Ch.T. The Hundred Years War: England and France at war, c. 1300 – c. 1450. Cambridge, 1989.

Avout J. d' 31 juillet 1358: le meurtre d'Etienne Marcel. P., 1960.

Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985.

Bourassin E. La France anglaise, 1415–1453: Chronique d'une occupation. P., 1981.

Cazelles R. Etienne Marcel: champion de l'unité française. P., 1984.

Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean II et Charles V. Genève; 1982.

Chevalier B. La ville de Tours et la société tourangelle, 1356–1520. P., 1974. V. 1–2.

- Chevalier B.* Les bonnes villes de France du XIV au XVI siècle. P., 1982.
- Contamine Ph.* Les fortifications urbaines en France à la fin du Moyen Age: aspects financiers et économiques // *Revue historique.* 1978. 527. P. 23–47.
- Contamine Ph.* Les gens de guerre et la ville. Achat d'armures à Orléans, 1434–1438 // *Ville, bonnes villes, cités et capitales.* Tours, 1989.
- Favier J.* La guerre de Cent Ans. P., 1980.
- Gauvard Cl.* Résistants et collaborateurs pendant la Guerre de Cent Ans: le témoignage des lettres de rémission // *La "France anglaise" au Moyen Âge: Colloque...* Poitiers, 1986. P., 1988. P. 123–138.
- Jouet R.* La résistance à l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen, 1969.
- Lewis P.* La France à la fin du Moyen Âge. La société politique. P., 1977.
- Mollat du Jourdin M.* La Guerre de Cent Ans vue par ceux qui l'ont vécue. P., 1992.
- Petit-Dutaillis Ch.* Les communes françaises, caractères et évolution dès origines au XVIII siècle. P., 1947.
- Rigaudière A.* Gouverner la ville au Moyen Âge. P., 1993.
- Rigaudière A.* Saint-Flour ville d'Auvergne au bas Moyen Âge: Etude d'histoire administrative et financière. P., 1982. V. 1–2.
- Society and war: The experience of England and France during the Hundred Years War.*; N.Y., 1973.

АНГЛИЙСКИЙ ГОРОД В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ АНГЛИИ В XIV–XV вв.

Ранняя централизация Англии и тот факт, что значительная часть наиболее крупных городов (к 1307 г. – 138) располагались на землях королевского домена и имела своим сеньором короля, создали своеобразные условия для участия английских средневековых городов в политических событиях. Их история всегда была тесно связана с общей историей Англии, которую они помогали творить, далеко не всегда, однако, совпадая в своей линии поведения с интересами и капризами короны.

Увеличение роли английских городов в политической жизни было связано с усилением их экономической мощи, ростом богатства английских купцов. При Эдуарде I (1272–1307) основной объем внешней торговли Англии находился в руках иностранных купцов. Хотя и появилось какое-то число крупных отечественных торговцев, но они чаще пользовались привилегиями у иностранных государей, нежели у себя на родине. При Эдуарде II (1307–1327) значительная часть торговли все еще была в руках иностранцев, однако роль английских купцов стала неуклонно повышаться. Уже в конце правления Эдуарда II его фаворит Деспенсер стремился завоевать расположение богатых английских купцов, учредив стапельные города в Англии (в противовес Брюгге). Тем не менее, именно поведение горожан сыграло значительную роль в падении фаворита в 1326 г.

Коренным образом положение изменилось при Эдуарде III (1327–1377). К концу его правления английские экспортные торговцы были уже почти так же богаты, как иностранные, чем постарался воспользоваться Эдуард, хотя его политику в отношении своих купцов трудно назвать последовательной. Война с Шотландией, а потом и с Францией требовала денег, и английские купцы готовы были финансировать корону, если торговая политика, и в частности стапельная система, будет соответствовать их интересам. Эдуард III то утверждал стапли в Англии, то позволял итальянским финансистам Барди покупать освобождение от ограничений на торговлю иностранцев. В августе 1328 г. в обмен на дополнительные таможенные пошлины в интересах иностранных купцов все отечественные стапели были упразднены. Такие резкие изменения торговой политики были типичными для всего правления Эдуарда III.

Иногда защита интересов отечественных купцов поднималась до уровня международной политики. Например, еще Эдуард II вел переговоры с графом Фландрии, герцогом Бретани, королем Норвегии о возмещении ущерба, причиненного английским купцам, накладывая аресты на имущество иностранных торговцев.

Денежные затруднения короны особенно возросли с началом Столетней войны. Она не могла оставить равнодушными английских горожан по ряду причин: возросли налоги и экстраординарные сборы, рвались традиционные торговые связи, но в определенные моменты война приносила и экономические выгоды.

В 30–50 годы XIV в. военные действия складывались удачно для Англии (битвы при Слейсе, Креси, Пуатье), поэтому горожане разделяли с другими сословиями радость побед. Часть награбленных богатств перетекала в карманы горожан, но нестабильность военного времени мешала торговле. Например, с 1363 по 1369 г. стапель находился в Кале, и торговые операции были ориентированы именно на этот город. Затем военные действия послужили причиной заброшенности Кале на несколько лет, а с 1373 до 1390 г. стапель опять был перенесен в Кале.

В конце 70-х годов XIV в. военные поражения во Франции способствовали усилению политической активности английских горожан. В вопросе о войне они заняли самостоятельную позицию, особенно когда речь шла о выделении средств на ведение военных действий во Франции. Купцы могли дать деньги, а могли и отказать, тем самым влияя на политику короны. Английские короли сами поставили себя в зависимость от своих горожан: еще в 1290 г. Эдуард I изгнал из Англии евреев (прежний источник королевских займов), Эдуард III разорил итальянских банкиров, и на первое место выдвинулись английские купцы-кредиторы.

Пока Столетняя война отвечала интересам купечества, т.е. пока речь шла о сохранении рынков во Франции и Фландрии и притоке военной добычи, горожане поддерживали ее. Под впечатлением неудач во Франции наблюдался даже подъем патриотических чувств. Так, лон-

донский горожанин Джон Филпот снарядил на свои средства тысячу воинов и корабли для защиты английских берегов. Нужно иметь в виду, что большая часть английского флота всегда находилась в руках купечества, и тот флот, который одержал победу над французами при Слейсе, состоял из купеческих кораблей разных городов. В середине 80-х годов XIV в. жители Портсмута и Дартмута на свой страх и риск отправились к французским берегам и захватили 9 кораблей противника с товарами.

В начале XV в., возобновляя военные действия во Франции, Генрих V заручился поддержкой горожан, которые “отвергли” мирные предложения французского двора. Но в XV в. английские горожане менее одобрительно относились к войне. Генрих V, чтобы закрепиться на французской территории, раздавал там земли своим приближенным, поэтому военные действия в то время приносили основные доходы лишь знати, а на долю горожан приходились только возросшие налоги. В результате уже в 20-е годы XV в. в Англии начало нарастать недовольство войной. В 40-х гг. позиция горожан стала резко отрицательной, и королю приходилось добывать средства при помощи займов. Отказ горожан поддерживать войну объективно был в интересах Англии, так как выгоду от нее получала главным образом знать, а потери несла вся страна. Война способствовала росту национального самосознания и активизации городского сословия в политической жизни.

Нельзя, однако, сказать, что позиции и интересы крупного купечества всегда совпадали с интересами страны в целом. Иногда требования верхушки английских городов грозили осложнением внешне- и внутривнутриполитической обстановки. Например, в правлении Генриха IV английское купечество требовало отменить привилегии ганзейцев. Но если бы в 1403 г. английский король отменил (или хотя бы ограничил) ганзейские свободы, то это привело бы к установлению торговой блокады Англии, на чем настаивали прусские города. Подобная блокада ухудшила бы и экономическое, и политическое положение Англии, так как рост цен на товары неизбежно привел бы к усилению борьбы внутри страны, то есть интересы экспортных торговцев в этот момент совершенно не совпадали с общими интересами Англии. Позиции правительства и городов в отношении Ганзы были совершенно различными. В 1407 г., когда приближался срок окончания ганзейских привилегий в Англии, власти различных городов всеми способами блокировали торговлю ганзейцев. В то же время правительство Генриха IV, демонстрируя “доброе отношение” к Пруссии, освобождает арестованные ганзейские корабли и отдельных купцов, запрещает властям Лондона и Саутгемптона взимать дополнительную плату с ганзейцев за вывоз непроданных в указанных городах товаров.

Роль английских городов в политических событиях во многом зависела от позиций, которые горожане занимали в парламенте. Нужно иметь в виду, что если численность депутатов от графств была четко определена, то число депутатов от городов можно было увеличивать, предоставляя право парламентского представительства все новым го-

родам. Правда, иногда (а в XV в. и часто) вместо горожан депутатами от городов избирались представители дворянства, но это касалось только мелких городов, жителям которых было трудно нести парламентские расходы.

В XIV в. магнаты не решались (как это было в XIII в.) на самостоятельные восстания против короля, они предпочитали действовать при поддержке “общин”, объявляя себя защитниками интересов всего народа. Так действовали лорды-ордейнеры в 1308–1312 гг. против Эдуарда II, Мортимер и Изабелла в 1327 г., лорды против Ричарда II в 1388 г., а также в 1399 г. при его низложении. Когда же бароны пытались действовать самостоятельно (как Томас Ланкастерский в 1316–1322 гг.), то даже такой слабый король, как Эдуард II, имел возможность справиться с ними. Конфликты между баронами и королями в XIV в. чаще происходили в парламенте, что способствовало росту влияния этого учреждения и, прежде всего, рыцарско-бюргерского блока, который там сложился.

В XIV в. по сравнению с XIII в. сфера взаимоотношений короля и правительства с верхушкой горожан значительно расширяется, контакты между ними становятся регулярными, а связи более сложными. В связи с подготовкой к войне с Францией Эдуарду III срочно понадобились деньги, и получить их он мог двумя способами – в виде субсидии шерстью или повысив таможенные пошлины. Субсидии разрешались только парламентом, собирались они медленно, и почти никогда король не получал их полностью. Повысить же вывозные пошлины можно было с согласия “большой части общины королевства”. Это легло в основу созыва торговых ассамблей – собраний купцов королевства. Присутствие на этих ассамблеях было обязательным, желал этого торговец или нет, ибо в города рассылались поименные списки людей, которых король желал видеть в указанном собрании.

На купеческих конференциях, основная деятельность которых приходится на первую половину XIV в., прежде чем поставить вопрос о субсидиях или повышении пошлин, король обсуждал с купцами “некоторые сложные дела”, или “некоторые вопросы, касающиеся его и его королевства”, т.е. эти купеческие конференции начинали приобретать все большее общественное значение. В вопросах финансовой политики Эдуард III пытался противопоставить торговые ассамблеи парламенту, поэтому купцы были озабочены тем, чтобы нейтрализовать попытки короля обходиться с ними как с политическим учреждением, и пытались воспрепятствовать изданию статутов в обход парламента. После “Дордрехтского захвата” 1337 г. купцы даже под угрозой наказания перестали являться по вызову короля. И хотя купеческие конференции ни в коей мере не были сословными органами, они способствовали росту политического влияния английского купечества и горожан в целом.

В XIV в. наибольшее влияние на политику правительства оказывали два города – Лондон и Бристоль. Ведущая роль Лондона как самого крупного города и столицы королевства сомнений не вызывает. Бри-

столь же имел особые связи с Анжуйской династией: город был административным центром владений Роберта Глостера, побочного сына Генриха I, здесь в 1141 г. войсками Матильды был захвачен Стефан и именно в Бристоле провел несколько детских лет будущий Генрих II. Бристольцы помогали Генриху II при завоевании Ирландии и оказались втянутыми в политическую борьбу при Эдуарде II. Королевский замок в городе часто использовался для тюремного заключения влиятельных политических узников, таких, например, как потенциальная соперница Иоанна Безземельного Элеонора Бретонская или свергнутый Эдуард II.

Позиция горожан во всех политических конфликтах зависела от того, какая из борющихся сторон могла полнее обеспечить их интересы. Обычно бюргерство поддерживало короля, поскольку королевская власть обеспечивала даже мелкие города самыми насущными экономическими привилегиями, способствовала нормализации торговли в масштабах всей страны, защищала своих купцов в спорах с иностранными торговцами. В этом плане особенно важным для горожан было установление единства мер и весов (это восходит еще к Великой хартии вольностей), упорядочение денежного обращения и кредитных операций (статут 1299 г. о неполноценной монете и статуты о купцах 1283 и 1285 гг.), обеспечение безопасности торговых путей внутри страны (Винчестерский статут 1285 г.), укрепление общегосударственного “общего права” (реформы Генриха II и законодательство Эдуарда I). Именно поэтому при Генрихе III во время его борьбы с баронами и в ходе гражданской войны 1263–1267 гг. некоторые города поддержали короля из опасения потерять дарованные им привилегии или надеясь получить новые.

В начале XIV в. Эдуард II решил установить единоличный контроль над правительством, что привело к открытой войне с баронской оппозицией и государственному перевороту 1326/27 гг. “Заигрывания” Эдуарда II с иностранными купцами привели к тому, что крупные города в борьбе короля с баронами и в гражданской войне поддержали противников короля. С 1321 г. у Эдуарда II появились новые фавориты (после казни Гавестона) – отец и сын Деспенсеры. Сначала они старались действовать в согласии с парламентом, но это продолжалось недолго. Финансовые злоупотребления и неудачный поход в Шотландию привели к обострению политической борьбы. В 1326 г. королева Изабелла с наемным войском вернулась из Франции в Англию, где к ней присоединились не только мятежные бароны и архиепископ Кентерберийский, но и горожане. Поскольку пребывание в Лондоне становилось опасным для короля и его фаворитов, то Деспенсер-старший укрылся в королевском замке в Бристоле, а король с Деспенсером-младшим бежал на корабле. У берегов Уэльса корабль с беглецами был захвачен, младшего Деспенсера повесили, а короля заключили под стражу. Когда войска Изабеллы подошли к Бристолю, город открыл ворота и вынудил Деспенсера сдаться без сопротивления.

Столетняя война, начавшаяся в правление Эдуарда III, на время притушила политические страсти, но с конца 70-х гг. наметился новый

политический кризис, прерванный восстанием 1381 г. и возобновившийся в 1384–1388 гг. В результате борьбы за власть был установлен полный контроль баронов над королем, а в 1399 г. был совершен новый государственный переворот, и на троне утвердилась новая династия – Ланкастеров. Самую активную роль в этом перевороте играли горожане Лондона и Бристоля.

Произвол Ричарда II, прежде всего в финансовых вопросах, привел к тому, что горожане активно поддержали его противника Генриха Болингброка, сына Джона Гонта, герцога Ланкастерского. В то время как армия Генриха, в значительной степени состоявшая из жителей Лондона, продвигалась к Бристолю, лондонцы атаковали Вестминстер и захватили советников Ричарда II. А городской совет Бристоля открыл ворота перед армией Генриха и выдал ему укрывавшихся в королевском замке остальных членов королевского совета Уильяма Скроупа, Джона Бэши и Генриха Грина. Это фактически означало ликвидацию власти Ричарда II. Вернувшийся из Ирландии Ричард был вынужден сдаться у Флинт Касла.

В конце 1399 г., когда бароны организовали заговор уже против нового короля – Генриха IV, горожане опять оказали ему поддержку. В 1400 г. жители Лондона и Сиренчестера помогли разгромить “рождественский заговор” противников короля, задержав и разгромив отряды Джона Монтегю и Голендов, а бристольтцы захватили и казнили лорда Спенсера, одного из участников заговора, который пытался бежать из Англии.

Но уже в 1401 г. английские горожане стали выражать недовольство политикой Генриха IV, который для ведения постоянных войн (с уэльсцами, шотландцами, французами, мятежными баронами) прибегал к займам даже чаще, чем Ричард II. С 1401 по 1411 г. было собрано восемь обычных субсидий и две чрезвычайных.

Позиция горожан в том или ином политическом конфликте зависела еще и от того, кто господствовал в городском управлении – олигархия или представители средних торгово-ремесленных слоев. Обострение социальной борьбы внутри самих городов со второй половины XIII в. стало одной из важных причин сплочения городской верхушки самых богатых городов вокруг короля. Это проявилось уже в событиях 1258–1265 гг., когда города поддержали Генриха III, несмотря на притеснения, которые он допускал по отношению к ним.

Политическая линия наиболее значительных городов определялась позицией крупного купечества, которое занимало господствующее положение в городской администрации. Эта же часть купечества представляла города в парламенте и на торговых ассамблеях. Очень большую роль в позиции городов играли политические пристрастия влиятельных горожан. Например, один из самых выдающихся купцов XV в., Уильям Кэнинджес-младший, был ярым ланкастерцем. Будучи в разные годы бейлифом, шерифом и мэром Бристоля, он использовал свое влияние на городской совет, чтобы оказывать противодействие йоркской партии, имевшей прочные позиции на западе Англии. В то

же время, другой крупнейший купец Бристоля, Томас Янг (сводный брат Уильяма Кэнинджеса), будучи сторонником Йорков, на Вестминстерском парламенте 1451 г. внес предложение объявить Ричарда, герцога Йоркского, наследником престола. Большинство палаты общин поддержало Янга, но палата лордов выступила против, и после роспуска парламента Янг был посажен в Тауэр. Интересно заметить, что Уильям Кэнинджес в 1451 г. также был послан в Вестминстер как член парламента от Бристоля.

На политическую позицию горожан влияли и их противоречия с соседними крупными феодалами, тем более, что в отличие от короля светские и духовные сеньоры небольших городов не спешили даровать им привилегии и не искали политического союза со своими городами. Благодаря этому сеньориальные города в политической борьбе чаще всего оказывались союзниками короля.

Однако по многим вопросам внутренней политики городские власти не всегда спешили подчиняться королевским постановлениям. Когда дело касалось королевского произвола (особенно в отношении финансов), города оказывали открытое сопротивление. Примером может служить бристольское восстание 1312–1316 гг., поводом для которого явился сбор дополнительной корабельной пошлины в пользу короля.

Да и отдельные богатые купцы самостоятельно решали, считаться с королевскими предписаниями или нет. Не говоря о нарушении различных запретов на торговлю, можно упомянуть отказы богатейших купцов являться на торговые ассамблеи, несмотря на рассылаемые поименные списки.

В XV в. политическая борьба в Англии еще более усилилась. После смерти в 1422 г. Генриха V, при котором вновь был одержан ряд побед над Францией, в Англии начался затяжной политический кризис, переросший в войну Роз (1455–1485). XV век – это период временного ослабления центральной власти, когда политические конфликты, как и в XIII в., решались главным образом путем вооруженных столкновений.

Роль парламента в XV в., и особенно в период войны Алой и Белой Роз, была очень незначительной. Теперь магнаты уже не “заигрывали” с городами, и последние могли отстаивать свои интересы, лишь принимая сторону того или иного претендента на престол. Война Роз затронула прежде всего сельскую Англию и в меньшей степени города. В этой войне крупные феодалы часто решали свои местные задачи (как, например, в 1469 г. герцог Норфолкский при осаде замка Кейстер решал спор о праве владения им). Больших сражений общегосударственного размаха не было, они сводились к столкновению отрядов численностью от двух до десяти тысяч человек – при Сент-Олбансе, Тонтоне, Барнете.

Наглядное подтверждение тому, что война Алой и Белой Роз затронула города в гораздо меньшей степени, нежели сельскую Англию, можно найти в семейной переписке горожан. Например, в письмах купеческой семьи Сели, наполненных не только сведениями о торговле шерстью и овчинами, но и о семейных отношениях, положении жен-

щин, одежде и утвари, развлечениях и многом другом, бросается в глаза крайняя скудость информации о внутрианглийских событиях. Это тем более кажется странным на фоне необычайно подробных замечаний о различных аспектах международной политики. Достаточно посмотреть, как подробно описывает глава семьи Ричард Сели-старший итоги сражения между Максимилианом Габсбургом и Людовиком XI, произошедшего в августе 1479 г. Сели-старший сообщает не только о том, кто победил, но и какие трофеи захватил герцог Бургундский, сколько французов было убито. Интересно и то, что битва произошла 7 августа, а 12 августа Сели-старший в Лондоне уже получил о ней сведения и пишет письмо своим детям, находившимся в тот момент в Эссексе.

При таком пристальном внимании к внешнеполитическим проблемам слабый интерес к событиям внутри страны кажется странным. Тем более, если учесть, что благодаря Ричарду Сели-младшему, который находился на службе у одного из ближайших сторонников Эдуарда IV лорда Уэстона, члены семьи были прекрасно информированы и о внутренних, и о внешнеполитических событиях.

Думается, Сели, как и других английских горожан, нельзя обвинить в отсутствии патриотизма. Вполне возможно, что многочисленные упоминавшиеся в письмах просьбы закупить вооружение, были вызваны не столько страхом перед французами, возможность войны с которыми обсуждалась в начале 80-х гг., сколько внутренними проблемами. По письмам Сели можно понять, что хорошее военное снаряжение пользовалось в этот период большим спросом.

Несмотря на немногочисленность упоминаний, по письмам Сели можно заметить, как нарастала внутривнутриполитическая напряженность. В письмах нет никаких рассуждений по поводу событий внутри страны, в них просто сообщается информация. Но она показывает, что приковывает внимание купцов. Их интересуют решения парламента, местопребывание короля и наследника престола, взаимоотношения короля со знатью и пр.

Король Англии Ричард IV умер 9 апреля 1483 г. Наследник престола сразу же выехал из Ладлоу, который расположен в Уэльсе, в Лондон. В столицу он прибыл 4 мая. Во время его путешествия были схвачены и убиты сводный брат принца Ричард Грей и его дядя лорд Риверс, Энтони Вудвиль. Таким образом, лидеры одной из партий были уничтожены. Во время заседания Совета в Тауэре 13 июня 1483 г. были арестованы Мортон, Роттерхем и Гастингс. Лорду-чемберлену Гастингсу сразу же без судебного разбирательства отрубили голову.

Эти события нашли отражение в письмах Сели. И это не удивительно – события мая–июня 1483 г. никого не могли оставить равнодушными. Конечно до Сели, представителей городского сословия, доходили не все сведения – отсюда и неточность в информации. Даже более сведущие люди – Доменико Манчини и Полидор Вергилий описывают события 13 июня 1483 г. по-разному. Но в письмах горожан обстановка в целом оценена достаточно трезво.

После событий весны–лета 1483 г. до конца февраля 1484 г. Сели ничего не пишут о положении внутри страны. Возможно, это было не-

безопасно, так как можно предположить, что Сели были на стороне лорда Гастингса. Только в феврале 1484 г. Уильям Сели сообщал из Кале в Лондон: "... здесь находятся некоторые изгнанные англичане, они прибыли морем, захватив 5 или 6 груженных вином судов испанцев, направлявшихся во Фландрию". Возможно, речь шла об Эдуарде Вудвиле, брате королевы и командующем английским флотом, который после ареста членов совета принца Уэльского 30 апреля или 1 мая со своими судами ушел в море, чтобы избежать ареста. За море бежали также Томас Грей, маркиз Дорсет, и его дядя Эдуард Грей.

Поскольку война Роз была борьбой различных групп феодалов за политическую власть, то она затрагивала купечество лишь в том случае, когда действия велись в местности, с которой были связаны их деловые интересы, или когда внутривполитические проблемы грозили осложнить отношения со странами – торговыми партнерами. Конечно, когда дело доходило до государственных переворотов, это не могло не тревожить английских горожан. Но в остальное время они предоставляли дворянству самим решать свои проблемы и по мере возможности избегали вмешиваться в политическую борьбу. В то же время купеческая верхушка крупных городов заставляла уважать свои интересы и ланкастерских, и йоркских претендентов на престол, которые постоянно нуждались в деньгах. За займы королям и подношения их приближенным города покупали себе мирную жизнь. А за привилегии соблюдали политику нейтралитета, и, опять же, платили деньгами.

С окончанием войны Роз в Англии воцарилась новая династия – Тюдоров, и начался новый этап политического развития страны. И взаимоотношения горожан с центральной властью перешли на другой уровень.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства: XIII–XVII вв. М., 1979.

Репина Л.П. Городское сословие в английском парламенте XIV в. // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 4.

Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.

Штокмар В.В. История Англии в средние века. Л., 1973.

The Celes Letters. 1472–1488 / Ed. By Alison Hanham. Oxford, 1975.

Three Fifteenth-Century Chronicles... / Ed. by J. Gairdner. L., 1880.

Walsingham Th. Historia Anglicana. Chronica Monasterii S. Albani / Ed. H. Rily. L., 1863–64. V. I–II.

Statutes of the Realm, 1101–1703. L., 1810–1816. V. I–II.

Jolliffe. The Constitutional History of Medieval England. N.Y.; L., 1937.

Lander J.R. Conflict and Stability in XVth century England. 3-rd ed. L., 1977.

Stubbs W. The Constitutional History of England in its Origin and Development. Oxford, 1874–1878. V I–III

Thomson J.A.F. The Transformation of Medieval England 1370–1529. L., 1983.

НОРМАННСКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ В ИРЛАНДИИ И ГОРОД

Скандинавская экспансия и колонизация в Ирландии дали толчок складыванию ее средневековых городов. Английская колониальная экспансия в Ирландии с самого начала была связана как с городами в самой метрополии, активными побудителями и участниками колониального процесса, так и с городами Ирландии. Иноземная экспансия и средневековый город в Ирландии были, таким образом, спаяны историей неразрывно.

До конца VIII в. городов в Ирландии не было. Местные кельты были организованы в родоплеменные объединения – септы и кланы, а те, в свою очередь, в крупные племенные союзы, закрепившие деление Ирландии на ряд областей – Ольстер, Манстер, Лейнстер и Коннот, к которым позднее добавился Мит – центральное королевство, надел номинального верховного правителя страны, ардриага, избиравшегося вождями (риагами) областей. Почти полностью натуральное хозяйство с ведущей ролью скотоводства предполагало, вкупе с политической раздробленностью, отсутствие сколько-нибудь значительных по объему торговых связей внутри страны а, следовательно, и наличия крупных рыночных центров. Товарный обмен происходил на сельских ярмарках, производившихся, как правило, возле резиденций риагов, являвшихся часто и культовыми центрами. Подобные крупные ярмарки проводились, например, на холме Тара (резиденция ардриага в Мите), в местечке Круахан, и др. Обычно это происходило параллельно с имевшими место народными собраниями, оглашением законов, судебными процедурами, религиозными праздниками, что сопровождалось гуляниями, игрищами. Значительное число таких поселений составляли местные племенные укрепления – примитивные бурги дерево-земляной конструкции. Ранняя и успешная христианизация Ирландии добавила к списку подобных центров общественной жизни монастыри, близ которых также нередко устраивались торжища, например, у монастыря Кармайн (каждые три года). Протогородские центры Ирландии в кельтский период носили, как мы видим, универсальный военно-административно-культовый характер, что, в сущности, обычно для подобной ступени общественного развития. Что же касается возникновения в Ирландии собственно городов, особенно таких крупных морских портов и центров торговли, как Дублин, Уэксфорд, Корк, Лимерик и др., то вопрос об их генезисе по сей день является дискуссионным. Многие историки относят этот процесс к периоду норманнских вторжений в Ирландию (конец VIII–IX вв.), считая его целиком заслугой скандинавских поселенцев. Другие, например, Г. Литтл, настаивают на исконно ирландском происхождении этих крупнейших городов. Крайняя скудость сведений не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. Можно лишь констатировать, во-первых, что наиболее развитые и

большие города Ирландии исторически возникли на базе морской, почти исключительно внешней торговли, что стало важнейшей особенностью ирландского урбанизма в дальнейшем; во-вторых, судя по всему, нельзя исключать возможность существования кельтских предгородских центров на месте упомянутых крупных портов, которые скандинавским завоеванием были подняты на качественно новый уровень, получив мощный импульс к развитию и превращению в собственно ранние города, специализирующиеся преимущественно на стабильном торговом обмене.

Основание ирландских городов началось со второй четверти IX в., когда чисто пиратские экспедиции норманнов сменяются там процессом их поселения. Практически все известные города возникли в устьях больших рек, по которым викинги, как известно, проникали вглубь чужой территории во время своих рейдов. Первоначально поселения викингов представляли собой пиратские базы в виде укрепленных стоянок кораблей (“лонгфорты”), часто на месте разоренных кельтских поселений. Постепенно эти “лонгфорты” превратились в настоящие города, ядро которых представлял бург, окруженный сельским “кантредом”, где скандинавские колонисты жили среди покоренного местного населения. Таковы были города Дублин, Уотерфорд, Уэксфорд, Арклоу, Лимерик, Корк – по сути, все значительные порты Ирландии. Скандинавское завоевание, с одной стороны, вовлекло Ирландию в интенсивные процессы торгового обмена с разными странами Европы, прежде всего со странами бассейнов Северного моря и Балтики. Как известно, дух морских странствий, дальние торговые связи, колонизационная мобильность были характерными чертами “цивилизации викингов”. Однако, с другой стороны, скандинавы, враждебные ирландцам, захватили в свои руки все внешнеторговые связи этой островной страны. В результате этого ирландцы не только не получали выгод от развития урбанизма и внешней торговли, но и терпели прямые убытки, поскольку викинги вывозили из страны награбленную добычу также через эти города.

С этих пор прервалось “естественное” развитие ирландского урбанизма, и крупные города стали “чужеродными”, враждебными структурами, оплотом иноземного господства, что также стало отличительной чертой их дальнейшей истории. Хотя скандинавское владычество было подорвано после поражения викингов при Клонтарфе в 1014 г., и их мелкие государственные образования постепенно попали под власть ирландских вождей, а сами норманны частично ассимилировались и христианизировались, – несмотря на все это, крупные города с достигнутым при викингах уровнем торгового и, отчасти, ремесленного развития остались достаточно обособленными по отношению к ирландскому кланово-патриархальному обществу в целом, не достигшему после победы при Клонтарфе сколько-нибудь значительного прогресса в социально-экономическом и политическом развитии, а, наоборот, погрязшему в прежних традиционных междоусобицах. Все это тормозило процесс складывания городов внутри страны, а города на побережье

оставались в значительной степени автономными образованиями и откупались от ирландских вождей данью.

Между тем, внутривосточная нестабильность, постоянные междоусобицы стали одной из решающих причин успеха нового – английского завоевания, сопровождавшегося значительно более широкой колонизацией страны. Английская колониальная экспансия, начавшаяся в 1169 г. и растянувшаяся на столетия, проходила на качественно новом уровне, с использованием опыта крестоносного движения, передовых достижений военного дела и той феодально-колониационной системы, которая была опробована еще столетием раньше Вильгельмом Завоевателем при покорении Англии. Среди характерных черт этого сложного военно-феодального механизма следует отметить прежде всего те, что наиболее важны в связи с нашей темой. Это, во-первых, интенсивное “озамокание” – строительство каменных замков на захваченной территории, что позволяло эффективно контролировать покоренные земли – недаром район наиболее прочного английского господства в Ирландии, на землях Лейнстера с центром в Дублине, благодаря многочисленным замкам, бургам, фортам и т.п., получил название “Пэйл”, т.е. “ограда” Во-вторых, бюргерская либо крестьянская колонизация захваченных земель сразу вслед за колонизацией военной, и насаждение социальных порядков и правовых норм метрополии, в том числе городских. Наконец, почти с самого начала колониальная авантюра Англии в Ирландии получила официальный, “государственный” характер. Нет смысла излагать здесь все перипетии и особенности этой борьбы. Отметим лишь, что они непосредственно отразились на истории ирландского города. Английское завоевание, как и ранее скандинавское, способствовало развитию городов на захваченных землях и, одновременно, провело резкую грань между урбанизированными поселениями, этнически почти чужеродными, и собственно кельтской Ирландией, где большинство населения, по свидетельствам современников, еще и около 1600 г. имело практически первобытный уклад жизни, с преобладанием клановых отношений, родовой собственности на землю, натурального хозяйства и т.п.

К началу английского завоевания в Ирландии под определение собственно городов подходили, по сути, только упомянутые выше приморские порты. Как отмечают современные западные исследователи, все эти города по этническому составу населения были почти целиком скандинавскими (что было результатом норманнских вторжений IX–XI вв.). Их замкнутость по отношению к кельтской Ирландии, в то же время, тесные торговые связи с зарубежьем, в том числе с Англией – все это побуждало “остманов”, как их здесь называли, активно поддерживать английское вторжение, действуя совместно с английскими войсками против кельтов. В свою очередь, король Генрих II в хартиях, даруемых подвластным ирландским городам с 1171 г., жаловал “остманам” различные привилегии, приравнивавшие их статус к статусу свободных горожан английского происхождения, именуя их “королевскими остманами”, т.е. ставя их под прямую королевскую юрисдикцию.

В дальнейшем, несмотря на приток в города английских, а также французских и других колонистов, “остманы” сохранили некоторую культурную обособленность: так например, они предпочитали селиться вместе, и подобные места компактного проживания потомков викингов фигурируют в источниках под названиями “поселение остманов”, “округ остманов” Окончательная ассимиляция “остманов” произошла лишь к началу XIV в.

Английская колонизация способствовала также бурному развитию тех протогородских центров, что находились в оккупированной зоне. Более того, города западноевропейского типа намеренно насаждались англичанами в Ирландии как элемент общей феодальной административной системы, привнесенной колонизаторами в готовом виде, в общем еще чуждой родоплеменному кельтскому обществу. Новые англо-ирландские города, выраставшие, как правило, из сочетания старого рыночного местечка с новым английским замком, представляли собой враждебное ирландцам феодально-колонизационное начало. Тем не менее, процесс продолжался: торгово-ремесленный посад вокруг замка сам постепенно обрастал стенами, и подобных небольших городов к концу XIII в. в одном только графстве Корк насчитывалось 38, из чего можно заключить, что масштабы урбанизации в английской Ирландии были весьма значительными. Кроме того, с распространением в Ирландии церковных административных структур континентального образца с конца XII в. большое значение в качестве городских “нуклеусов” приобрели резиденции архиепископов и епископов, как, например, Килкенни или Армаг.

Наконец, англичане основали ряд новых морских портов, по величине и значению вскоре сравнявшихся со старыми городами “остманов”. К числу этих новых городов относились Голуэй, Нью-Росс, Каррикфергес, Дрогеда (последний представлял собой, по сути, два города на разных берегах р. Бойн, даже подчинявшихся администрации двух разных графств). Этнический состав населения этих городов был порой крайне пестрым, поскольку туда стекались колонисты со всех концов англо-французской империи Плантагенетов. Аналогичная картина наблюдалась и в старых портах: так, в первой половине XIII в. Дублин населяли, помимо “остманов” и смешанных с ними ирландцев, шотландцы, фламандцы, валлийцы, выходцы с севера и юго-запада Англии, с севера Франции. За исключением землячеств “остманов”, среди колонистов преобладал принцип поселения людей одной профессии на одной улице.

К 1240 г. первоначальный этап колонизации Ирландии, в ходе которого англичане более или менее основательно закрепились в Пэйле и ряде приморских городов с прилегающими к ним территориями, в основном завершился. В этот период произошло оформление колониальной администрации, в структуру которой входили: юстициарий – королевский наместник в Ирландии и, одновременно, верховный судья; совет баронов при нем, решавший по преимуществу военные вопросы; 12 графств, имеющих традиционную английскую систему управления

(шерифов и т.п.). Города в этой структуре были важны как оплот дальнейшего продвижения вглубь страны и защиты от ответных нападений ирландцев. Особое значение имел Дублин, ставший на века столицей английских владений в Ирландии. В нем под защитой мощных укреплений, возведенных англичанами, пребывала верхушка колониальной администрации. Кроме того, Дублин был крупным стратегическим портом, принимавшим воинские подкрепления из метрополии, и церковным центром (резиденция архиепископа), имевшим тесные связи с Кентербери. В 1320 г. в Дублине был основан университет.

Основной принцип юридического оформления жизни Английской Ирландии был провозглашен в 1222 г. Генрихом III: “Законы Англии и Ирландии должны быть одними и теми же”. Правовой статус англо-ирландских городов полностью проистекал из этой формулы, лаконично отразившей концепцию управления Ирландией. В королевский домен вошли практически все крупные порты, особенно на восточном побережье, вкуче с лучшими землями. Мелкие же города, возникшие внутри страны по мере продвижения военной колонизации, находились, в сновном, в подчинении основавших их баронов, силами которых и осуществлялось это продвижение. Были, впрочем, и исключения из этого правила: так, одна из двух Дрогед до 1229 г. была сеньориальным городом, подчиняясь юрисдикции могущественной баронской семьи де Ласи.

Поскольку англо-ирландский город был, в сущности, городом английским, вернее, его копией, на нем отразились особенности прототипа. Как известно, в условиях относительно сильной централизующей королевской власти в Англии не было “коммунальной революции” континентального типа. Английские города обретали свои права и привилегии путем пожалований от короля, стараясь сглаживать возможные трения путем переговоров и компромиссов, но почти не вступая в конфронтацию с королевской властью, видевшей в них свою опору в конфликтах с баронами. В целом, на первом этапе колонизации Ирландии (последняя треть XII – первая половина XIII в.) там уже начала действовать подобная схема. Первые хартии были пожалованы уже начиная с 1171 г. Генрихом II Дублину, Корку, Лимерику, Уотерфорду – главным “воротам” английского вторжения в Ирландию. Эти хартии даровали указанным городам права и привилегии, свойственные английским городам схожего масштаба и значения, находившимся под королевской юрисдикцией. Так, в основу дублинской хартии легли привилегии Бристоля – важнейшего юго-западного порта Англии, через который осуществлялась переброска войск в Ирландию и их снабжение. Многие города получали от короля так называемое “бретейльское право” (по названию города Бретейль в Нормандии, где оно существовало еще с 1060 г.), предполагавшее лично-свободный статус для всех бюргеров и начатки городского самоуправления. К таковым относились выборность мэра и прочих городских должностных лиц, право иметь муниципальный совет и т.п. Хартия 1192 г. даровала Дублину право иметь собственный суд, подтверждала свободный характер городского земельного держания, в том числе право его наследования,

дарения, продажи и т.д. За все это уплачивалась лишь фиксированная рента королю. Выплата налогов городами в государственную казну (также фиксированных) осуществлялась на основе права городского самообложения, предоставленного Дублину (1215), затем Уотерфорду (1232). Города получали также право юрисдикции над своей округой.

Отдельно стоит упомянуть о торговых привилегиях больших городов. Наряду с правом беспошлинной торговли в пределах не только ирландских, но и всех прочих владений английской короны, правом проведения регулярных ярмарок и рядом преимуществ перед иноземными купцами, касающихся регламентации сроков и нормативов торговли теми или иными товарами, эти привилегии включали право иметь торговые гильдии по английскому образцу. Как правило, первым все указанные привилегии получал Дублин. Вообще, обретение англо-ирландскими городами своих вольностей было весьма растянутым по времени процессом: так, например, Корк получил хартию, аналогичную дублинской (от 1192) лишь в 1242 г., другие, наиболее значительные королевские города в течение XIII в., а прочие, в основном сеньориальные – в XIV в. Из 47 сеньориальных городов, имевшихся в Английской Ирландии, к XV в. 37 имели соответствующие хартии. В 1244 г. была установлена единая система мер и весов в Ирландии по дублинским стандартам.

Таким образом, с первых лет английского вторжения и на протяжении XIII–XIV вв. происходила бурная урбанизация на занятых англичанами территориях, имевшая в своей основе “уподобление” как новых, так и ранее существовавших ирландских городов английскому образцу. Законодательное оформление городских прав и привилегий свидетельствовало о том, что город обретал свою классическую средневековую форму, особый, присущий ему тогда статус. Это еще больше углубляло пропасть между городом и деревней в Ирландии, где этническая политика Англии основывалась на всеобъемлющей дискриминации кельтского населения. Килкеннийский статут английской администрации (1367), уравнивавший англо-ирландцев в правах с английскими колонистами, одновременно еще больше усилил этническую, социальную и культурную сегрегацию коренных ирландцев. Теперь они не только не имели права занимать какие-либо городские (не говоря уж о государственных) должности, но и, проживая в английских владениях, не могли даже носить национальную одежду, говорить на родном языке и т.п. – все это каралось тюремным заключением, приравниваясь к измене. Кроме того, запрещались любые сношения с землями независимых ирландских кланов, особенно торговые, а также браки с ирландцами. Хотя на практике эти постановления не имели особого успеха, будучи весьма оторванными от реальности, их дух помогает понять атмосферу англо-ирландского города.

Хотя население многих, прежде всего портовых, городов достигало немалой по европейским меркам численности (Дублин в конце XIII в. насчитывал 11–13 тыс. жителей, Уотерфорд и Нью-Росс до 3 тыс., Голузи – 3,5 тыс.), к собственно бюргерам, т.е. полноправным горожанам

с соответствующим правовым статусом, относилось меньшинство городского населения. Например, в годы политического и экономического упадка, вызванного активизацией англо-ирландских войн в конце XIV в., в Нью-Россе, согласно документальным данным, насчитывалось всего 86 бюргеров. Ирландское население городов вообще не учитывалось из-за своего абсолютно бесправного положения, а, между тем, доля его в общем числе городских жителей была, возможно, немалой. Более того, неоднократно издавались указы, ограничивавшие свободу передвижения ирландцев в городах, запрещавшие продажу им хлеба, предоставление ночлега, а то и просто распоряжения о выселении ирландцев за пределы города. Например, постановление магистрата Дублина от 24 июня 1454 г. предусматривает полное выселение из города ирландцев, за исключением тех, чей ценз оседлости достигал 12 лет (т.е. бюргеров кельтского происхождения, более десяти лет назад сумевших влиться в ряды полноправного городского населения через смешанные браки, либо денежные ухищрения и т.п.). Неподчинение подобным постановлениям влекло за собой репрессии со стороны властей, причем для Дублина, столицы английских владений в Ирландии, такие крайние меры в отношении ирландцев были характерны в большей степени, чем для других, особенно малых городов.

Большинство городского населения, в том числе рядовые колонисты, не говоря уже об ирландцах, находились в приниженном положении по отношению к зажиточной части бюргерства, объединявшейся в торговые гильдии. С течением времени социальные мотивы уравнились с этническими. Богатым купцам ирландского происхождения постепенно, хотя и редко, удавалось просочиться в ряды привилегированного городского патрициата. Рядовое же бюргерство англо-ирландских городов не было политически и экономически организовано.

Корпоративно-цеховая система в Ирландии не получила развития. В целом, в ирландских городах ремесло всегда занимало вторичное положение по отношению к торговле, особенно внешней. Оно внутри страны обслуживало почти исключительно население самих городов и феодальную знать, так как местное сельское население обходилось своими силами и внутренний рынок в раздробленной постоянными войнами на различные в социально-экономическом и культурном плане части стране отсутствовал. Известная часть продукции некоторых городских ремесел (в частности кожевенного) вывозилась, подчиняясь нуждам не столько ремесла, сколько внешней торговли. Впрочем, главным объектом товарного вывоза из Ирландии оставалось сырье. Внешняя торговля переживала в условиях английского владычества свой расцвет. Большие морские порты, чей выбор предпочтительных торговых партнеров происходил сообразно с географическим положением, торговали, наряду с Англией, также с Францией, Испанией, Португалией, другими странами Европы. Эти города были экспортерами по большей части не продукции местного ремесла, а сырья, военной добычи, феодальной ренты. Огромные прибыли, получаемые Англией от внешней торговли, побуждали королей предоставлять все новые

привилегии купечеству, что отражено, например, в Хартии вольностей 1216 г. и в Купеческой хартии 1308 г., где иностранные купцы, торговавшие с Ирландией, уравнивались в правах с английскими. Не случайно и то, что сбор доходов государственной казны в Ирландии часто отдавался на откуп купцам, как английским, так и иностранным.

Что касается независимых областей Ирландии, то там, несмотря на примитивный, патриархально-родовой уклад жизни, в XIII–XV вв. все же возникали локальные рыночные центры, иногда выраставшие в мелкие города. Но масштабы этого процесса были невелики, и по своему качественному уровню он не шел ни в какое сравнение с урбанизацией Английской Ирландии. Английская администрация не без оснований усматривала в этом процессе опасность, как и во всем, что могло усиливать позиции ирландцев в борьбе с англичанами. Поэтому, начиная с правления Эдуарда III, стали выходить в свет указы, строго воспрещавшие торговлю с территориями независимых кланов под страхом уголовного наказания. Подобные меры предусматривались в Килкеннийском статуте, а также в статутах 1394, 1429 и 1431 гг., принятых дублинским парламентом. Впрочем, все эти законы, как и в случае Килкеннийским статутом, выполнялись из рук вон плохо, поскольку шли в разрез с существующими реалиями.

Ослабление королевской власти в Ирландии в XIV в. привело к общему ухудшению там политической обстановки, к крайней нестабильности. Превратившись в “баронскую колонию”, Ирландия надолго, вплоть до царствования Генриха VIII, оказалась охваченной войнами, в которых, с одной стороны, независимые кланы по-прежнему сражались с англичанами, а, с другой – английская и англо-ирландская знать вела междоусобную борьбу, заключая многочисленные союзы и с кланами, и с королевскими силами, и между собой против тех и других. В условиях подобной анархии ирландцы воспряли духом и стали весьма успешно действовать против разобщенных сил англичан, нанося им чувствительные поражения. Так, в 90-е годы XIV в. разразилась крупнейшая партизанская война под предводительством влиятельного манстерского вождя Арта Мак Морроу, в ходе которой ирландцы фактически вытеснили из страны 40-тысячную армию Ричарда II. После этого под контролем английского короля осталось, по сути, лишь восточное побережье страны и ряд изолированных портов в других ее областях. К XV в. Ирландия превратилась частично в феодально-баронскую автономию (колонизованные области), частично же осталась за кельтскими кланами. В конце XV в., во время политических неурядиц в самой Англии, последовавших за войнами Роз, ставленники англо-ирландской знати даже высаживались в Англии с войсками, пытаясь захватить престол (например, Симнел Ламберт в 1497 г.), правда, безуспешно. Английскими владениями в Ирландии с 1463 г. управляли наместники также англо-ирландского происхождения, которым интересы местной знати были гораздо ближе интересам короны.

Все это непосредственным образом сказалось на судьбе городов. История практически всех крупных городов Английской Ирландии,

служивших главным оплотом королевской власти на местах, в XIV–XV вв. изобилует случаями набегов ирландцев, военных разорений и погромов. Ирландцы вполне логично рассматривали города как форпосты оккупантов на их земле, а колонистов – как захватчиков. В ходе набегов города подчас сжигались дотла, укрепления разрушались, колонисты истреблялись. Подобная участь постигла Нью-Росс в 1336 и 1380 г., Корк в 1378 г., Уотерфорд в 1368 г., Лимерик в 1370 г., Карлоу в 1391–1392 гг. и т.д. Поскольку постоянные военные действия нарушали коммуникации, как торговые, так и стратегические, многие города, удаленные от центра английских владений – Пэйла – оказались практически в изоляции. Находясь в окружении враждебно настроенных кланов или владений воинственных феодальных магнатов, города были вынуждены платить дань тем и другим, дабы уберечь себя от разрушений. В этих условиях нередким стал отток населения из городов обратно в метрополию, подальше от столь исполненного опасностей существования. Эпидемия “Черной смерти”, прокатившаяся в 1348 г. и по Ирландии, опять же в первую очередь по городам, также нанесла им серьезный ущерб.

Английским королям, поглощенным заботами Столетней войны, а затем борьбой за престол в эпоху войн Роз, в условиях почти полной утери контроля над Ирландией, не оставалось ничего, кроме как дать городам – своему верному оплоту там – большую инициативу в вопросах самообороны. В частности, это выражалось в возросшей самостоятельности городов в области самоуправления и распоряжения своими финансами: часть доходов, шедших в королевскую казну, разрешалось теперь использовать на собственные военные нужды городов: организацию и экипировку отрядов ополчения, строительство укреплений и т.п. Все это предусматривалось многочисленными королевскими грамотами конца XIV–XV вв., как и право городов вести самостоятельную внешнюю политику по отношению к ирландским кланам: право объявлять им войну, заключать мир и т.д.

Тем не менее, процессы ухудшения политической обстановки в Ирландии набирали силу. К 1475 г. английская корона эффективно контролировала лишь Пэйл, сократившийся до четырех графств вокруг Дублина. Дальше простирались земли баронов и ирландских кланов; последние были рассеяны, в основном, в лесных и горных районах, в том числе чуть южнее Дублина. В состоянии острой смуты Ирландия вступила в XVI век. Установление там твердой власти английских монархов – по сути, заново – относится уже ко времени царствования Генриха VIII.

Итак, на фоне достаточно архаичного местного социального строя и в условиях скандинавской, а затем и английской колонизации, история средневековых ирландских городов получила ряд существенных особенностей. Автохтонное развитие урбанизма в этой стране, пребывавшего в зачаточном состоянии, было как бы искусственно ускорено, но стало при этом *урбанизмом колониальным*. В его основе лежал перенос готовых социальных и правовых городских (как и прочих) структур из метрополии и полное подчинение нуждам исключительно ко-

лониальной экономики и политики. Со времен викингов и во время английского господства приморские города, всегда шедшие в авангарде городской жизни Ирландии, являлись пунктами активной внешней торговли с зарубежьем, перекачивавшими сырье и награбленную добычу из внутренних районов страны. Так было в колониальной зоне. В собственно кельтской Ирландии, с ее отсталым патриархально-клановым обществом, чье дальнейшее развитие было заторможено английской экспансией, городская жизнь оставалась в зародыше.

Города были не только экономическими, социальными и политико-стратегическими опорными пунктами английской экспансии, но и проводниками соответствующей этнической политики английской монархии, направленной на сегрегацию коренного населения Ирландии. Почти целиком английские по составу населения и по своему облику, правовому статусу, языку и укладу жизни населения, города были верными союзниками английских королей, приносили значительные доходы государственной казне и служили оплотом административного контроля над колонией. Соответственно, короли постоянно поощряли города различными привилегиями.

С превращением Ирландии во второй половине XIV–XV вв. в “баронскую колонию” – очаг феодальных смут, наложившихся на непрекращающуюся борьбу ирландцев против английской экспансии – города пережили значительные потрясения и даже некоторый упадок. Тем не менее, в дальнейшем их развитие продолжалось, сохраняя отмеченные выше особенности и тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

- Осипова Т.С.* Ирландский город и экспансия Англии XII–XV вв. М., 1973.
Сапрыкин Ю.М. Английское завоевание Ирландии (XII–XVII вв.). М., 1982.
England and Ireland in the Middle Ages: Essays in Honour of J. Otway-Ruthven. Totowa, 1981.
Flanagan M.T. Irish Society, Anglo-Norman Settlers, Angevin Kingship. Oxford, 1989.
Frame R. Colonial Ireland, 1169–1369. Dublin, 1981.
Frame R. English Lordship in Ireland, 1318–1361. Oxford, 1982.
Lydon J. The Lordship of Ireland in the Middle Ages. Toronto, 1972.
The Medieval Town in Britain. Cardiff, 1980.
War and Government in the Middle Ages. Cambridge; Totowa, 1984.

“СВЕТЛЕЙШАЯ” – ВЕНЕЦИЯ

Пытаясь описать образ прославленного города, такого как Венеция, и серьезный специалист, и автор поверхностного туристического путеводителя часто невольно начинают восхищаться многоцветной мозаикой, созданной из исторических легенд и загадок и собственных эстетических переживаний. Город воображаемый, многократно воспетый поэтами, затмевает реальный, существовавший и существующий в историческом пространстве город.

Исторические реалии города не менее, а может быть, и более труднодостижимы, чем загадка его эстетической формы, сотканная игрой мифологических образов. И все-таки отправным пунктом для нашего путешествия по истории Венеции будет имя, титул-эпитет республики: “Serenissima” В буквальном переводе с итальянского это значит: “светлейшая”, “тишайшая”, “самая ясная” или “безмятежная”. Вряд ли годы войны Венеции с Генуей за преобладание на море и обустройство колоний или сражений за подчинение окрестных городов и территорий уместно называть безмятежными. Но внутренняя история развития Венеции действительно почти безоблачна и не омрачена теми бурями и социальными потрясениями, которые так часто разражались в политической жизни больших и малых итальянских коммун.

В чем же секрет этого внутреннего мира Венеции? В чем особенность жизненного уклада города? Вот вопросы, на которые мы постараемся найти ответ в ходе нашего повествования.

Начнем ab ovo: с рождения города. Тому, кто имеет представление о планах важнейших городов средневековой Италии, таких как Флоренция, Милан, Неаполь или их “меньших” собратьев, не может не показаться странной планировка Венеции. Даже не прибегая к анализу этой структуры как таковой, становится ясно, что особенности природного ландшафта не позволяют в условиях болотистой лагуны создать иной, более традиционный для европейского средневековья план города. Венеция расположена в болотистой низине; земля, на которой возник город, была “создана” огромными усилиями по осушению лагунного мелководья, изначально непригодного для жизни человека.

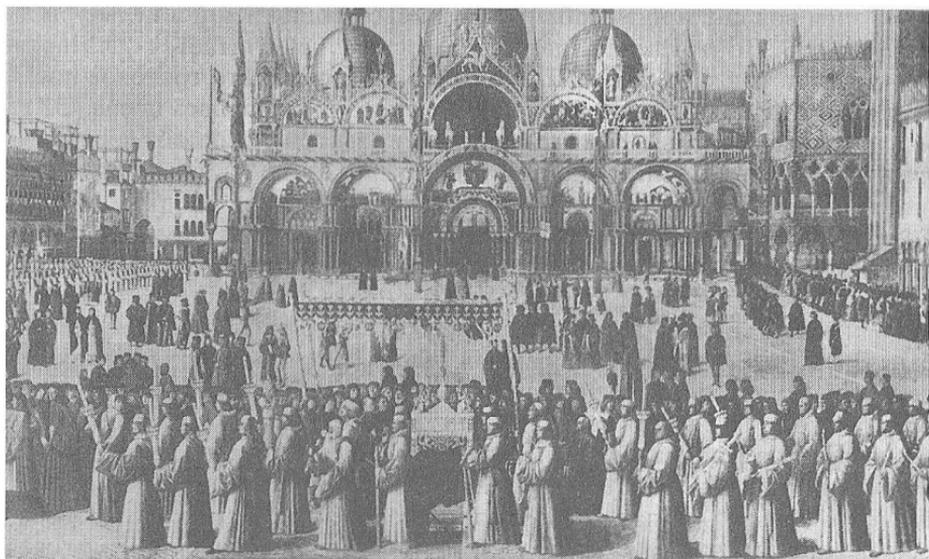
Необыкновенно важно и то, что первое поселение здесь возникло в эпоху варварских нашествий, в момент кризиса и все нарастающего коллапса окружающего мира. Венеция явила собой новый тип города, не отягощенного античным урбанистическим наследием, – настоящая редкость для Италии, где, казалось, не оставалось уже ни клочка земли, свободного от городского субстрата римской классической эпохи.

Город возник, приспособляясь к новой социальной и культурной реальности. По традиции, датой его основания считается 25 марта 421 г., когда три трибуна из Падуи основали на Риальто торговое поселение. Небольшое поначалу, оно значительно расширилось после 452 г. когда многие знатные семьи из Аквилеи, взятой Атиллою, переселились на острова Венецианской лагуны. В 466 г. на собрании в Градо были выбраны 12 трибунов, каждый из которых управлял одним из островов. Трибуны подчинялись императору Восточной Римской империи. Первым дожем Венеции был избран в 726 г. некий Орсо, получивший от византийского императора титул ипата. Согласно традиции венецианских анналов, ныне признанной легендарной, первым дожем был Паулулчо Анафесто, избранный обитателями лагуны для заключения мирного договора с лангобардским королем Лиутпрандом. Столицей островного объединения вначале была Гераклея, затем Маламокко, а после нашествия Пипина она была перенесена дожем Аньело Партичипацио на Риальто, где и возник город, ставший столицей венецианской морской империи. Аньело создал совет из трех человек по возведению города: один из них отвечал за создание песчаных заслонов-волнорезов, благодаря которым в лагуне поддерживался определенный уровень воды, второй – за создание сложной системы каналов, посредством которых осушалась болотистая местность и подготавливалась суша для закладки фундаментов, третий – собственно за строительство.

В 828 г., в правление следующего дожа, Джустиниано, произошло событие большой религиозной и политической важности – два венецианских купца обрели, а, проще говоря, выкрали из Александрии мощи святого Марка, ставшего покровителем Венеции (вместо святого Феодора, культ которого поддерживался в период зависимости от Восточной Римской империи). Согласно легенде, святой Марк во время своего путешествия остановился на пустынном острове Риальто, где во сне к нему сошел ангел со словами: “*Pax Tibi Marce Evangelista Meus*” Впоследствии этими словами был украшен герб города, а изображение льва, символа евангелиста Марка, стало эмблемой Венеции.

Городская структура Венеции, без сомнения, уникальна для своего времени. Первое принципиальное отличие, которое бросается в глаза при сравнении плана лагунного города со средневековыми планами многих итальянских городов – отсутствие развитой системы укреплений, наиболее яркой приметой средневекового европейского города. Венеция кажется незащищенной, открытой морю; и сам дворец Дожей находится на площади, выходящей прямо к лагуне. Однако незащищенность города – иллюзия: болотистое мелководье, затруднявшее возведение города, оказалось надежной защитой от вторжений извне. Ввиду очень сложного фарватера, известного немногим, корабли неприятеля не могли подойти к острову.

Город разрезан извилистым Большим каналом на две равные части. Напротив Пьяцетты располагается небольшой остров Сан Джордже Маджоре, именовавшийся ранее “Островом кипарисов”, с основанным там в 982 г. бенедиктинским монастырем. Рядом лежит вытяну-

Джентиле Беллини. Процессия на площади Святого Марка. Венеция. 1496 г.

тый, похожий на шип остров Джудекка, ранее называвшийся Вигано и славившийся своими садами – венецианские патриции строили там свои “загородные дома”. Но каждый из этих больших “естественных” островов был разбит маленькими искусственными каналами на множество островков, соединенных сложной системой мостов. Первым венецианским мостом был Риальто, построенный между 1200 и 1260 гг. и соединивший два берега Большого канала. Венеция, фактически будучи архипелагом, не могла иметь единой четко определенной и оформленной центральной части, но район около Риальто стал важным торговым центром города.

Соборной церковью Венеции считалась церковь Сан Джованни и Паоло, вмещавшая в своих стенах наибольшее количество народа. Но главным политико-административным и религиозным центром города являлась площадь Сан Марко с расположенным на ней дворцом Дожей, где проходили заседания Большого Совета, и храмом Сан Марко, бывшем личной церковью дожа.

В 1171 г. город Венеция был разделен на шесть районов, или сестеров, по три с каждой стороны Большого канала: с одной стороны находились Сан Марко, Костелло и Каннареджио, с другой – Дорсодуро, Сан Поло и Санта Кроче. Вскоре, исходя из такого территориального деления, был образован Большой совет: нобили каждого сестера выбирали двоих представителей, каждый из которых, в свою очередь, назначал еще сорок человек. Возникшее в XII в. территориальное деление сохранялось вплоть до падения республики.

Венеция входила в число пяти крупнейших городов Италии, на протяжении XII–XIV вв. численность ее населения постоянно превы-

шала 50 тыс. человек. Лишь малая часть жителей реально участвовала в управлении республикой. Около 30–40 богатых и знатных семейств представляли собой элиту города, осуществляя тот образ правления, который стал классическим примером олигархии.

Историки продолжают обсуждать проблему генезиса венецианского патрициата. По мнению одних, этот патрициат сформировался в процессе вовлечения крупных землевладельцев в торговлю; в этом видят близость генуэзскому варианту. Другая точка зрения состоит в том, что элита складывалась из представителей торговых слоев, подобно тому, как это было в городах на севере. Так или иначе, сформировавшийся патрициат состоял из семейств, чьи богатства основывались и на доходах от торговли и на землевладении. В отличие от флорентийской коммуны, представители ремесленных кругов Венеции никогда не играли роли в политической жизни и не входили в правящую элиту. А с конца XIII в. элита окончательно замкнулась, перестав принимать в свой круг новые, добившиеся успехов в коммерции фамилии.

Большой совет состоял из 2500 членов, отпрысков патрицианских родов, и из их числа рекрутировалось большинство должностных лиц республики. Основными институтами коммуны являлись: сенат, коллегия, возглавляемая дожем, и квантария (главный судебный орган по криминальным делам). Выбираемый тайным голосованием Большого совета, дож пожизненно становился правителем Республики, чеканил монету со своим именем (собственный венецианский чекан по образцу имперского появился еще в IX в.), единолично подписывал указы. Но при этом его реальная власть ограничивалась сложной системой комиссий и советов, следивших за действиями дожа и друг за другом, что выравнивало их вес в политической жизни. Важным фактором политической стабильности являлось достигнутое внутри малочисленной замкнутой элиты равенство: все ее члены были весьма богаты, при том, что некоторые выделялись особенным богатством, а равенство социального статуса было неоспоримо. Ни один из членов совета не опасался голосовать против другого и не искал возможности примкнуть к кому-либо из пользующихся в данный момент популярностью и большим общественным успехом. Общеизвестных постоянных лидеров, способных расколоть патрицианскую республику и утвердить тиранию, не было и не могло быть: их никогда не потерпели бы в своей среде те несколько десятков семейств, по праву гордившихся знатностью и могуществом, которые ревниво следили друг за другом, оберегая престиж своего рода и вековые традиции города. Естественно, противоречия существовали, в частности, по вопросам морской торговли и дипломатии, но указанные выше обстоятельства обычно удерживали соперников от вооруженного разрешения конфликтов.

За всю историю венецианской морской республики было лишь два опасных заговора, но и они не имели успеха и не сопровождались сильными городскими волнениями. Первый из них, направленный против дожа Пьетро Градениго, жесткая политика которого привела к потере Феррары и конфликту с папой, был возглавлен Боэмундо Тьеполо.

15 июля 1310 г. он направился со своими вооруженными сторонниками ко Дворцу дожей. Согласно легенде, планы заговорщиков разрушило анекдотическое обстоятельство – некая женщина по имени Джустина Росси сбросила из окна камень на голову знаменосца мятежного отряда, проходившего по Марцарии дель Оролоджио. Это вызвало внезапную панику среди заговорщиков, которые бежали за Риальто и даже с перепугу сожгли за собой мост. Впоследствии некоторые из них были прощены, некоторые отправлены в изгнание. Несмотря на неудачу, попытка переворота имела важные политические последствия: с одной стороны, создание Совета десяти, поставленного над Большим советом, с другой стороны, рождение негласной традиции выбирать дожами только пожилых нобилей, лишенных личных амбиций (дожу Градениго, вызвавшему своей амбициозной политикой противодействие части нобилитета, было чуть более сорока).

Другой известный заговор (1355) был раскрыт еще до начала выступления мятежников. Направленность этого заговора была абсолютно противоположна предыдущему, ибо его возглавлял сам дож Марино Фальери с целью узурпации власти и превращения республики в Венецианское герцогство. Венецианские источники, рассказывающие об этом заговоре, говорят, что побудительной причиной к мятежу была личная обида: некий молодой нобиль оставил на троне дожа непристойный стих, вдобавок оскорбительный для супруги сего государственного мужа. Тот потребовал строгого наказания обидчика, но вместо этого юноша отделался лишь устным предупреждением Совета Десяти. Тогда дож пошел на сговор со служителями Арсенала, составлявшими, между прочим, его личную гвардию, и организовал заговор с целью захвата единоличной власти. Провалу этого заговора, как и предыдущего, способствовало случайное обстоятельство – один из знавших о дне выступления предупредил своего клиента, чтобы тот не появлялся в это время на площади перед дворцом. Предупрежденный человек обратился в Совет Десяти, члены которого произвели дознание и раскрыли заговор. Мятежник-дож был казнен и подвергнут посмертному поруганию: положен в могилу с отрубленной головой, зажатым между ног. Во Дворце дожей, в зале, украшенной портретами всех правителей города, его портрет в раме отсутствует, он заменен черной материей с надписью “*Nic est locus Marini Faleri decapitati pro criminibus*”. Вероятно, память об этих событиях послужила назиданием современникам и потомству и охладила пыл других честолюбцев. Попытки утверждения тирании, столь частые во всех уголках Италии, в Венеции больше не предпринимались. В течение многих веков в республике удавалось поддерживать гражданский мир.

Политическая стабильность нашла свое отражение в архитектуре: в период расцвета города среди венецианских palazzo не встречаются ни дома-башни, ни массивные укрепленные дворцы (которые, правда, появились в более позднее время). Первые каменные сооружения на территории будущей Венеции, скорее всего, были рядовыми постройками в духе византийской архитектуры. Дворцы, видимые сейчас путе-

шественику, плывущему вдоль Большого канала, построены в стиле специфической “венецианской готики” XIV–XV в. Изящно украшенные просторные балконы домов знати, обращенные в сторону канала, позволяли домочадцам прямо отсюда наблюдать за знаменитой Рега-той. Это столь популярное у венецианцев увеселение стало традиционным как элемент военной подготовки граждан и переросло затем в красочное празднество.

Дворец дождей своей архитектурой мало напоминает как укрепленные резиденции и городские замки магнатов, так и дворцы итальянских синьорий. Он представляет собой не укрепление, но парадную резиденцию, удивляющую своей изысканностью и подавляющую своим величием. Все здесь привлекает взгляд: изящное мраморное обрамление окон, обилие удивительных статуй, роспись внутренних покоев (фрески Джентиле да Фабриано погибли при пожаре и были заменены росписями Тинторетто и Пальмы Старшего). Интересно, что Венеция взрастила целый цветник удивительных художников ренессансной и барочной культуры, чьи произведения украсили венецианские палаццо, но эта внутренняя новизна скрывалась за прежней симметричной строгостью фасадов.

Венецианцы не спешили изменять внешний вид своих домов, а, значит, и архитектурный облик города в угоду новым вкусам и моде. Можно сказать, что в сфере культуры сохранялся и поддерживался тот же разумный баланс между новизной и традицией, как и в политике и других областях жизни города.

Венеция никогда не принадлежала исключительно латинскому миру. С момента своего основания она тяготела к Византии и восточным странам (что, между прочим, неоднократно спасало экономическое положение республики в периоды папских интердиктов). Близость республики к Востоку запечатлелась в особенностях городской жизни и в облике города. Венецианцы отличались особой веротерпимостью, вследствие чего в городе в полной безопасности могли находиться мусульманские купцы, православные греки и эмигрировавшие из других областей Европы, в особенности из Германии и Испании, евреи. Одно из строений на Большом канале, известное как Фондако деи Турчи, было отдано мусульманским купцам под складские помещения. Единственное ограничение, наложенное венецианским правительством, заключалось в запрете купцам иметь при себе оружие. Жители Далмации, переселившиеся в Венецию, обитали в районе набережной Скъявони, получившей свое название от искаженного “славяне”. Недалеко от набережной находится православная церковь Сан Грегорио деи Гречи и здание братства святого Николая, созданного в конце XV в. для защиты интересов православной диаспоры, селившийся в обширном районе вблизи Риа Сан Лоренцо. Появление еврейских купцов в Венеции относится к XIV в., когда им на определенных условиях было разрешено селиться в сестьере Каннареджио, на маленьком островке, образованном каналами Рио ди Сан Джироламо и Рио дель Бателло, где позднее, в начале XV в. было создано гетто – закрытое поселение евреев с

внутренним самоуправлением. На короткое время в конце XIV в. еврейские купцы были выселены из Венеции, но затем им опять разрешили селиться в обжитом ими районе.

Венеция не жалела усилий для установления торговой монополии в Восточном Средиземноморье. Самую активную роль в этом процессе сыграли патрицианские семейства, которые снаряжали на свой счет дальние экспедиции с целью захвата узловых пунктов морской торговли – островов, которые ослабевшая Византийская империя уже не могла контролировать. Так, например, Марко Санудо основал на Кикладах герцогство Архипелага (1207–1566), Филокало Навагайозо захватил Лемнос, а род Гизи – Спорады. Помимо того, что правители Эгеиды признавали протекторат республики Венеции, Серениссима также владела островами Крит, Корфу, важнейшими портами Пелопоннеса Корон и Модон. Приведенный список далеко не полон, а лишь включает наиболее выигрышные и ценные приобретения. Интересно отметить, что когда венецианцы обосновались в чуждальних землях и стали полновластными хозяевами греческого острова Крит, они воспроизвели модель планировки родного города: Кандия, столица венецианского господства на Крите, могла гордиться собственной площадью и церковью Св. Марка, дворцом дук, с лоджией и часовой башней по образцу венецианских.

Но существовала и обратная тенденция: несмотря на свой патриотизм, венецианцы оказались страстными собирателями редкостей, дополняя ландшафт родного города заморскими диковинами, архитектурными деталями, статуями, барельефами, не созданными на этой земле, но вывезенными из разных мест, преимущественно с Востока. В XII в. из Александрии были привезены две колонны и установлены на Пьяцетте. Казалось бы, легче было их вырубить на материке из веронского мрамора, так же как легче было бы извлекать статую святого Феодора целиком, чем составлять ее из немислимых фрагментов – мраморной головы Митридата VI и торса времени Адриана, дополненных скульптором XIV в. При взятии Константинополя в 1204 г. были вывезены четверка бронзовых коней, установленных затем над порталом собора святого Марка, и барельеф с изображением Тетрархов, смонтированный в стену базилики. Небольшой фрагмент барельефа отсутствовал и был заменен на месте куском белого мрамора – любопытно, что этот недостающий фрагмент был найден при археологических раскопках в современном Стамбуле.

Венецианские улицы были украшены укрепленными на стенах дворцов византийскими декоративными мраморными плитами, например, барельефом с Кампиело Ангаран X в. с изображением византийского императора. Лев святого Марка, возвышающийся на Пьяцетте, представляет собой наиболее загадочную из всех венецианских находок – он явно восточного происхождения (версии разнообразны: от ассирийского или сасанидского происхождения до этрусского и даже китайского). Венецианцы, начав с XII в. “коллекционировать” образцы древних культур, иных эпох, и вплетать их в архитектуру города как

элементы ландшафта, в чем-то предвосхитили (задолго до ее зарождения во Флоренции и Риме) ренессансную эстетику открытия и собирательства шедевров наследия истории.

Серениссима, Блистательная Венеция, республика, создавшая морскую империю, принадлежала двум мирам: и Востоку и Западу. Как воссоздать богатство истории Венеции, целостную культурную и эстетическую парадигму, заключенную в пределы небольшого лагунного города, и в то же время несоизмеримую с этим малым пространством? Говорить в немногих словах о многом – занятие трудное и не бесприорышное, остается утешаться тем, что все равно для описания такого чуда как Венеция, слов не хватит никогда...

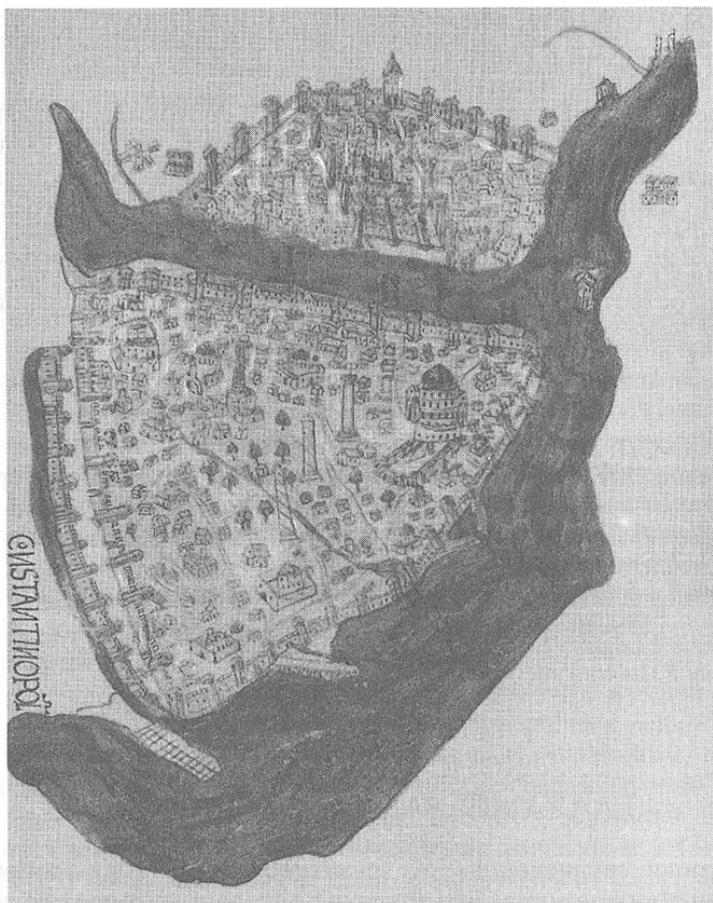
ЛИТЕРАТУРА

- Карнов С.П.* Латинская Романия // *Вопр. истории.* 1984. № 2.
Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
Bacchoni E. The Basilica of St. Mark. Venezia, 1972.
Freely J. Strolling through Venice. L., 1994.
Norwich J.J. A history of Venice. L., 1983.
Venice: Everyman Guides. L., 1995.
Venezia e Levante Fmo al secolo XV. Firenze, 1975. Vol. 1–2.
Thiriet F. La romanie venitienne au moyen âge. P., 1975.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВ

В раннее средневековье Константинополь занимал особое место в иерархии городов мира. Его значение определялось прежде всего тем, что этот город, основанный императором Константином I лишь в 324 г., стал второй столицей Римской империи, – по словам Исидора Севильского, столицей всего Востока. Империя воплощалась в городе во всем своем блеске и могуществе. Восприятие Константинополя как вершины в иерархии городов связано с его реальной ролью в то время, когда в западных обществах только начинали появляться городские центры, и Константинополь действительно был крупнейшим, сравнимым лишь с Римом, европейским городом той эпохи.

Слава о нем разносилась по Европе вместе со всевозможными предметами роскоши, дорогими тканями, благовониями, которые купцы с Востока доставляли в столицу Византийской империи, и уже оттуда они вывозились на Запад. Из Византии ко дворам европейских государей приходили даже моды и привычки (в том числе и обыкновение есть вилкой), поступали и удивительные механические изделия (как, например, орган, отосланный в дар франкскому королю Пипину Короткому императором Константином V). Символом византийского богатства была для Европы золотая византийская монета “безант” – иперпер.

План Константинополя. 1420 г.

Капеллан Людовика VII Одо Дейльский, сопровождавший французского короля во время II крестового похода, так охарактеризовал столицу Византии: “Константинополь – слава греков – город, о богатстве которого идет молва, он еще более богат в действительности... Константинополь гордится богатствами, но имеет обманчивый нрав, извращенную веру. И он опасается всех из-за своего богатства, и его все боятся из-за хитрости и коварства [жителей]. Если бы не эти пороки, его можно было бы предпочесть всем иным местам благодаря умеренному климату, весьма плодородной земле и удобному для распространения веры местоположению”.

Двойственность восприятия византийской столицы западноевропейцами – богатство, драгоценные реликвии христианской веры, но, одновременно, злокозненность и порочность жителей – сменяет “золотую легенду” о далеком городе на Востоке в XI–XII вв. Эта эволюция была вызвана прежде всего расхождением между восточным и запад-

ным христианством, которое привело к схизме двух церквей. Реальный город, таким образом, оказался скрыт для западноевропейцев устойчивой традицией символического восприятия Константинополя как “Второго Рима”, а затем традицией осуждения византийского общества в целом как общества несправедливого, отошедшего от истинной веры.

Но Константинополь не был для Западной Европы того времени лишь мифом, и основой даже мифологизированной характеристики города была реальность. Отличия Константинополя, воспринимавшиеся западными современниками, которые вольно или невольно сравнивали столицу Византии с другими городами той эпохи, позволяют представить и охарактеризовать некоторые черты, присущие городам Западной Европы.

Константинополь воспринимался западноевропейцами как восточный город. Аркульф в VII в. сравнивал его с Александрией и Карфагеном. В это время казалось удивительным, что дома в городе возводились из камня – слишком дорогого материала для пока еще не привыкшей к такой роскоши Европы. Не случайно бывалый и весьма сведущий путешественник Вениамин из Туделы, посетивший Византию в конце XII в., полагал, что Константинополь можно уподобить лишь Багдаду.

Размеры и богатство города поражали всех видевших его. Рыцарь из Шампани Жоффруа Виллардуэн, один из участников и хронистов IV крестового похода, описавший взятие столицы Византии крестоносным воинством, отмечает, что многие и представить себе не могли, что на свете может существовать столь богатый город. Робер де Клари, другой известный хронист IV крестового похода, отмечает удивление, овладевшее рыцарями при виде столь огромного города, в то время как они увидели дворцы, церкви и всевозможные чудеса.

Робер де Клари и Жоффруа Виллардуэн, прославлявшие подвиги рыцарей-крестоносцев, постоянно подчеркивают мощь укреплений византийской столицы, захваченной ими. Несколько иначе оценивал городскую крепость участник II крестового похода Одо Дейльский, который сетовал, что предводители войска крестоносцев не решились штурмовать Константинополь. С его точки зрения, стена города с башнями недостаточна высока и укреплена, ведь город уже давно не знает осад.

Интересны и сравнения с французскими городами, которые Жоффруа Виллардуэн и Робер де Клари включили в текст, рассчитывая, видимо, поразить воображение своих соотечественников. Так, Жоффруа Виллардуэн пишет, что только во время третьего пожара, происшедшего после захвата города крестоносцами, в нем сгорело домов больше, чем в трех самых больших городах Французского королевства. Робер де Клари отмечает, что “сгорела часть Константинополя величиной с Аррас”. Таким образом, лишь часть города уподобляется одному из самых в то время больших и известных европейских городов!

Константинополь казался средоточием немислимого богатства и изысканности. Вениамин из Туделы писал, что подобного города нет более нигде во всей Греции. Сюда поступают подати со всей страны, благодаря чему дворцы наполняются драгоценностями, а жители ходят

в шелках, расшитых золотом, и гарцуют на конях, подобно принцам. Робер де Клари сообщает о статуе, находившейся на воротах города, на которой была начертана надпись: “всякий, кто останется в Константинополе на один год, должен иметь золотые одеяния, как у меня”.

Постоянно внимание иноземцев на улицах города привлекали статуи. Статуи императоров – обычное украшение городских улиц в римских городах – были незнакомы жителям средневековой Европы. В “Морейской хронике” описано удивление и любопытство рыцарей при виде колонны, на которой якобы были записаны предсказания императора Льва VI о том, что с этого столпа будет сброшен вниз один из константинопольских правителей. Робер де Клари рассказывает о конной статуе императора Юстиниана I перед храмом св. Софии. Он подробно описывает размеры и конструкцию столпа, позу императора, которого, со слов византийцев, называет Ираклием (этот император был известен своими победами над Ираном), а также передает забавную деталь: на голове статуи и на крупе коня гнездились цапли.

Эта гигантская статуя поразила в XV в. и испанца Перо Тафура. Он отмечает необыкновенную высоту колонны: огромный шар – держава в руке сидящего на коне императора (которого он считал Константином) – снизу казался не более апельсина.

По мнению Робера де Клари, даже в 40 богатейших городах мира не набралось бы столько добра, сколько было в Константинополе. Хронист с восхищением описывает дворец, где имелось пятьсот палат, украшенных золотой мозаикой, и многочисленные церкви, в одной из которых все задвижки были сделаны из серебра, колонны – из яшмы или порфира, а мраморный пол казался словно хрустальным. И Буколеон, и Влахернский дворец были наполнены сокровищами, а всего в городе крестоносцами было захвачено столько золота, серебра, драгоценных камней, тканей и мехов, сколько нигде на земле.

Восхищение вызывал и прославленный храм св. Софии. Робер де Клари описывает его алтарь и колонны из драгоценных камней и сообщает, что каждый светильник здесь стоил не меньше 200 марок серебра. Величие и красоту храма св. Софии отмечали все, кто когда-либо побывал в Константинополе. В XV в. известный путешественник по Востоку Иоганн Шильтбергер писал, что входящему в собор вначале кажется, что он ступает по воде – так блестел отполированный мраморный пол, а Перо Тафур считал, что даже кистью невозможно было бы нарисовать лучше чудесных мозаик. Перо Тафура удивил также размер расположенного под храмом резервуара для воды, который был столь велик, что туда мог бы войти корабль.

Западноевропейцев восхищал не только невиданный по величине и богатству отделки храм св. Софии. Во многих других церквях города хранились ценные реликвии и святыни, известные далеко за пределами Византии. Одо Дейльский сообщает о посещении Людовиком VII в Константинополе святых мест, отмечая, что в городе имелось множество церквей, хотя и меньших по размерам, чем храм св. Софии, но столь же прекрасных и богатых реликвиями. По мнению Жоффруа

Виллардуэна, ни в одном городе не было так много храмов, как в Константинополе, а святынь там столько, сколько во всем остальном мире.

Византийская столица – это прежде всего императорский двор. Его богатство и необычные для западноевропейцев церемонии производили большое впечатление на всех посещавших Константинополь. Лиутпранд Кремонский, побывавший в Константинополе в качестве посла в X в., оставил описание приема в тронном зале императорского дворца, где видел различные механические чудеса. Трон то поднимался высоко вверх, то вновь опускался, а перед ним на бронзовом позолоченном дереве сидели птицы разных видов и, благодаря хитрому устройству, пели, причем каждая на свой лад. Рядом лежали позолоченные львы, которые били хвостами и издавали рычание. Рассказ Лиутпранда о механических чудесах константинопольского дворца заставляет вспомнить и Робер де Клари, который описывает обычай византийской императорской четы посещать ипподром и болеть за разные команды, вступающие в состязание. Хронист сообщает, что ипподром был украшен фигурами животных, – они были словно живые и, как говорят, некогда даже двигались. Роскошь, соответствующую двору богатого правителя, отметил в императорском дворце и Жоффруа Виллардуэн, по мнению которого, византийский император и другие знатные господа и дамы, которых было так много, что и “шагу негде ступить, одеты были так, что богаче не бывает”. Роскошь императорского дворца и сложные церемонии, подчеркивающие величие императора, вызывали не только восхищение, но и чувство уязвленной гордости. Западные европейцы отнюдь не всегда вели себя на приемах во дворце чинно и благопристойно. Известно возмущение византийской царицы Анны Комнины поведением заносчивых, с ее точки зрения, рыцарей, прибывших в Константинополь с войском, отправившимся в I крестовый поход. Один из них уселся прямо на императорский трон в присутствии василевса Алексея I Комнина, а когда вынужден был все-таки подняться, чтобы не нарушать обычаев византийского двора, то с неудовольствием проговорил в адрес императора: “Что за деревенщина! Сидит один, когда вокруг него стоит столько военачальников!”

Гораздо меньше, чем византийская экзотика, христианские святыни и несметные богатства дворцов, интересовала западноевропейцев повседневная жизнь города, городское ремесло и торговля – если они что-то и сообщают об этом, то это также призвано свидетельствовать о небывалом богатстве Константинополя и его жителей. Так Вениамин из Туделы слышал, что купцы съезжаются в византийскую столицу со всех концов света – Персии и Мидии, Вавилона и Египта, Руси и Хазарии, Ломбардии и Испании, – и, по рассказам, доход от всех лавок, рынков и взимаемых торговых пошлин достигает лишь за день 20 тысяч золотых монет! Одо Дейльский рассказывает о вышедших из города прямо к берегу менялах, на столах которых сверкало золото и серебряные кубки. Некий воин из Фландрии, увидев эти сокровища, с криком начал хватать все, что ему заблагорассудилось, вызвав панику и грабежи. Одо отмечает и необычную дешевизну товаров в Константинополе по сравнению с Западом: кресто-

носцы покупали рубаху “меньше, чем за денье, а тридцать рубах за одно су без марки”. Робер де Клари также видел рынок, где сидели менялы с грудями монет и драгоценных камней, хотя он не преминул заметить, что после захвата города крестоносным воинством их стало меньше. Жоффруа Виллардуэн свидетельствует, что во время пожара в Константинополе горели большие торговые улицы, а в недолгий период мирного пребывания рыцарей в городе, они ладили с греками и “обменивались товарами и иными вещами”.

Вениамин из Туделы уделил внимание описанию жизни в Константинополе своих единоверцев-иудеев. По его словам, евреи, живущие в Пере, испытывают ненависть и притеснения от греков, однако же богаты и приветливы. О богатстве еврейской общины Константинополя сообщает и Жоффруа Виллардуэн.

От глаз иноземцев не ускользали и резкие контрасты, свойственные большому городу. Как заметил Одо Дейльский, если Константинополь превосходит города богатством, то он превосходит их и пороками. Здесь что ни бедняк – то вор, а преступники не знают ни страха, ни стыда, так как в городе царит беззаконие, и в темных углах на узких улицах совершаются грабежи и убийства. Видимо, это замечание отражает то удивление и страх, которые испытывали западноевропейцы, попадая из своих небольших городков, где порой все жители знали друг друга, в мегаполис с толпами нищих и трущобами, где обитали многочисленные бедняки. Широко распространенное в Европе представление о византийцах как людях лживых и коварных, от которых всегда следует опасаться предательства, относилось в первую очередь к жителям Константинополя.

Сообщения западноевропейцев о Константинополе являют большое сходство как в тех объектах, которые они избирали для описания, так и в их восприятии. Во все времена вызывала удивление величина города, богатство его дворцов и роскошное убранство храмов, многочисленные реликвии и святыни. Часто встречаются указания на то, что чужеземцы обращались к кому-то из местных жителей за сведениями об интересующих их достопримечательностях или же передавали их (порой явно преувеличенные) рассказы. Общность восприятия западноевропейцами Константинополя позволяет выделить черты, отличавшие византийскую столицу от европейских городов того времени, которые были значительно меньше по размерам, не столь многолюдны и не столь богаты, где даже при королевских дворах не была известна изысканная восточная роскошь, поразившая всех прибывавших в Византию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965.

Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Пер., ст. и коммент. М.А. Заборова. М., 1993.

Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер., ст. и коммент. М.А. Заборова. М., 1986.

Шильтгергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.

Adler M.N. The Itinerary of Benjamin of Tudela. L., 1912.

The Chronicle of Morea. Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως / Ed. J. Schmitt. L., 1904.

Die Werke Liudprands von Cremona / Hrsg. von I. Becker. Hannover; Leipzig, 1915.

Livre de la conquête de la princée le l'Amorée: Chronique de Morée (1204–1305) / Ed. J. Longnon. P., 1911.

Odo de Diogilo. De profectione Ludovici VII in Orientem / Ed. by V.G. Berry. N.Y., 1948.

Schiltberger Iohannes. Reisen in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427 / Hrsg. von F. Neumann. München, 1859.

Tafur Pero. Andanças é viajes // Collección de libros españoles raros ó curiosos. Madrid, 1874. VII.

Tafur Pero. Travels and Adventures, 1435–1439 / Ed. M. Letts. L., 1926.

Ducellier A. Une mythologie urbaine: Constantinople vue d'Occident au Moyen âge // Mélanges de l'école française de Rome: Moyen âge. Temps modernes. P., Rome, 1984. T. 96 (1).

Ebersolt J. Constantinople Byzantine et les voyageurs du Levant. P., 1918.

Herrin J. Constantinople, Rome and the Franks in the seventh and eighth centuries // Byzantine Diplomacy: Papers from the Twenty fourth Spring Symposium of Byzantine Studies. L., 1992.

Hunger H. Byzanz und der Westen. Wien, 1987.

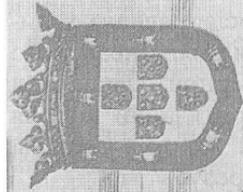
Lopez R.S. Foreigners in Byzantium // Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome. 1974. T. 44.

Schreiner P. Byzanz und der Westen: Die gegenseitige Betrachtungsweise in der Literatur des 12. Jahrhunderts // Friedrich Barbarossa. Sigmaringen, 1992.

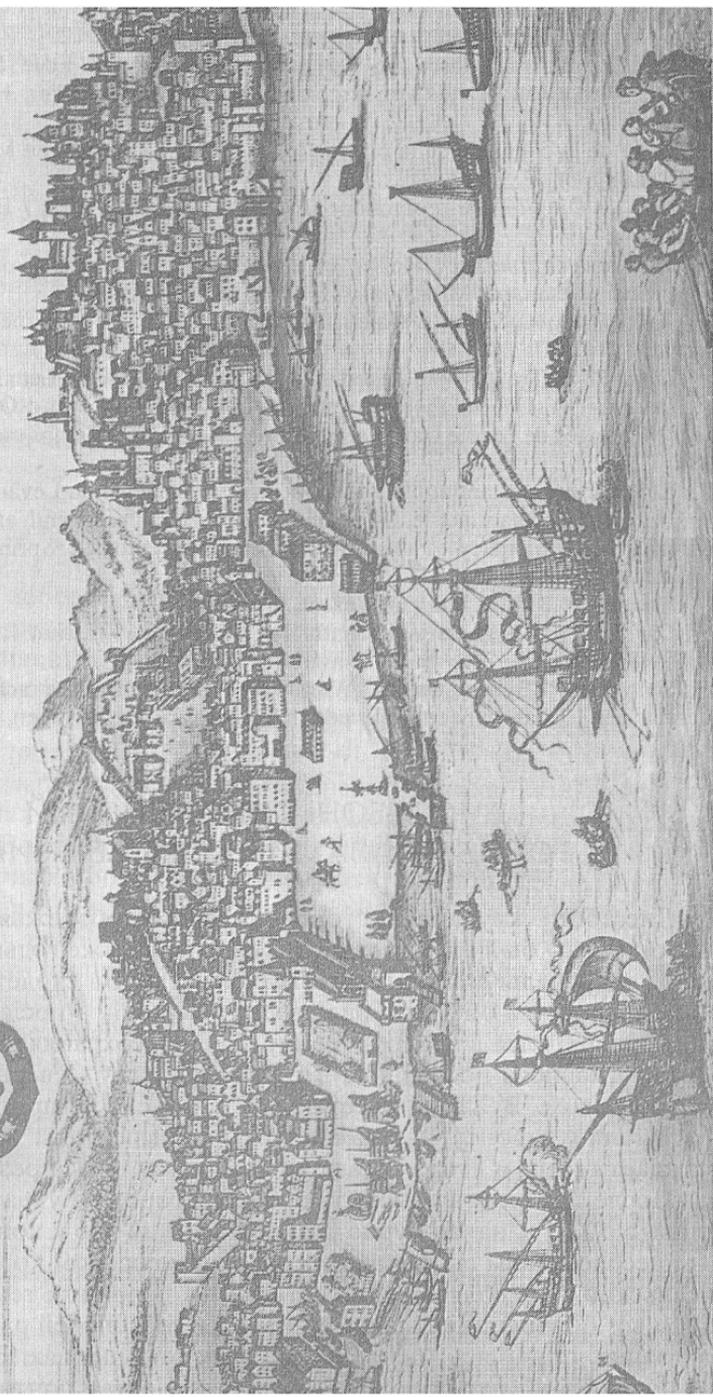
ЛИССАБОН: ПИРЕНЕЙСКИЙ ГОРОД ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО

Лиссабон – крупнейший город западного побережья Пиренейского полуострова – был взят мусульманами в первые же годы после их вторжения в пределы Вестготского королевства. За столетия мусульманского господства он не утерял своего значения, а после распада халифата превратился в центр (столицу) тайфы, сохраняя роль океанского порта – главного посредника в торговле между Северной Африкой и полуостровом. В XII в. он становится объектом притязаний короля Португалии Афонсу Энрикеша. В сороковые годы Афонсу дважды осаждал город, и вторая осада приносит желаемый результат.

После перехода под власть христиан город не утратил своего значения, а с XIII в. начал бурно развиваться, так что к концу столетия он был несопоставим по величине ни с одним городом королевства. Португальский двор долгое время оставался кочующим; тем не менее Лиссабон все больше и больше притягивал к себе людей разных занятий и состояния, становясь “центром” во всех отношениях. Причины этого заключались и в его положении – на реке Тежу и почти на берегу океана, в центре королевства, и в богатой округе, и в древних городских

L I S B O N A .

Лиссабон. Гравюра XVI в.

традициях поселения. В XIII в. на смену аграрной деятельности как основы жизни Лиссабона пришли мореходство, кораблестроение, пиратство и связанные с ними ремесла. Фактически он стал в это время столицей Португалии: здесь были сконцентрированы государственные учреждения, здесь чаще всего располагался королевский двор; здесь в конце XIII в. возник и первый университет.

В XIV в. позиция древнего Лиссабона (Olisippo) считалась определяющей – владеть Лиссабоном значило владеть королевством. Недаром в конфликте короля Диниша и его сына Афонсу государь именно к жителям этого города обращается с жалобой на сына и за поддержкой. Недаром именно здесь в 1383 г. совершается переворот, в результате которого к власти приходит новая, Ависская династия, а Лиссабон осаждают кастильские войска, пытаясь отстоять свои претензии на португальский престол. И именно сюда в XV в., после начала заморских экспедиций, стекаются основные богатства из дальних стран.

Существует несколько описаний Лиссабона. Одно из них – составная часть так называемого “Послания о завоевании Лиссабона”, крайне интересного для нас в контексте проблематики пиренейских городов эпохи Реконкисты.

“Послание” не раз вызывало споры по поводу подлинности, атрибутирования или проблемы личного участия автора в походе и осаде города. Не останавливаясь на этих вопросах, скажем лишь, что он представляет собой скорее всего современный осаде документ, отразивший бытовавшие тогда представления о Лиссабоне и доставивший нам красочное описание самой осады.

Сюжетная канва “Послания” проста: 1147 год, год II крестового похода; зашедшие по дороге в Святую Землю в Порту крестоносцы, среди которых рыцари из Англии, Фландрии, Нормандии, Германии, через епископа этого города получают просьбу-приглашение от Афонсу Энрикеша, первого португальского короля, помочь ему взять Лиссабон. В стане крестоносцев нет единого мнения – одни требуют плыть дальше, другие размышляют, не согласиться ли на близкую добычу. В конце концов они решают отправиться к Лиссабону, чтобы выслушать расположившегося там лагерем самого короля и узнать условия, которые он готов им предложить. После долгих переговоров с королем и споров среди крестоносцев они, наконец, соглашаются участвовать в осаде города. В течение длительной осады происходит много событий, о которых подробно рассказывает наш автор: случаются чудеса и распри между рыцарями разных отрядов, приходят известия о действиях сарацин в Лиссабоне и в других городах, предпринимаются попытки подкопа, штурма, всякие военные хитрости. В конце концов, в результате голода осажденные решают добровольно сдать город на обычных условиях капитуляций того времени. Вошедшие в город представители от каждого отряда крестоносцев должны были собрать имущество мавров и снести его в цитадель к ногам короля для справедливого дележа. Но Афонсу Энрикешу не удалось удержать часть разгоряченных соперничеством иноземных рыцарей, и они прошли огнем и мечом по городу.

Завершается послание описанием исхода мусульман из города и последующих решений короля касательно города, его прежних и будущих обитателей.

Судя по тексту “Послания”, те знания, с которыми его автор плыл в Святую Землю, он почерпнул и из книг, и у бывалых людей. Он пишет живым, образным языком, выражая на нем и ученые знания и собственные наблюдения. Для автора характерно, что он не раз сообщает о несовпадениях в том, что он видит, с тем, что пишут и говорят, и отдает должное очевидному. Для характеристики же Лиссабона представляется важным прежде всего достаточная априорная осведомленность о нем нашего автора: положение города, населенность, история, равно как представление о том, какие отношения существуют на полуострове между христианами и маврами. Примечательно и другое: Лиссабон воспринимается им как нерасторжимое единство города как такового и его округа, с полями, виноградниками, рудниками и т.д., фактически как некое маленькое королевство.

Впервые имя Лиссабона появляется после описания трудного пути, сквозь бурю и опасности плавания вдоль скалистых северопиренейских берегов, в речи портуенского епископа, передающего призыв Афонсу прийти к нему apud Lухеbonam. В ответ ему звучат речи предводителей крестоносцев, обсуждающих пользу и невыгоды предложения, но ни один из них не произносит имени города, речи касаются не Лиссабона, а борьбы с неверными и ущерба, ими нанесенного.

Однако уже в описании последующего пути от Порту на юг появляется некое предощущение встречи с Лиссабоном: местоположение Синтры определяется отстоянием ее от Лиссабона; более того, на подходах к устью Тежу, как рассказывает автор, улеглась, наконец, непогода, до этого долгие дни трепавшая корабли, а уже войдя в эстуарий Тежу, христиане стали свидетелями чуда – битвы в небе черных и белых туч – читай, темных и светлых сил – и победы последних.

Именно здесь автор дает описание земли Лиссабона и самого города. Оно стоит того, чтобы привести его текст.

В Тежу “столь велико изобилие рыбы, что там на две части воды [приходится] одна часть рыбы, как считают жители. Мидий там, что песка, потому главным образом, что рыбы в тех водах всегда сохраняют тучность и свойственный им вкус, не изменяя его и не утрачивая, как это бывает у нас, из-за соседства с чем-либо. К югу [от реки] – провинция Алмада, которая изобильна виноградниками и фигами и гранатовыми яблоками. Нивы настолько плодородны, что из одного семени плодоносят дважды, а охота знатная, и меда много. В той же стороне и замок Палмела. На север от реки – город Лиссабон на вершине крутой горы, стены которого, постепенно спускаясь, доходят до берега реки Тага, только стеной отделенной [от города]. Ко времени нашего прибытия он [город] был самым богатым во всей Африке и большей части Европы в том, что касается продовольствия. Он расположен на горе Артабр, тянущейся к морю-океану Гадитанскому. Небом, землей, морем отличается он от других земель, и потому, что там заканчивает-

ся берег Испании, и потому, что поблизости начинается Галльский океан; и северный исток Атлантического океана, и предел запада находятся там же. Потому и считается, что Лиссабон был основан Улиссом. Земли, окружающие его со всех сторон, сравнимы с лучшими и могут быть предпочтены всему, и можно видеть обилие плодов земли и доход и от садов, и от виноградников. Всего там в избытке, и того, что дорого стоит, и того, что необходимо в обиходе; имеется золото и серебро. Никогда там нет недостатка в кузницах. Преобладает олива. Ничто там не остается праздным или бесплодным, и ничто не бежит плодородия. Соль не вываривают, а добывают в копях. Очень много фиг, так что мы едва даже были в состоянии справиться с тем, что нам досталось. Даже на сухих местах много корма для скота, а также знатная охота разного рода. Там нет зайцев; но много разнообразных птиц. Он [Лиссабон], благодатен с точки зрения воздуха; в этом городе есть также горячие купальни. Недалеко от него замок Синтра, отстоящий почти на 8 тысяч шагов, где расположен чистейший источник, употребление [воды] коего, как говорят, успокаивает кашель, так что если услышат жители, что кто-то кашляет, понимают, что это не местный. На его пастбищах резвятся кобылы удивительной плодовитости, ведь овечьи теплыми западными ветрами, они полнятся смятием и затем, жаждая, совокупляются с самцами. Так соединяет их дух ветров.

Ко времени нашего прибытия городская община состояла из 60 тысяч семей, платящих налоги, вместе с предместьями, не считая тех свободных, которые не были обременены ни чьей властью. А верхушка горы опоясана круговой стеной, и справа и слева стены города спускаются по склону к самому берегу Тага, в то время как под стенами располагаются подобные городским кварталам пригороды, вырубленные в скалах, так что каждый из них мог бы считаться укрепленным замком, ибо настолько опоясан препятствиями. Город населен более, чем можно себе представить. Ибо, как мы узнали после того, как город был взят, от их алкайда, т.е. правителя, имелось в этом городе 154 тысячи человек, не считая младенцев и женщин, и сверх того жители замка Скалабия, которые, будучи изгнаны в том году из своего замка, оставались там как новые поселенцы. Из Синтры и Алмады и Палмелы – множество знати. Из всех земель Испании и Африки множество купцов. Но хотя их так много, вооружения, копий и щитов они имели всего на 15 тысяч и с ними по очереди выходили, как было установлено указом правителя. Постройки же в нем громоздятся теснейшим образом, так что едва можно найти улицу шире 8 футов, разве что в торговых кварталах”.

Завершается описание уже не количественной, а качественной характеристикой города: “Причина же такой многочисленности состояла в том, что у них не было никакого обряда благочестия, ибо каждый – сам себе закон, так как все самые бесчестные из любой страны мира стекались сюда, как в клоаку, рассадник всякой похоти и нечистоты. Во времена христианских королей, прежде, чем его взяли мавры, около города, в месте, которое называется Комполет, отмечалась память

трех мучеников, а именно, Вериссимы, и Максима, и девы Юлии, чья церковь, до основания разрушенная маврами, кажет ныне как знак своих руин лишь три камня, которые оттуда нельзя унести. Одни говорят, что это были алтари, другие – что это могильные камни”.

Если резюмировать последний абзац, то с одной стороны город представляет собой рассадник всяческой моральной нечистоты, с другой – рядом с городом находится свидетельство варварства мавров и, в то же время, – славы христиан.

Описание, как мы видим, весьма интересно само по себе, например, данные о количестве и составе населения. Легко заметить его сходство с традиционной средневековой композицией описания городов, которая основывается на риторической схеме *de laudibus urbium*, берущей истоки в античности, и то, что автор привносит в него свои наблюдения, живые зарисовки, поправки.

Но, кроме этого, для понимания процессов, в которые был включен пиренейский город эпохи Реконкисты, представляется крайне важным восприятие Лиссабона христианами, как оно воплощено в повествовании нашего героя.

Начиная со встречи с королем и его предложения, Лиссабон фигурирует практически в каждой речи. А речей много: король обращается к крестоносцам с условиями, на которых могла бы вестись осада; епископ увещевает их помочь христианскому государю, крестоносцы обсуждают, на что бы решиться. В этих речах Лиссабон рассматривается прежде всего как награда: “Франки, которые останутся вместе со мной осаждают город Лиссабон, получают владения врагов во всем в свою власть для своего обогащения и будут владеть ими... Если кто захочет получить выкуп за захваченных врагов, пусть свободно владеет деньгами выкупа... Если возьмут город силой, пусть владеют им и удерживают его, пока не будет разграблен...” и т.д. Характерно, однако, что город мыслится не только как награда в виде военной добычи, но и как духовное воздаяние: “Мы уверены, однако, – утверждает король, – что вас более благочестие ваше на труды и стремление к таким деяниям подвигнет, чем наши обещания богатства побудят к награде”. В сущности, согласие крестоносцев остаться для осады города есть признание за Лиссабоном права претендовать в сознании воинов на место Святой Земли.

И в изложении последующих коллизий в оценках Лиссабона все время пересекаются две линии. В авторских описаниях и королевских высказываниях постоянно подчеркивается материальное богатство города, его важность как военного центра противника, при том что город как человеческая общность представляется олицетворением моральной скверны, от которой естественно желать очистить землю. С другой стороны, материальное и духовное значение завоевания Лиссабона для осаждающих тоже находится в постоянном противоборстве. Это особенно выпукло проявляется в спорах вокруг капитуляции города. Если кельнцы и фламандцы обеспокоены в основном материальной стороной вопроса, то англы и нормандцы ставят превыше этого воинскую

доблесть и рыцарскую славу. “Наконец, посланцы города согласились на то, чтобы город был передан нам, если их алькайду и его роду сохранят имущество, а всем горожанам – возможность пользоваться своими съестными припасами. Но если город будет взят оружием, и это [отойдет нам]. Нормандцы и англы, которые вынесли самое тяжелое бремя превратностей войны, утомленные долгой осадой, сказали, что надлежит им уступить и предложить им честь не богатств или съестных припасов, но захвата города. Кёльнцы же и фламандцы, у которых природная жажда обладания, постановили, помня о расходах долгого пути и о гибели своих людей, и о длинном предстоящем пути, что врагам нельзя оставлять ничего”.

Эти две линии противопоставлений – материального богатства и духовной нищеты города и материального и духовного значения его завоевания для крестоносцев сохраняются на протяжении всего повествования и получают великолепное разрешение в заключительной сцене захвата города: “Но вот, после того, как ворота были открыты и была дана возможность войти в город выбранным для этого [рыцарям], кёльнцы и фламандцы, придумав хитрый довод ради обмана, добились от наших, чтобы им разрешили войти первыми, по причине их заслуг. Получив такого рода разрешение и возможность идти впереди, вместе с выбранными более 200 из них сверх того пробрались в город, не говоря о других, которые проникли туда через разрушения в стене с их стороны, в то время как из наших никто, кроме выбранных, туда не вошел. Итак, наши предводители вместе с королем и теми, кто был выбран, во главе с архиепископом и коепископами, несшими хоругвь креста господня, вошли в город. О, как велика была радость всех! О, как велика особая слава всех! О, сколь велик поток слез радости и благочестия, когда все увидели, что в верхней крепости во славу божию и девы Марии воздвигнута хоругвь спасительного креста, в знак подчинения города...”

Между тем король направил стопы свои к стенам верхнего замка. Кёльнцы же и фламандцы, видя, что в городе есть на кого опереться в своих притязаниях, отнеслись без почтения к святости клятвы и веры: туда-сюда рыщут, добычу тащат, двери выламывают, каждый дом внутри обшаривают, горожан изгоняют, и против закона божеского и человеческого одеяют всех обидами, одежды и сосуды разбрасывают, над девушками поругание учиняют, закон и беззаконие ставят на одну доску, и все, что должно было стать общим для всех, воровским образом растаскивают. А старейшего епископа города против права божеского и человеческого убили, перерезав горло... Нормандцы же и англы, которые в полной мере сохранили веру и благочестие, сожалея о происходящем, спокойно пребывали в назначенном месте, предпочитая уберечь руки от любой добычи, чем нарушить установления веры и сообщества, соединенного клятвой...

Но наконец, они пришли в себя и нещадными мольбами выпросили у нас, чтобы остальные части города мы вместе с ними мирно присоединили к этим, чтобы после получения всех долей мирно обсудить ущерб и кражи и исправить то, что поспешили сделать несправедно”.

В то же время, если вдуматься в результат осады, становится ясно, что Лиссабон – твердыня, которую так и не смогли взять. Однако христианам именно поэтому и необходимо ею обладать; и это стало возможным из-за духовной слабости мавров, которые согласились сдаться христианам и которым автор приписывает характерные слова во время спора с осаждавшими о том, кому должен принадлежать город: “Город этот некогда был у вас, ныне же наш, в будущем, возможно, ваш. Но и это будет по заслугам от бога. Когда захотел бог, мы его получили; когда не захочет, не будем им обладать”. И исход мавров из города в этом контексте – очищение Лиссабона и возвращение ему первоначальной чистоты.

Наш автор весьма искусно подводит к этой мысли, а, может быть, и бессознательно воспроизводит общее ощущение эпохи крестовых походов. Однако оно достаточно “ситуативно”. Жителями полуострова Реконкиста отнюдь не воспринималась в подобном экзальтированно религиозном ключе в эту эпоху, и потому такую трактовку Лиссабона мы встречаем именно у не-пиренейца и крестоносца. В то же время включенность пиренейских христианских королевств в европейскую систему отношений, чем дальше шла Реконкиста, тем больше обуславливало появление и определенное влияние крестоносной идеи и здесь, что не могло не сказаться в дальнейшем на положении иноконфессиональных групп и городов в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Crucisignati anglici epistola de expugnatione Olisipponis // Monumenta Portugaliae Historica / Scriptores. Olisippo, 1858. P. 392–405.

Варьяш О.И. Два очерка о Реконкисте // СВ. М., 1997. Вып. 59.

Варьяш О.И. Становление Португалии // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985.

Caetano M. Administração municipal de Lisboa durante a priméira dinástia portuguesa. Lisboa, 1962.

Fernandes H. Uma cidade no imaginário medieval: Lisboa muçulmana nas descrições de Idrici e de Ranulfo de Granville // Estudos medievais. Porto, 1986. V. 7.

Herculano A. História de Portugal. Lisboa, 1980.

História de Portugal / Dir. J. Mattoso. Lisboa, 1992. T. III.

Lomax D.W. La Reconquista. Barcelona, 1984.

Marques A.H. Olivreira. Novos ensaios de história medieval portuguesa. Lisboa, 1988.

Nova história de Portugal / Dir. A.H. Oliveira Marques, J. Serrao. Lisboa, 1996. T. III.

СТОКГОЛЬМ: РОЖДЕНИЕ СТОЛИЦЫ

Стокгольму, столице королевства Швеция, 750 лет. Этот город не случайно называют “Северной Венецией”: раскинувшийся на островах и побережье озера Меларен, изрезанный проливами и каналами, пронизанный солеными запахами Балтики и теплыми, приветливыми ветрами Гольфстрима, он – один из красивейших и крупнейших городов-портов европейского Севера.

Стокгольм не был “изначальной” столицей Шведского государства, но его эволюция с самого возникновения органично переплетена со всей жизнью средневековой Швеции, от ее экологических или хозяйственных условий до всего комплекса общественного развития. Путь Стокгольма не просто отражает, а во многом как бы повторяет особенности шведской истории. А его роль как в ней, так и во всех сложных перипетиях международной жизни региона столь заметна, что без Стокгольма мир средневековой Балтики не может быть ни описан, ни понят.

Происхождение Стокгольма связано с “сердцем” будущей Швеции – с центральной частью ее восточного побережья, с местами расселения племен свеев, впоследствии давших стране свое имя. Естественным центром свейского союза племен было озеро Меларен. Этот некогда глубоко вклинившийся в сушу узкий залив Балтийского моря, превратившийся, вследствие постепенного поднятия морского западного берега, в обширное озеро, сохранил, однако, связь с морем, что определило его значительные экономические и политические перспективы. Причудливо изрезанные берега, многочисленные островки, полуостровки, проливы и заливы, связь с открытыми водами Балтики, довольно густое население, занятое рыбной ловлей, мореплаванием, морскими и другими промыслами, разведением скота и земледелием, – все это позволило Меларену уже на заре шведской истории играть в ней заметную, центральную роль. В середине первого тысячелетия озеро стало местом соединения нескольких исторических областей-ландов, сохранивших в своих названиях следы расселявшихся там свейских племен: это Упланд, Вестманланд на северном побережье, Нэрке – на юго-западном, Сёдерманланд – на южном. При этом свейские области выходят как непосредственно к Балтике, контролируя центральную часть ее западного берега, так и к областям племен гётов и вообще к глубинным районам страны с их богатейшими залежами металлических руд (главным экспортным товаром средневековой Швеции) и опосредованными, через другие озера и реки, выходами к Северному морю и Атлантике.

Не удивительно, что торговые связи через озеро Меларен фиксируются уже очень рано, притом они не ограничиваются только Балтийским регионом. Тацит и Иордан, как известно, были хорошо наслышаны об обычаях жителей “Свейского моря” и ценили их товары – меха, янтарь, рабов. Археологические раскопки в районе озера Меларен (пожалуй, наиболее активные в Швеции) обнаружили там много предметов из римских провинций: украшений, оружия, посуды, предметов из драгоценных металлов, бронзы, и стекла, гончарных изделий. Транс-

континентальная торговля в этом ареале активизируется в VI–VII вв., о чем свидетельствуют монеты и изделия с территорий франков, англо-саксов, ирландцев; местные изделия того времени, в свою очередь, найдены в Центральной Франции, Северном Швице и т.д. Судя по находкам, товарообмен осуществлялся тогда через торговые местечки на Меларенском озере: на о-ве Хельгё, по соседству с резиденцией местного конунга – островом Адельсё. Неподалеку от них, на укрепленном о-ве Бьёркё (“Березовый”), в VIII в. сложилась знаменитая одноименная торговая эмпория европейского Севера, больше известная под латинизированным названием “Бирка”. Таких Бирок–Бьёркё в VIII–X столетиях обнаружено немало на торговых путях от Атлантики до Руси и далее, по Днепру. Как полагают исследователи, такое обозначение было тогда типичным для торгового местечка градообразного типа, со своим управлением, правом и судом. Восточные скандинавы имели широкие торговые связи с восточными и поморскими славянами, балтами и их соседями – угро-финскими народами. Свеи везли в эти области как свои, так и западноевропейские вещи, выменивая их на янтарь, меха, рабов, возможно, и кольбергскую соль. Другие линии связей соединяли торговые местечки Меларена, близлежащие торговые острова Готланд и Эланд, с франко-фризско-саксонской эмпорией Хедебю (Хайтхабю, Шлезвиг) в Южной Ютландии, затем, по речным долинам они шли до устья р. Эйдер и далее – через Альпы. Еще успешнее использовали каботажные водные пути – в обход Западной Балтики, через Северное море. Свеи охотно посещали торговую столицу фризов Дорестада (в устье Рейна), которой в VIII в. владели франки, что способствовало связям свейских племен с Франкским государством. Известность Бирки в западном мире была столь велика, что именно сюда из Гамбург-Бременского епископства в середине IX в. дважды направлялся один из первых христианских миссионеров скандинавского севера – Св. Ансгарий. В его “Жизнеописании”, созданном спутником и последователем Римбертом, содержатся выразительные сведения об устройстве Бирки, о местных конунгах и о неудачах, которые потерпели тогда миссионеры у глубоко языческих свеев. Что касается фризов, признанных и влиятельных торговых посредников на тогдашней Балтике, то они были постоянными гостями в Бирке, а после ее гибели в конце X в. – в сложившейся неподалеку Сигтуне, где даже существовала гильдия фризских торговцев. В течение XI–XII вв. на берегах Меларена, вблизи опустевшей Бирки и разоренной карельскими пиратами Сигтуны, выросла целая группа новых городов, которые вошли в число наиболее известных в средневековой Швеции: Сёдертелье (Телье), Стренгнес, Арбуга, Лаглёсачёпинг (Чёпинг), Вестерос, Энчёпинг и др.

Культурные импульсы, получаемые меларенской окраиной из развитых центров молодой и динамично развивающейся европейской цивилизации, завязавшиеся между ними отношения трудно переоценить. И именно озеро Меларен стало колыбелью Стокгольма. Отечество же свое он обрел в области Упланд.

Область Упланд рано выдвинулась на ведущее место в свейском племенном союзе. В середине первого тысячелетия здесь складывается центр раннегосударственного образования свеев – Свитьёд. Его “столицей” было поселение Упсала (неподалеку от Меларена), где располагались резиденция конунгов – легендарных Инглингов, их родовые усыпальницы (“большие курганы”). Основой Свитьёда как политического центра стало старинное капище, а позднее главный языческий храм свеев. Традиции язычества сохранялись в этом районе особенно долго и прочно, и не случайно Ансгарий направился со своей миссией не в Упсалу, а в космополитическую Бирку, где собиралось немало купцов-христиан, особенно из Дорестада. Вблизи Упсалы, на лугу Мора, происходили общие сходы свеев, там решали дела войны и мира, избирали или свергали конунгов. Эта территория стала основой традиционного домена будущих шведских королей, их “уделом” (Упсалаёд).

Когда на рубеже X и XI столетий король Олаф Шётконунг, перебив “малых” конунгов, провозгласил себя “королем свеев и гётов”, т.е. единого восточно-скандинавского государства, и ввел христианство как официальную религию шведов, ему было непросто справиться с областью Упланд, столь богатой и привлекательной, но исполненной твердых языческих убеждений, которые служили идейной опорой сепаратизма местной знати. Еще во второй половине XI в. влиятельный христианский миссионер Адам Бременский вынужден был сосредоточить свою деятельность по церковному строительству в гётской Скаре.

В середине XIII в. перед королями Швеции в полный рост встала задача ликвидировать разъединение свейских и гётских территорий, реально объединить страну и, опираясь на поддержку христианской церкви, усилить центральную власть.

Таковы были общие условия, которые стали основой возникновения и развития Стокгольма.

Первоначальным ядром будущей шведской столицы было рыболовецкое и, вероятно, торговое поселение на одном из островков Меларена, неподалеку от устья озера: отсюда, видимо, произошло латинизированное название местечка – Хольмия. Впоследствии остров стал именоваться Стаден (“Город”), а расположенный там старинный городской центр Стокгольма – соответственно Старый город (Гамластан). Поселение затем разрасталось за счет соседних, первоначально безымянных, островков и ближайшей территории побережья озера. Топография средневекового Стокгольма хорошо видна на гравюре XVI в., и сегодня украшающей городской собор. Там тщательно вырисованы отдельные части разбросанного города, его мосты и башни, тесные городские улицы с тянущимися вверх домами, а также заграждения из скрепленных между собой бревен – “стоков”, которые перегораживают многочисленные проливы и протоки города, подступы к его берегам. По одной из версий именно от этих “стоков” и пошло наименование Стокгольма.

Однако все это было делом будущего. Изначальные же сведения о рыболовецко-торговом поселении ограничиваются данными о том, что

территория эта была относительно густо заселена уже с бронзового века. Со времен викингов (VIII–XI вв.) существовали поселения в будущем северном районе города – Норрмальме (Северные холмы, современные Сольна и др.), из которых одна усадьба сохранялась еще в XV в. Разрастаясь на границе Упланда и Сёдерманланда, постепенно вбирая в свой состав проливы – (будущие) Сёдерстрём и Норрстрём, включаясь в издревле сложившиеся в регионе широкие торговые связи, это поселение занимало весьма важные экономические и стратегические позиции. Уже в конце XII в. оно, вероятно, имело какие-то укрепления. В середине XIII в. здесь возводятся замок и сторожевая башня. Прилегающая часть Старого города обносится стеной. Строительство этих солидных оборонительных сооружений связано с именем одного из крупнейших государственных деятелей средневековой Швеции – ярлом Биргером из Бьэльбу, который был регентом страны (1260–1266) при своем шурине, слабовольном короле Эрике Эрикссоне Шепелявом. Ярл (должность, примерно соответствующая будущему герцогу) Биргер проводил жесткую, отчетливо централизаторскую политику как при короле Эрике, так и при своем сыне Вальдемаре, который стал следующим королем Швеции, первым из династии Биргерссонов (или, как они себя не вполне корректно именовали, Фолькунгов).

Биргер ярл успел сделать для Швеции много важных дел. При нем начались северные крестовые походы, которые в течение двух последующих столетий принесли Швеции обширные финно-карельские владения. Он утвердил законы о неприкосновенности частного жилища (“мир усадьбы”), о наследственных правах женщины. Организовал династический союз с Данией, женив своего сына на датской принцессе, что принесло Швеции, помимо прочего, два важных города-крепости в Сконе, на проливе из Балтики в Северное море. Наконец, объявив о необходимости оградить Меларен от нападений пиратов, в том числе воинственных карелов, ярл Биргер возвел те укрепления в Стокгольме, о которых говорилось выше и строительство которых полностью подтверждено археологами. В знаменитой “Хронике Эрика”, посвященной истории Биргерссонов и записанной в первой трети XIV в., об этом событии говорится следующее:

Как поступить, чтоб не лез разоритель?
Биргер ярл, был он мудрый правитель, –
город Стокгольм повелел нам построить,
с толком и разумом жизнь в нем устроить.
Замок красивый, скажу без прикрас,
построили, выполнив ярла наказ.
Замок к озеру путь охраняет:
карелов набеги теперь не пугают.
На озере жизнь опять закипела:
девятнадцать приходов по берегу смело
расположились и семь городов.
Тихо и радостно. Горя следов
нету в помине у тихого брега.
Нет и языческих страшных набегов.

Замок и стены Биргера ярла не сохранились, но охранную башню можно осмотреть и сегодня. Стена XIII в. на о. Стаден охватывала самый центр Старого города, где вскоре расположились городской собор Св. Николая, здание городского совета (родхюсет), главная, она же торговая, площадь Стурторьет, Купеческая улица, доминиканский монастырь и т.д. Добавим сразу же, что через полтора столетия город обрел новые стены, с многочисленными башнями, почти целиком закрывшие Старый город. Мосты, охраняемые сторожевыми башнями, связали о. Стаден с соседними о. Риддархольмен, где расположился укрепленный францисканский монастырь, и о. Хельгеандсхольмен, через который Стаден соединяется с меларенским побережьем, где выстраивается еще один район города.

Примерно тогда же, в середине XIII в., Биргер ярл делает Стокгольму еще один важный “подарок”. Он предпринимает кодификацию скандинавско-балтийского традиционного права “Бьёркёарэттен”, которое восходит, судя по всему, к торговым местечкам и ранним городам – торговым эмпориям эпохи викингов, когда оно регулировало их муниципальное устройство, судебные и торговые обычаи (а, может быть, впитало какие-то торговые обычаи и более раннего периода). Кодифицировав Бьёркёарэттен, Биргер ярл “дарует” его Стокгольму, вписав в соответствующие места кодекса наименования отдельных стокгольмских топонимов. Согласно традиции, это произошло в 1254 г. и означало признание Стокгольма первым в Швеции полноправным городом, или, как в Скандинавии называли такой город, “чёпстадом” (“торговым городом”). Постепенно права торгового города, с получением текста Бьёркёарэттена, стали получать и другие города страны (всегда в индивидуальном порядке). Чёпстад обладал правом управляться выборным советом во главе с бургомистрами, иметь свое право и собственные судебные органы, независимые от земских властей, право самообложения.

Солидное укрепление Стокгольма и одновременное наделение его преимущественными городскими правами свидетельствуют о том, что связанные с этим поселением планы ярла Биргера выходили далеко за прокламируемую им защиту Меларена от неугомонных карелов. Здесь обнаруживается стремление создать новый “главный город” страны, противопоставленный языческой Уппсале, оплоту мятежной упландской знати. Ведь совсем недавно она возглавила мятеж против короля и привлекла на свою сторону бондов, недовольных введением регулярных земельных налогов. И только в 1242 г., победив в битве при Спарсете, правительству удалось разгромить оппозицию. И позднее, в середине XIV в., когда кодифицируется второй общий для страны городской закон – Стадслаг, значительно более обширный, детализированный и зрелый по сравнению с Бьёркёарэттенем, Стокгольм упоминается там неоднократно, в том числе в связи со своими особыми, преимущественными правами и привилегиями. Кроме того, до начала XVI в. Стокгольм получил от правительства страны до 30 грамот с привилегиями – намного больше, чем какой-либо иной город Швеции.

С помощью королевской власти Стокгольм уже с конца XIII в. становится самым населенным и важным, “главным городом” (хувуд стад) страны. Вместе с тем, применительно к этому времени его нельзя еще считать столицей в современном смысле этого слова. Короли страны, не обладая необходимыми правительственными учреждениями, административным аппаратом, регулярными финансовыми поступлениями и средствами принуждения, “кочевали” по своим замковым владениям вместе с придворными, которые исполняли государственные должности; самые знатные светские и духовные господа входили в совещательный Государственный совет (риксрод), который собирался королем по мере надобности и опять же в самых разных местах. Впоследствии, в XV в., когда сложился парламент – риксрод, он также не имел постоянного местопребывания.

Вместе с тем, Стокгольм играет все большую, ведущую экономическую и политическую роль, постепенно все активнее отесняя все прочие города страны. Патрон города Св. Эрик становится покровителем всей страны. Изображения стокгольмских башен с тремя коронами можно видеть на многих печатях и изображениях того времени. В Стокгольме воздвигаются красивые каменные, затем кирпичные здания, здесь основываются крупные монастыри, вырастает величественный собор Св. Николая.

Вокруг главной площади – Стурторьет – толпятся здания именитых купцов, состоятельных ремесленников и прочих уважаемых граждан. Здесь проводятся крупные городские ярмарки, которые открываются торжественной мессой. Отсюда и сама ярмарка называется “мессой” или, на немецкий манер, “ярмаркт” (годовое, т.е. сезонное, торжище). Неподалеку, на пристани, идет досмотр прибывающих по воде товаров, встречают и размещают приезжих купцов – “летних” и “зимних” гостей. Иногда ярмарка раскидывалась вне городских стен, зимой – на льду озера, как это было принято издревле. Там торговцы раскидывали свои палатки и навесы, выстраивали торговые ряды. Уже Бьёркёарэттен регулирует и еженедельный городской рынок – пятничный или субботний. Стокгольм в качестве чепстада имел право на “свободный” рынок или ярмарку, которые могли посещать все приезжие купцы-чужаки, разумеется, уплатив необходимые пошлины. Поскольку Стурторьет не выдерживала напора обширной международной и внутренней торговли, которую вел город, она “растеклась” по всей его центральной территории. Торговали на набережной (странден), вдоль которой, фасадом к воде, выстроились лавки и склады; там же, у причалов, товары проходили досмотр и взвешивание, взимались пошлины. За порядком на пристани и в гаванях наблюдали особые служащие магистрата, безопасность обеспечивали дозорные и сторожа. В торговых гаванях запрещалось строить корабли и сорить.

Продолжением гаваней и торговых площадей были прилегающие к Стурторьет улицы: Мясницкая, Купеческая, Сапожная и др. Там располагались лавки и, более всего, мастерские ремесленников, в которых

можно было торговать до захода солнца во все дни, кроме праздников. Торговым же целям служили мосты с расположенными на них лавками. Торговля на мостах была бойкой, из-за права держать там лавки горожанам нередко приходилось судиться с местными монастырями и соборами, с соседними землевладельцами.

Стокгольмские мосты были и важными стратегическими объектами: они загораживали дорогу во внутренние части Меларена, подходы к другим городам и в центр страны. Поэтому даже земские законы XIII в. предписывали жителям всех прилегающих к Стокгольму поселений участвовать в наведении и починке его мостов. А Стадслаг обязал заниматься этим и семь соседних городов, разделив между ними участки работы. Но правом получать пошлины за проход через эти мосты имел только Стокгольм.

В XIV–XV вв. в Стокгольме, наряду со Стурторьет, было несколько рыночных площадей, которые имели специализированный характер, например, сенной или рыбный. Они посещались преимущественно жителями сельских или промысловых поселений, которые привозили на продажу в города сельскохозяйственные и промысловые продукты, изделия домашних ремесел, увозя из города необходимые им товары или деньги для уплаты ренты землевладельцам. Не желая платить городские пошлины, селяне нередко устраивали торжища на местах, посещаемые приезжими купцами-скупщиками. Стокгольм, как и другие города, непрерывно боролся с этими “незаконными” торжищами, апеллируя к авторитету центральной власти. Но еще и в XVI в. эта укоренившаяся в стране практика не была прекращена.

Боролся Стокгольм и с другими городами, утверждая свою торговую монополию. Он добился права “торгового принуждения”, лишая конкурирующие порты страны возможности свободно вывозить некоторые товары, пользующиеся особым спросом на внешних рынках. Через него проходил основной поток шведского экспорта товаров: железа и меди (в брусках и бочонках), масла, живого скота, шкур и мехов, тюленины, рыбы, древесины, кожевенного товара, грубого домотканого сукна, иногда и зерна. Взамен ввозились хорошо выделанные западные сукна, дорогие шелка, бархаты и парча, вина, соль, пряности, лекарственные и косметические вещества, породистые лошади, дорогое оружие, украшения и церковная утварь, хмель и воск.

Кроме того, купцы Стокгольма имели привилегию беспошлинной торговли на рынках всех прочих городов Швеции, а стокгольмские ювелиры были облечены монопольным правом проверять пробу всех монет, производимых в стране или ввозимых в нее.

Итак, средневековый Стокгольм – самый крупный внутренний и внешний порт страны. Он связан с Прибалтикой, финским берегом и Северо-западной Русью. Русскими летописями зафиксированы Варяжская улица в Великом Новгороде, постоянные поездки русских купцов в “Стекольный”, как называли Стокгольм на Руси. Постоянные торговые контакты связывают его с Англией, Ирландией, Фландрией, Францией, германскими государствами.

Однако решающую роль во внешней торговле Стокгольма и всей Швеции играли не собственные купцы и судовладельцы, сравнительно небогатые, не имеющие ни прочной организации, ни налаженных деловых связей, ни разработанной торговой техники. Дирижерами международной коммерческой жизни Северной Европы, включая Швецию, были города вендской Ганзы во главе с Любеком. На их кораблях – вместительных и устойчивых коггах перевозилась в Швецию и из Швеции основная масса товаров, ганзейские капиталы были задействованы во всех крупных торговых сделках региона. Стокгольм, в отличие от голландского города Висбю, был не членом Ганзы, а скандинавским центром, но играл в ее балтийской торговле выдающуюся роль, он был в центре ее интересов и внимания. Поэтому роль самих ганзейцев в политической, деловой и повседневной жизни главного города Швеции была необыкновенно активной.

Стоит напомнить, что еще в XII в. в результате договора короля Кнута и герцога Генриха Льва Саксонского относительно найма опытных саксонских рудокопов для работы на перспективных шведских железных рудниках, начался процесс все убыстряющегося и широкого переезда в страну немцев, преимущественно из северных германских государств. Рыцари и солдаты-наемники прибывали для участия в северных крестовых походах, а затем нередко оседали на шведских и финских землях. Рудокопов, плавильщиков, горных предпринимателей привлекали обширные в стране горно-металлургические разработки. Бюргеры из ганзейских городов – торговцы, ремесленники, судовладельцы и те же горные предприниматели массами переселялись в шведские города, рассчитывая воспользоваться ресурсами этой провинциальной страны, небогатой, со сравнительно слабым еще городским ремеслом и малозаметными в международных кругах торговцами. Законы Швеции предоставляли переселенцам льготные условия: они могли “считаться шведами”, т.е. пользоваться всеми преимуществами гражданства в стране, если подчинялись ее законам и сами “называли себя шведами”. Это давало им возможность, не теряя подданства в родных городах континента, получать в Швеции правовую защиту, пошленные льготы, свободу от “берегового права”, неприкосновенность жизни, чести и имущества. В результате уже в XIV в. немцы составили весьма значительную и, во всяком случае, наиболее состоятельную и авторитетную часть населения во всех сколько-нибудь значительных шведских городах, но прежде всего в Стокгольме.

Составляя обширную, но довольно замкнутую группу населения Стокгольма, связанную деловыми и семейными узами как между собой, так и с родными городами, немцы – торговцы, ремесленники, судовладельцы и горные предприниматели занимали элитные позиции в деловой жизни города. Стокгольм был одним из немногих шведских городов, где имелись ремесленные цехи, в чем нельзя не усмотреть влияния тех же немцев. Еще в XIV в. оформился цех портных, в следующем столетии были приняты уставы цехов ювелиров, меховщиков, шорников-ременщиков, кузнецов, оружейников, каменщиков, мясников, да-

же носильщиков, работавших в порту. Цехи были довольно замкнутыми, почти наследственными, в большинстве из них ведущие позиции занимали мастера немецкого происхождения. В наиболее состоятельные цехи доступ шведам был практически запрещен. Немцы держали в руках также монетное и пушечное производства, которые работали на государственный и городской заказ.

Аналогичная картина сложилась в торговой среде, где некоторые гильдии состояли целиком из немцев. В XIV в. в Стокгольме возникла боевая организация молодых купцов, которая одно время терроризировала жизнь городских жителей, но, вызвав возмущение и отпор местных людей, вскоре была распущена.

Но в принципе сосуществование шведов и немцев в Стокгольме происходило вполне мирно, в обстановке постоянного сотрудничества и взаимной выгоды, особенно в паевых предприятиях типа товариществ – торговых, корабельных и т.п. В местной, более мелкой торговле, в более бедных, неорганизованных и грубых видах ремесла шведы преобладали. Они же, вероятно, составляли и контингент лиц наемного труда, обширный в Стокгольме, а также заполняли его “Рыболовецкую гавань” – особый, довольно бедный район города, населенный рыбаками. Последний имел свой “Устав рыболовецкой гавани” и подчинялся досмотру королевского чиновника.

В XV в. Стокгольм насчитывал до девяти тысяч жителей – как рядовой город Европы, но в два раза больше следующих по величине городов страны (Кальмара, Сёдерчёпинга). Для Швеции, где тогда проживало примерно 0,5 млн человек, и где большинство городков не насчитывало и 500 жителей, это была, однако, внушительная цифра. Тем более, что средний демографический уровень урбанизации – 5–7% населения страны – был средним и для всего Балто-Атлантического региона. Подавляющее число горожан – более 160 отдельных профессий – группировались, так или иначе, вокруг рынка, по формуле “труд и обмен”. Производительным трудом в Стокгольме было занято до 50% горожан (в Кальмаре – до 25–30%, в прочих городах еще меньше). Значительное число жителей было втянуто в торговлю и судоходство как по открытому морю, так и внутри страны, по каботажным и речным путям, столь изобильным в Швеции, что было намного выгоднее и безопаснее сухопутных перевозок. В числе мелких пайщиков и “спящих партнеров”, в том числе в оптовых и зарубежных купеческих операциях, регулярно выступали не только корабельщики, но и представители разных производительных профессий. Обширную прослойку в городе составляли продавцы услуг, разносчики, извозчики, матросы, прислуга в частных домах, приказчики, подмастерья и ученики. Сравнительно много было в крупнейшем городе страны (до 2–4%) учителей, медиков, аптекарей, музыкантов. До 8% горожан участвовали в городской общественной жизни в качестве членов муниципалитета, контролеров, различных служащих и работников. До 20% населения города составляли люди невыясненных профессий. Поскольку они состояли в списках бюргеров-налогоплательщиков, то, очевидно, обладали своим

хозяйством или достаточным исходным капиталом, имели в городе связи: ведь за получателя бюргерства ручались полноправные бюргеры, известные в городе. Вероятно, среди этих “неопределенных” лиц было немало торговцев, ремесленников, промысловиков, судовладельцев и т.п. Однако многие люди в этой группе, несомненно, были связаны с сельским хозяйством внутри или вне города. Судя по многим сведениям, аграрные занятия вообще играли большую роль в жизни Стокгольма (не говоря уже о малых городах страны). Горожане имели огороды и даже пашни, держали скот (и оплачивали городского пастуха), птицу. Главной задачей здесь, как и повсюду в Европе, было, видимо, снабжение собственной семьи продуктами питания. Но самостоятельные люди вкладывали средства в землю, вообще в недвижимость ради сохранения капитала или включения в привилегированные феодально-землевладельческие слои.

В Старом городе Стокгольма насчитывалось 36 улиц и переулков, несколько гаваней и причалов, 7 площадей, в том числе торговые (Стурторьет, Рыбная, Железная, Зерновая, Монетная, Муниципальная, Немецкая). В стенах Старого города было не менее шести ворот и восемь башен, в том числе три при пяти мостах. Церкви города – собор Св. Николая (Сторчурка), церкви св. Якоба, Юхана и Катарины, Немецкая церковь, а также капеллы (св. Биргитты, Марии Магдалины, Георгия, св. Креста и др.) украшали городской пейзаж, а их служители, как и руководители, играли заметную роль в общественной жизни Стокгольма. На прилегающих островах и на материке располагались другие кварталы и пригороды: Сёдермальм, Норрмальм, Брункеберг, Хельгеандсхольмен, Громункхольм и другие, с многочисленными улицами и переулками, королевскими и частными усадьбами, мельницами, пустошами, скотобойнями и т.д. В Стокгольме и пригородах располагались монастыри: обширные францисканский и доминиканский, св. Клары, Иоаннитов, а также госпиталь и инвалидный дом, все со своими усадьбами. В городских документах нередко фигурируют каменщики, художники, витражники, вышивальщицы и другие мастера, работающие по заказам церквей и монастырей. В монастырях Стокгольма велись летописи, переписывались книги. Монахи и священники учили детей в монастырских и соборных школах, в частных домах состоятельных горожан.

Стокгольм делился на несколько кварталов, каждый со своей внутренней организацией: противопожарной, охранной, по поддержанию внутреннего порядка и т.д. Отдельные административные участки города составляли его замок и военные сооружения.

Стокгольм был важным стратегическим пунктом страны. Помимо замка с башнями и городских стен, он был защищен с моря ограждениями из скрепленных цепями бревен. Наряду с гарнизоном крепости, город мог выставить значительное бюргерское ополчение, отдельные части которого, составленные из соседей по кварталам, братьям по цехам и гильдиям, выступали со своими профессиональными и иными значками. В городе находился арсенал, где хранились боеприпасы, вооружение и

снаряжение, и оружейные мастерские, в том числе пушечный двор, о которых заботились городские власти, контролируемые короной.

Наряду с этими общественными зданиями в городе размещались внушительное здание городского совета (Родхюсет), королевская монетная мастерская, частные и городские товарные склады (в том числе суконный и дровяной), весовая и таможня, кирпичная мастерская, аптека, бани, пожарная охрана, а вблизи города – корабельная верфь и мельницы. За работу в городских мастерских и прочих учреждениях полагалась плата от муниципальной или королевской администрации. Многие ремесленники Стокгольма целиком или “по совместительству” выполняли заказы городских или королевских предприятий, что, судя по городским финансовым отчетам, должно было составлять заметную часть доходов этих мастеров.

Административная и общественная жизнь Стокгольма отражена в Стадслаге, многих государственных распоряжениях и привилегиях, в частных актах и переписке. Огромный интерес для исследователей представляют четыре “городские книги” Стокгольма, которые довольно полно освещают и его повседневную жизнь. Как и во всех крупных городах страны, в Стокгольме велись так называемые “Памятные книги” – протоколы заседаний его магистрата, в том числе судебных, которые охватывают огромный круг самых разнообразных вопросов и дел, проходивших через городской совет и судебные заседания: центральное, в самом Родхюсете, и “выездное” (“на торге”).

Но в Стокгольме велись еще три интереснейшие “книги”. “Земельные книги” подробно фиксировали динамику недвижимой собственности в городе: утверждение запродажных сделок, завещаний, решения споров по поводу домов или земли и многое другое. На основании этих записей возможно разобраться в деталях расселения, смены местожительства, расширения или сужения недвижимой собственности многих известных бюргеров Стокгольма, а также в их родственных связях и наследственных обычаях. В “Налоговых описях” Стокгольма содержатся списки городских налогоплательщиков, с указанием суммы причитающегося с каждого лица размера основного налога, а также пометы о налоговых льготах и задолженностях. Эти списки открывают возможности для интересных демографических подсчетов, для определения имущественных категорий в среде бюргерства; они – единственные из всей городской документации – дают представление о налоговых преимуществах, которые извлекали из службы на город не только члены и простые служащие муниципалитета, но и некоторые ремесленники и торговцы. К ежегодным “Налоговым описям” прилагались подписанные бургомистрами отчеты (“балансы”) о доходах и расходах муниципалитета за истекший финансовый год, где перечислялись статьи расходов на городские нужды, суммы затрат, имена и характер деятельности лиц, с которыми расплачивался город. Здесь особенно впечатляет тот факт, что заказы на оплачиваемые поставки материалов для городских построек, сами постройки и ремонт сплошь и рядом получали члены городского совета.

Не меньший интерес представляют и “Служебные книги”: списки бургомистров, советников и служащих магистрата, с указанием их обязанностей и должностей, начиная с конца XIV и по начало XVI в. Наряду с краткими, но выразительными записями Стадслага, “Служебные книги” Стокгольма дают четкое представление о социально-политической организации города, о его властных структурах, организации и удержании власти в крупнейшем городе страны.

В этой связи необходимо, несколько вернувшись назад, отметить, что поскольку Стокгольм, как и все города Швеции, стоял на королевской земле, его жизнь контролировалась королевскими фогдами. Причем, если во многих других шведских городах эти функции могли присваивать себе или, во всяком случае, как-то заправлять в замках знатные ленники короны – крупные феодалы, в Стокгольме все происходило иначе. Правда, город добился разделения властей в том смысле, что в замке господствовал “замковый фогд” (слоттсфогде, комендант), а в город назначался “фогд города” (буфогде), который в конце концов избирался, либо назначался по согласованию с городскими властями. Но так или иначе, город находился под постоянным наблюдением королей, которые пристально наблюдали за всем, там происходившим. Фогд присутствовал на заседаниях магистрата и суда, следил за своевременным поступлением в казну причитавшегося с города ежегодного налога, состоянием городских укреплений, умонастроением горожан, вмешивался во все значимые дела города.

Организация городской жизни и управление ею, в соответствии с северной традицией, строились на основании магдебургского городского права. Еще со времен Бьёрккэрэттена в Стокгольме как в чепстаде избирался городской совет во главе с бургомистрами. Это был самый большой городской совет в Швеции: 36 советников и 4 бургомистра. Они выбирались каждые два года, но реально правили по году, половиной выбранного состава поочередно. Два бургомистра имели по ключу от городского “сундука”, где хранились денежная касса и документы, и открывать его могли только вместе, в присутствии свидетелей. Советники распределяли между собой функции по надзору за торговлей, ремеслами, портом, мерами и весом, порядком на улицах, состоянием городских построек, сбором пошлин и налогов, финансовыми делами и т.д. При совете состояли грамотные писцы, которые вели документацию и названные выше “городские книги”; обычно это были влиятельные люди, которые рано или поздно становились советниками, а иногда даже и бургомистрами. Городской закон предписывал вести всю документацию в городе на шведском языке: приписка, которая вполне характеризует роль немецкого элемента в бюргерской элите. Однако документы Висбю сплошь и рядом написаны по-немецки, так же как и “Памятные книги” Кальмара. В Стокгольме подобные нарушения не допускались – скорее всего, под воздействием короля. Видимо, под тем же воздействием в городском законе – Стадслагге – указано, что только половина мест в городском совете могут замещаться лицами немецкого происхождения, причем национальность определяется по отцу. Тем

не менее, судя по “Службным книгам”, немцы вполне успешно заполняли и значительную часть шведской половины магистрата, и большинство мест бургомистров.

С городским управлением связана еще одна примечательная особенность. Хотя закон называет процедуру смены состава магистрата “выборами”, на самом деле она была иной. Советники и бургомистры собирались вместе, “выбирали” из собственной среды и вообще из числа угодных им лиц следующий состав правящих органов города. При этом ставилось условие, чтобы из одного рода (семейства) избиралось одновременно не более четырех человек. Все это показывает, что управление в Стокгольме (как, впрочем, и в других шведских городах) было олигархическим. Его сосредотачивали в своих руках несколько десятков элитарных, в широком смысле слова патрицианских, семей, которые и заправляли городом в течение всего XV столетия, отраженного в “Службных книгах”. Это были преимущественно богатые немцы – купцы, судовладельцы и домовладельцы, которые одновременно держали в своих руках доли на горнорудных промыслах, в плавильнях и рыбных ловлях, занимались оптовой торговлей, денежными и земельными операциями, владели именьями и получали титулы, кредитовали важных господ и самих королей. Они были тесно спаяны благодаря семейным и деловым связям и с трудом допускали в свою среду бюргеров-шведов.

Сплочению городской элиты служили и духовные гильдии. Они создавались вокруг приходских церквей или во имя какого-либо святого: Хелга Лекаменгилле, Карлагиллет, гильдии св. Андрея, Эрика, Гертруды, Катарины, Кнута, Лаврентия, Николая, Олофа, Св. Девы (Ворфругилле). Большинство членов в них составляли купцы, но были и гильдии смешанного состава, которые включали верхушку ремесленников (например, ювелиров, меховщиков), а также богатых пригородных бондов (свободных крестьян-собственников) и даже господ. Особенно привилегированными и богатыми были гильдии Хельга Лекамен, Ворфругилле, св. Катарины, членство в которых было признанием принадлежности к элитарным кругам и считалось весьма престижным. Эти гильдии играли большую роль в общественной жизни города, в регулировании социального отбора и социальной стратификации правящей элиты. Прорваться в этот круг было очень трудно. Но именно там создавались репутации городских правителей, там определялись делегаты в органы городского управления, в сословно-представительный риксдаг, в делегации, которым давались важные деловые и дипломатические поручения к королю или в ганзейские города.

Роль немцев в Стокгольме была в конечном счете столь же значительной, как и в общем управлении страной. И в той же мере определяла как политику города, так и настроение низов. Во время знаменитого (и самого крупного в шведской истории) народного восстания под предводительством Энгельбректа Энгельбректссона город Стокгольм и замок не открыли повстанцам ворота. Но во время борьбы против Кальмарской унии, когда возглавлявшие Швецию регенты из вельможного дома Стуре выступили против владычества главы унии – датско-

го короля и его продатской, вредной для Швеции политики, Стокгольм активно поддержал борьбу Швеции против датчан – главных соперников Ганзы в ее балтийском господстве. В решающей битве на окраинах Стокгольма, при Брункебергских холмах, сильное бюргерское ополчение Стокгольма способствовало победе Стена Стуре Старшего и, тем самым, ликвидации (на время) Кальмарской унии. В честь этого события знаменитый в Скандинавии любекский скульптор Берендт Нотке изваял деревянную статую Св. Георгия, поражающего копьём змея; эта небольшая статуя и сегодня украшает стокгольмский кафедральный собор.

После многих политических пертурбаций конца XV–начала XVI в. и ряда неудач датской политики честолюбивый король Кристиан II в 1519 г. в очередной раз принял все меры для восстановления Кальмарской унии. С большим флотом и значительной наемной армией – до 15 тысяч датских, немецких, шотландских и французских ландскнехтов – он осадил Стокгольм. Город героически оборонялся в течение нескольких месяцев. После смерти раненого ядром Стена Стуре Младшего командование взяла на себя его вдова, знатная дама Кристина Нильсдоттер Гиллестьерна вместе со своим братом и родичами. В ход пошли пушки, в том числе одна из крупнейших в крепости, прозванная “мать дьявола”. В конце концов Стокгольм был вынужден впустить Кристиана II, получив с него, однако, обещание помиловать всех его противников.

Но войдя в Стокгольм и надев корону унии, Кристиан II нарушил свое обещание. Натравливаемый смертельным врагом дома Стуре – епископом Густавом Тролле (аристократом датского происхождения, племянником адмирала датского флота), Кристиан II предал – якобы, за ересь – мучительной казни шведских аристократов, находившихся в крепости, а также многих видных бюргеров Стокгольма. Хронист Олаус Петри называет в числе казненных только в первый день массовых расправ бургомистра-шведа, половину городских советников и столько же именитых купцов, ремесленников и прочих граждан. В следующие два дня казни, совершавшиеся в замке и перед ним, продолжались. Погибли десятки представителей городской элиты, иногда и просто подвернувшиеся под руку наемникам зрители. Шел дождь, кровь обезглавленных людей стекала в воды пролива. Эти события 1520 г., вошедшие в историю как “Стокгольмская кровавая баня”, стали известными всей Европе, о них вспоминали даже после Варфоломеевской ночи в Париже, сравнивая эти беспрецедентные по жестокости события.

В Швеции “Стокгольмская кровавая баня” всколыхнула весь народ. Широкое движение против унии возглавил чудом уцелевший во время казней (и потерявший там ближайших родственников) аристократ Густав Эрикссон, из рода Ваза, который в 1523 г. был торжественно избран шведским королем под именем Густава I. Кальмарская уния была отменена.

Начался новый период в истории Швеции – период национальной государственности. При Густаве I Вазе Стокгольм становится официальной столицей страны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Сванидзе А.А. Швеция в период Кальмарской унии: Начало сословной монархии (конец XIV–начало XVI в.) // История Швеции / Отв. ред. А.С. Кан. М., 1974. Гл. 4.

Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции: XIV–XV вв. М., 1967.

Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции: XIII–XV вв. М., 1980.

Хроника Эрика / Сост., отв. ред. и ред. перевода А.А. Сванидзе; Пер. со швед. А.Ю. Желтухина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1999.

Бьёрккарэттен / Пер. со швед. и предисл. Н.С. Калашниковой // Из ранней истории шведского народа и государства: Первые описания и законы / Отв. ред. и сост. А.А. Сванидзе. М., 1999.

Ahnlund N. Stockholms Historia före Gustav Vasa. Stockholm, 1953.

Hasselmo M., Bengtsson L. Stockholm // Medeltidstaden, del. 17.– Riksantikvarieämbetet och Statens Historiska Museer. Stockholm, 1981.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абвиль 261, 263
Або (Турку) 221, 227, 228
Аванш 105
Авила 159, 235–237
Авилес 187
Авиньон 57, 104, 172, 250, 252
Авранш 21, 54
Австрия 54, 57, 69
Агриппова Колония *см.* Кёльн (Агриппова Колония)
Адельсё 314
Адрианополь 202
Адриатика 89
Азенкур 265, 270, 271
Азорские о-ва 99
Аквилея 87, 293
Аквитания 109, 262, 263
Акра 201–204, 206
Акция Никополи *см.* Перевез (Акция Никополи)
Александрия 212, 293, 298, 301
Александрия (Цезария) 122, 123
Ален 152
Алессандрия 177
Аликанте 234
Алмада 308, 309
Аль-Андалус 188, 244, 245
Альба де Тормес 161
Алькала 238
Альпы 71, 169, 171, 314
 Восточные 106
Амальфи 94, 96
Амберг 75
Амбуаз 251
Америка 99, 106
Ампуриас 109
Амстел 85
Амстердам 85
Амьен 85, 101, 259, 263, 271
Ананья 123
Англия 11–20, 22, 25–29, 31–33, 35, 36, 38, 40, 51, 85, 89, 92, 100, 105, 117, 130, 131, 136, 137, 139, 140, 147, 148, 163, 194, 218, 246–249, 252, 258, 259, 262, 265, 267–269, 271–275, 277–281, 284–289, 307, 319
Ангулем 256
Андалусия 160, 162, 163, 234, 236
Андравида 201, 202
Анжер 190, 251
Анклам 144
Анкона 85, 213
Анконская марка (Марка, Marchia) 123, 173, 177–180
Антверпен 87, 105, 146, 148
Антильские о-ва 99
Апеннинский п-ов 173
Арабский халифат 106
Арагон 11, 12, 16, 18, 21, 29, 31, 32, 34, 35, 39, 40, 44, 185, 188, 234, 235
Арагоно-Каталонское королевство 14, 27
Арагонское королевство 33
Арбуга 314
Аргос 202
Арденбург 135
Арклоу 283
Арь 21, 90
Арьское королевство 109
Армаг 285
Арно 81, 82
Аррас 250, 252, 261, 263, 271, 301
Арсур 203, 204
Артабр 308
Артуа 101, 252
Арфлер 264, 271
Архипелаг 298
Асти 179
Асторга 185, 186
Астрадэ 219
Астурия 106, 162, 185–187, 244
Атлантика 313, 314
Атлантический океан 97, 99, 100, 309
Атлантическое побережье 186
Атталия 212
Аттика 104
Аугсбург 10, 86, 111, 152, 153
Ауде-Рейн 85
Африка 308, 309
 Северная 203, 305
Ахен 67

Бавария 151, 152, 155, 157, 169, 193
Багдад 301
Бадахос 235
Базель 75, 77, 118, 152
Байонна 163, 263
Балканские государства 104
Балканы 89, 92, 106, 208
Балтийское море (Balticum mare) 86, 92, 126, 132, 134, 138, 149, 217, 221, 224, 313
Балтийское побережье 126, 221
Балтийско-Североморский регион 131, 139
Балтика (Балтийский регион) 100, 127, 132, 138, 140, 141, 145–147, 217–219, 222, 225, 227, 228, 283, 313, 314, 316
Балто-Атлантический регион 321
Банска-Штьявница 106
Бар 60
Барбастро 241
Бардовик 126
Барнет 279
Барселона 32, 94, 109
Барселонское графство 92
Бежа 234
Безансон 70
Безье 250
Бейрут 201, 203, 212
Белград (Сингидун) 89
Белорадо 186, 188
Бельуар 201
Бельгия 58, 104, 105
Бельчите 241, 242
Бергамо 124, 170
Берген 130, 132, 148
Березовый (Бьёркё, Verko, Bjorko, Koivisto) 231, 314
Берлин 71
Берри 86
Биберах 152
Бирка 314, 315
Бирмингем 89
Бирс 92
Бискайский залив 86, 100
Ближний Восток 192, 230
Блуа 251
Бове (Бовэ) 60, 263, 271
Бовези 262
Богемия 57
Богемский массив 106
Боденское оз. 119
Бойн 285
Болгария 89
Болонья 87, 121, 177, 178
Бопфинген 152
Бордо 86, 92, 190, 252, 262, 263, 267, 269
Борнхевед 132
Босния 89

Бостон 130, 131
Брабант 12, 104, 105, 141
Браганса 235
Бранденбург 217
Бранденбургская марка 143
Брауншвейг 144
Браччано 174
Брейзах 118
Брейсгау 118
Бремен 96, 102, 138, 142, 144, 219
Бреслау 144
Бретань 56, 270, 270, 274
Бретейль 21, 286
Бретей-сюр-Итон 252
Бретиньи 260, 263, 266, 267, 271
Брешия 123, 124, 170, 177, 181
Бри 106
Бриндизи 105
Бристоль 276–279, 286
Британия 99
Британские о-ва 57
Брункеберг 324
Брункебергские холмы 326
Брунсберг 220
Брюгге 71, 87, 94, 97, 101, 110, 131, 132, 135–138, 146, 252, 273
Брюссель 86
Булонь 263
Бургос 163, 185, 186, 240
Бургундия 109
Бургундское королевство 91
Бурж 254
Бухау 152
Бухгорн 152
Бьэльбу 316

Вавель 106
Вавилон 303
Вагрия 221
Вайль 152
Валансьенн 104
Валенсия 29, 234, 235, 244
Вальмиера *см.* Вольмар (Вальмиера)
Вальядолид 37, 162
Ванген 152
Везенберг (Раковер) 228
Вейнсберг 152
Вейсенбург 152
Вейтра 89
Велау (Вилон) 228
Веллетри 174
Вена (Виנדобона) 57, 68, 70, 89
Венгерское королевство 106
Венгрия 55, 57, 72, 103, 105–107, 193
Венден (Цесис) 225, 228
Вендский регион 144
Венецианская лагуна 293

- Венецианское герцогство 296
 Венеция (Венецианская республика, Республика св. Марка, “Серениссима”) 49, 50, 85, 91, 99, 104, 105, 123, 139, 192, 198, 200, 202–207, 211, 216, 292–299
 Вермандуа 101, 262
 Верней 266
 Вернон 264
 Верона 104, 170, 177
 Вестготское королевство 305
 Вестманланд 313
 Вестминстер 278, 279
 Вестерос 314
 Вестфалия 126, 129, 130, 143, 157, 228
 Ветепилс *см.* Виндава (Ветепилс)
 Вехт 85
 Виборг *см.* Выборг (“Виборг”, Viborg)
 Вигано *см.* Джудекка (Вигано)
 Виго 85
 Византия (Византийская империя) 91, 96, 102, 104, 112, 203, 297–302, 304
 Виллов *см.* Велау (Виллов)
 Виль 152
 Вимпфен 152
 Виндава (Ветепилс) 228
 Виндгейм 152
 Виндобона *см.* Вена (Виндобона)
 Вирония 220, 223
 Висбю 127, 134, 219, 220, 222, 320, 324
 Висмар 118, 119, 126, 133, 142–144, 220, 227
 Витебск 129, 225
 Витербо 174
 Витория 163, 185
 Во 105
 Волос (Деметриада) 89
 Вольмар (Вальмиера) 225, 228
 Вормс 10, 77, 111, 157
 Восток 195–198, 200–204, 207, 212–215, 222, 297–300, 302
 Латинский 202, 203
 Восточная Римская империя 293
 Восточно-Эльбский регион 143
 Вроцлав 106
 Вуокса 230
 Виборг (“Виборг”, Viborg) 221, 227–231
 Вюртемберг 152, 157
 Вюрцбург 194

 Гадитанское море 308
 Галисия 160, 162, 184, 185, 188, 244
 Галле (Халле) 143, 194
 Галлия 89, 97
 Галльский океан 309
 Гамбург 100, 102, 118, 119, 132, 133, 135, 133, 138, 142–144
 Гамбург-Бременское епископство 314
 Гамластан 313

 Ган *см.* Гент (Ган)
 Ганновер 87, 103, 118
 Гария 218
 Гаронна 86, 90
 Гвадалахара 238
 Гвадаррама 235
 Гвинея 106
 Гданьск *см.* Данциг (Гданьск)
 Гейдельберг 57, 156, 157
 Гейльбронн 152
 Гелдерн 105
 Геннегау 1–4, 105, 109
 Гент (Ган) 21, 101, 109, 252
 Генуя (Генуэзское государство) 49, 86, 96, 99, 105, 176, 177, 192, 193, 200, 202–208, 292
 Геракля 293
 Германия 11–15, 19–21, 27, 28, 47, 51, 56, 89–92, 99–108, 111, 112, 117, 118, 123–128, 130, 131, 136, 151, 154, 156, 157, 168, 173, 175, 176, 216, 222, 228, 252, 297, 307
 Прирейнская, Рейнская 103, 104
 Приэльбская 132
 Северная 125, 139, 224, 225
 Центральная (Средняя) 125, 228
 Юго-Западная 155, 158
 Южная 151
 Германская империя (Римская империя) 10, 13, 14, 17, 26, 30, 32, 35, 41, 44
 Германское королевство 170
 Гессен 157
 Гибелин 201
 Гиень 64, 109, 252, 267
 Гинген 152
 Голландия 105, 146, 147
 Голузи 287
 Голуэй 285
 Голштиния 145 146
 Гольдинген (Кулдига) 228
 Гольштейн 219, 221, 227, 228
 Госпорт 85
 Гостинополье 126
 Готланд 100, 127, 128, 219–223, 314
 Градо 293
 Гранада 235
 Грауденц (Грудзёндз) 228
 Грейфсвальд 118, 227
 Гренландия 100
 Греция 104, 201, 301
 Громункхольм 322
 Гронинген 119
 Грудзёндз *см.* Грауденц (Грудзёндз)

 Далмация 297
 Дания 26, 28, 30, 35, 51, 103, 130, 132, 136, 138, 139, 145, 146, 217, 216, 221, 223, 224, 227, 316

- Данциг (Гданьск) 90, 103, 106, 139–140, 144, 146, 225
- Дарока 238
- Дартмут 268, 275
- Даугава 129
- Девентер 119
- Деметриада *см.* Волос (Деметриада)
- Дерпт (Юрьев, Тарту) 129, 138, 143, 147, 220, 225, 228
- Дерптское епископство 217
- Деффинген 157
- Джерба 99
- Джудекка (Вигано) 294
- Дижон 58, 250, 251, 255
- Динкельсбюль 152
- Диррахия *см.* Дуррес (Диррахия)
- Дист 104
- Днепр 314
- Дорестада 314, 315
- Дорсетшир 88
- Дортмунд 143, 144
- До-Севр 113
- Дофине 250
- Древний Рим 65, 102
- Дрогеда 285, 286
- Ду 92
- Дублин 282–288, 290
- Дубровник (Эпидавра) 89
- Дувр 96
- Дунай 70, 89, 90, 92
Верхний 89
- Дуррес (Диррахия) 89
- Дусбург 220, 227
- Дуэ 252, 271
- Дуэро 106, 233, 235
- Дьепп 21, 264
- Европа 12, 25, 27, 38, 43, 50, 51, 57, 65, 67, 88, 97, 99, 100, 104–107, 117, 120, 126, 129, 130, 139, 172, 173, 184, 186, 188, 189, 192–194, 196, 197, 213, 214, 225, 228, 229, 233, 283, 288, 297, 299, 301, 304, 306, 321, 322, 326
- Восточная 146
- Западная 5, 8–10, 12, 14, 29, 34, 35, 66, 71, 84, 100, 102, 126, 132, 185, 194, 202, 204, 209, 210, 214, 230, 235, 240, 259, 301, 300
- Северная 88, 92, 96, 222, 320
- Северо-Западная 126
- Центральная (Средняя) 71, 89, 91, 92, 126
- Южная 89, 92
- Египет 212, 215, 303
- Жемайтия 218
- Жизор 55, 264
- Задар 192
- Зальцах 86
- Зальцбург 86
- Запад 5, 126, 128, 130, 207–209, 299, 301
- Западная Двина 219, 222, 224
- Западная Римская империя 96
- Западные провинции 96
- Зволле (Цволле) 119
- Золотой Берег 106
- Зунд 130, 132, 140, 146
- Иберлинген 119
- Иерусалим (Иерусалимское королевство, Латинское королевство) 65, 69, 76, 194, 199–203, 205, 206, 208–210, 241
- Изар 85
- Иль-де-Франс 55, 86
- Империя 178–180, 183
- Индийский океан 100
- Индия 211
- Ионическое море 89
- Ипр 252
- Иран 302
- Ириа 185
- Ирландия 31, 277, 278, 282–291, 319
Английская 286, 287, 289, 307
- Ирун 185
- Исландия 100, 139
- Исни 152
- Испания 89, 90, 92, 98, 99, 106, 158, 159, 163, 184, 185, 213, 232, 234, 245, 288, 297, 301, 309
- Центральная 234, 244, 245
- Италия 6, 23, 42, 45, 47–49, 58, 66, 71, 79, 80, 92, 96, 98, 99, 101, 104, 106, 117, 120–123, 125, 167, 168, 170–172, 175, 177, 180, 183, 184, 192, 292, 294, 296
- Северная 12, 21, 28, 45–47, 49, 89, 122, 167, 175, 177, 178, 181, 182
- Центральная (Средняя) 12, 21, 28, 46–49, 167, 173, 175, 178
- Итальянское королевство (Regnum Italie) 169, 170, 175, 176
- Йиглава 106
- Йорк 194
- Йоркшир 57
- Кагор 264
- Кадис 234
- Кадмея 202
- Каир 215
- Кайссум 211
- Каламит 202
- Кале 246, 248, 262–264, 267, 271, 274, 281
- Кальмар 129, 321, 324
- Камбре 61

- Кампания 171, 172
 Кампен 119
 Кан 58, 246, 253, 261–264, 271
 Кандия 201, 202, 208, 298
 Каносса 121, 123
 Кантабрийские горы 186
 Кантабрийское побережье 163
 Кантабрия 185
 Карелия 221
 Каринтия 106
 Каркассон 262
 Карлоу 290
 Кармайн 282
 Карпаты 106
 Каррикферчес 285
 Каррион де лос Кондес 185
 Картагена 96
 Карфаген 80, 301
 Касерес 240
 Кастельруж 201
 Кастилия 10–16, 18, 20–22, 26–28, 31–33, 35, 40, 92, 160–163, 186–188, 234, 235, 237, 241, 244
 Кастильское королевство 158
 Кастрополь 187
 Кастрохерис 185
 Каталония 11, 12, 17, 20, 28, 29, 31–33, 35, 39, 40
 Кауфбойерен 152
 Каэн 21
 Квентовик 100
 Квидзин *см.* Мариенвердер (Квидзин)
 Кейстер 279
 Кексхольм 231
 Кемптен 152
 Кентербери 86, 286
 Кесария 203
 Кёльн (Агриппова Колония) 57, 70, 89, 103, 105, 111, 131, 143, 144, 147, 193, 194
 Кёльнское архиепископство 57
 Кёнигсберг 129, 220, 225, 227
 Киклады 298
 Килкенни 285
 Кипр 104, 199–203, 206–209, 211, 212, 214, 215
 Кипрское королевство 200, 209, 209
 Киренея 201, 207
 Клавио 233
 Клайпеда *см.* Мемель (Клайпеда)
 Кларенца 201, 202
 Клермон 190, 201, 202
 Клонтарф 283
 Клуж 86
 Клюни 186
 Кобленц 86, 89
 Ковадонга 233
 Кокенгуген (Кокнесе, Куkenойс) 228
 Кокнесе *см.* Кокенгуген (Кокнесе, Куkenойс)
 Колывань *см.* Ревель (Колывань, Таллин)
 Кольмар 118
 Комполет 309
 Компьень 76, 263, 271
 Коннот 282
 Константинополь (Стамбул) 89, 91, 99, 201–202, 207, 298–304
 Констанц 67, 103, 123, 152, 153, 171
 Конш 21
 Коньяк 256
 Копенгаген 57, 146
 Кордова 89, 234–236, 244
 Коринф 202
 Кория 238
 Корк 282, 283, 285–287, 290
 Корон 201, 207, 208, 298
 Корсика 201
 Кортенуово 124, 181
 Корфу 207, 298
 Корхигос 212
 Крак де Монфор 201
 Крак де Шевалье 201
 Краков 55, 57, 84
 Крема 122
 Кремниц 106
 Кремона 121, 122, 170, 176, 177, 181, 182
 Креси 257, 271, 274
 Крит 201, 207, 216, 298
 Круахан 280
 Куkenойс *см.* Кокенгуген (Кокнесе, Куkenойс)
 Кулдига *см.* Гольдинген (Кулдига)
 Кульм (Хелмино) 220, 225, 228
 Кульмензе 220
 Курляндия 220, 223
 Курляндское епископство 217
 Курония 219
 Кутанс 58
 Кутна-Гора 106, 107

 Лаба *см.* Эльба (Лаба)
 Лаглёсачёпинг (Чёпинг) 314
 Ладлоу 280
 Ла-Манш 100, 246, 249, 269, 271
 Лангедойль 271
 Лангедок 22, 250, 271
 Лангрео 187
 Ланди 252
 Ла-Рошель 254, 264
 Латинская империя 201, 213
 Латинская Романия (Романия) 200, 207, 214, 215
 Латинское королевство *см.* Иерусалим (Иерусалимское королевство, Латинское королевство)

- Лацио 173
 Лебау (Любава) 228
 Левант 99, 104, 199, 206
 Легниц 107
 Лейнстер 282, 284
 Лейпциг 89
 Лейткирх 152
 Лемзаль (Лимбажи) 228
 Лемнос 298
 Лендпорт 85
 Леньяно 49, 123
 Леон, г. 185, 186, 241, 244
 Леон, королевство 29, 31, 162, 188
 Леоно-Кастильское королевство 29, 186, 189
 Лерида 235
 Лерсина 104
 Ливония 139, 217–225, 227, 228
 Лигурийская республика 203, 207
 Лизье 21, 58
 Лилль 252, 271
 Лимассол 201, 207, 214
 Лимбажи *см.* Лемзаль (Лимбажи)
 Лимерик 282, 283, 286, 290
 Лимож 82, 190, 254, 263, 267
 Линдау 152
 Линкольн 89
 Линкольншир 90
 Линн 131, 194
 Лион 252, 271
 Лиссабон (Lixebona, Olisippo) 21, 22, 243, 244, 305–310, 312
 Литва 51, 218, 222, 225
 Лифляндия 141, 144, 145, 148
 Ло 90
 Логроньо 185, 186
 Лоди 121
 Ломбардия (Lombardia) 80, 91, 106, 120, 121, 124, 170, 176, 177, 181, 182, 198, 303
 Лонгвиль 261
 Лондон 12, 13, 22–24, 32, 85, 89, 131, 132, 137, 194, 247, 268, 275–278, 280, 281
 Лотарингия Нижняя 103–105, 118
 Луара 85, 92, 100, 262, 267
 Лувен 58
 Лузиньян 267
 Лукка 79, 104, 167
 Льеж 105
 Льежский диоцез 57
 Любава *см.* Лебау (Любава)
 Любек 71, 85, 94, 102, 118, 119, 126, 127, 129, 130, 132–138, 140–144, 146–148, 219, 220, 222–225, 227, 226, 320
 Любекско-Гамбургский канал 92
 Любицы 227
 Люнебург 118, 119, 143
 Маас 155
 Магдебург 11, 57, 143, 194, 220
 Маджоре 92
 Мадрид 160
 Мазовия 129
 Майнц 89, 90, 193, 197
 Майорка 31
 Македония 89
 Малага 86
 Маламокко 293
 Малая Азия 212
 Мальме 139
 Манстер 282
 Мантуя 168, 170, 181, 214
 Маргат 201
 Мариенвердер (Квидзин) 220, 228
 Марка *см.* Анконская марка (Марка, Marchia)
 Марсель (Массилия) 85, 90, 94, 192, 251
 Марш 60
 Массилия *см.* Марсель (Массилия)
 Махдия (Тунис) 193
 Медина 237
 Мейсен 157
 Мекленбург 143, 145, 227, 226
 Меларен 313–317, 319
 Мелён 264, 265, 268
 Мелль 113
 Мемель (Клайпеда) 129, 225, 228
 Мемминген 152
 Мессина 105
 Мец 57, 84
 Мидия 303
 Милан 48, 80, 121–123, 169, 170, 176–178, 292
 Миланское герцогство 49
 Миланско-Тичинский канал 92
 Мит 282
 Мо 106, 264, 265
 Модена 177, 182
 Модон 201, 207, 208, 298
 Мозель 86
 Мозель, р. 90
 Монеувасия 207
 Монпелье 21, 87
 Монреаль 201
 Монтебелло 122
 Монтеро 260
 Монте Себреро 186
 Мора 315
 Морья, Морейское княжество 201, 202
 Мортейн 21
 Мурсия 160, 234, 236
 Мюльхаузен 87, 152
 Мюнстер 86, 131
 Мюнхен 85

- Наварра 117, 185, 188
 Навпакт 207
 Навплион 207, 208
 Намюр 111
 Нант 85, 100, 250, 256
 Нарбонн (Нарбонна) 90, 250, 262
 Нарва (Нарова) 220, 222, 228
 Нахера 185, 186
 Неаполитанское королевство 26, 105
 Неаполь 23, 85, 290
 Нева 128, 223
 Невшатель 264
 Негропонт 201, 208
 Нейи-на-Марне 191
 Неман 89
 Нёрдлинген 151, 152
 Нидерланды 21, 27, 30, 33, 35, 57, 88, 95, 98, 99, 105, 107, 115, 117, 140, 148, 228
 Никея 198
 Никосия 201, 215
 Ним 21
 Новара 121
 Новая Англия 100
 Новгород (Новгород Великий) 128, 129, 131, 132, 134, 140, 145, 146, 148, 222–225, 231, 319
 Нови Град 89
 Новый Свет 97, 99
 Норвегия 28, 130, 135, 136, 139, 148, 274
 Норвич 194
 Нордхаузен 92
 Нормальм (Сольна) 316, 322
 Нормандия 55, 58, 86, 100, 109, 193, 250, 252, 263–266, 286, 307
 Норрстрём 314
 Нуармутье 100
 Нью-Йорк 113
 Нью-Касл 131
 Нью-Росс 285, 287, 288, 290
 Нэрке 313
 Нюрнберг 68, 70, 89, 152, 153

 Овернь 22, 250
 Овьедо 185–187, 189, 232, 233
 Ольмедо 237
 Ольстер 282
 Оранж 105
 Орешек 231
 Орлеан 56, 90, 250, 252, 254, 265, 270, 271
 Осер 252
 Осло 85
 “Остров кипарисов” *см.* Сан Джордже Маджоре (“Остров кипарисов”)

 Павия 121, 123, 170, 176, 177
 Паданская равнина 169, 170
 Падуя 178, 293
 Паленсия 158, 161

 Палестина 97
 Палмела 308, 309
 Памплона 185, 186, 188
 Паннония 55
 Папская область 173
 Папское государство 30, 49
 Париж 13, 21–24, 41, 51–59, 61–64, 71, 73, 74, 76, 87, 90, 92, 106, 110, 248, 252–254, 258–262, 264–266, 271, 326
 Парижский район 252
 Парма 121, 124, 175, 181, 182
 Патры 201, 202
 Пафос 207
 Пелопоннес 201, 298
 Пера 208, 304
 Перевоз (Акция Никополи) 89
 Перигё (Перигор) 250, 264
 Пернов (Пярну) 147, 225, 228
 Персия 303
 Перуджа 174
 Пиза 80, 100, 104, 168, 192, 203–205
 Пизанский порт 82
 Пикардия 58, 86, 252, 262, 263
 Пиренеи 184, 186
 Пиренейский п-ов 58, 165, 184, 190, 231, 241, 305
 Пископи 214
 Пласенсия 159
 Пловдив (Филиполь) 86, 89
 По 92
 Познань 85, 106
 Полоцк 129, 225
 Польша, Польское государство 51, 54, 57, 91, 103, 105–107, 139, 141, 148, 194, 218, 225
 Помег 94
 Померания (Поморье) 143, 219, 222, 223, 227, 226
 Пондевиго 179
 Понт-дель-Арт 266
 Понтевико 181
 Понферрада 185
 Портси 85
 Портсмут 85, 268, 275
 Порту 10, 307, 308
 Португалия 10, 11, 17, 18, 21, 24, 28, 29, 33, 35, 39, 98, 104, 117, 139, 187, 238, 245, 288, 305, 307
 Поэльбье 132
 Прабутьы *см.* Рисенбург (Прабутьы)
 Прага 57, 59, 89, 102
 Прибалтика 89, 218, 219, 221, 224, 223, 225, 227, 228 319
 Прованс 50, 98, 105
 Провен 106, 262
 Пруссия 139–141, 144, 145, 218–222, 224, 225, 228, 229, 275
 Восточная 227

- Псков 128, 220, 225
 Пуату 56
 Пуатье 40, 190, 254, 257, 263, 264, 269, 271, 274
 Пуенте де ла Рейна 185
 Пуертотмарин 185
 Пфальц 105
 Пфуллендорф 152
 Пшибрам 106
 Пьяченца 167, 177
 Пэйл 30, 284, 285, 290
 Пярну *см.* Пернов (Пярну)
 Пять Портов 32
- Равенна 86, 178
 Равенсбург 119, 152
 Радикофани 173
 Раковер *см.* Везенберг (Раковер)
 Ранимед 19
 Ратонно 94
 Ревель (Кольивань, Таллин) 129, 143, 147, 220, 221, 226–228
 Ревельская земля 220
 Ревередо 187
 Регенсбург 69, 89, 152, 153, 157, 193
 Реджо 177, 182
 Редин 220
 Рединг 89
 Реймс 60, 250, 263, 265, 271
 Рейн 86, 89, 92, 106, 155, 314
 Верхний 155
 Нижний 169
 Рейнская обл. 141, 157, 193
 Рейнско-Южногерманский регион 155
 Республика св. Марка *см.* Венеция (Венецианская республика, Венецианское государство, Республика св. Марка, “Серениссима”)
 Римальто 293, 294
 Рига 57, 97, 129, 143, 147, 217, 219–221, 223–225, 227, 228
 Риддархольмен 317
 Рижское архиепископство 217
 Рим (Roma) 45, 47, 49, 74, 75, 80, 81, 96, 122, 168, 170–176, 181, 182, 299, 301
 Римская империя 47, 102, 299
 Римская империя *см.* Священная Римская империя (Римская империя)
 Риоха 244
 Рисенбург (Прабуты) 228
 Родез 250, 255, 264
 Родос, г. 201–203
 Родос, о. 96
 Ройтлинген 152
 Романия *см.* Латинская Романия (Романия)
- Романья (Romagna, Romaniola) 123, 168, 177, 178
 Рона 90, 92, 106
 Ронсевальес 185
 Рооп (Страупе) 228
 Роскилле 221
 Росток 57, 118, 126, 133, 220, 227
 Роталия 220
 Ротвайль 152
 Ротенбург 152
 Ротте 85
 Роттердам 85
 Руан 21, 54, 100, 193, 250, 252, 259, 261, 263, 264, 266, 271
 Руанская провинция 58
 Русь, Русская земля, Россия 51, 112, 126, 129, 141, 147, 221, 224, 225, 230, 303, 314, 319
 Рюген 132
- Саагун 159, 185, 186, 188–190
 Савойя 17, 30, 35
 Саксония 126, 130, 169, 227, 228
 Нижняя 143
 Саламанка 161, 235–237, 240
 Самланд 222
 Самора 161, 234, 235, 240
 Сан Джордже Маджоре (“Остров кипарисов”) 293
 Сан Дзенона-ди-Маццо 177–178
 Санкт-Галлен 67, 152
 Санлис 251, 262, 263
 Сан-Николас 185
 Санс 264
 Сан-Себастьян 185
 Сан-Сернин 185
 Санта Мария де Аутарес 184
 Сантандер 163
 Сантьяго 160, 185, 186, 189, 190
 Сантьяго-де-Компостела 159, 186, 189, 241
 Сарагоса 243, 244
 Сардиния 30, 31
 Саутгемптон 275
 Саутси 85
 Свитьёд 315
 Святая Земля 191, 193, 195, 201, 204, 307, 308, 310
 Священная Римская империя (Римская империя) 105, 127, 167, 170, 172, 174
 Север 311, 312
 Северное море 86, 92, 99, 132, 149, 283, 313, 314, 316
 Северноморский бассейн 99
 Севилья 100, 160, 234, 235, 240, 243, 244
 Сеговия 159, 160, 235, 236
 Сегура 90
 Седан 265

- Семигалия 219, 220
 Сена 86, 92, 252, 264
 Сен-Вааст 250
 Сен-Валери 263
 Сен-Готард 90
 Сен-Дени 87, 266
 Сен-Жан 60
 Сен-Кантен 21
 Сент 106, 108, 256
 Сент-Мари-де-Сент 108
 Сент-Олбанс 279
 Сент-Омер 252, 271
 Сентонж 264
 Сент-Эльян 250
 Сен-Флур 249
 Сепульведа 235–239, 241
 Сербия 89
 Сердика *см.* София (Сердика)
 “Серениссима” *см.* Венеция (Венецианская республика, Венецианское государство, Республика св. Марка, “Серениссима”)
 Сёдермальм 322
 Сёдерманланд 313, 316
 Сёдерстрём 316
 Сёдертелье (Телье) 314
 Сёдерчёпинг 321
 Сигтуна 221, 314
 Сидон 204
 Сиена 104
 Силезия 103, 107
 Сингидун *см.* Белград (Сингидун)
 Синтра 308, 309
 Сиренчестер 278
 Сирия 200, 202, 207, 208, 215
 Сиртский залив 99
 Ситэ 86
 Сицилийское королевство 12, 17, 20, 28, 30, 35, 175
 Сицилий обеих королевство 123
 Сицилия 31, 96, 100, 105, 173, 175, 176
 Скалабия 309
 Сканделион 201
 Скандинавия 88, 317, 326
 Скандинавские страны 18, 56, 136, 224
 Сканёр 139
 Скара 315
 Складония 55
 Сконе 130, 139, 145, 223, 316
 Слейс 274, 275
 Словакия 106, 139
 Смоленск 129, 225
 Сольна *см.* Нормальм (Сольна)
 Сомма 85
 Сомпорт 185
 Сона 92
 Сория 236
- София (Сердика) 89
 Спаррсетер 317
 Сплит 96
 Споряды 298
 Средиземное море 86, 95, 99
 Средиземноморье (Средиземноморский регион) 99, 192
 Восточное 104, 298
 Западное 39
 Стаден (Хольмия) 315, 317
 Стамбул *см.* Константинополь (Стамбул)
 Стокгольм 23, 221, 313–326
 Страсбург 85, 103, 111, 112
 Страупе *см.* Рооп (Страупе)
 Стренгнес 314
 Стэнфорд 194
 Суассон 60
 Суассонский диоцез 60
 Сутри 171
 Сьюодад-Реаль 163, 165
- Тага 308, 309
 Талавера 163, 165, 237, 240
 Таллин *см.* Ревель (Колывань, Таллин)
 Тар 282
 Тарту *см.* Дерпт (Тарту, Юрьев)
 Тахо 92, 106, 233, 234
 Тежу 305, 308
 Телье *см.* Сёдертелье (Телье)
 Темза 85, 90, 92
 Тергест *см.* Триест (Тергест)
 Террачина 174
 Тибр 172
 Тиволи 172
 Тир 192, 201, 204–206
 Тирренское море 203
 Тоди 174
 Толедо 160, 163–165, 232, 235, 236, 244
 Тонтон 279
 Торн (Торунь) 106, 225, 228
 Торгоза 201
 Торунь *см.* Торн (Торунь)
 Тоскана 79, 80, 81, 169, 172, 173, 177
 Тосканское герцогство 49
 Трев 57
 Тревизо 177
 Тревизская марка 177
 Триест (Тергест) 89
 Триполи 201, 204
 Трир 67, 84, 105
 Труа 92, 250, 257, 265, 266, 271
 Трусо 228
 Тудела 235, 301, 303, 304
 Тулуза 264, 271
 Тунис *см.* Махдия (Тунис)
 Тур 190, 247, 248, 250, 251, 254–256, 260, 261, 263, 267, 271

- Тури 270
Турку *см.* Або (Турку)
Турне 263, 264, 271
Тюрингия 126, 143, 157
- Ульм 119, 151–154, 158
Уотерфорд 283, 286, 287, 290
Упланд 313–316
Уппсала 221, 315, 317
Упсалаэд 315
Утрехт 85, 104, 138
Утрехтский диоцез 57
Уэксфорд 282, 283
Уэльс 277, 280
Уэска 235
- Фалез 21**
Фальстербю 139
Фамагуста 201–204, 207, 208, 210–214
Фенно-Скандия 230
Феррара 89, 168, 295
Фессалоники 202
Фивы 202
Филиполь *см.* Пловдив (Филиполь)
Финляндия 217, 221, 223–225, 227–229
Финский залив 223, 224, 230, 231
Фландрия 12, 22, 74, 101, 105, 108, 109, 131, 134–137, 139–141, 169, 252, 274, 281, 303, 307, 319
Флинт Касл 278
Флоренция 48, 71, 79–83, 104, 105, 292, 299
Фогельзанг 220
Франкенхаузен 92
Франкония 155, 157
Франкское государство 314
Франкфурт 42, 111
Франкфурт-на-Майне 66, 71, 72, 76, 151, 155
Франция 9, 11–22, 25–29, 32, 33, 35, 47, 52, 56, 57, 71, 72, 74, 92, 99, 101, 104–109, 111, 113, 115, 117, 163, 188, 216, 235, 246–250, 252, 254–257, 259, 262–268, 270, 272, 274–277, 279, 285, 288, 319
Западная 13, 139
Северная 13, 47, 193
Северо-Восточная 57–58
Центральная 314
Южная 48
Французское королевство 101, 301
Фрейбург 118
Фриул 30, 35
Фуэнтеррабия 163
- Хазария 303
Хайт-хабю *см.* Шлезвиг (Хайт-хабю, Хедебю)
Хака 185
- Халле *см.* Галле (Халле)
Хазн 90, 234, 235
Хедебю *см.* Шлезвиг (Хайт-хабю, Хедебю)
Хейзден 54
Хелмино *см.* Кульм (Хелмино)
Хельгеандскольмен 317, 322
Хельгё 314
Хельсингборг 139
Хильдесхейм 92
Хиос 201–203, 207, 208, 213
Хольмия *см.* Стаден (Хольмия)
Христубург 220
- Цволле *см.* Зволле (Цволле)**
Цезария *см.* Александрия (Цезария)
Цесис *см.* Венден (Цесис)
Цюрих 68, 71
- Чёпинг *см.* Лаглёсачёпинг (Чёпинг)**
Черное море 89
Чехия 51, 91, 103, 106, 107, 193, 216, 227
Чивита Кастеллана 174
- Шалон 263, 271**
Шалон-на-Марне 250
Шампань 60, 61, 86, 106, 109, 252, 262, 301
Шартр 250, 271
Шатоде́н 251
Швабия 151, 157, 158, 193
Швебиш-Гмюнд 152
Швебиш-Халль 152
Швейнфурт 152
Швейцария, Швейцарская конфедерация 105, 152, 252
Шверин 57
Швеция, Шведское государство 9, 11, 14, 26–28, 30, 31, 33, 35, 103, 127, 129, 139, 217, 221, 223–225, 230, 313–317, 319–321, 324–326
Швиц 68, 314
Шербур 264
Шлезвиг (Хедебю, Хайт-хабю) 219–221, 314
Шотландия 30, 31, 35, 268, 274, 277
Шпейер (Шпайер) 10, 75, 77, 111, 152
Штаде 126
Штекиц 92
Штеттин 86
Штральзунд (Штралов) 118, 140, 144, 220, 227
- Эвбея 201
Эгеида 201, 208, 298
Эгер 42, 157
Эдинбург 86
Эзель 220
Эзельское епископство 217

Эйдер 314
Экерен 105
Эланд 314
Элефсис 104
Эллада 89
Эльба (Лаба) 90, 92, 132, 143, 221
Эльбинг (Эльблонг) 129, 140, 220, 225, 228
Эльдон 227
Эльзас 75, 152
Эмилия 170
Энчэпинг 314
Эпидавра *см.* Дубровник (Эпидавра)
Эрфурт 57, 92, 111
Эскалона 159
Эслинген 152, 153
Эссекс 279
Эстелья 185, 186, 189
Эстония 221
 Северная 132, 217
Эстонское герцогство 223
Эстремадура 160, 162, 235–238, 240
Этамп 197
Эхинген 154

Юберлинген 152
Юрьев *см.* Дерпт (Тарту, Юрьев)
Югландия 314

Яффа 204

Balticum mare *см.* Балтийское море (Balticum mare)
Berko *см.* Березовый (Березовый, Бьёрке, Berko, Bjorko, , Koivisto)
Bjorko *см.* Березовый (Бьёркё, Berko, Bjorko, Koivisto)

Koivisto *см.* Березовый (Бьёркё, Berko, Bjorko, Koivisto)

Lombardia *см.* Ломбардия (Lombardia)
Luxeбона *см.* Лиссабон (Luxeбона, Olisippo)

Marchia *см.* Анконская марка (Марка, Marchia)

Olisippo *см.* Лиссабон (Luxeбона, Olisippo)

Regnum Italie *см.* Итальянское королевство (Regnum Italie)
Roma *см.* Рим (Roma)
Romagna, *см.* Романья (Romagna, Romaniola)
Romaniola *см.* Романья (Romagna, Romaniola)

Viborg *см.* Выборг (“Виборг”, Viborg)

О НАШИХ АВТОРАХ

Антонов Владислав Алексеевич, к.и.н., Институт всеобщей истории Российской Академии наук (далее – ИВИ РАН), Москва

Бабаев Дмитрий Евгеньевич, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Балакин Василий Дмитриевич, к.и.н., доцент, Московский педагогический университет

Барбанов Олег Николаевич, к.и.н., Москва

Бергер Елена Евгеньевна, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Близнюк Светлана Владимировна, к.и.н., доцент, Московский государственный университет

Богодарова Наталья Александровна, к.и.н., доцент, Калужский педагогический институт

Бойцов Михаил Анатольевич, к.и.н., доцент, Московский государственный университет

Брагина Лидия Михайловна, д.и.н., профессор, Московский государственный университет

Варьяш Ирина Игоревна, к.и.н., Московский государственный университет

Варьяш Ольга Игоревна, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Ведюшкин Владимир Александрович, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Воскобойников Олег Сергеевич, Московский государственный университет

Горелов Максим Михайлович, ИВИ РАН, Москва

Гуревич Аарон Яковлевич, д.и.н., профессор, ИВИ РАН, Москва

Гусарова Татьяна Павловна, к.и.н., доцент, Московский государственный университет

Гутнова Евгения Владимировна (1914–1992), д.и.н., профессор, ИВИ РАН, МГУ

Девятайкина Нина Ивановна, д.и.н., профессор, Саратовский государственный университет

Зарецкий Юрий Петрович, к.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет

Золотов Владимир Иванович, д.и.н., профессор, Брянский педагогический институт

- Йордан Белла*, Дания, Копенгаген
- Казбекова Елена Валерьевна*, ИВИ РАН, Москва
- Карпов Сергей Павлович*, д.и.н., профессор, Московский государственный университет
- Краснова Ирина Александровна*, д.и.н., Ставропольский государственный университет, Ставрополь
- Крылова Юлия Петровна*, ИВИ РАН, Москва
- Левинсон Кирилл Алексеевич*, к.и.н., ИВИ РАН, Москва
- Майорова Наталья Олеговна*, к.и.н., Калужский педагогический институт
- Мананчикова Нелли Петровна*, к.и.н., доцент, Воронежский государственный университет
- Масиель Санчес Лев Карлосович*, Московский государственный университет
- Матузова Вера Ивановна*, к.и.н., ИВИ РАН, Москва
- Мельников Георгий Павлович*, к.и.н., Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва
- Мосолкина Татьяна Валентиновна*, д.и.н., профессор, Саратовский государственный университет
- Негуляева Татьяна Михайловна*, к.и.н., доцент, Саратовский государственный университет
- Немилов Александр Николаевич*, д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский университет
- Никулина Тамара Сергеевна*, к.и.н., доцент, Самарский государственный университет
- Подаляк Наталья Гордеевна*, к.и.н., доцент, Киевский институт культуры
- Райцес Владимир Ильич* (1928–1995), к.и.н., Ленинградский педагогический институт им. Герцена
- Репина Лорина Петровна*, д.и.н., ИВИ РАН, Москва
- Реутин Михаил Юрьевич*, к.и.н., Российский государственный гуманитарный университет, Москва
- Ролова Александра Давыдовна*, д.и.н., профессор, ФРГ, Ахен
- Ронин Владимир Карлович*, к.и.н., Бельгия, Антверпен
- Россер Джервас*, PhD, Англия, Оксфорд
- Сванидзе Аделаида Анатольевна*, д.и.н., профессор, ИВИ РАН, Москва
- Селунская Надежда Андреевна*, к.и.н., ИВИ РАН, Москва
- Солодкова Людмила Ивановна*, к.и.н., доцент, Саратовский государственный университет
- Стукалова Татьяна Юрьевна*, к.и.н., Государственный исторический музей, Москва
- Талызина Анна Аркадьевна*, к.и.н., Московский государственный университет
- Тогоева Ольга Игоревна*, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Тушина Галина Максимовна, к.и.н., Новотроицк

Тушина Елена Александровна, Москва

Уваров Павел Юрьевич, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Усков Николай Феликсович, к.и.н., Московский государственный университет

Федосов Дмитрий Геннадьевич, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Феркерк К. профессор, Нидерланды, Амстердам

Харитонович Дмитрий Эдуардович, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Хачатурян Нина Александровна, д.и.н., профессор, Московский государственный университет

Цатурова Сусанна Карленовна, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Ченцова Вера Георгиевна, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Червонов Сергей Дмитриевич (1956–1988), к.и.н., Московский государственный университет

Чернова Лариса Николаевна, к.и.н., доцент, Саратовский государственный университет

Черных Александр Петрович, к.и.н., ИВИ РАН, Москва

Шевеленко Анатолий Яковлевич (1925–1999), к.и.н., редакция журнала “Вопросы истории”, Москва

Юсим Марк Аркадьевич, д.и.н., ИВИ РАН, Москва

Ястребицкая Алла Львовна, д.и.н., Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва

THE TOWN IN THE MEDIEVAL CIVILIZATION OF WESTERN EUROPE

Edited by A.A. Svanidze

Summary

This four-volume work was conceived by the staff of the Centre for Medieval West European Studies at the Institute of General History, Russian Academy of Sciences. It is the first collection of its kind in Russian historiography, and in some respects it is unparalleled in medieval scholarship at large.

We did not intend to offer a consecutive and ideally balanced survey of "standard" urban subjects. Nor did we pursue the impossible quest of solving all the neglected or controversial issues of medieval urban history, which cannot be done in any single work, however voluminous, even if based on the entire corpus of relevant research worldwide. In fact, our goal was much more modest. Making use of the latest achievements in the field, we strove to define the medieval West European town as a historical phenomenon, an organic part and dynamic factor of the age, a vital source in the emergence and development of the medieval social system and European civilization as a whole and, lastly, as a significant step in the process of urbanization. Our task was to present a complex view of the medieval town in its various forms, but mainly as a fundamental pillar of medieval society.

It is an axiom for historians of Antiquity and the Modern period that the town is an organic part and a formative element of society. With the Middle Ages the matter is somewhat different. The legacy of schools which held that the town was essentially alien to medieval feudalism is still strong. Towns were too often regarded either as miraculously preserved fragments of antiquity, or as "guests from the future", struggling amidst the hostile rural environment of the feudal age.

The towns of Western Europe are a world apart. Feudalism and urban settlements existed in many Eurasian regions, but the small "nook" of Europe has given birth to a civilization capable of dynamic development in itself, almost without external impulses. The debate still goes on whether such a development was possible elsewhere, but in any case it never occurred prior to close contacts with Europeans. In Europe it was that the medieval town, having evolved in a specific way, distinct from other parts of the world, proved a great success as a unique social structure. It became a major dynamic factor in the incredible evolution of Western Europe, a cornerstone of constitutionalism, civil order and statehood, and thus played a crucial role in post-medieval times. For these reasons the contributors have focused on the heyday of the medieval town (12th–15th centuries), when its aspects were fully revealed. The dynamism of European civilization and the rise of towns could be a mere coincidence in time and space, but we have tried to trace the links between the two. In other words, the town was of interest to us both as an entity and as a formative element of the medieval civilization. At the turn of the millennium we have made an attempt to reconsider the familiar set of urbanist themes and traditional approaches, often taking a fresh look and giving emphasis to system-forming features of the medieval town.

There were no previous endeavours on such a scale in Russian or Soviet history-writing. Even taking the world at large, comparable works (whose necessity is being realized in many countries) are mostly confined to the national level. Some studies enti-

tled "History of Medieval Towns" are actually based on local evidence, with occasional references to other regions here and there. By contrast, our principle was to reflect the most typical aspects of medieval urbanism as well as "exceptional" cases of municipal development borrowed from all over Europe.

This is a general effort of a special kind. It is monographic, having a sound scientific basis, a common rhythm and purpose. Although we tried to avoid a narrowly monographic style and excessive details, and our work is mostly one of broad generalization, it also traces a multitude of concrete developments and specific features. We were assisted by modern approaches of microhistory, which revise the problem of the typical and the unique. The uniqueness of every town is seen not as an annoying obstacle to generalization, but as an essential characteristic of medieval urbanism. Every volume contains an important section on urban "portraits" The search for theoretical answers did not hinder the authors from the task of uniting the knowledge of "objective" realities (i.e. technology of crafts, methods of fortification, types of settlement etc.) and the analysis of the inner world of the townsfolk and their notions. Historical anthropology requires that we try to see things from their point of view.

Naturally, our collection does represent the basic and "classical" themes of urban studies: regional types of urban development, crafts, trade and other occupations, social demography, topography, history of institutions, corporations and other communities, relations between estates and groups, forms and instruments of authority, interaction with the power of the crown and external structures and so on. The material is arranged in a variety of ways. General surveys are interspersed with studies of concrete problems or cases of particular countries, towns, events, social groups, individuals and their contacts etc. The work is founded on the entire experience and achievements of medieval scholarship. Some articles were written by noted experts from abroad, but most were contributed by Russian medievalists.

In each of the four volumes the subject is seen from a different angle. In the first part the town's principal traits and qualities are defined, including typological peculiarities of various regions of Western Europe. In the other volumes the opening sections are supplemented, deepened and concretized, so that historical essays on particular cases are prevalent. Every article is supplied with a short selected bibliography, which is not intended for experts on the matter, but for wider readers.

Volume I, "The Phenomenon of Medieval Urbanism" (Ed. by A.A. Svanidze, Moscow, 1999), describes the medieval town as a specific settlement with its own landscape, population, interests and organization of life. The introductory chapter deals with the significant problem of medieval urbanism and its treatment in historiography as well as the genesis of medieval towns. It gives the general characteristics of the town as a part of medieval civilization and its typology, a concise survey of West European urban history in the Middle Ages, and traces the role of towns in the making of Western mentality. One of the new ideas is that the town is regarded as a crucial factor in shifting the axis of European development and typological divide from South-North to West-East at the start of the second millennium.

For the first time in Russian medieval studies the concise and capacious essays form a broad panorama of urban life, tracing the emergence and evolution of towns in different parts of Western Europe and clarifying their regional and national typology. The town as a special kind of settlement had its own external appearance, topography and demographic features. These issues are addressed separately. A new step is our analysis of "non-burgher" groups in towns such as the indwellers of monasteries and castles. The "castle and town" problem is solved in two ways: by describing the role of urban castles (i.e. castles situated in towns or suburbs), and by following the process of urbanization within the castle as a special type of settlement of political and strategic significance.

Medieval people, just like us, could easily tell a town from a "non-town". But abundant regional material collected by historians brings out great differences even between the towns of the same region, let alone the distance between, say, the Baltic and the Mediterranean. This has to do with all sides of municipal life: status, legal communal rights, measure of self-government, citizenship, functions, social conditions and structure, prevalence of guilds or free crafts etc. The variety and mixture of medieval terms used to define urban institutions and categories of townfolk also betray a fluidity and vagueness of forms, often undistinguished in either popular imagination or juridical thought. The Pyrenean town with its typically monetary economy, the Italian city with its vigorous commercial and industrial activities, which never ceased even in the "Dark Ages", and small castle-towns with their emphatic military functions and virtual absence of craft and trade is only one contrasting example.

What was it then that made the town? Only consideration of all aspects of this phenomenon enables us to reveal some common features, which is precisely the purpose of our work. There are significant points such as topography, outward appearance as well as demographic data. Urban landscape is created by man, but one should not think that walls, multistorey houses, market squares or division by blocks are exclusively urban traits. Towns made use of the same elements as other types of settlement. It is not any of these features alone, but a blend of most of them, that determines the town. Similarly, it is difficult to single out a principal demographic criterion. A small town could often be less populous than a large village while the "typically urban" family structure is still an open question. Urban population is defined not by the presence of groups like merchants, craftsmen etc., but by its heterogeneity, which stimulated the development of most urban functions, including crafts and commerce. A special section of Volume I is devoted to ethnic and confessional minority groups, which formed an important part of urban population and played a major role in cultural and social influences of the period.

Volume II, "Urban Life and Activities of the Townsfolk" (Ed. by P.Yu. Uvarov, Moscow, 1999), aims to cover the variety and features of urban occupations. Precedence here is given to trade, mainly because trade is social metabolism; both then and now trade was and is regarded as the most important activity of the townspeople, which shaped the urban character of a settlement and its image. Secondly, for a number of reasons Russian scholarship until recently did not attempt a complex study of medieval European trade, unlike the crafts. We tried to give a general picture of this phenomenon, to define the principal trading zones, to classify the forms of trading corporations and categories of professional merchants, to consider their social psychology and status as well as the material side of their activities (discovery of new communications, use of commercial documentation and credit, investment of merchant capital into other spheres, as landholding, usury, crafts, mining etc.). In most cases trade served as the main impulse which transformed a rural settlement into a town. Another problem of great interest is the emergence of merchant self-consciousness which formed the foundation of the burghers' identity. Sometimes the privileged estate played a major part in the making of the merchant class. The medieval merchant, as no one else, was the innovator in time and space, at home and abroad, in information, technology, credit, commerce and social links.

The craftsman's image was traditionally shrouded in mystery; medieval skills were pervaded with magic and perceived as sacred texts, which should not hinder us from reconstructing medieval technologies. We have largely done away with some myths about oppressive corporate regulation of the crafts, or "guild revolutions" as an inevitable stage in the development of municipal institutions. The relationship between master craftsmen and their subordinates and apprentices is shown to have been complicated. The new approach stresses not just the industrial, but also the social functions of the guilds, which should be placed alongside other urban communities.

Not all of the rich historical evidence easily lends itself to wider concepts, but some subjects can be treated at different levels. Medieval learning is regarded in our work as a sum of knowledge and achievement, but also as a certain mental attitude to the outside world which constituted a new social class of intellectuals. Significantly, a modern intellectual is not only doing his mental work, but also owes his respectable social standing to it. He is given an official certificate of his abilities and rights allowing him to work with relative freedom. These features determine a specifically European type of intellectual activity, and its roots are to be found in medieval towns.

Volume III is entitled "The People Within Town Walls" (Ed. by P.Yu. Uvarov, Moscow, 2000). It deals with the factors which upheld and reinforced social stability in towns, ensuring a measure of unity among the estates, and more or less autonomous existence. As a whole, these issues have been insufficiently studied by medievalists. Apart from specific forms of activity, the urban phenomenon established a unique political and social system, at once very complex and flexible. This "invention" was no less historically significant than novel technologies or economic monetarism. For all the variety of urban social structures, the common principle was that social strata stood out not just according to their possessions, but also their access to municipal authority. The study of the patriciate as the most substantial urban element is possible only with regard to different forms of power in towns. Fully competent burghers (like the Florentine *popolani*) were constituted insofar as they took part in political structures. They formed the "heart" of the medieval town and were the embodiment of burghers' mentality. Many of the townfolk did not enjoy full rights, being deprived of real estate, exploited and reduced to poverty. But on the one hand they were still offered some protection by the urban community, and on the other they could have a decisive word in the balance of local power. This mass included a group of outcasts (beggars, refugees, thieves, prostitutes etc.), largely neglected by our history experts. These, of course, were not confined to towns, but the urban community did not necessarily regard them as a deadly threat, and faced the problem by trying to keep it under control.

The variety of urban social systems was further complicated by ethnic and confessional minorities. As a rule they carried important economic functions, but also served as a source of internal tension, which had to be kept in check by municipal administration. Conflicts of all kinds always raged within town walls. They were not, however, mere violations of law and order, but an evolutionary form of the urban system. The fight for local power never ceased, and townspeople were particularly fond of litigation. Despite traditional beliefs, the existence of "horizontal" strata, especially the patriciate, also implied a "vertical" division into clans, political "parties" etc. These often participated in nationwide struggles of feudal cliques and influenced the pattern of urban settlement. The towns were not normally divided into "rich" and "poor" quarters since the residences of clan chiefs were surrounded by the houses of their subordinates and clients. Concentration of people in towns inevitably increased the danger of violence. Blood feuds often preserved such social forms as the Italian *consorteria*. Besides, the town was shared by various spiritual communities vying for influence, particularly mendicant orders.

But for all their scale and bitterness conflicts could not destroy the integrity of urban system. The town has invented sophisticated means to maintain balance. Most townspeople were included into a network of social ties and identified themselves with various communities (clans, fraternities, parishes, corporations, quarters etc.). They developed flexible forms of social intercourse, taking part in municipal assemblies and military organizations or joining for banquets and pastimes. More attention is paid by the authors to social consciousness of medieval townfolk. Patron saints served as symbols and protectors of urban, corporate or clannish unity and were often venerated as principal citizens. The urban body social manifested itself in solemn processions and

feasts. Some contributions to this volume deal with methods of social control and protection, which was another of the town's novelties.

Volume IV, "*Extra Muros: Towns, Society and the State*" (Ed. by O.I. Varyash, Moscow, 2000), concentrates on the role of towns in society, the relations between burghers and other strata as well as their place in medieval structures and crucial political events of the age. A special section, called "The Town and the State", emphasizes the interaction of towns and burghers with feudal monarchy, along with their part in representative bodies (parliaments, *cortes*, *etats généraux*, *riksdag* etc.).

During the centuries of its existence the medieval town provoked contradictory judgements from contemporaries, but all these had to do with its appreciation as something special and distinct from the rural world. We have already mentioned the historical debate whether the town should be regarded as a natural part of medieval society or as a radically different model of social organization and forerunner of the new age. The answer largely depends on the study of forms and ways in which the town was incorporated into the world around it, its relationship with power structures, similar and dissimilar communities. All this is the subject of our final volume.

The relationship between the town and the state is a blend of conflicting interests, traditions and opportunities. At present one should reconsider the old notion of a "town-crown" alliance against the separatism of feudal aristocracy. The analysis of evidence from different countries demonstrates that the political game was extremely complicated and changeful, and in each case was influenced by local views on municipal prerogatives and sovereignty. Initially the towns were not always in favour of strong royal power and centralization. Apart from classic Italian, German and Netherlands examples, the same is true of Spain, Portugal and parts of France and Scandinavia. This depended on the geopolitical situation, proximity of a given town to political centres, and strong traditions of kingship. But another trend, though not a universal one, can also be traced: the prevalence of non-economic functions in a town brings about early emergence of the sense of urban community as a whole, including non-burgher strata. Thus Pyrenean towns, having played a huge role in *Reconquista* and being accessible to feudal penetration, made an early appearance on the political stage despite their modest economic success. It was one of the reasons why the towns insisted on taking part in political developments, supported by traditional medieval values and local laws which fixed their autonomy and privileges. Consequently in the 13th and 14th centuries the towns often joined forces with knighthood and feudal aristocracy striving for control over the crown.

Town leagues can be regarded in different ways. There were dissimilar reasons for the foundation of the Hanse, the English Cinque Ports, the Lombardic League or the Spanish *hermandadas*. Economic level, political situation, environment and aims of these unions were also radically different, as were the relations within them. However, the leagues reflect the forms which took shape in other strata of medieval society, and intermunicipal ties were transformed but very gradually.

From its very emergence the town strove to determine its place in society and to fix it. Even the outward side of these attempts to identify itself is typically medieval and akin to privileged social classes, to which the town was largely opposed, i.e. the form of town walls, municipal heraldry or the desire to secure its status as a corporation. Many medievalists and legal historians still prefer to speak of territorial, not municipal laws, stressing the persistence of common regulations for both urban and rural communities. A peculiar transformation of common and royal laws as used in towns led to substantial changes in juridical theory and practice at a later period (14th–15th centuries). This "genetic" unity with the surrounding world resulted in the fact that the town gradually assumed many functions formerly performed by other structures. Eventually the towns became administrative centres of provinces and regions as well as residences of crown officials and courts.

The town's place of honour in medieval society ensured its participation in virtually all social and political developments of the age. Such landmarks of Western history as the Crusades, the struggle for investiture or *Reconquista* would have been inconceivable without the towns' contribution. In some cases they managed to gain a lot, but in others they served as a target for warring factions.

Not surprisingly, the medieval town both allured and intimidated contemporaries by its novelties: religious forms often bordering on heresy, new types of social intercourse and esthetic tastes. But from the outset of the Middle Ages, even when the town's economic and demographic standing was modest, *Civitas* still remained an ideal of Christian community, a symbol of order and justice. The town's significance in Western medieval culture ensured its influence on the West European civilization as a whole. Contributors to the present work believe that the European town's individuality was a crucial factor which shaped the unique course of European development. Naturally, our project does not exhaust all the possible themes and aspects of urban history in the medieval West. But we hope that it is an important step in urban studies, which sums up the achievements in this "eternal" sphere of medieval scholarship and opens some new pages, inviting discussions on new issues and stimulating further research.

The editors would like to express their gratitude to the Russian Fund for Humanitarian Sciences whose generous financial support made our work possible, and to the management of the Institute of General History, Russian Academy of Sciences, for their invaluable scholarly and organizational help with this series.

Translated by Dmitry Fedosov

THE TOWN IN THE MEDIEVAL CIVILIZATION OF WESTERN EUROPE

CONTENTS

VOLUME I. THE PHENOMENON OF MEDIEVAL URBANISM

Aims and Features of This Edition

Medieval Towns of Western Europe: Some General Problems (*A.A. Svanidze*)

The Subject of Study

Sources and the Process of Formation of Medieval West European Towns

Towns Within the Medieval Social System

Stages of Medieval Urbanism

Regional and National Features of West European Urban History in the Middle Ages

The Medieval City in Italy (*L.M. Braguina*)

The Towns of Medieval France (*P.Yu. Uvarov*)

German Towns Until Late 15th Century (*M.A. Boicov*)

The English Medieval Town (*L.P. Repina*)

The Medieval Towns of Northern Netherlands (*K.L. Verkerk, transl. by D.G. Fedosov*)

Pyrenean Towns in the Middle Ages (*O.I. Varyash*)

The Medieval Towns of Northern Europe (*A.A. Svanidze*)

The Image and Structure of the Medieval Town

The Town and the Landscape (*T.P. Gusarova*)

The Towns of the Mediterranean

Transalpine Towns

The Urban Nucleus: Castle, Cathedral, Market

Fortifications

Urban Topography

Urban Housing

The Image of the Town in German Humanist Culture, 15th-16th Centuries
(*A.N. Nemilov*)

Medieval Urban Demography

Urban Population (*L.P. Repina*)

The Town and Its Areas

Dynamics of Urban Population Growth

Social and Professional Categories

Reproduction. Sexes and Ages

"The Black Death" and the Demographic Crisis, 14th-15th Centuries

Urban Immigration and Ethnic Groups

Women in Medieval Towns

Marriage and Family in Florence, 14th-15th Centuries (*I.A. Krasnova*)

Ethnic and Confessional Minorities in Towns

The *Mudéjar* in Spanish Towns (*I.I. Varyash*)

The Jews in Medieval Towns of Western Europe (*M.A. Yussim*)

Italians Abroad

The Italians in French Towns (*P.Yu. Uvarov*)

The Italians in Pyrenean Towns (*O.I. Varyash*)

Slavic Minorities in German Towns, 13th-15th Centuries: Status and Self-Consciousness (*V.K. Ronin*)

The Germans in Czech Towns, 13th-15th Centuries (*G.P. Melnikova*)

The Castle and the Town

The Lord's Castle and the Town (*S.K. Tsaturova*)

The Castle's Role in the Emergence of Towns

Topography of Urban Castles

The Castle from Within: Appearance and Inhabitants

The Castle in Urban Life

The Castle and the Town: Cultural Influences

Castrum and Urbanization in Italy (*N.A. Selunskaya*)

Castrum as a Peculiar Settlement

Castrum as a Town

Town Monasteries (*N.F. Uskov*)

The Town in Monastic Theology

Old Monasticism in Towns

The Monastic Town

Mendicant Orders in Towns

Political Organization of Medieval Towns (*N.A. Khachaturian*)

Communal Movement and the "Free Town" Phenomenon

Nature and Forms of Urban Liberation Movement

Particular Features. Analogies with *Pax Dei* Movement

Results of Urban Liberation

Municipal Law and Roots of West European "Legal Society"

Political and Social Reality of Urban Autonomy

Feudal Lords in Towns. War and Compromise between "Towers" and "Banks"

Democracy to Tyranny

The Medieval Town and the State

These Varied Towns

London: Capital and Megapolis (*L.P. Repina*)

The Fortunes of Limoges (*P.Yu. Uvarov*)

Rome and the Roman Province (*N.A. Selunskaya*)

Königsberg: City-Fortress of the Teutonic Order, 13th-14th Centuries (*V.I. Matuzova*)

The Urban Landscape of Famagusta, 13th-14th Centuries (*S.V. Blizniuk*)

Berlin: "A Midding Town" (*V.D. Balakin*)

Oviedo: The Town of Pilgrims (*O.I. Varyash*)

Copenhagen: The Fate of the "Merchant Harbor" (*A.A. Svanidze*)

Index of Places

Foreword

Homo Vendens

Trade and Merchants: Contours of "Social Metabolism" in Medieval Western Europe
(*A.A. Svanidze*)

Trade and Merchant Organization

Trade and Business: Bookkeeping and Correspondence (*A.D. Rolova*)

Weights and Measures (*M.A. Boicov*)

Fairs (*A.A. Svanidze*)

Trading Companies (*A.A. Svanidze*)

The Medieval Merchant (*A.Ya. Gurevich*)

"Businessmen": Circle of Relations, Destiny and Self-Consciousness

A German Merchant Family in Stockholm (*A.A. Svanidze*)

Merchants, "Seamen" and the Nobility in Venice (*A.A. Talyzina*)

The 14th-Century Merchant-Patrician and the Corporate Structure of Hanseatic
Lübeck (*T.S. Nikulina*)

The Florentine Businessman: Activities, Relations and Social Identity (*I.A. Krasnova*)

The World of Craft and Craftsmen

Crafts, Guilds and Myths (*D.E. Kharitonovich*)

Urban Craft Technology (*A.Ya. Shevelenko*)

Craft Guilds: Labour and Ethics

Craft Guilds and the Organization of Labour (*G. Rosser, transl. by V.A. Vediushkin*)

Crafts and Craftsmen in the Towns of Central Spain, Late 12th-Early 13th Centuries
(*S.D. Chervonov*)

Hired Labour and Labour Ethics in Swedish Craft Guilds: Statutory Principles
(*A.A. Svanidze*)

"When Brothers Drink Together..." Guild Holidays in Medieval Danish Craft
Statutes (*B. Jordan, transl. by the author*)

Intellectual and Spiritual Activities

Science and Technology

Monasticism in Urban Spiritual Life (*N.F. Uskov*)

Intellectuals and Intellectual Activities in Medieval Towns (*P.Yu. Uvarov*)

Science and Practice

Science and Technology in Medieval Towns (*A.Ya. Shevelenko*)

Doctors, Apothecaries and Barbers (*E.E. Berger*)

Townspeople and Land

Municipal Landholding (*E.V. Tushina*)

Realty Operations and Social Orientation of English Burgesses and Merchants,
1400–1450 (*V.I. Zolotov*)

The Outcasts

"The Lowest Social Strata": Poverty and the Poor (*A.L. Yastrebitskaya*)

In Hospitals and Leper Houses (*E.E. Berger*)

"Thief's Trade": A Portrait of a Medieval Criminal (*O.I. Togoyeva*)

These Varied Towns

- Freiberg: The Miners' Town (*V.D. Balakin*)
Stralsund: The Merchant Town (*V.D. Balakin*)
Bristol: Town, Port and Crafts Centre (*T.V. Mosolkina*)
Montpellier: The University Town (*E.A. Tushina*)

Index of Places

VOLUME III. THE PEOPLE WITHIN TOWN WALLS

Foreword

Authority, Hierarchy and Conflict in Medieval Towns

The Urban Community: Structure and Conflict (*P.Yu. Uvarov*)

Authority in the Towns

- Municipal Authority and Townsfolk As Reflected by Statutes, 12th-13th Centuries
(*G.M. Tushina*)
The Structure of Power in Dubrovnik: Commune to Republic, 14th-15th Centuries
(*N.P. Mananchikova*)
Electoral Principles in Florence, 14th-15th Centuries (*I.A. Krasnova*)
Craftsmen in the Councils of Wendic Hanse, 13th-15th Centuries (*N.G. Podaliak*)
Petrarch on Power and Political Life of Italian Cities (*N.I. Deviataykina*)
The Strategy of Preserving Power: "Democracy" in 15th-Century Towns
(*A.A. Svanidze*)

Collisions of Urban Life

Cologne's Struggle with the Archbishop and the Birth of Municipal Liberties
(*L.N. Solodkova*)

Popolani and *Grandi* in Florence (*I.A. Krasnova*)

Citizens of Lucca Facing a Choice: The Conflict of Ecclesiastical Communities
(*N.A. Selunskaya*)

"Cathedral Strife" in Rostock, 1487-1491 (*N.G. Podaliak*)

English Burgesses and the Church, 14th-15th Centuries (*T.V. Mosolkina*)

Supreme Officials of Genoese Caffa Facing Judgement and Libel (*S.P. Karpov*)

The Commune of Agen as Described by V.I. Raytses (*P.Yu. Uvarov*)

The Balance of Power

Social Unity and Social Control Within Town Walls (*P.Yu. Uvarov*)

Medieval Cathedrals (*N.A. Bogodarova*)

Armed Communities in 13th-Century Bologna (*D.E. Babayev*)

Fraternities and Social Interaction in English Medieval Towns (*G. Rosser, transl. by V.A. Vediushkin*)

Medieval Town Heraldry (*A.P. Chernykh*)

The Executioner in Late Medieval German Towns: Official, Craftsman and Surgeon
(*K.A. Levinson*)

Townspeople and the Law

Municipal Law and Law in Towns as a Factor of Unity (*O.I. Varyash*)

Formation of Legal Consciousness in German Towns, 12th-13th Centuries (*T.M. Neguliayeva*)

Bartolommeo Bosco and His Teacher Baldo degli Ubaldi: Italian City Lawyers in Late 14th and 15th Centuries (*O.N. Barabanov*)

Everyday Life in Towns and Urban Values

The Townsman and The Time (*D.E. Kharitonovich*)

The Townsman's Circle of Interests As Attested by Petrarch (*N.I. Deviataykina*)

Everyday Life in Bristol, 14th-15th Centuries (*T.V. Mosolkina*)

Everyday Life As Reflected in Parliament Rolls, 1400–1450 (*N.O. Mayorova*)

Florentine Identity:

In Humanist Works (*L.M. Braguina*)

In Autobiographies of the *Popolani* (*Yu.P. Zaretsky*)

Self-Consciousness of London's Merchant Elite, 14th-15th Centuries (*L.N. Chernova*)

Holidays and Shows in Towns

Games and Amusements of the Townsfolk (*Yu.P. Krylova*)

Comic Culture of German Towns (*M.Yu. Reutin*)

Medieval Spanish Feasts and Town Life (*I.I. Varyash, O.I. Varyash*)

Medieval Executions: Show and Court Ritual (*O.I. Togoyeva*)

These Varied Towns

The Voyage of Pero Tafur (*Ed. by L. Maciel Sánchez*)

Index of Places

VOLUME IV. *EXTRA MUROS*: TOWNS, SOCIETY AND THE STATE

Foreword

The Town and The State

The Town, Townspeople and Feudal Monarchy (*E.V. Gutnova*)

The Towns and Conventions of Estates (*E.V. Gutnova*)

Medieval City-States (*E.V. Kazbekova, M.A. Yussim*)

The University of Paris: European Universalism, Local Interests and Concept of Representation (*P.Yu. Uvarov*)

The Townspeople Meet Their Lord (*M.A. Boicon*)

Florentine Ideas of Freedom (*I.A. Krasnova*)

The Towns and Communication System

Communications In and Between Towns (*A.Ya. Shevelenko*)

Mones', Monetary Flows and Monetary Unions (*T.Yu. Stukalova*)

Town Leagues

The Lombardic League (*M.A. Yusim*)

The Hanse (*N.G. Podaliak*)

The Swabian League, 1376–1389 (*V.D. Balakin*)

Hermandadas (*V.A. Vediushkin*)

Towns and Social and Political Events

Italian Cities Between The Empire and The Papacy (*O.S. Voskoboynicov*)

Towns on *Camino de Francos* (*O.I. Varyash*)

The Towns and The Crusades

Towns and Townsmen in The Crusaders States of The East (*S.V. Blisniuk*)

The Towns and Baltic Crusades (*V.A. Antonov*)

From Crusaders' Castle to Town: Vyborg (*A.A. Svanidze*)

Reconquista and Pyrenean Towns (*O.I. Varyash*)

The Towns and The Hundred Years' War (*S.K. Tsaturova*)

English Towns and English Politics, 14th-15th Centuries (*T.V. Mosolkina*)

Norman and English Expansion in Ireland and The Towns (*M.M. Gorelov*)

These Varied Towns

Venice *La Serenissima* (*N.A. Selunskaya, S.K. Sergeyev*)

Constantinople Through Western Eyes (*V.G. Chentsova*)

The Conquest of Lisbon: Pyrenean City As Seen by a Contemporary (*O.I. Varyash*)

Stockholm: Burth of a Capital (*A.A. Svanidze*)

Paris (*P.Yu. Uvarov*)

Index of Places

About The Authors

Summary

ПРИ ПОДБОРЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Алпатов М. Этюды по истории западноевропейского искусства. М., 1963.

Мокрецова И.П., Романова В.Л. Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях: 1270–1300. М., 1984.

Geschichte der Stadt Magdeburg. В., 1975.

Deutsche Geschichte in zwölf Banden. В., 1983. Bd. 2.

Horst E. Friedrich der Staufer: Eine Biographie. Düsseldorf, 1977.

Moreno Fr.L. Toledo. León, 1969.

Pastoureau M. La Guerre de Cent Ans et le Redressement de la France. P., 1986.

Научное издание

ГОРОД
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Том 4

Extra muros
Город, общество,
государство

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *А.Л. Шелудченко*
Корректоры: *В.М. Ракитина, Н.И. Харламова*

**Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике**

ЛР № 020297 от 23.06.1997

**Подписано к печати 26.06.2000
Формат 60×90¹/₁₆ Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 22,5. Усл.кр.-отг. 23,0. Уч.-изд.л. 26,5
Тираж 1100 экз. Тип. зак. 3355**

**Издательство “Наука”
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12**

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА” ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГИ:

Жреческие коллегии в раннем Риме. 22 л.

В книге исследуются проблемы возникновения и развития в VIII–III вв. до н.э. римской государственной системы в рамках так называемого жреческого права. В ней сведен воедино и систематизирован огромный материал нарративных и археологических источников, показывающих, как происходил процесс отделения римского права от религии, *ius ot fas*, какую роль играло жречество в регулировании сакрального права, как распределялись сферы влияния жреческих коллегий на ту или иную сторону социальной и правовой жизни римского общества. В работе показана роль коллегии авгуров в формировании римского судебного процесса и системы права, роль понтификов в создании и развитии легисакционных исков, роль коллегии фециалов в формировании институтов международного права и т.д. Научные позиции авторов книги не всегда совпадают, поэтому читатель найдет здесь и скрытое обсуждение различных точек зрения.

Книга рассчитана на специалистов – историков, юристов и всех интересующихся римскими древностями.

Мирский М.Б. Хирургия от древности до современности. Очерки истории. 70 л.

Книга представляет собой первый в отечественной литературе обобщающий труд, посвященный истории хирургии как неотъемлемой составной части мировой науки, и позволяет с современных позиций представить многовековой (от древних цивилизаций и до конца XX в.) процесс развития этой важной отрасли медико-биологической науки и практики охраны здоровья. Материалы, приведенные в книге, позволяют более обоснованно, чем прежде, судить об истории хирургии, прежде всего, отечественной, о ее вкладе в мировую книгу, помогают осмыслить ее основные достижения, дают основания для прогноза развития хирургии в ближайшем будущем.

Для ученых и врачей, в особенности – хирургов, для студентов – медиков, биологов, историков науки, а также для всех, кто интересуется проблемами истории науки.

Сергей Леонидович Тихвинский. 10 л. (Сер. “Материалы к биобиблиогр. ученых”).

Очередной выпуск “Материалов к биобиблиографии ученых” посвящен одному из авторитетнейших историков и востоковедов современности, признанному главе отечественного китаеведения второй половины XX века, академику Сергею Леонидовичу Тихвинскому.

Выпуск включает основные даты жизни и деятельности С.Л. Тихвинского, краткий очерк его научной, дипломатической, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности, литературу о нем и его трудах, хронологический указатель трудов ученого, справочный аппарат издания.

Для ученых – специалистов и всех интересующихся историей науки.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга—почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45 ("Книга—почтой")
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51 ("Книга—почтой")
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пущино, Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443002 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18 ("Книга—почтой")
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. (095) 334-98-59*

ГОРОД
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Extra muros
Город, общество, государство

Город и государство

Город в системе коммуникаций

Союзы городов

Города в социальных
и политических событиях эпохи

Эти разные, разные,
разные города...